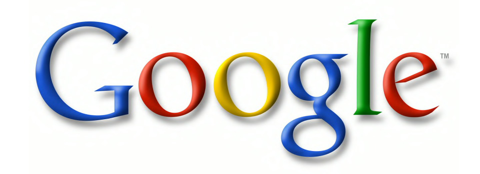
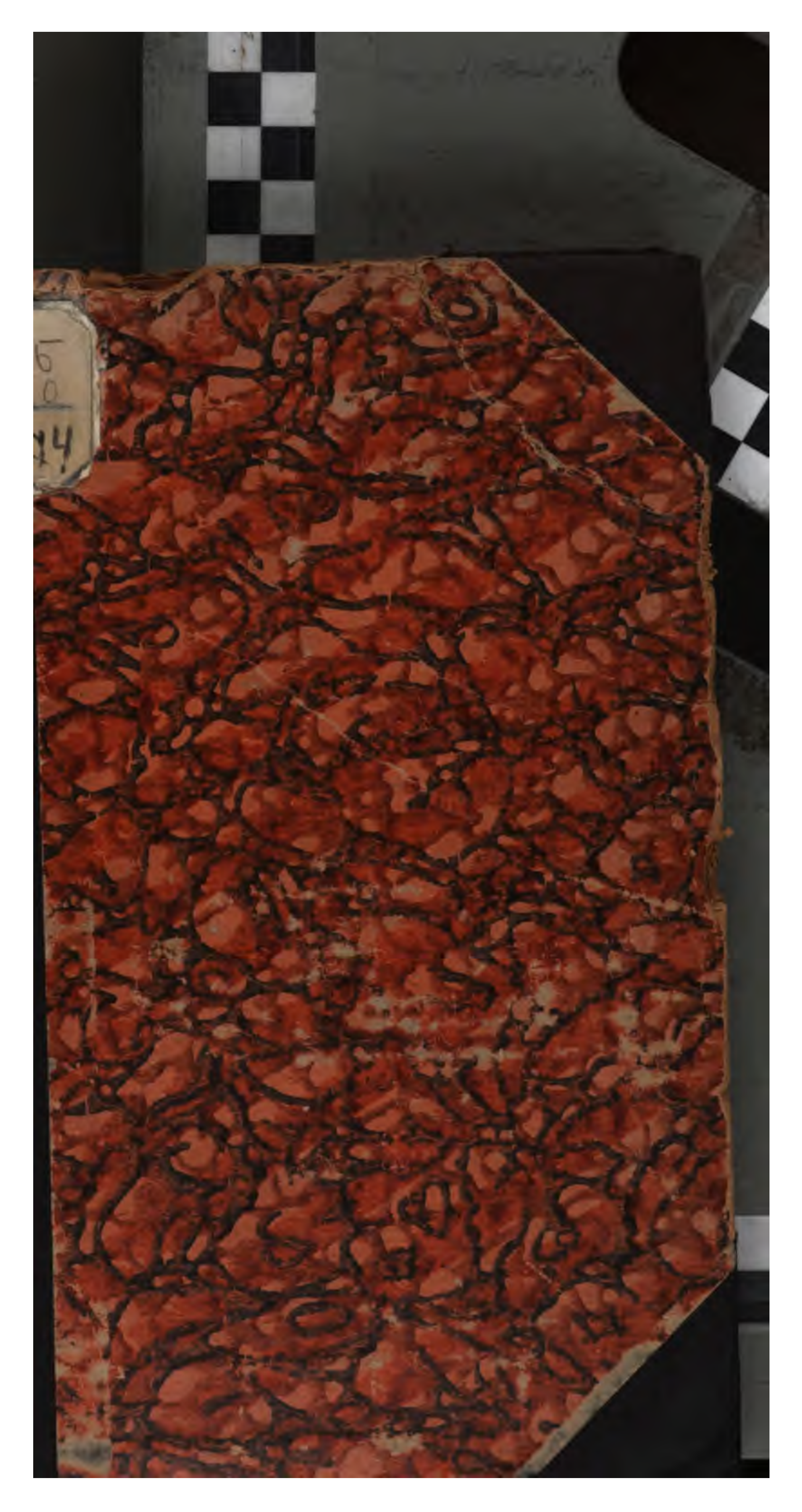
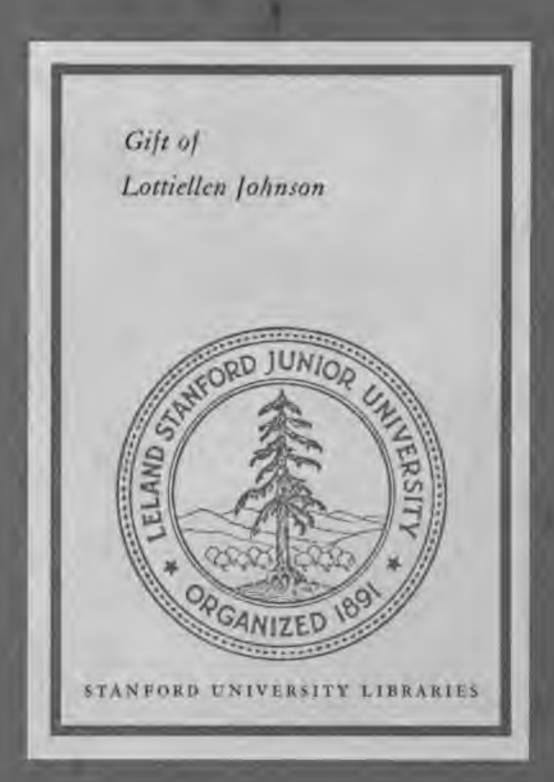





Gift of
Lottiellen Johnson
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES





№ 4. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 4

В. Богучарскій

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА

Съ портретами

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
[illegible]
[illegible]

Отъ книгоиздательства
М. В. ПИРОЖКОВА

Преимущественное вниманіе книгоиздательства обращено на широкую постановку историческаго отдѣла, для завѣдыванія которымъ нами приглашенъ М. К. Лемке.

Въ этотъ отдѣлъ входятъ всѣ области русской и всеобщей исторіи, какъ-то: собственно политическая, соціально-экономическая, культурная, общественная, исторія литературы и искусствъ и пр.

На приглашеніе завѣдующаго отдѣломъ предоставить книгоиздательству изданіе нѣкоторыхъ своихъ работъ уже выразили согласіе слѣдующія лица:

М. А. Антоновичъ, С. Ашевскій, П. Витязевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Богучарскій, В. П. Бузескулъ, Н. П. Василенко, М. В. Ватсонъ, С. А. Венгеровъ, Алексѣй Н. Веселовскій, В. В. Водовозовъ, М. О. Гершензонъ, А. Г. Горнфельдъ, И. М. Гревсъ, М. С. Грушевскій, А. К. Дживелеговъ, Діонео, П. А. Ефремовъ, И. П. Житецкій, Н. Н. Званскій, Н. И. Игнатовичъ, В. С. Иконниковъ, В. В. Каллашъ, В. Каренинъ, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, В. О. Ключевскій, П. А. Клюсскій, А. А. Корниловъ, Н. И. Коробка, Н. А. Котляревскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Лесевичъ, И. В. Лучицкій, П. Н. Лойковичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Е. С. Некрасова, П. И. Новгородцевъ, Л. Ѳ. Пантелѣевъ, Э. К. Пименова, В. К. Пискорскій, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рожковъ, М. И. Ростовцевъ, В. И. Семевскій, М. А. Славинскій, В. Н. Сторожевъ, Н. И. Стороженко, В. Д. Ульрихъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, М. К. Цебрикова, В. Е. Чешихинъ, П. Е. Щеголевъ и В. Е. Якушкинъ.

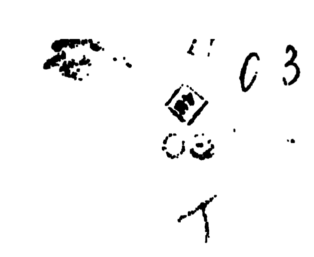
№ 4. Книгоиздательство М. В. ПИРОЖКОВА. Историческій отдѣлъ. № 4

В. Богучарскій

ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА

Съ 6 портретами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія „Герольдъ" (Вознесенскій пр. 3)
1904



ИЗЪ ПРОШЛАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА.



Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщаемыя въ настоящей книгѣ статьи уже были напечатаны въ разное время въ различныхъ изданіяхъ («Міръ Божій», «Научное Обозрѣніе», «Образованіе», сборникъ «Литературное дѣло» и др.). Однѣ изъ этихъ статей печатаются здѣсь почти безъ измѣненій, другія подвергнуты мною болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Всѣ онѣ касаются такихъ лицъ, событій и общественныхъ отношеній въ Россіи, которыя представляютъ огромный историческій интересъ, но свѣдѣнія о которыхъ въ нашей литературѣ еще очень далеки отъ того, чтобы считаться исчерпывающими. Въ этой области еще очень многое темно и неразработано, а еще болѣе такого, на которое, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не можетъ быть и въ настоящее время пролитъ полный свѣтъ. Все это даетъ мнѣ смѣлость думать, что и моя попытка освѣтить, конечно, только нѣкоторыя и притомъ весьма немногія стороны предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, явится для лицъ, интересующихся судьбами движенія русской общественной мысли, не совсѣмъ безполезной.

Болѣе полнымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей, нежели то, которое было сдѣлано мною въ прежде напечатанныхъ моихъ по этому поводу журнальныхъ статьяхъ, я обязанъ нашему выдающемуся историку, В. И. Семевскому, которому и приношу за это искреннюю признательность.

Такую же признательность приношу я П. А. Ефремову, любезно разрѣшившему воспользоваться для настоящаго изданія изъ своей богатѣйшей коллекціи нѣкоторыми портретами.

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Семейство Бестужевыхъ [1]).

Въ этомъ очеркѣ мы хотимъ сдѣлать попытку изобразить психическія и моральныя физіономіи пяти братьевъ Бестужевыхъ, столь извѣстныхъ, какъ своею общественною и литературною дѣятельностью, такъ и трагическою судьбою. Особенною литературною извѣстностью славилось имя Александра Бестужева, знаменитаго нѣкогда романиста и критика, писавшаго подъ псевдонимомъ Марлинскаго. За нимъ слѣдуетъ его братъ Николай, авторъ книги «Разсказы и повѣсти стараго моряка» и другихъ произведеній. Что касается Михаила Бестужева, то и его имя не обойдетъ никогда молчаніемъ, если не историкъ литературы въ узкомъ смыслѣ слова, то историкъ общественныхъ отношеній и общественныхъ движеній въ Россіи первой четверти XIX вѣка, ибо Михаилу Бестужеву принадлежатъ однѣ изъ цѣннѣйшихъ записокъ о людяхъ и событіяхъ его времени. Сверхъ того имъ написано сочиненіе о буддизмѣ.

Изъ принадлежащихъ Бестужевымъ сочиненій и писемъ, а еще болѣе изъ касающихся ихъ статей, воспоминаній и пр., составилась уже цѣлая литература и, тѣмъ не менѣе, полныхъ біографій этихъ историческихъ дѣятелей не имѣется и до настоящаго времени. На это, разумѣется, существуютъ весьма уважительныя причины, но фактъ остается фактомъ и мы лишь его констатируемъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы ставимъ своею задачею не восполнить указываемый нами пробѣлъ въ нашей литературѣ,—на это еще нѣтъ возможности,—а сгруппировать въ единое цѣлое уже существующіе, касающіеся братьевъ Бестужевыхъ, мате-

[1]) Напечатана въ сентябрьской книжкѣ „Міра Божьяго“ за 1902 г.

ріалы, дать имъ критическую оцѣнку и тѣмъ выяснить съ возможными для насъ подробностями, какъ мы уже сказали, психическія и моральныя физіономіи этихъ замѣчательныхъ людей.

I.

Дабы сразу освѣжить въ памяти читателей образы братьевъ Бестужевыхъ, мы начнемъ съ воспроизведенія характеристикъ, данныхъ имъ Н. И. Гречемъ въ его книгѣ «Записки о моей жизни», печатавшейся, какъ извѣстно, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова, а затѣмъ вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ. Мы увидимъ въ свое время, насколько характеристики эти не только не отвѣчаютъ дѣйствительности, но и изобилуютъ прямыми вымыслами и, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ, по нѣкоторымъ причинамъ, удобнымъ начать именно съ нихъ.

Александръ Александровичъ Бестужевъ. «Добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантовъ, красавецъ собою. Вступленіе въ эту сатанинскую шайку (т.-е. общество декабристовъ. *В. Б.*) и содѣйствіе его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславію и еще фанфаронству благородства. Бестужевъ учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и, вступивъ въ военную службу, былъ адъютантомъ главноуправляющаго путями сообщенія генерала Бетанкура, а потомъ поступившаго въ ту же должность герцога Александра Виртембергскаго. Онъ влюбился было въ прелестную дочь Бетанкура, успѣлъ снискать ея благоволеніе, но отецъ не соглашался на бракъ его. Бестужевъ впалъ въ уныніе и искалъ развлеченій при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящихъ и отказывать докучливымъ. Познакомившись съ Рылѣевымъ, который былъ несравненно ниже его и умомъ, и дарованіями, и образованіемъ, заразился его нелѣпыми идеями, вдался въ омутъ и потомъ не могъ или совѣстился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемаго благородства; находилъ, вѣроятно, удовольствіе въ хвастовствѣ и разглагольствіяхъ и погибъ. Вѣроятно, мучило его и желаніе стать выше, подняться до степени аристократовъ, игравшихъ роль въ обществѣ. Мало было ему

славы и чести въ русской литературѣ, въ которой онъ явился съ блистательнымъ успѣхомъ и съ нѣкоторыми особенностями въ мысляхъ и оборотахъ, которые одинъ пріятель называлъ «бестужевскими каплями». Повѣсть его «Амалатъ-Бекъ» и нѣкоторыя другія, написанныя имъ подъ гнетомъ тяжкихъ обстоятельствъ среди тундръ якутскихъ или подъ солдатской шинелью въ ущельяхъ Кавказа, свидѣтельствуютъ о его неотъемлимыхъ, своеобразныхъ талантахъ. Въ мятежѣ дѣйствовалъ онъ въ Московскомъ полку, но не онъ, а князь Щепинъ-Ростовскій звѣрски ранилъ нѣсколько человѣкъ изъ начальства, старавшихся образумить ошеломленныхъ солдатъ. Потомъ отправился онъ на площадь впереди увлеченнаго батальона, размахивая саблей и крича. Онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади и, когда мятежники разбѣжались, успѣлъ уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ, явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго Дворца и сказалъ дежурному по карауламъ полковнику: «я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ». Это было произнесено спокойно, просто... Его отвели къ государю. Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ передъ государемъ все, что было, и заслужилъ вниманіе прямодушнаго Николая»...

Николай Александровичъ Бестужевъ. «Капитанъ-лейтенантъ, старшій братъ Александра, человѣкъ рѣдкихъ качествъ ума, разсудка и сердца, уступалъ Александру въ блистательномъ талантѣ и въ пылкости характера, но замѣнялъ эти качества другими, менѣе великолѣпными, но, тѣмъ не менѣе, достойными обратить на него вниманіе и уваженіе людей. Онъ былъ воспитанъ въ морскомъ корпусѣ и уже гардемариномъ былъ въ дѣйствительномъ сраженіи при взятіи англичанами 14 августа 1808 года корабля «Всеволодъ». Я познакомился съ нимъ въ 1817 году, отправляясь во Францію на кораблѣ «Не тронь меня», на которомъ онъ былъ лейтенантомъ. Бестужевъ занимался и литературою, писалъ умно и пріятно. Главною его слабостью была къ женскому полу, особенно къ порядочнымъ замужнимъ женщинамъ. Но какъ могъ человѣкъ умный, разсудительный принять участіе въ этомъ сумасбродномъ, нелѣпномъ предпріятіи? Я могу растолковать его тѣмъ только, что Николай

Бестужевъ вступилъ въ заговоръ позже своихъ братьев которыхъ онъ любилъ глубоко. Направленію его ума содѣ ствовало еще другое обстоятельство. Въ 1821 году «ходил онъ, какъ говорятъ моряки, на эскадрѣ въ Средиземн море и нѣсколько дней пробылъ въ Гибралтарѣ. Тамъ в дѣлъ онъ съ высоты утеса, какъ испанцы королевскіе ра стрѣливали на перешейкѣ взятыхъ ими безоружныхъ либ раловъ, сообщниковъ Ріего, разстрѣливали, какъ татей разбойниковъ, и сзади. Это зрѣлище заронило въ душу е ненависть къ деспотическому испанскому правительству; русское-то чѣмъ было виновато? Николай Бестужевъ об далъ у меня на имянинахъ 6 декабря съ братьями свои Александромъ и Павломъ. Николай пришелъ позже, и я е сказалъ:

«— Пришелъ, спасибо. А я думалъ, что ты измѣнил

«— Никогда не измѣню!—сказалъ онъ твердымъ гол сомъ, взглянувъ на Александра.

«А я, олухъ, еще пожалъ ему руку.

«Четырнадцатаго числа онъ вывелъ на площадь гв дейскій экипажъ. Въ немъ было нѣсколько матросовъ, сл жившихъ подъ командою Бестужева на походѣ въ Сред земное море. «Ребята, знаете ли вы меня? Пойдемте же!» они пошли. Я видѣлъ, какъ экипажъ мимо конногварде скихъ казармъ шелъ бѣгомъ на площадь. Впереди бѣжал въ разстегнутыхъ сюртукахъ офицеры и что-то кричал размахивая саблями.

«По прекращеніи волненія Николай Бестужевъ уѣхал на извозчичьихъ саняхъ въ Кронштадтъ, переночевалъ одной знакомой старушки, а на другой день сбрилъ се бакенбарды, подстригъ волосы, подрисовалъ лицо, одѣл матросомъ и пошелъ на Толбухинъ маякъ, лежавшій на з падной оконечности Котлина острова. Тамъ предъявил онъ командующему унтеръ-офицеру предписаніе вице адм рала Снафарьева о принятіи такого-то матроса въ коман на маякъ.

«— Ну, а что ты умѣешь дѣлать?— спросилъ грозны командиръ.

«— А что прикажете,—отвѣчалъ Бестужевъ, прик нувшись совершеннымъ олухомъ.

«— Вотъ картофель, очисти его.

«— Слушаю, государь, — взялъ ножъ и принялся за работу.

«Полиція, не находя Бестужева въ Петербургѣ, догадалась, что онъ въ Кронштадтѣ, и туда послано было предписаніе искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключилъ что онъ, конечно, направился на маякъ, чтобы оттуда пробраться за границу. Прискакалъ туда, вошелъ въ казарму и перекликалъ всѣхъ людей. «Вотъ этотъ явился сегодня», сказалъ унтеръ-офицеръ. Полицейскій посмотрѣлъ на Бестужева и увидѣлъ самое дурацкое лицо въ мірѣ. Всѣ сомнѣнія исчезли. Здѣсь нѣтъ Бестужева; должно искать его въ другомъ мѣстѣ. Когда полицейскій вышелъ изъ казармъ, провожавшій его деньщикъ, бывшій прежде деньщикомъ у Бестужева, сказалъ ему: «вѣдь, новый-то матросъ господинъ Бестужевъ, я узналъ его по слѣдамъ золотого кольца, которое онъ всегда носитъ на мизинцѣ», полицейскій возвратился, подошелъ къ мнимому матросу, который опять принялся за свою работу, ударилъ его слегка по плечу и сказалъ:

«— Перестаньте притворяться, Николай Александровичъ, я васъ узналъ.

«— Узнали? Такъ пойдемте.

«Военный губернаторъ отправилъ его въ Петербургъ подъ арестъ въ саняхъ, на тройкѣ. Когда пріостановились передъ гауптвахтой, онъ сказалъ случившимся тамъ офицерамъ:

«— Прощайте, братцы. Ѣду въ Петербургъ. Тамъ ждетъ меня двѣнадцать пуль.

«Дорогою по заливу, поровнявшись съ полыньею, онъ хотѣлъ было выскочить изъ саней, чтобы броситься въ воду, но былъ удержанъ.

«Въ Петербургѣ привезли его къ морскому министру фонъ-Моллеру, который ненавидѣлъ Бестужева (тутъ у Греча слѣдуетъ цѣлый рядъ точекъ. *В. Б.*). Онъ велѣлъ скрутить ему на спинѣ руки и отправилъ днемъ по Англійской набережной и по Адмиралтейскому бульвару въ Зимній Дворецъ. Одинъ изъ адъютантовъ накинулъ на него шинель. Во дворцѣ развязали ему руки и привели къ императору.

«— Вы блѣдны, вы дрожите, — сказалъ ему императоръ

«— Ваше Величество, я двое сутокъ не спалъ и ничего не ѣлъ.

«— Дать ему обѣдать, — сказалъ государь.

«Бестужева привели въ маленькую комнату эрмитажа, посадили на диванъ за столъ и подали придворный обѣдъ.

«— Я не пью краснаго вина, — сказалъ онъ официанту, — подайте бѣлаго.

«Онъ преспокойно пообѣдалъ, потомъ приклонился къ подушкѣ дивана и крѣпко заснулъ. Пробудясь часа черезъ два, всталъ и сказалъ: «Теперь я готовъ отвѣчать». Его ввели въ кабинетъ императора. Онъ не только отвѣчалъ смѣло и рѣшительно на всѣ вопросы, но и самъ начиналъ говорить: изобразилъ государю положеніе Россіи, исчислилъ неисполненныя обѣщанія, несбывшіяся надежды и объяснилъ поводы и ходъ замысловъ. Государь выслушалъ его внимательно и нѣтъ сомнѣнія, что не одна истина, дотолѣ неизвѣстная, упала въ его душу.

«Обрядъ лишенія чиновъ и дворянства былъ исполненъ надъ флотскими офицерами въ Кронштадтѣ. Бестужевъ взошелъ на корабль бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся тамъ комиссіи адмираловъ и спокойно выслушалъ чтеніе приговора.

«— Сорвать съ него мундиръ, — закричалъ одинъ изъ адмираловъ, вѣроятно, породнившійся съ Бестужевымъ посредствомъ своей супруги.

«Два матроса подбѣжали, чтобы исполнить приказаніе благонамѣреннаго начальства. Бестужевъ взглянулъ на нихъ такъ, что они остолбенѣли, снялъ съ себя мундиръ, сложилъ его чиннехонько, положилъ на скамью и сталъ на колѣни по уставу для преломленія надъ нимъ шпаги.

«Бестужевъ скоро нашелся въ ссылкѣ, занимаясь чтеніемъ, живописью. Въ первые годы нарисовалъ онъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ, въ томъ числѣ и свой, очень похожій; только на лбу шла глубокая морщина, проведенная страданіями. Потомъ занялся онъ механическими работами: придумалъ какую-то повозку, удобную для того края и вообще старался быть сколь возможно полезнымъ въ своемъ кругу. Онъ скончался въ 1854 году, не дождавшись своего освобожденія».

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ. «Человѣкъ простой и недальній, былъ лейтенантомъ во флотѣ и перешелъ потомъ въ Московскій полкъ, полагаютъ, чтобы удобнѣе содѣйствовать въ мятежѣ. Онъ участвовалъ въ бунтѣ безъ сознанія, что поступаетъ дурно. Тоже можно сказать и о четвертомъ, *Петрѣ Бестужевѣ.* Онъ былъ лейтенантъ. Наказаніе сильно подѣйствовало на душу послѣдняго; онъ помѣшался въ умѣ и былъ отданъ матери, чтобы жить у ней въ Новгородской губерніи и тамъ умеръ. Пятый братъ, *Павелъ*, мальчикъ живой и умный, воспитанный въ артиллерійскомъ училищѣ, былъ во время мятежа въ верхнемъ офицерскомъ классѣ. Его не удостоили чести принять въ этотъ гибельный кругъ, но онъ пострадалъ за родство съ несчастными. Въ августѣ 1826 года во время иллюминаціи по случаю коронаціи Павелъ Бестужевъ проталкивался въ толпѣ народа на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста и за что-то поспорилъ съ однимъ изъ прохожихъ, но безъ всякихъ послѣдствій. Воейковъ, смотрѣвшій иллюминацію изъ окна книжнаго магазина Сленина, донесъ полиціи, что Бестужевъ буянилъ на улицѣ и произносилъ дерзкія рѣчи: его отправили на Кавказъ, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ боролся въ горахъ съ черкесами, а въ Сухумъ-Кале съ убійственными лихорадками. Онъ прилежно занимался артиллеріей и придумалъ новые превосходные діоптры для прицѣла орудій; на отливку ихъ онъ пожертвовалъ своимъ мѣднымъ чайникомъ. Изобрѣтеніе его было найдено полезнымъ и онъ переведенъ былъ въ бригаду, стоявшую въ Москвѣ. Онъ выслужился и, какъ я слышалъ, женился на любезной и богатой дѣвицѣ. Итакъ, уцѣлѣлъ хоть одинъ Бестужевъ! Что сталось съ Михаиломъ, не знаю» [1]).

Характеристики Греча многихъ изъ декабристовъ подвергались въ нашей литературѣ неоднократно серьезной критикѣ, но фактическая сторона его разсказовъ принималась нѣкоторыми писателями на вѣру, хотя и въ ней заключается въ дѣйствительности гораздо болѣе «Dichtung», чѣмъ «Wahrheit». Сообщеніе, напр., Греча о романическихъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ арестъ Николая Бестужева,

---

[1]) *Н. И. Гречъ.* „Записки о моей жизни“. 393—403. (Цитаты взяты нами съ значительными сокращеніями).

повторяетъ безъ всякаго критическаго его разсмотрѣнія г Меньшиковъ въ «Критико-біографическомъ словарѣ» г. Венгерова [1]), а между тѣмъ сообщеніе это нуждается, несомнѣнно въ провѣркѣ. Или другой примѣръ: такой серьезный писатель какъ недавно скончавшійся академикъ Максимовъ, перепечатавъ въ своей статьѣ «Николай Александровичъ Бестужевъ» весь вышеприведенный разсказъ Греча о Николаѣ Бестужевѣ, говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«*Послѣднія свѣдѣнія*, сообщаемыя Гречемъ, требуютъ пополненія и одного исправленія. Экипажъ, про который говоритъ онъ, есть такъ называемая «сидѣйка», извѣстная въ Восточной Сибири и въ особенности въ Забайкальѣ. Она вошла во всеобщее употребленіе и т. д.» [2]). Слѣдовательно кромѣ поправки о «сидѣйкахъ (и то невѣрной, потому что въ дѣйствительности «сидѣйки» изобрѣтены не Николаемъ, а Михаиломъ Бестужевымъ), всѣ остальныя, сообщаемыя Гречемъ о Николаѣ Бестужевѣ, свѣдѣнія, Максимовъ не считаетъ требующими ни «пополненія» ни «исправленія». А между тѣмъ они очень нуждаются и въ томъ, и въ другомъ. Это мы и сдѣлаемъ въ свое время, особенно въ виду того обстоятельства, что прекрасно составленная г. М. біографія Николая Бестужева доведена, къ сожалѣнію, лишь до момента тѣсныхъ отношеній, возникшихъ между нимъ и Рылѣевымъ [3]).

Послѣ четырнадцатаго декабря 1825 года судьба разбросала всѣхъ братьевъ Бестужевыхъ въ разныя стороны (только Николаю и Михаилу довелось жить вмѣстѣ), но до этого событія мѣстожительствомъ всѣхъ братьевъ былъ Петербургъ. Въ эту эпоху ихъ жизни они находились между собою постоянно въ непосредственномъ общеніи и потому

[1]) Бестужевъ, Николай. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ", 185.

[2]) *С. Максимовъ*. „Николай Александровичъ Бестужевъ". „Наблюдатель". 1883 г. III, 102--105.

[3]) „Николай Александровичъ Бестужевъ". „Заря", 1869 г. VII, отд. II. 1--57. Эта статья подписана только буквою М., но, помѣщая въ ноябрьской книжкѣ „Русской Старины" за 1881 годъ „Записки Михаила Александровича Бестужева", редакція указываетъ въ примѣчаніи на рядъ написанныхъ о Бестужевыхъ статей М. И. Семевскимъ. Такъ какъ въ числѣ этихъ статей названа и помѣщенная въ „Зарѣ" статья „Н. А. Бестужевъ", то изъ этого слѣдуетъ, что статья эта принадлежитъ тому же автору.

мы будемъ сначала говорить обо всѣхъ братьяхъ вмѣстѣ, а затѣмъ послѣдуемъ за каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Отецъ Бестужевыхъ, Александръ Ѳеодосіевичъ, былъ человѣкъ для своего времени очень образованный и преданный дѣлу просвѣщенія. Онъ служилъ корпуснымъ офицеромъ при учрежденномъ въ 1775 году, такъ называемомъ «артиллерійскомъ и инженерномъ кадетскомъ корпусѣ греческой гимназіи», а затѣмъ, во время шведской войны, перешелъ въ дѣйствующую армію. Въ бывшей 23-го мая 1790 г., близъ острова Секара, жестокой битвѣ, Бестужевъ былъ тяжело раненъ, находился долго въ состояніи безпамятства, и лишь случайность спасла его отъ участи быть заживо погребеннымъ, такъ какъ всѣ считали его убитымъ. Въ это время одна простая добрая женщина, по имени Прасковья Михайловна, неотлучно ухаживала за раненымъ. Поправившись, Александръ Ѳеодосіевичъ женился на ней. Отъ этого брака и произошли Николай (родился въ 1791 г.), Александръ (1797 г.), Михаилъ (1800 г.), Петръ (1806 г.) и Павелъ (1808 г.), а также ихъ три сестры—Елена, Ольга и Марія.

«Военная служба Александра Ѳеодосіевича, — говоритъ біографъ Николая Александровича Бестужева, — продолжалась недолго. Въ царствованіе Павла Петровича, не въ состояніи будучи выносить тяжелаго гнета Аракчеева, Александръ Ѳеодосіевичъ вышелъ въ отставку. Не безынтересно то обстоятельство, что Аракчеевъ до нѣкоторой степени былъ обязанъ своей блестящей карьерой Бестужеву. Дѣло въ томъ, что въ бытность еще корпуснымъ офицеромъ, Бестужевъ отрекомендовалъ кадета ввѣренной ему роты Аракчеева генералу Мелиссино, который, какъ извѣстно, и вывелъ въ люди знаменитаго впослѣдствіи временщика. Извѣстно также, что графъ Алексѣй Андреевичъ отличался всегда черной неблагодарностью, — въ особенности къ тѣмъ людямъ, которымъ онъ былъ наиболѣе обязанъ. И вотъ Бестужевъ, въ числѣ прочихъ, долженъ былъ испытать на себѣ это свойство характера своего бывшаго подчиненнаго» [1]).

Забѣгая далеко впередъ, отмѣтимъ тутъ же, что судьба столкнула Аракчеева и съ сыновьями Александра

[1]) „Заря“ 1869 г., VII, 7.

Өеодосіевича. Извѣстно, что ненависть къ «аракчеевском режиму, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ сл ва, толкнула многихъ изъ дѣятелей декабрскихъ событі 1825 года, а въ томъ числѣ и Бестужевыхъ, на путь заг вора. Въ самый день 14-го декабря, когда Николай, Ал ксандръ, Михаилъ и Петръ Бестужевы находились на с натской площади, очень близко отъ нея находился и Ара чеевъ.

«Четырнадцатаго декабря, когда разнесся во двор слухъ, что Московскій полкъ взбунтовался, — разсказывает Михайловскій-Данилевскій, — всѣ вышли на сенатскую пл щадь; одинъ Аракчеевъ остался съ дамами во дворцѣ» [1]

Выйдя изъ военной службы, А. Ө. Бестужевъ посв тилъ свои силы научно-литературной дѣятельности и с 1798 года сталъ издавать «С.-Петербургскій Журналъ». Н время царствованія императора Павла, какъ извѣстно, слиш комъ неблагопріятствовало такого рода начинаніямъ, и уж черезъ годъ «С.-Петербургскій Журналъ» долженъ был прекратиться. Только съ восшествіемъ на престолъ Ал ксандра Перваго возобновилъ Бестужевъ свою литерату ную дѣятельность, но уже не въ формѣ журнала, а отдѣл ными книгами, посвященными преимущественно вопросам военной педагогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ А. Ө. Бестужевъ с бралъ у себя прекрасную библіотеку и нѣчто въ родѣ домаш няго музея. Вспоминая много лѣтъ спустя своего от и обстановку своихъ юныхъ лѣтъ, сынъ Александва Өеод сіевича, Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, писалъ: «ли бя науку во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, онъ (А. Ө. Бест жевъ) тщательно и съ знаніемъ дѣла занимался собир ніемъ полной, систематически расположенной коллекці минераловъ нашей обширной Руси, самоцвѣтныхъ гран ныхъ камней, камеевъ, рѣдкостей по всѣмъ частямъ и кусствъ и художествъ; пріобрѣталъ картины нашихъ отли ныхъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушек крѣпостей и знаменитыхъ архитектурныхъ зданій, и без преувеличенія можно сказать, что домъ нашъ былъ бог

[1] „Вступленіе на престолъ императора Николая Перваг (изъ записокъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаг „Рус. Старина“, 1890 г., XI, 499.

тымъ музеемъ въ миніатюрѣ [1]). Такова обстановка, среди которой росли юные Бестужевы. Въ довершеніе всего отецъ абсолютно ни въ чемъ не стѣснялъ своихъ дѣтей, былъ имъ истиннымъ другомъ и старшимъ товарищемъ, позволялъ имъ свободно слѣдовать ихъ влеченіямъ. Однажды посѣтилъ онъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ, тогда еще девятилѣтнимъ мальчикомъ, Николаемъ, корабль знаменитаго въ свое время моряка-силача Лукина. Корабль и море такъ заинтересовали мальчика, что онъ возымѣлъ сильное желаніе сдѣлаться морякомъ. Отецъ не препятствовалъ, и Николай поступилъ въ морской корпусъ. Тамъ имѣли на него сильное вліяніе инспектора корпуса, Гамалѣй, научившій молодого Бестужева заниматься съ любовью математикой и тѣмъ пріучившій его къ логическому мышленію, и учитель исторіи и литературы, Василевскій, впослѣдствіи профессоръ московскаго университета, заслужившій доброе слово отъ своихъ слушателей. Въ корпусѣ Бестужевъ шелъ изъ первыхъ, изучилъ основательно иностранные языки и познакомился съ европейскими литературами. Сверхъ того, въ немъ стала развиваться склонность къ живописи и онъ сталъ брать частные уроки въ академіи художествъ. Это принесло ему впослѣдствіи много пользы и удовольствія въ его ссыльной жизни. «Въ минуту жизни трудную», живя на поселеніи въ глухомъ городишкѣ Забайкальской области Селенгинскѣ, Николай Александровичъ Бестужевъ зарабатывалъ деньги рисованіемъ иконъ и портретовъ мѣстныхъ жителей. Онъ же нарисовалъ портреты многихъ изъ своихъ соузниковъ по заключенію въ Читѣ и Петровскѣ; эти портреты были впослѣдствіи куплены у сестры Николая Александровича, Елены Александровны Бестужевой, извѣстнымъ московскимъ книгоиздателемъ Солдатенковымъ, а послѣ его недавней смерти должны были перейти, если не ошибаемся, въ московскій Румянцевскій музей.

Превосходный математикъ и механикъ, Бестужевъ занимался со страстью своею спеціальностью — морскимъ дѣломъ. 24 декабря 1809 года онъ окончилъ успѣшно

---

[1]) *Михаилъ Бестужевъ*. „Дѣтство и юность А. А. Бестужева", „Рус. Слово", 1860 г. XII, 3.

курсъ наукъ и былъ произведенъ въ мичманы, но ед
предъ нимъ открылись двери самостоятельной жизн
какъ судьба приготовила ему сложныя, едва посильны
для восемнадцатилѣтняго юноши, заботы. 20 марта 181
года скончался Александръ Ѳеодосіевичъ, и семья, с
стоявшая изъ его вдовы, трехъ дочерей и четырехъ сы
новей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва мину
тринадцать лѣтъ, осталась всецѣло на попеченіи Никол
Александровича.

Но намъ надо сказать нѣсколько словъ о дѣтских
годахъ Александра Александровича, слава котораго, как
блестящаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдон
момъ Марлинскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ уже гремѣла п
всей Россіи.

У отца, Александра Ѳеодосіевича Бестужева, была бо
гатая библіотека. На нее-то и набросился со всею страсть
своей натуры маленькій Саша. «Онъ читалъ такъ много и с
такою живостью,—писалъ про него впослѣдствіи его брат
Михаилъ Александровичъ,- что отецъ часто принуж
денъ былъ отнимать у него на время ключи отъ шкафов
и осуждалъ его на невольный отдыхъ. Тогда онъ промы
шлялъ себѣ книги контрабандой, -- какіе-либо романы, сказкі
какъ напр., «Видѣніе въ Пиринейскомъ замкѣ», «Ри
нальдо Ринальдини», «Тысяча и одна ночь» и подобны
и поглащалъ ихъ тайкомъ, лежа гдѣ-нибудь подъ кустом
въ нашемъ тѣнистомъ саду» [1]. Отъ такого чтенія у буду
щаго романиста развивалась преимущественно фантазія
Будучи отъ природы въ высшей степени впечатлител
нымъ, воспріимчивымъ и экспансивнымъ, Александръ Ал
ександровичъ весьма отличался отъ своего старшаго брат
отсутствіемъ ясной логики мысли и неуклонности въ д
стиженіи разъ намѣченной цѣли, но, несмотря на эти отли
чія, всегда сходился съ старшимъ братомъ въ обществе
ныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Увлекшись минералоги
ческими коллекціями своего отца, Александръ Александро
вичъ захотѣлъ сдѣлаться горнымъ инженеромъ и поступил
въ горный корпусъ. Здѣсь онъ учился хорошо, но мног
силъ приходилось тратить нетерпѣливому юношѣ на борьб

[1] Ibid. 2.

съ математикой, которая была далеко не изъ числа его любимыхъ предметовъ. Зато страсть къ писательству проснулась въ немъ очень рано, и уже въ корпусѣ онъ началъ вести иллюстрированный дневникъ, который наполнялъ описаніями событій корпусной жизни да каррикатурами на начальствующихъ лицъ. Однажды Николай взялъ съ собою Александра въ непродолжительное плаваніе. Тутъ Александру показалось, что онъ рожденъ для свободной морской стихіи, возненавидѣлъ предстоявшую ему дѣятельность горнаго инженера, покинулъ корпусъ и началъ готовиться къ экзамену на гардемарина. Но и карьера моряка о которой сталъ мечтать теперь съ увлеченіемъ Александръ Александровичъ, была также загромождена баррикадами изъ дифференціаловъ и интеграловъ. Онъ столкнулся опять съ тою же ненавистной математикой, боролся, приходилъ въ отчаяніе и кончилъ тѣмъ, что поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ и въ 1818 году былъ произведенъ въ корнеты. Полкъ, въ которомъ служилъ Александръ Бестужевъ, стоялъ недалеко отъ Петергофа, въ мѣстечкѣ Марли, откуда и пошелъ знаменитый псевдонимъ.

Между тѣмъ подрастали и два слѣдующіе братья Бестужевы, Михаилъ и Петръ. Надо замѣтить, что, вслѣдствіе отличнаго окончанія курса въ морскомъ корпусѣ Николаемъ Александровичемъ, онъ былъ оставленъ, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, — «не въ примѣръ прочимъ», — въ званіи воспитателя того же корпуса. Это дало ему возможность помѣстить въ корпусъ высказавшихъ желаніе служить также во флотѣ Михаила и Петра. Замѣчательны тѣ наставленія, которыя давалъ своимъ братишкамъ-кадетамъ Николай Александровичъ. Встрѣченные, какъ водилось въ доброе старое время, побоями со стороны старшихъ кадетъ, новички стали горько жаловаться брату на свою судьбу и просить его защиты «Потерпите немного, - говорилъ имъ Николай Александровичъ,- все обойдется. Не давайте себя въ обиду; если подъ силу, бейте сами, а отнюдь не смѣйте мнѣ жаловаться на обидчиковъ. Забудьте однажды на всегда, что я вашъ братъ. Хорошо будете учиться, хорошо вести себя, я отличу васъ наравнѣ со всѣми. Худо сдѣлаете, станете лѣниться,—я накажу васъ, какъ накажу каждаго шалуна и лѣнивца. Но всего болѣе остерегайтесь выносить

соръ изъ избы, иначе васъ назовутъ фискалами, переносчика ми — и тогда горька будетъ участь ваша» [1]).

Такія наставленія глубоко запали въ души Михаил и Петра.

Въ 1814 году Николаю Александровичу представляло случай ѣхать въ дальнее плаваніе. Онъ сталъ энергичн готовиться къ путешествію, но оно не состоялось, и Нико лай Александровичъ перешелъ на службу въ Кронштадтъ Тутъ служилъ его самый близкій другъ, товарищъ от школьной скамейки до Селенгинска или, правильнѣе, д могилы, Константинъ Петровичъ Торсонъ Этотъ чело вѣкъ имѣлъ сильное вліяніе на Бестужевыхъ. «Самый не измѣнный другъ брата Николая, — разсказываетъ Михаил Бестужевъ, — былъ Константинъ Петровичъ Торсонъ. Он только годомъ раньше вышелъ изъ корпуса. Они все вре мя пребыванія ихъ въ корпусѣ жили въ одной комнатѣ спали бокъ-о-бокъ, служили въ одномъ и томъ же Крон штадтѣ, помѣщались на одной квартирѣ и одно или дв лѣта служили вмѣстѣ на бранвахтскомъ фрегатѣ. По пере водѣ Торсона главнымъ адъютантомъ къ морскому мини стру, Антону Васильевичу Моллеру, и братъ вскорѣ переве денъ былъ въ Петербургъ въ должность исторіографа и на чальника морского музея, — слѣдовательно, жили въ одном городѣ, видѣлись часто, поступили почти одновременно в тайное общество, вмѣстѣ погибли, вмѣстѣ жили въ казема тѣ, въ Селенгинскѣ и, наконецъ, Торсонъ и умеръ на рукахъ брата.

«Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности и практи ческой пользы: это былъ рыцарь безъ страха и упрека н его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неимо вѣрною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ симъ владѣлъ огромнымъ запасом терпѣнія при неудачахъ... Голова его была постоянно набит проектами о разныхъ преобразованіяхъ, исключительно ка сающихся флота... Много онъ писалъ и изъ Петропавлов ской крѣпости къ Николаю Первому, и всѣ его бумаги го сударь приказалъ сообщить составленному по его вол морскому комитету, и много преобразованій, очень поле

[1]) „Заря“, 1869 г., VII. 30.

ныхъ, были почерпнуты (оттуда) и введены въ нашъ флотъ» [1]).

Мѣсто исторіографа и начальника морского музея, о которомъ упоминаетъ въ этихъ строкахъ Михаилъ Александровичъ Николай Бестужевъ, занималъ съ честью. Онъ трудился не покладая рукъ, надъ своимъ дѣломъ, но не замыкался исключительно въ свою спеціальность: вопросы литературные, общественные и политическіе горячо занимали его вниманіе. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Торсономъ пристально вглядывался Бестужевъ въ окружавшую его дѣйствительность, давно заработавшая критическая мысль сталкивалась на каждомъ шагу съ темными явленіями, порождаемыми всѣмъ крѣпостническимъ строемъ русской жизни, сравненіе съ иными, видѣнными за границей, порядками напрашивалось само собою; все это неудержимо толкало Николая Александровича на вполнѣ опредѣленную дорогу...

Необходимо замѣтить, что Николай Александровичъ еще до вступленія своего въ тайное общество, побывалъ за границей два раза, обстоятельство, которое, разумѣется, прошло для него далеко не безслѣдно. Первое его путешествіе относится къ 1815 году, т.-е. къ эпохѣ знаменитыхъ наполеоновскихъ «Ста дней». Батальонъ моряковъ получилъ приказаніе отправиться въ Голландію для содѣйствія русской арміи при переправахъ. Въ составѣ этого баталіона былъ и Николай Бестужевъ. Умный, наблюдательный молодой морякъ не тратилъ время даромъ: результатомъ его поѣздки явились «Записки о Голландіи», быстро доставившія автору нѣкоторую извѣстность въ литературѣ.

Второе путешествіе за границу совершилъ Николай Александровичъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ и уже тогда пріобрѣвшимъ извѣстность журналистомъ Гречемъ, въ 1817 году. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Михаилъ Бестужевъ:

«Это путешествіе имѣло весьма осязательное вліяніе, какъ на послѣдующую литературную дѣятельность не только брата Николая, но даже и Александра, равно какъ и на ростъ тѣхъ сѣмянъ либерализма, которыя таились въ душѣ

[1]) „Записки Михаила Александровича Бестужева“, „Рус. Старина“, 1881 г., XI. 606.

нашей. Знакомство съ Гречемъ невольно втянуло насъ, троихъ братьевъ, въ тотъ жидкій кружокъ литераторовъ, который жалко произрасталъ на изсушенной цензурою почвѣ русской литературы. Впрочемъ, не надо думать, чтобы *геній* (курсивъ подлинника) Николая Ивановича Греча увлекъ насъ; мы его даже въ то время хорошо понимали... Относительно же либерализма вообще этотъ походъ былъ чреватъ послѣдствіями: необходимо вспомнить эпоху нашего похода. Мы шли взять часть войскъ Воронцова, оставленную во Франціи для поддержки власти Бурбоновъ, возстановленныхъ нашей силой, и для сбора наложенной на страну контрибуціи. Франція волновалась... Ей нуженъ былъ или Наполеонъ — или свобода! Король въ теплыхъ бархатныхъ сапогахъ — былъ смѣшонъ, а французы не могутъ переносить смѣшного!.. Все это мы скоро замѣтили въ Кале, гдѣ наша эскадра стояла весьма долго въ ожиданіи солдатъ Воронцова... Впрочемъ, самый нашъ рейсъ до Кале и возвращеніе отъ него пролили въ Россію обильную струю благотворной влаги для роста сѣмянъ либерализма. Въ числѣ пассажировъ на кораблѣ «Не тронь меня», кромѣ Греча, находилась жена генерала Жомини съ племянницей и компаніонкой. Генеральша была завзятая республиканка: компаніонка, происходившая изъ плебейскаго рода, была республиканкою еще болѣе пылкою. Девизіонный генералъ нашъ Огильва, родомъ англичанинъ, въ каютѣ котораго они жили, присутствовали за обѣдомъ и чайнымъ столомъ, не стѣснялся въ своихъ англоманскихъ сужденіяхъ и съ удовольствіемъ вызывалъ споры присутствовавшихъ о политикѣ вообще и о деспотизмѣ Наполеона и о потерѣ французами свободы въ особенности. Самъ Гречъ какъ будто переродился. Сухой, безвкусный на бумагѣ, онъ обладалъ даромъ живого слова и былъ всегда краснорѣчивымъ, внимательнымъ собесѣдникомъ. Забитый литературной и полицейской цензурой въ Петербургѣ, онъ на кораблѣ между моряками, живущими на распашку въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, какъ бы увлекаемый потокомъ, невольно или изъ подражанія, жилъ и болталъ тоже на распашку» [1]).

[1]) „Николай Александровичъ Бестужевъ“. „Заря“, 40—41.

Гречъ, разумѣется, только приспособлялся къ средѣ и ничего болѣе. Тотъ же Михаилъ Бестужевъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній по этому поводу слѣдующее:

«Знакомство наше съ Гречемъ началось въ 1817 году на кораблѣ «Не тронь меня» и поддерживалось въ продолженіе всего времени церемонно-холодно, потому что съ нимъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское невозможно. Мы, всѣ братья, посѣщали его домъ, какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить нечего: это былъ въ глазахъ нашихъ, балаганный фигляръ, приманивающій людъ въ свою камедь кривляніями и площадными прибаутками» [1]).

Бестужевы вынесли изъ заграничнаго путешествія тѣ же впечатлѣнія, которыя вынесли раньше изъ походовъ 1812—13 года ихъ старшіе товарищи:

«Пребываніе цѣлый мѣсяцъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, — разсказываетъ И. Д. Якушкинъ, не могли не измѣнить воззрѣній хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи. При такой обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ» [2]).

Вспомнимъ время, въ которое происходили описываемыя событія, время, когда крѣпостное право стояло устойчиво, какъ гранитная скала, когда Россія была, по знаменитому выраженію Хомякова «въ судахъ черна неправдой черной», когда всею государственною машиною управляла незнавшая пощады рука Аракчеева, вспомнимъ все это и оцѣнимъ слова Николая Бестужева, обрисовавшаго слѣдующими словами ту картину, которая предстала предъ глазами молодежи по возвращеніи ея изъ заграницы:

«Рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальства съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ, — все это возмущало и приводило въ негодованіе русскихъ и ихъ патріотическое чувство» [3]).

[1]) „Записки Мих. Александ. Бестужева“, „Рус. Старина“. 1881 г. XI, 610.

[2]) „Записки И. Д. Якушкина“, 4—5.

[3]) „Н. А. Бестужевъ“, „Заря“, 1869, VII, 44.



II.

Ко времени возвращенія Бестужевыхъ изъ заграницы въ Россіи уже дѣйствовалъ извѣстный «Союзъ Благоденствія», или тайное общество съ гораздо болѣе этическимъ, нежели политическимъ характеромъ. По крайней мѣрѣ, близкій участникъ союза—князь Евгеній Петровичъ Оболенскій характеризуетъ его такими словами:

«Трудно было устоять противъ обаяній союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ; обоюдная помощь для достиженія цѣли; умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ и тѣмъ нравственныхъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. *Въ дали туманной, недосягаемой*, виднѣлась окончательная цѣль: политическое преобразованіе отечества,—когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа» [1]).

Такова была атмосфера, въ которой жила по возвращеніи изъ заграничныхъ походовъ военная молодежь. Въ ея средѣ все кипѣло и волновалось. Не говоря уже о массонскихъ ложахъ, но одно за другимъ возникали и разныя другія общества. Правда, ихъ существованіе было чрезвычайно кратковременнымъ, но они не исчезали безъ всякаго слѣда. Такъ, въ 1817 году генералъ М. Ф. Орловъ, извѣстный экономистъ и впослѣдствіи авторъ книги «La Russie et les Russes» Н. И. Тургеневъ и графъ Мамоновъ устраиваютъ тайное общество «Русскихъ Рыцарей»; Александръ Николаевичъ Муравьевъ организуетъ «Общество военныхъ людей»; князь Е. П. Оболенскій при содѣйствіи коллежскаго ассессора Токарева—«Вольное Общество»; правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новиковъ—

[1]) „Воспоминанія Оболенскаго“, 4.

«Малороссійское Общество» при одной изъ массонскихъ ложъ и т. д. Но, сколько извѣстно, ни въ одномъ изъ этихъ обществъ Бестужевы не принимали никакого участія. Даже въ массонскихъ ложахъ и то только въ одной изъ нихъ былъ членомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ лишь Николай, который былъ введенъ туда... Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ... [1]). Всѣ они сочувствовали общественному движенію своего времени и его идеаламъ, но до самаго 1825 года никто изъ нихъ не былъ членомъ тайнаго общества. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ совершенно одинакова, и неособенно основательно, какъ мы увидимъ, противопоставляетъ г. Венгеровъ Николая Бестужева его брату Александру, видя въ первомъ, какъ и въ «значительной части» его товарищей, «черты, дѣлающія вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи», а во второмъ «случайнаго участника движенія» [2]).

Какъ было дѣло въ дѣйствительности?

Составитель шеститомной «Исторіи царствованія Александра Перваго», Богдановичъ, пользовался, какъ это видно изъ его труда, подлиннымъ слѣдственнымъ дѣломъ о декабристахъ (донынѣ не опубликованнымъ). Такой трудъ можно было бы считать, поэтому, вполнѣ авторитетнымъ для провѣрки разнаго рода касающихся декабристовъ данныхъ, если бы авторъ не дѣлалъ ссылокъ, неизвѣстно для чего, на такой въ высшей степени мутный источникъ, какъ книга Греча.

Именно со ссылкою на этотъ источникъ, г. Богдановичъ писалъ въ своей «Исторіи» такія строки:

«Занявъ мѣсто въ думѣ [3]), Рылѣевъ нашелъ усерднаго пособника въ другомъ, болѣе себя знаменитомъ, литераторѣ Александрѣ Бестужевѣ. Даровитый, образованный, преисполненный ума, Бестужевъ увлекся желаніемъ играть роль и *увлекъ за собою трехъ своихъ братьевъ*» [4]).

---

[1]) „Записки М. А. Бестужева“, „Рус. Старина“, 1881, XI, 622.

[2]) *Венгеровъ*, „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“; принадлежащая самому г. Венгерову статья „Бестужевъ-Марлинскій“, 157.

[3]) Нѣчто въ родѣ Комитета Общества.

[4]) „Исторія царствованія Александра Перваго и его времени“, VI, 434.

Г. Венгеровъ считаетъ «очевиднымъ», что Александръ Бестужевъ «попалъ въ заговоръ *только* потому, что всѣ близкіе и пріятели въ немъ участвовали и потому, что поддалъ обаянію, связанному со всякой опасностью [1]).

Богдановичъ говоритъ вещь, не отвѣчающую исторической дѣйствительности: Александръ Бестужевъ вовсе не «увлекалъ» въ заговоръ своихъ братьевъ: Николай Бестужевъ былъ принятъ въ общество К. Ф. Рылѣвымъ, Михаилъ — К. П. Торсономъ, а Петръ, вопреки желанію *всѣхъ* другихъ братьевъ, почти наканунѣ 14-го декабря—А. П. Арбузовымъ. Но Богдановичъ правъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что Александръ поступилъ въ общество, дѣйствительно, *раньше* всѣхъ своихъ братьевъ и почти всѣхъ своихъ «близкихъ и пріятелей»; этого обстоятельства не принялъ во вниманіе г. Венгеровъ, а оно опровергаетъ всѣ его соображенія.

Въ опубликованномъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1826 году во всеобщее свѣдѣніе «Донесеніи слѣдственной комиссіи» говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Между тѣмъ, и въ обществѣ петербургскомъ явилась большая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ думу на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и *принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года* причисленный къ верхнему кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнью, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ... Имъ и Рылѣевымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многіе новые члены; въ томъ числѣ вступили въ общество въ разные времена нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго декабря: Николай, Михайло, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ» [2]).

Отсюда видно, сколько «близкихъ и пріятелей» Александра Бестужева вступило въ общество *послѣ* него.

Къ этому обстоятельству, равно какъ и вообще къ характеристикѣ г. Венгеровымъ Александра Бестужева, мы

---

[1]) „Словарь“, 157.

[2]) „Донесеніе слѣдственной комиссіи“, 52.

вернемся ниже; приведемъ мы, когда будемъ говорить болѣе подробно о братьяхъ Александра, и наши доказательства въ опровержение словъ Богдановича и Греча, а теперь займемся вообще судьбою Александра Бестужева съ того момента, когда онъ вступилъ въ самостоятельную жизнь.

Мы сказали, что, отчаявшись сдѣлаться морякомъ, Александръ Бестужевъ поступилъ въ гвардейскій драгунскій полкъ юнкеромъ. Служба его начала протекать чрезвычайно счастливо, и уже въ 1818 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главноуправляющему путями сообщенія генералу Бетанкуру, а по уходѣ послѣдняго, къ заступившему его мѣсто герцогу Александру Виртембергскому. Предъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Но молодого человѣка потянуло скоро къ литературѣ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Рылѣевъ и другіе стали его друзьями, а первоклассный журналистъ Н. А. Полевой рано прозрѣлъ въ немъ большой литературный талантъ и остался на всю жизнь его поклонникомъ. Въ 1824—25 годахъ К. Ф. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ начали издавать альманахи подъ заглавіемъ «Полярная Звѣзда». Эти альманахи составили крупное событіе въ жизни нашей журналистики. Въ нихъ участвовали всѣ лучшія силы того времени — Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, Вяземскій, Дельвигъ, Гнѣдичъ, Плетневъ, Корниловичъ и другіе. Тутъ же началъ свою литературную дѣятельность А. С. Хомяковъ. Помимо чисто литературныхъ достоинствъ, «Полярная Звѣзда» должна остаться памятной въ исторіи русской журналистики и еще одною крупною заслугой: ея издатели начали *первые* оплачивать правильно литературный трудъ авторовъ.

Альманахи эти имѣли колоссальный успѣхъ, разойдясь въ теченіе трехъ недѣль въ количествѣ 1,500 экземпляровъ, цифрѣ по тому времени почти неслыханной. Самъ Бестужевъ, помимо многихъ другихъ статей и переводовъ, сталъ помѣщать въ «Полярной Звѣздѣ» обзоры современной ему литературы, которые заинтересовали въ чрезвычайной степени журнальный міръ и читающую публику. Романтизмъ былъ основнымъ принципомъ критическихъ статей Бестужева, но, пробѣгая и теперь его «обзоры» и припоминая то время, въ которое они написаны, вполнѣ соглашаешься съ высказаннымъ Шашковымъ мнѣніемъ о Бестужевѣ, какъ о

достойномъ предшественникѣ Надеждина и Бѣлинскаго [1]): извѣстно, какой переполохъ въ журнальномъ мірѣ произвела «дерзкая» мысль, высказанная Бѣлинскимъ въ его «Литературныхъ мечтаніяхъ», о томъ, что «у насъ нѣтъ литературы». Эту самую мысль высказывалъ и Бестужевъ. «Исторія, критика и сатира были всегда младшими вѣтвями словесности. Такъ было вездѣ, кромѣ Россіи, ибо у насъ есть критика и нѣтъ литературы». Это явленіе авторъ объясняетъ такимъ образомъ.

„Жизнь необходимо требуетъ движенія, а развивающійся умъ дѣла. Онъ хочетъ шевелиться, когда не можетъ летать; но, не занятый политикой, весьма естественно, что дѣятельность его хватается за все, что попадается, а какъ источники нашего ума очень мелки для занятій важнѣйшихъ, мудрено ли, что онъ кинулся въ кумовство и пересуды! Я говорю не объ одной словесности: всѣ наши общества заражены тою же болѣзнью» [2]).

Такимъ образомъ, Бестужевъ высказываетъ и развиваетъ важную мысль о взаимодѣйствіи жизни и литературы. Послѣдняя будетъ содержательна лишь въ томъ случаѣ, когда наполнится содержаніемъ первая. Литература есть лишь отраженіе жизни. Ея развитіе тормозитъ отсутствіе въ обществѣ образованности, а «феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляетъ сіи препоны. Одни рубятъ гордіевъ узелъ наукъ мечомъ презрѣнія, другіе нехотятъ ученіемъ мучить дѣтей своихъ и для сего оставляютъ невоздѣланными ихъ умы, какъ нерѣдко поля изъ пристрастія къ псовой охотѣ [3]).

Тутъ уже ясно замѣтенъ переходъ отъ чисто литературной критики къ публицистикѣ, т.-е. наблюдается явленіе, которое, вслѣдствіе особенныхъ условій нашей жизни, существовало въ русской литературѣ на всемъ пространствѣ XIX вѣка и перешло въ двадцатый...

---

[1]) *Пашковъ.* „А. А. Бестужевъ-Марлинскій“, „Дѣло“, 1880 г., XI, 122.

[2]) „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ“, Полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго, часть XI, 121--122.

[3]) „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“, Ibid., стр. 156.

Другой издатель «Полярной Звѣзды», задушевный другъ Бестужева, Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ, смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія и на свои поэтическія произведенія. Это былъ «поэтъ-гражданинъ». Въ знаменитой поэмѣ «Войнаровскій», составляющей, безспорно, лучшее изъ стихотвореній Рылѣева, находится такое посвященіе ея Бестужеву:

Какъ странникъ грустный, одинокій
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала:
Я разувѣрился вполнѣ —
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.
Прими же плодъ трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства.
Зато найдешь живыя чувства.
Я не поэтъ, а гражданинъ [1].

На почвѣ общности именно этихъ «живыхъ чувствъ» и сошлись близко оба издателя «Полярной Звѣзды».

Требуя отъ литератора опредѣленнаго отношенія къ жизни, Бестужевъ, какъ и нѣкоторые другіе изъ его друзей, писалъ, между прочимъ, злыя эпиграммы на тѣхъ изъ литераторовъ, которые не слѣдовали этому принципу. Такова его эпиграмма на Жуковскаго, долгое время приписывавшаяся Пушкину:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ.

[1] Послѣ появленія этого стихотворенія, еще при жизни Рылѣева, оно явилось затѣмъ въ печати первоначально въ статьѣ М. И. Семевскаго „Александръ Александровичъ Бестужевъ“ („Отечественныя Записки“ 1860 г., V, 135—136), затѣмъ—въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1871 г. (стр. 486), гдѣ появилась полностью поэма „Войнаровскій“ и, наконецъ, вошло въ собраніе сочиненій Рылѣева.

Съ указкой втерся во дворецъ.
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!...[1]).

Впечатлительный, экспансивный, хотя и уступавшій въ благородствѣ характера своему брату Николаю,—Александръ Бестужевъ, тѣмъ не менѣе, не только не былъ равнодушенъ къ «соціальнымъ и политическимъ темамъ», какъ то утверждаетъ г. Венгеровъ, но и остался во многомъ вѣренъ своимъ взглядамъ до конца жизни. Возьмите его отношеніе хоть къ знаменитому произведенію Карамзина. Извѣстно, что, не взирая на свои злыя эпиграммы на Карамзина, Пушкинъ сталъ впослѣдствіи относиться къ нашему «исторіографу» совершенно иначе. Не то Бестужевъ. Онъ остается и въ тридцатыхъ годахъ на той же точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на произведенія Карамзина въ началѣ двадцатыхъ. Въ письмѣ къ матери изъ Дербента (отъ 19-го января 1831 года) онъ писалъ:

«Вы обвиняете меня, что я рѣзокъ въ критикѣ. Я втрое пылче въ похвалахъ. Никогда не любилъ я бабушку-Карамзина, человѣка безъ всякой философіи, который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справляясь съ предыдущей. Онъ былъ пустозвонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочной, скрывающій подъ шумихою сентенцій чужихъ свою собственную ничтожность. Не то Полевой» и т. д.[2]).

Такъ относились въ двадцатыхъ годахъ къ труду Карамзина издатели «Полярной Звѣзды», такъ смотрѣлъ Пушкинъ, такъ смотрѣли нѣкоторые другіе. Это было обусловлено точкой зрѣнія, съ которой всѣ они смотрѣли на общественно-политическіе вопросы. Ее-то и сохранилъ во многомъ Бестужевъ и въ тридцатыхъ годахъ. О двадцатыхъ же и говорить нечего. Онъ не только интересуется извѣстными вопросами, но и дѣлаетъ ихъ именно «темами» своихъ произведеній.

Мы увидимъ далѣе, какъ сталъ относиться Бестужевъ къ Пушкину, когда муза Александра Сергѣевича стала из-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1870 г., VI, 521.

[2]) „Александръ Бестужевъ на Кавказѣ“. „Рус. Вѣстникъ“ 1870 г., VI, 506—507.

давать не тѣ звуки, издавать которые ей надлежало, по мнѣнію Бестужева, а между тѣмъ, онъ глубоко любилъ Пушкина, былъ потрясенъ извѣстіемъ о его смерти и въ замѣчательномъ письмѣ, которое мы приведемъ ниже, клялся, что при первой же встрѣчѣ съ Дантесомъ, одинъ изъ нихъ не увидитъ больше свѣта...

Александръ Бестужевъ не былъ натурою цѣльною и глубокою, въ немъ было много порывистости, онъ готовъ былъ подчасъ на «военныя хитрости», на которыя былъ рѣшительно не способенъ его высокоблагородный братъ, въ его характерѣ было не мало и тѣневыхъ сторонъ. Все это ясно выступаетъ при тщательномъ изученіи его біографіи, но видѣть въ Бестужевѣ лишь «случайнаго участника движенія двадцатыхъ годовъ», какъ это дѣлаетъ г. Венгеровъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Характеры Николая и Александра Бестужевыхъ, — это въ нѣкоторомъ родѣ характеры Остапа и Андрея Бульбы. И Остапъ и Андрей ненавидятъ бурсацкіе порядки, они оба способны на отважныя предпріятія, но когда дѣло доходитъ до расплаты, Андрей, съ помощью гибкаго и изворотливаго ума своего, умѣетъ, если не совсѣмъ избавиться отъ бурсацкихъ лозъ, то хоть уменьшить ихъ число, тогда какъ Остапъ, отложивъ всякое попеченіе, преспокойно ложится въ этихъ случаяхъ на бурсацкій эшафотъ. «Выдать товарища,—замѣчаетъ Гоголь,—не могли заставить Остапа никакія лозы». Не выдавалъ ихъ и Андрей, но онъ не считалъ грѣхомъ избавиться отъ наказанія, если средства, которыя онъ для этого пускалъ въ ходъ, принося ему пользу, не усугубляютъ наказаніе товарищей. Подобно Остапу, Николай Бестужевъ не ждетъ себѣ пощады, не умаляетъ своей вины, въ большинствѣ случаевъ молчитъ или отдѣлывается краткими отвѣтами: «нѣтъ», «не знаю» и пр. Подобно Андрею, Александръ, попавши въ бѣду, пускается на военныя хитрости, говоритъ, что видѣлъ въ тайномъ обществѣ «одну игрушку», что «искалъ средства изъ него удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами», что для этого думалъ жениться и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу» и т. д.[1]). Служа впослѣдствіи на Кавказѣ и видя совершенно ясно

[1]) „Донесеніе слѣдственной комиссіи“, 52.



цѣну многихъ изъ кавказскихъ „героевъ“, онъ куритъ имъ ѳиміамъ въ письмахъ, которыя, онъ полагаетъ, будутъ вскрыты и прочитаны не однимъ только адресатомъ. Г. Венгеровъ говоритъ, что даже въ письмахъ, посылаемыхъ съ вѣрной оказіей, Бестужевъ отзывается объ императорѣ Николаѣ въ исполненныхъ преданности выраженіяхъ, и отсюда біографъ дѣлаетъ заключеніе, что «отъ прежнихъ идей у Бестужева не осталось и слѣда». Фактически указаніе г. Венгерова совершенно правильное, но существуетъ любопытное письмо Бестужева къ одному изъ парижскихъ пріятелей, написанное имъ еще третьяго марта 1824 года и затѣмъ опубликованное въ «Русской Старинѣ». Въ этомъ письмѣ личность Бестужева проявляется съ двухъ сторонъ: во первыхъ, въ качествѣ человѣка, чрезвычайно интересующагося «политикой» и во-вторыхъ, человѣка, крайне осторожнаго въ перепискѣ. «За мой винигретъ, — пишетъ Бестужевъ, — прошу заплатить, въ свою очередь, политикой и словесностью. Эти два пункта меня очень занимаютъ». Онъ засыпаетъ вопросами своего корреспондента: «Что дѣлаютъ либералы и каковъ ихъ характеръ? Каковъ духъ большей части французовъ? Доволенъ ли народъ? Пожалуйста, бросьте *при вѣрномъ случаѣ* нѣсколько строкъ объ этомъ» [1]). Подчеркнутыя слова особенно любопытны въ томъ отношеніи, что, говоря о самыхъ, въ сущности, невинныхъ вопросахъ политическаго характера, Бестужевъ, тогда еще ни въ чемъ незаподозрѣнный гвардейскій офицеръ и адъютантъ брата русской императрицы, уже остерегался «неисправности почты». На какую же вполнѣ вѣрную оказію могъ разсчитывать онъ, превратившись изъ адъютанта высочайшей особы въ рядового и государственнаго преступника, переписка котораго должна была интересовать очень многихъ? Вѣдь, письмо могло попасться даже въ моментъ его составленія, ибо съ Бестужева, можно сказать, не спускали съ глазъ [2]). При

[1]) Въ „Русской Старинѣ“, гдѣ было напечатано это письмо, говорится, что оно написано „къ неизвѣстному намъ лицу“. По всѣмъ обстоятельствамъ дѣла видно, что письмо было написано къ Я. Н. Толстому.

[2]) См. по этому поводу любопытную замѣтку *А. П. Берже* — „А. А. Бестужевъ въ Пятигорскѣ“, „Рус. Старина“, 1880 г., X, 417—422.

отмѣченной же нами постоянной готовности Бестужева прибѣгать къ «военнымъ хитростямъ», выводы г. Венгерова не могутъ быть названы вполнѣ основательными.

Читатель видитъ, что мы нисколько не подкрашиваемъ характера Александра Бестужева. Именно такимъ, со всѣмы свѣтлыми и темными сторонами своей личности принялъ онъ участіе въ общественномъ движеніи своего времени. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, познакомимся немного подробнѣе и съ третьимъ изъ братьевъ Бестужевыхъ — Михаиломъ.

Онъ окончилъ хорошо курсъ въ морскомъ корпусѣ и былъ произведенъ въ офицеры. «Добрый К. П. Торсонъ, — разсказываетъ самъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, — изъ любви къ брату и желая направить мои неопытные шаги на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, взялъ меня подъ свою опеку: предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ, склонилъ къ занятіямъ серьезнымъ и былъ моимъ дядькой и учителемъ» [1]).

Заграничное путешествіе и затѣмъ сравненіе европейскихъ порядковъ съ русскими произвели на Михаила Бестужева такое же впечатлѣніе, какъ и на остальную передовую молодежь второго десятилѣтія XIX вѣка. Личная несправедливость къ нему и его другу, Торсону, со стороны начальства довершили дѣло.

Въ 1823 году Торсонъ составилъ проектъ объ усовершенствованіи русскаго флота. Ему было поручено реализовать этотъ проектъ вооруженіемъ корабря «Эмгейтена» и онъ пригласилъ къ себѣ въ помощники Михаила Бестужева. Цѣлую зиму провели молодые моряки въ холодныхъ зданіяхъ адмиралтейства, работая изо всѣхъ силъ надъ своей задачей. Когда все было готово, императоръ Александръ осмотрѣлъ корабль, пришелъ въ восторгъ и спросилъ морского министра Ф. В. Моллера, «отчего онъ тутъ видитъ то, чего прежде нигдѣ не видалъ?» Моллеръ не обмолвился ни однимъ словомъ о дѣятельности Торсона и Бестужева и всѣ похвалы принималъ, какъ должныя, на собственный счетъ. «Накипѣвшее у Торсона негодованіе, — говоритъ Михаилъ Бестужевъ, — не могло скоро уходиться. Въ частыхъ бесѣдахъ со мною Торсонъ раскрывалъ душев-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1881 г. XI, 617.

ныя раны, и жалобы съ горечью изливались на существующія злоупотребленія, на гнетущій произволъ, на тлетворное растлѣніе всего административнаго механизма. «Надо положить этому конецъ», произносилъ онъ часто, останавливался, задумывался и перемѣнялъ разговоръ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ открылъ мнѣ существованіе тайнаго общества, съ цѣлью «положить этому конецъ», и принялъ меня въ члены» [1]).

Изъ этого разсказа самого Михаила Бестужева видно, что его братъ Александръ былъ вовсе неповиненъ въ «увлеченіи» его на путь тайныхъ обществъ, какъ о томъ празднословитъ Гречъ, а вслѣдъ за нимъ Богдановичъ, но совершенно вѣрно, что, узнавъ о присоединеніи Михаила къ тайному обществу, Александръ совѣтовалъ и содѣйствовалъ ему утилизировать его силы наилучшимъ образомъ, въ цѣляхъ общества. Вскорѣ послѣ описаннаго случая съ Моллеромъ, Торсонъ перешелъ на службу въ Петербургъ, а вслѣдъ за нимъ совсѣмъ оставилъ флотъ и Михаилъ Бестужевъ. Онъ хотѣлъ перейти въ сухопутныя войска, но куда и какъ? «Братъ Александръ, которому я исповѣдовалъ состояніе моей души, — разсказываетъ Михаилъ Александровичъ,—предложилъ мнѣ перейти на службу въ гвардію, объяснивъ мнѣ, что мое присутствіе въ полкахъ гвардіи, можетъ быть, будетъ полезно для дѣла тайнаго общества; я согласился. Онъ, будучи въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ильею Гавриловичемъ Бибиковымъ, членомъ нашего общества, адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, который его уважалъ и любилъ, взялся за переводъ» [2]). Дѣло устроилось, и такимъ образомъ морякъ Михаилъ Бестужевъ сдѣлался офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Это обстоятельство имѣло очень важныя для Бестужевыхъ, да и не однихъ только ихъ, послѣдствія. Извѣстно, что Московскій полкъ возмутили четырнадцатаго декабря, въ сущности, три человѣка: Александръ и Михаилъ Бестужевы и князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій. Изъ офицеровъ этого полка, кромѣ послѣднихъ двухъ (Александръ не былъ офицеромъ Московскаго полка), осужденъ еще одинъ

[1]) Ibid., 621.
[2]) „Рус. Старина“, 1870 г. VI. 525.

только прапорщикъ В. С. Толстой. Что касается Щепина-Ростовскаго, то онъ получилъ образованіе также въ морскомъ корпусѣ [1]), но когда и какимъ образомъ сдѣлался онъ офицеромъ Московскаго полка—мы не знаемъ. Принимая во вниманіе, что въ 1825 году ему было двадцать восемь лѣтъ, надо полагать, что онъ былъ почти однокурсникомъ въ морскомъ корпусѣ Михаила Бестужева, бывшаго въ описываемый моментъ двадцати шести лѣтъ. Въ записках Михаила Бестужева, правда, совсѣмъ не упоминается объ этомъ обстоятельствѣ, но, вѣдь, его записки, повидимому, опубликованы еще далеко не полностью, не только въ «Русской Старинѣ», но и въ иныхъ изданіяхъ [2]).

Теперь остановимся немного на роли Бестужевыхъ въ томъ общественномъ движеніи, которое привело къ 14 декабря 1825 года.

Мы упоминали, что г. Венгеровъ считаетъ Александра Бестужева случайнымъ участникомъ движенія. Въ статьѣ, озаглавленной «Бестужевъ-Марлинскій», онъ говоритъ слѣдующее:

«Если обратиться къ прямымъ участникамъ революціонной организаціи, то въ духовной природѣ *значительной части ихъ* не трудно будетъ найти черты, которыя дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему они примкнули къ организаціи. Пестель съ своей натурой Кассія, дерзкій Каховскій, фанатикъ Рылѣевъ, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, старшій братъ Марлинскаго, и въ Сибири только о томъ думавшій, чтобы быть полезнымъ ближнимъ, Батенковъ, который высидѣлъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь, всѣхъ этихъ людей никакъ нельзя назвать случайными участниками движенія». Что же касается Марлинскаго, то онъ, по мнѣнію г. Венгерова, какъ «никогда не касавшійся соціальныхъ и политическихъ темъ.

---

[1]) У Богдановича въ приложеніи къ главѣ XXXI шестой книги „Исторіи царствованія Александра I“ (стр. 62 — 72) находится списокъ осужденныхъ декабристовъ съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ въ 1825 году и полученнаго ими образованія.

[2]) Записки Бестужева печатались въ „Русской Старинѣ“ отрывками въ іюньской и августовской книжкахъ за 1870 годъ (въ трехъ изданіяхъ: во второмъ добавлена глава объ изобрѣтенной М. Бестужевымъ въ крѣпости стѣнной азбукѣ; третье ничѣмъ не отличается отъ второго) и ноябрьской 1881 года.

интересовавшійся почти исключительно областью чувства и любви въ частности, наконецъ, сдѣлавшій блестящую литературную карьеру при цензурѣ тридцатыхъ годовъ (отлично знавшей, что читаетъ произведенія государственнаго преступника), *очевидно*, попалъ въ заговоръ *только* потому, что всѣ его близкіе и пріятели въ немъ участвовали, и потому, что поддалъ обаянію, связанному со всякой опасностью»[1].

Повторяемъ, мы далеко не идеализируемъ личность Марлинскаго, но краски, которыми обрисовалъ его г. Венгеровъ, менѣе всего способны насъ удовлетворить. Мы уже видѣли, какъ падаетъ само собою даваемое г. Венгеровымъ объясненіе причинъ вступленія Марлинскаго въ тайное общество при свѣтѣ данныхъ фактическаго характера, ибо данныя эти говорятъ о вступленіи Марлинскаго на указанный путь *раньше* почти «всѣхъ его близкихъ и пріятелей». Но объясненіе г. Венгерова, кажущееся ему «очевиднымъ», не выдерживаетъ критики и съ другой стороны. Каховскій былъ «дерзокъ» и этой черты его «духовной природы», совершенно для г. Венгерова достаточно, чтобы ему стало «совершенно понятно», почему Каховскій вступилъ на извѣстную дорогу. Но, вѣдь, чѣмъ другимъ, а «дерзостью» одарила природа въ очень сильной степени и Марлинскаго. Самъ г. Венгеровъ приводитъ тому много примѣровъ. Отчего же «понятное» г. Венгерову въ Каховскомъ непонятно ему въ Марлинскомъ? Почему присутствіе одного изъ этихъ двухъ «дерзкихъ» людей въ движеніи явленіе «вполнѣ понятное», а на участіе въ томъ же движеніи другого надо смотрѣть, какъ на случайность? Отвѣтъ на эти вопросы только одинъ: г. Венгеровъ разсортировалъ участниковъ движенія, о которомъ идетъ рѣчь, на случайныхъ, и неслучайныхъ безъ достаточнаго къ тому основанія. Если обладаніе «дерзостью» основаніе достаточное, чтобы то или иное изъ дѣйствующихъ лицъ было зачислено въ разрядъ неслучайныхъ, то въ общую категорію должны попасть и Каховскій, и Марлинскій; если же одной этой черты «духовной природы» для такого зачисленія еще недостаточно, то, значитъ, Каховскій обладалъ и еще чѣмъ-нибудь

[1] „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“, т. III, 157.

такимъ, что дѣлаетъ его участіе въ движеніи «вполнѣ понятнымъ». Но тогда надо рѣшить и другой вопросъ: не обладалъ ли тѣмъ же и Марлинскій?

Дѣло въ томъ, что *индивидуальныя* причины, толкнувшія въ движеніе его участниковъ, чрезвычайно разнообразны. Что общаго между психическимъ складомъ, напр., С. И. Муравьева-Апостола и А. И. Якубовича, князя А. П. Барятинскаго и Д. И. Завалишина, И. И. Горбачевскаго и В. К. Тизенгаузена? Это все люди разныхъ психическихъ міровъ, люди гораздо болѣе между собою далекіе, чѣмъ П. А. Каховскій и А. А. Бестужевъ, и, тѣмъ не менѣе, у всѣхъ ихъ было нѣчто общее, что заставило ихъ пропитаться атмосферой, господствовавшей въ передовыхъ кружкахъ военной молодежи двадцатыхъ годовъ. Это-то «нѣчто» и было побудительною причиною дѣятельности какъ Марлинскаго, такъ и многихъ другихъ изъ его товарищей. Если же взять только день 14 декабря 1825 года, то и тутъ надо будетъ сказать, что не Марлинскій былъ случайнымъ участникомъ въ событіяхъ этого дня, а самыя событія были въ нѣкоторомъ родѣ случайностью.

Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что *настроеніе* Бестужева въ двадцатые годы ничѣмъ не отличалось отъ *настроенія* его друзей. Но ни Бестужевъ, ни его друзья не имѣли и въ помыслахъ, что развязка такъ близка. Это вѣрно, по крайней мѣрѣ, относительно такъ называемаго «Сѣвернаго Общества». Развѣ старый членъ общества, одинъ изъ его руководителей, князь Евгеній Петровичъ Оболенскій не писалъ о политическомъ преобразованіи Россіи, какъ о событіи, которое вырисовывалось предъ глазами членовъ общества «въ дали туманной, недосягаемой»? Развѣ вѣрили въ успѣхъ своего дѣла въ самый день 14 декабря люди, игравшіе въ этотъ день наиболѣе активную роль: князь Е. П. Оболенскій, князь А. И. Одоевскій, князь Д. А. Щепинъ-Ростовскій, Н. А. Бестужевъ и, наконецъ, самъ К. Ф. Рылѣевъ? Нѣтъ, они не вѣрили и все-таки пошли. А Марлинскій? И онъ не вѣрилъ, и все-таки пошелъ. Его психика *ничѣмъ* не отличалась въ этотъ день отъ психики его друзей.

Обратимся къ документальнымъ даннымъ.

„Двадцать пятый годъ близился къ концу. Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ были поглощены заботами объ из-

даніи четвертаго выпуска «Полярной Звѣзды». Этотъ выпускъ такъ и не явился въ свѣтъ, но для него было приготовлено уже восемь печатныхъ листовъ [1]). Бестужевъ усидчиво работалъ надъ этимъ дѣломъ. Ему и въ голову не приходило, что уже напечатанные листы увидятъ свѣтъ лишь на страницахъ «Русской Старины» черезъ пятьдесятъ восемь лѣтъ послѣ ихъ изготовленія и сорокъ шесть послѣ—его смерти... [2]).

Оболенскій разсказываетъ, что 1825 годъ былъ встрѣченъ въ Петербургѣ очень тихо. Возвратясь въ началѣ этого года изъ двадцати-восьмидневнаго отпуска въ Москву, куда онъ ѣздилъ, «чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву», Оболенскій «нашелъ Рылѣева еще занятаго изданіемъ альманаха, а по дѣламъ общества все находилось въ какомъ-то затишьи. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ находились вдали отъ Петербурга. Н. И. Тургеневъ былъ за границей, Я. Н. Толстой тамъ же; И. И. Пущинъ переѣхалъ въ Москву, кн. С. П. Трубецкой былъ въ Кіевѣ, Мих. Мих. Нарышкинъ былъ также въ Москвѣ,—такимъ образомъ наличное число членовъ общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить себѣ цѣль и намѣренія общества, а потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ постоянное взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные періодически назначенные дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825 годъ [3]).

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1860 г., V, 141.

[2]) Новый выпускъ „Полярной Звѣзды“ долженъ былъ называться „Звѣздочкой“. Уцѣлѣвшіе листы ея напечатаны въ іюльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1883 г., 45—100.

[3]) *Евгеній Оболенскій.* „Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ“, „Девятнадцатый Вѣкъ“, историческій сборникъ, издаваемый П. Бартеневымъ, 320. О самомъ Оболенскомъ см. также статью г. Головинскаго—„Декабристъ князь Е. П. Оболенскій“ въ № 1 „Историческаго Вѣстника“ за 1890 годъ, 115—145. Статья эта, обнаруживающая въ авторѣ ея весьма слабое знакомство съ предметомъ, о которомъ онъ пишетъ (г. Головинскій даже не подозрѣваетъ о существованіи записокъ самого Оболенскаго, напечатанныхъ еще при его жизни на русскомъ и французскомъ языкахъ), содержитъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя, касающіяся Оболенскаго, интересныя свѣдѣнія.

Когда получено было извѣстіе о кончинѣ Александра, то «наканунѣ присяги (Константину), — разсказываетъ Оболенскій въ своихъ «Запискахъ», — всѣ наличные члены общества собрались у Рылѣева. Всѣ *единогласно* рѣшили, что предпринимать что-либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было дѣйствія общества на время пріостановить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а можетъ быть навсегда, отдалилось осуществленіе лучшей мечты нашей жизни.

Когда же пришли слухи объ отреченіи Константина, то члены общества стали снова ежедневно сходиться на совѣщанія, на которыхъ Рылѣевъ настаивалъ на необходимости «воспользоваться междуцарствіемъ»... «Я и многіе со мною изъявили мнѣніе противъ мѣръ, принятыхъ въ этотъ день (14 декабря) обществомъ, но необинуемость близкая, неотвратимая заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось общество въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха, — едва-ли кто-нибудь изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ. Каждый надѣялся на случай благопріятный, на неожиданную помощь, на то, что́ называется счастливой звѣздой, но при всей невѣроятности успѣха, каждый чувствовалъ, что обязанъ обществу исполнить данное слово, обязанъ исполнить свое назначеніе и съ этимъ чувствомъ, этимъ убѣжденіемъ, въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды».

Разсказъ Оболенскаго выясняетъ чрезвычайно хорошо психологію дѣйствующихъ лицъ: никто не вѣрилъ въ успѣхъ, но всѣ считали данное дѣло, *дѣломъ чести* и готовились не къ побѣдѣ, а къ гибели. Этимъ объясняется многое и многое изъ самыхъ событій 14 декабря.

Въ такомъ настроеніи духа явился на площадь Оболенскій, въ такомъ явились и многіе другіе, въ такомъ же и братья Бестужевы.

Въ доказательство того, что это было именно такъ, мы остановимся подробно на разсказахъ другихъ участниковъ событій 14 декабря и тѣхъ дней, которые непосредственно предшествовали возстанію на сенатской площади. Наиболѣе цѣнныя свѣдѣнія объ этихъ дняхъ даютъ въ своихъ запис-

кахъ Николай и Михаилъ Бестужевы. Къ нимъ-то мы теперь и обратимся.

Настроеніе многихъ членовъ Сѣвернаго Общества, еще задолго до событій 14 декабря, Н. А. Бестужевъ обрисовываетъ такими словами:

«Часто въ разговорахъ нашихъ сомнѣніе на счетъ успѣха выражалось очень положительно. Не менѣе того, мы видѣли необходимость дѣйствовать: чувствовалась потребность пробудить Россію. Рылѣевъ *всегда* говаривалъ: предвижу, что не будетъ успѣха, но потрясеніе необходимо[1]).

Это настроеніе Рылѣева и его ближайшихъ друзей не измѣнили и вдругъ послѣдовавшія событія такой огромной важности, какъ смерть Александра I, присяга Константину, его нежеланіе принять корону, вторичная присяга Николаю I и т. д. Рѣшено было дѣйствовать немедленно, но люди шли не съ мыслью о побѣдѣ, а съ сознаніемъ необходимости довести задуманное дѣло до конца. Это не значитъ, что побѣда была и въ дѣйствительности дѣломъ совершенно невозможнымъ, — напротивъ, многіе моменты рокового дня 14 декабря свидѣтельствуютъ о противоположномъ, — но мы занимаемся въ данную минуту анализомъ всѣхъ происходившихъ тогда событій не съ ихъ объективной стороны, а со стороны *субъективнаго настроенія* дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ.

Тотъ же Н. А. Бестужевъ передаетъ въ оставленныхъ имъ отрывкахъ его «Записокъ» чрезвычайно интересныя подробности его свиданій съ Рылѣевымъ немедленно по полученіи извѣстій о смерти Александра I и отреченіи Константина. Засвидѣтельствовавши о томъ, что событія эти явились неожиданностью, какъ для него такъ и для Рылѣева, Бестужевъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ всѣмъ этимъ на Кондратія Федоровича. Вбѣжавшіе къ Рылѣеву Бестужевъ и Торсонъ стали упрекать въ его лицѣ все Общество въ бездѣятельности, ибо иначе, чѣмъ было объяснить его неосвѣдомленность о наступившихъ событіяхъ.

---

[1]) *Н. Бестужевъ* —„Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ“. 25. Графъ Литке разсказываетъ въ своей автобіографіи, что, будучи близко знакомъ съ Н. А. Бестужевымъ, онъ часто слышалъ отъ него по поводу различныхъ дѣйствій властей такую фразу: „ничего; чѣмъ хуже,—тѣмъ лучше“. (*В. П. Безобразовъ*—Графъ Федоръ Петровичъ Литке“. Приложеніе къ LVII т. Записокъ Императорской Академіи Наукъ. стр. 110).

«Рылѣевъ долго молчалъ, облокотясь на колѣни и положивъ голову между рукъ.

«Онъ былъ пораженъ нечаянностью случая и, наконецъ, сказалъ:

«Это обстоятельство даетъ намъ понятіе о нашемъ безсиліи. Я обманулся самъ; мы не имѣемъ установленнаго плана, никакія мѣры не приняты, число наличныхъ членовъ въ Петербургѣ не велико, но, несмотря на это, мы соберемся опять сегодня ввечеру. Между тѣмъ, я поѣду собрать свѣдѣнія, а вы, ежели можете, узнайте расположеніе умовъ въ войскѣ.

«Батенковъ и братъ Александръ явились въ эту минуту, и первое начало происшествій, ознаменовавшихъ періодъ междуцарствія, началось бѣднымъ собраніемъ пяти человѣкъ.

«Съ сей минуты домъ Рылѣева сдѣлался сборнымъ мѣстомъ нашихъ совѣщаній, а онъ—душою оныхъ. Ввечеру мы сообщили другъ другу собранныя свѣдѣнія: онѣ были неблагопріятны. Войско присягнуло Константину холодно, однако, безъ изъявленія неудовольствія. Въ городѣ еще не знали, отречется-ли Константинъ; тайна его прежняго отреченія въ пользу Николая еще не распространилась. Въ Варшаву поскакали курьеры, и всѣ были увѣрены, что дѣла останутся въ томъ же положеніи.

«Когда мы остались трое: Рылѣевъ, братъ мой Александръ и я, то послѣ многихъ намѣреній положили, было, написать прокламаціи къ войску и тайно разбросать ихъ по казармамъ, но послѣ, признавъ это неудобнымъ, изорвали нѣсколько написанныхъ уже листовъ и рѣшились всѣ трое идти ночью по городу, останавливать каждаго солдата, останавливаться у каждаго часового и передавать имъ словесно, что ихъ обманули, не показавъ завѣщанія покойнаго царя, въ которомъ дана была свобода крестьянамъ и убавлена до пятнадцати лѣтъ солдатская служба.

«Это положено было разсказывать, чтобы приготовить духъ войска для всякаго случая, могшаго представиться впослѣдствіи. Я для того упоминаю объ этомъ намѣреніи, что оно было началомъ дѣйствій нашихъ и осталось неизвѣстнымъ комитету [1]).

---

[1]) Подъ „комитетомъ“ Н. А. Бестужевъ разумѣетъ комитетъ или коммиссію, учрежденную для слѣдствія по дѣлу декабристовъ.

«Нельзя представить жадности, съ какою слушали солдаты; нельзя изъяснить быстроты, съ какою разнеслись наши слова по войскамъ; на другой день такой же обходъ по городу удостовѣрилъ насъ въ этомъ.

«Два дня сильнаго безпокойства, двѣ безсонныя ночи въ ходьбѣ по городу и огорченіе сильно подѣйствовали на Рылѣева. У него сдѣлалось воспаленіе горла; онъ слегъ въ постель; воспаленіе перешло въ жабу; онъ едва могъ переводить дыханіе, но не переставалъ принимать участіе въ дѣлахъ общества. Мало по малу число наше увеличивалось; члены съѣзжались отовсюду, и болѣзнь Рылѣева была предлогомъ безпрестанныхъ собраній въ его домѣ.

«Между тѣмъ, сомнѣнія насчетъ наслѣдства престола возростали. Намъ открывался новый случай воспользоваться новою присягою. Мы работали усерднѣе: приготовляли гвардію, питали и возбуждали духъ непріязни къ Николаю, существовававшій между солдатами. Рылѣевъ выздоравливалъ и не переставалъ быть источникомъ и главною пружиною всѣхъ дѣйствій Общества» [1].

Нѣсколько улучшившееся положеніе дѣлъ не принесло, однако, перемѣнъ въ настроеніи Рылѣева и его друзей касательно значенія предпринимавшихся ими дѣйствій.

Это слѣдуетъ изъ такихъ строкъ разсказа Н. А. Бестужева, относящихся уже къ самымъ событіямъ 14 декабря:

«Когда я пришелъ на площадь (Сенатскую) съ гвардейскимъ экипажемъ, — пишетъ онъ, — было уже поздно (т. е. поздній часъ времени). Рылѣевъ привѣтствовалъ меня первымъ цѣлованіемъ свободы и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «*предсказаніе* наше сбывается: послѣднія минуты наши близки, но это минуты нашей свободы, мы дышали ею и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою». «Это были послѣднія слова Рылѣева, которыя мнѣ были сказаны» [2].

Не менѣе интересенъ разсказъ объ этихъ же дняхъ М. А. Бестужева:

---

[1] Этотъ отрывокъ изъ записокъ Н. А. Бестужева приведенъ, между прочимъ, въ книгѣ Н. К. Шильдера—„Императоръ Николай I“, т. I, 267—268.

[2] Ibid. стр. 511—512. Какъ извѣстно, К. Ф. Рылѣевъ былъ повѣшенъ 13 іюля 1826 года.

«Шумно и бурливо,— пишетъ онъ,— было совѣщаніе наканунѣ 14 (декабря) въ квартирѣ Рылѣева. Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно-высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобоисполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ [1]). Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго...

«Зато, какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему,— на любовь къ родинѣ,— физіономія его оживлялась, черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда, бывало, не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: «to be or not to be». Его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгова [2]), съ которымъ мы бесѣдовали, повѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, сказалъ: «миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ [3]) или Якубовичъ [4]), но увѣренъ, что сдѣлаете

[1]) М. А. Бестужевъ имѣетъ, очевидно, въ виду тѣхъ лицъ, которыя принимали участіе въ этомъ совѣщаніи, но не были на другой день на Сенатской площади.

[2]) Поручикъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка Александръ Сутговъ за участіе въ событіяхъ 14 декабря на Сенатской площади, причемъ онъ лично возмутилъ часть войскъ, былъ приговоренъ къ отсѣченію головы. Этотъ приговоръ замѣненъ былъ ему при конфирмаціи ссылкою въ каторжныя работы безъ срока.

[3]) Штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка князь Дмитрій Александровичъ Щепинъ-Ростовскій оказался не такимъ человѣкомъ только „слова", какъ о немъ думали нѣкоторые его товарищи: за возмущеніе Московскаго полка 14 декабря князь Щепинъ-Ростовскій приговоренъ былъ къ отсѣченію головы, а по конфирмаціи сосланъ въ каторжныя работы безъ срока.

[4]) Капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Александръ Ивановичъ Якубовичъ былъ приговоренъ къ тому же наказанію, какъ Сутговъ и Щепинъ-Ростовскій, за „личное дѣйствіе въ мятежѣ", „умыселъ на цареубійство" и др.

свое дѣло. Мы...». Я прервалъ его: «мнѣ крайне подозрительны эти бравады и хвастливыя выходки особенно Якубовича. Вы поручили ему поднять артиллеристовъ и Измайловскій полкъ, придти съ ними ко мнѣ и тогда уже вести всѣхъ на площадь къ Сенату, но, повѣрь мнѣ, онъ этого не исполнитъ, а ежели и исполнитъ, то промедленіе въ то время, когда энтузіазмъ солдатъ возбужденъ, можетъ повредить успѣху, если не вовсе испортить.

«Какъ можно предполагать, чтобы храбрый Кавказецъ?

«Но храбрость солдата не то, что храбрость заговорщика, а онъ достаточно уменъ, чтобы понять это различіе. Однимъ словомъ, я приведу полкъ, постараюсь не допустить его до присяги, а другіе полки пусть присоединяются со мною на площади». «Солдаты твоей роты, я знаю, пойдутъ за тобою въ огонь и воду,— но прочія роты?»—спросилъ, немного подумавъ, Рылѣевъ. «Въ послѣдніе два дня солдаты мои усердно работали въ другихъ ротахъ, а ротные командиры дали мнѣ честное слово не останавливать своихъ солдатъ, если они пойдутъ за моими. Ротныхъ командировъ я убѣдилъ не ходить на площадь и не увеличивать понапрасну число жертвъ».—«А что скажете вы, сказалъ Рылѣевъ, обратившись къ Сутгову». «Повторяю тоже, что вамъ сказалъ Бестужевъ»,— отвѣчалъ Сутговъ. «Я приведу ее на площадь, когда соберется туда хоть часть войска». «А прочія роты»?—спросилъ Рылѣевъ. «Можетъ быть, и прочія послѣдуютъ за мною, но за нихъ я не могу ручаться». Это были послѣднія слова, которыми мы обмѣнялись на этомъ свѣтѣ съ Рылѣевымъ. Было близко полуночи, когда мы его оставили, и я спѣшилъ домой, чтобы быть готовымъ къ роковому завтрашнему дню и подкрѣпить ослабѣвшія отъ напряженной дѣятельности силы хоть нѣсколькими часами сна» [1]).

О Петрѣ Бестужевѣ, на основаніи записокъ его брата Михаила, извѣстно слѣдующее: всѣ братья всячески препятствовали вступленію Петра въ Общество, желая, чтобы уцѣлѣлъ хоть кто-нибудь изъ ихъ семьи, но случилось иначе.

«За пять дней до 14 декабря,—разсказываетъ Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, — Петръ пріѣхалъ въ Петер-

---

[1]) *Шильдеръ*, стр. 277—279.

бургъ, сопровождая жену Михаила Степановича Степоваго, и уѣхалъ обратно въ Кронштадтъ, *по нашему настоянію*, за день до рокового дня. Каково же было мое удивленіе, когда 13 декабря, бывъ на совѣщаніи у Рылѣева, я, забѣжавъ навѣстить Ореста Сомова, больного и жившаго въ одномъ домѣ съ Рылѣевымъ, — неожиданно увидѣлъ брата Петра у него: онъ бросился ко мнѣ на шею и умолялъ не говорить о своемъ возвращеніи старшимъ братьямъ. «Они меня заставятъ снова уѣхать, — говорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — и я буду лишенъ завидной участи раздѣлить опасность вашего славнаго предпріятія». Что было дѣлать? Я согласился молчать, — и онъ явился на площадь, только что я привелъ Московскій полкъ» [1]). Такимъ образомъ, психическое настроеніе Петра Бестужева было одинаково съ настроеніемъ другихъ, дѣйствовавшихъ 14 декабря, лицъ. Изъ другого отрывка записокъ М. А. Бестужева, видно, что Петръ Бестужевъ былъ принятъ въ Общество лейтенантомъ Арбузовымъ [2]), а изъ другихъ данныхъ, что самъ Арбузовъ примкнулъ къ Обществу лишь за нѣсколько дней до 14 декабря. «Арбузовъ раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе», но не былъ членомъ Общества, — разсказываетъ А. П. Бѣляевъ, — «онъ какъ-то вошелъ случайно въ сношеніе съ кѣмъ-то изъ членовъ общества, когда уже присягнулъ Константину, и тутъ узналъ, что давно уже существуетъ такое Общество»... [3]).

Д. И. Завалишинъ говоритъ, что Арбузовъ познакомился съ Рылѣевымъ у него на квартирѣ, незадолго до отъѣзда его, Завалишина, въ Казань [4]), т.-е., опять-таки, значитъ, въ декабрѣ 1825 года.

Настроеніе такимъ образомъ было въ это время весьма повышеннымъ, но повышеннымъ не въ сторону надеждъ на успѣхъ, а именно въ сторону самопожертвованія. У князя Одоевскаго оно перешло даже въ экстазъ.

---

[1]) „Изъ записокъ М. А. Бестужева“. „Рус. Старина“. 1870 г., VI. 522.

[2]) „Рус. Старина“, 1881 г., XI, 622.

[3]) „Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ“, Спб., 165.

[4]) *Завалишинъ* — „Декабристы“, „Русскій Вѣстникъ“, 1884 г., II, 841.

«Умремъ! Ахъ, какъ славно мы умремъ!», — повторялъ онъ наканунѣ 14 декабря [1]). Наконецъ, въ этомъ же «Донесеніи» сообщается одинъ любопытный фактъ, характеризующій психическое настроеніе и Александра Бестужева.

Когда онъ, его братъ Михаилъ и князь Щепинъ-Ростовскій возмутили Московскій полкъ, то, выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, Щепинъ сказалъ ему: «Что! вѣдь, къ чорту конституція», и Бестужевъ отвѣчалъ ему (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): «Разумѣется, къ чорту [2]).

Такой обмѣнъ мыслей на тему, что «конституція» шла къ чорту», т.-е., что предпріятіе не удалось въ самомъ началѣ дѣла, и рядомъ съ этимъ тотъ образъ дѣйствій, какой проявили въ этотъ день Щепинъ-Ростовскій и Александръ Бестужевъ [3]), ясно указываетъ на психическое состояніе и этихъ лицъ. Оно ничѣмъ не отличалось отъ психическаго состоянія остальныхъ ихъ единомышленниковъ въ этотъ день.

Отсюда видно, какъ ошибается г. Венгеровъ, проводя рѣзкую грань между психикой Александра Бестужева и психикой «значительной части» другихъ заговорщиковъ.

Но намъ, пожалуй, могутъ возразить, что самопожертвованіе является чертою фанатиковъ, а Марлинскій, несомнѣнно, фанатикомъ не былъ. Такимъ мотивомъ могъ руководиться въ своей дѣятельности Рылѣевъ, но не Марлинскій, — веселый, экспансивный человѣкъ, прославившійся своимъ донъ-жуанствомъ, дуэлями и т. п. вещами. Такое возраженіе вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что Марлинскій, дѣйствительно, не былъ человѣкомъ вполнѣ цѣльнымъ, натурою, способною отдаться чему-нибудь одному разъ навсегда, отдаться такъ, чтобы это «одно» поглотило безъ остатка все его существованіе, но противорѣчить-ли хоть сколько-нибудь всему этому мотивъ «самопожертвованія» и у такихъ натуръ, разъ они считаютъ тотъ или иной вопросъ дѣломъ чести? А именно въ этой формѣ стоялъ вопросъ, по свидѣтельству многихъ декабристовъ, у Бестужева и его друзей.

[1]) Напечатанное по Высочайшему повелѣнію „Донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ“, стр. 65. Оно же перепечатано полностью въ т. III „Русскаго Архива“ за 1875 г.

[2]) Ibid., стр. 77.

[3]) Ibid., стр. 76—77.

Смотря на свое предпріятіе, какъ на долгъ чести, они шли на него, закрывъ глаза на послѣдствія. Наконецъ, вѣдь, это были почти всѣ люди военные, воспитавшіеся къ атмосферѣ, еще насыщенной событіями 1812—1815 г. и давно привыкшіе къ мысли о картечи. И такое настроеніе не только вполнѣ вязалось, но и должно было сосуществовать у многихъ ихъ нихъ съ бурными проявленіями молодости въ другихъ сферахъ жизни: отсюда то донъ-жуанство, на которомъ такъ подробно останавливается въ характеристикѣ Марлинскаго г. Венгеровъ, отсюда безчисленныя дуэли, участниками которыхъ были многіе декабристы (не исключая и Рылѣева), отсюда и многое другое. Вспомнимъ, что Пушкинъ въ эпоху своего наибольшаго радикализма имѣлъ и наибольшее количество всякихъ «исторій», доходя въ нихъ до прямого бреттерства. Сюда же примыкаютъ по прямой линіи Полежаевъ, а затѣмъ Лермонтовъ. Это была дань общественной атмосферѣ, въ которой жили передовые люди первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, дань эпохѣ, отъ которой они не могли освободиться, несмотря на свои выдающіяся умственныя и нравственныя качества. Марлинскій примкнулъ къ движенію подъ вліяніемъ Рылѣева, — это фактъ, но примкнулъ къ нему вполнѣ сознательно, зная, на что онъ идетъ, и готовясь къ гибели, также какъ готовились къ ней Рылѣевъ и многіе другіе. Повлекло его на этотъ путь чувство протеста противъ «аракчеевщины», а не желаніе только не отстать отъ «близкихъ и пріятелей», да «заманчивость романтической обстановки жизни заговорщика». Если даже Марлинскій интересовался «политическими и соціальными вопросами» менѣе другихъ, если онъ дѣйствовалъ больше по непосредственнымъ побужденіямъ своего пылкаго сердца, то, вѣдь, и тогда это еще далеко не равносильно желанію не отстать отъ другихъ да увлеченію лишь одною внѣшнею стороною дѣла.

III.

Наступило четырнадцатое декабря 1825 года. Мы, конечно, не будемъ описывать здѣсь всѣхъ событій, ознаменовавшихъ собою этотъ день, а остановимся лишь на роли въ нихъ братьевъ Бестужевыхъ. Мы уже сказали, что

Александръ и Михаилъ прибыли на Сенатскую площадь, предводительствуя возмущеннымъ ими Московскимъ полкомъ, Николай—съ возмущеннымъ имъ гвардейскимъ морскимъ экипажемъ, а Петръ, служа въ Кронштадтѣ, могъ явиться лишь лично. Извѣстно, что возмущеніе было подавлено пушечными выстрѣлами. По странной случайности этими выстрѣлами, положившими множество солдатъ и народу, не былъ ни убитъ ни раненъ не только ни одинъ изъ четырехъ братьевъ Бестужевыхъ, но и никто изъ остальныхъ предводителей возмущенія, хотя всѣ они находились въ самомъ центрѣ той волновавшейся массы, въ которую врѣзывалась на самомъ близкомъ разстояніи убійственная картечь. Съ этого момента мы можемъ слѣдить за тѣмъ, какъ развертывались передъ глазами Николая и Михаила Бестужевыхъ дальнѣйшія событія, на основаніи ихъ собственныхъ записокъ.

Вотъ что разсказываетъ объ эпилогѣ возмущенія на Сенатской площади 14 декабря и происшедшихъ вслѣдъ затѣмъ съ нимъ лично событій Н. А. Бестужевъ:

«Я стоялъ въ интервалѣ между Московскимъ каре и колоною гвардейскаго экипажа, нахлобуча шляпу, поджавъ руки и повторяя себѣ слова Рылѣева, что мы дышемъ свободою... Вдругъ, мы увидѣли, что полки, стоявшіе противъ насъ, разступились на двѣ стороны и батарея артиллеріи стала между ними съ разверстыми зѣвами, тускло освѣщаемыми сѣрымъ мерцаніемъ сумерекъ...

«Первая пушка грянула, — картечь разсыпалась; однѣ пули ударили въ мостовую и подняли рикошетами снѣгъ и пыль столбами, другіе вырвали нѣсколько рядовъ изъ фронта, третьи съ визгомъ пронеслись надъ головами и нашли своихъ жертвъ въ народѣ, лѣпившемся между колоною сенатскаго дома и на крышахъ сосѣднихъ домовъ... Другой и третій выстрѣлы повалили кучу солдатъ и черни, которая толпами собралась около нашего мѣста. Разбитыя оконницы зазвенѣли, но люди, слетѣвшіе вслѣдъ за ними, растянулись безмолвно и недвижимо. Какъ будто одеревенѣлый, я стоялъ тамъ же въ томъ же положеніи, смотрѣлъ въ глаза смерти и ждалъ рокового удара: въ эту минуту существованіе было такъ горько, что гибель казалась мнѣ благополучіемъ. Однако, судьбѣ угодно было иначе. Съ пятымъ

или шестымъ выстрѣломъ колонна дрогнула. Почуя это, я очнулся: между мною и бѣгущими была уже цѣлая площадь и сотни скошенныхъ картечью жертвъ... Я долженъ былъ слѣдовать общему движенію и съ какимъ-то мертвымъ чувствомъ въ душѣ пробирался между убитыхъ. Тутъ не было ни движенія, ни крика, ни стенанія. Только въ промежуткахъ между выстрѣлами можно было слышать, какъ кипятилась кровь струями по мостовой, растопляя снѣгъ и потомъ сама замерзала.

«За нами двинулся эскадронъ конной гвардіи и, когда при входѣ въ узкую Галерную улицу, бѣгущіе столпились, я достигъ лейбъ-гренадеръ, слѣдовавшихъ сзади, и сошелся съ братомъ Александромъ. Здѣсь мы остановили нѣсколько десятковъ человѣкъ, чтобы, въ случаѣ натиска, сдѣлать отпоръ и защитить отступленіе, но пушки продолжали стрѣлять по длинной и узкой улицѣ.

«Картечи догоняли лучше, нежели лошади, и составленный нами взводъ разсѣялся. Мертвыя тѣла солдатъ и народа валялись и валились на каждомъ шагу. Солдаты забѣгали въ дома, стучались въ ворота, старались спрятаться между выступами цоколей, но картечи прыгали отъ стѣны въ стѣну и не щадили ни одного закоулка. Такимъ образомъ толпы достигли перваго перекрестка и здѣсь были встрѣчены новою частью Павловскаго гренадерскаго полка.

«Не видавъ, куда исчезъ братъ мой, я поворотилъ въ полуотворенныя ворота направо и сошелся съ самимъ хозяиномъ дома. Двое порядочно одѣтыхъ людей бросились также въ ворота и въ ту минуту, какъ первый пригласилъ насъ войти, картечь поразила одного изъ послѣднихъ и онъ, упавъ, загородилъ намъ дорогу. Прежде, нежели я успѣлъ нагнуться, чтобы приподнять его, онъ закрылъ глаза на вѣки; кровь брызгала въ обѣ стороны изъ груди и спины: пуля пробила его насквозь.

— Боже мой! — Нельзя-ли ему помочь? — воскликнулъ хозяинъ.

Я безмолвно указалъ ему на рану, которая начиналась немного ниже лѣваго соска и оканчивалась противъ самаго хребта. Шинель молодого человѣка свалилась съ плечъ при паденіи.

— Да будетъ воля божія, — сказалъ хозяинъ. Пойдемте ко мнѣ, иначе еще кто-нибудь изъ насъ убудетъ.

«Итакъ мы трое, перешедъ дворъ, остановились на крыльцѣ.

— Позвольте мнѣ теперь спросить, господа, кого я имѣю честь у себя принимать? говорилъ хозяинъ, пока послышался голосъ слуги.

«Я распахнулъ шинель — и какъ полная форма мундира, штабъ-офицерскіе эполеты и крестъ могли служить достаточнымъ отвѣтомъ, хозяинъ учтиво поклонился.

— А вы?

«Молодой человѣкъ очень пріятной физіономіи сказалъ ему свою фамилію и мѣсто службы; я жалѣю, что не помню ни того, ни другого.

«Мы вошли въ комнату низшаго этажа и, когда подали свѣчу, хозяинъ приказалъ запереть снова дверь, закрыть ставни на набережную и на дворъ и не сказывать его дома.

«Пушечные выстрѣлы гремѣли по улицѣ и на Невѣ, ружейная пальба не переставала по обѣимъ сторонамъ дома. Все то, что я сказалъ, едва-ли продолжалось десять минутъ, потомъ пушки замолкли, ружейные выстрѣлы слышались изрѣдка, наконецъ, и тѣ перестали.

«Тогда молодой человѣкъ всталъ, поблагодарилъ хозяина за гостепріимство, повторилъ свою фамилію и былъ выпущенъ слугою на безлюдную набережную.

«Предѣлы приличія не позволяли и мнѣ оставаться долѣе, но я считалъ еще опаснымъ выйти на дворъ и когда хозяинъ, проводя своего гостя, подошелъ ко мнѣ съ такимъ видомъ, будто желалъ и моего ухода, я ему сказалъ:

— Вы сдѣлали великодушное дѣло, укрывъ насъ отъ картечи, и теперь, когда ихъ нечего бояться, молодой товарищъ мой ушелъ. По законамъ учтивости должно бы уйти и мнѣ. Но ваши поступки внушаютъ мнѣ довѣренность. Я долженъ сказать причину, почему прошу у васъ гостепріимства еще на часъ или два: я одинъ изъ приведшихъ на площадь войска, не присягнувшія Николаю.

«Хозяинъ мой поблѣднѣлъ. Сомнѣніе выразилось на его лицѣ.

— Теперь дѣло сдѣлано, продолжалъ я, замѣтивъ перемѣну, — вы властны располагать мною: или выдать, какъ бунтовщика, или укрыть, какъ преслѣдуемаго несчастливца.

«Онъ протянулъ руку. Вы останетесь у меня сколько нужно для вашей безопасности, сказалъ онъ.

— Разсудите, на что вы рѣшаетесь. Сверхъ мною сказаннаго — вы обязаны объявить, кого вы укрываете: я...

— Не нужно.... Мнѣ довольно одного вашего несчастья, — сказалъ онъ торопливо, взявъ меня за руку и сажая на стулъ“.

Собесѣдники разговаривали долго, и во время разговора Бестужевъ назвалъ хозяину дома свою фамилію. Хозяинъ предупредилъ своего гостя, что у него есть, служащій при дворѣ, сынъ, самыхъ противоположныхъ ему, Бестужеву, взглядовъ и что сынъ этотъ долженъ скоро придти домой.

Вскорѣ появился, дѣйствительно, молодой человѣкъ въ адъютантскомъ мундирѣ. Хозяинъ шепнулъ Бестужеву, что это и есть его сынъ.

«Молодой человѣкъ столько былъ занятъ происшествіями этого дня, — продолжаетъ свой разсказъ Бестужевъ, — что почти вовсе не замѣтилъ меня, не спрашивалъ отца, что съ нимъ случилось, и съ жаромъ разсказывалъ о дѣйствіяхъ государя, войскъ и артиллеріи.

— Чѣмъ же все это кончилось? — сказалъ мой хозяинъ. Я ушелъ съ площади, когда только что начинали стрѣлять и потому не знаю остальнаго.

— Однимъ словомъ, батюшка, эту толпу мерзавцевъ разогнали, нѣсколько человѣкъ офицеровъ, съ ними бывшихъ, перехватали. Теперь открывается, что зачинщики всего зла — братья Бестужевы; ихъ тутъ безъ счету: и ни одного изъ этихъ подлецовъ не могли поймать.

«Я сжалъ руки и стиснулъ зубы, но здѣсь не мѣсто было вступаться за свою обиженную честь. Хозяинъ мой вздрогнулъ, взглянулъ при этихъ словахъ на меня и началъ:

— Не брани, любезный другъ, такъ легкомысленно людей, не разсудивъ хорошенько объ ихъ поступкахъ. Ты смотришь на нихъ съ одной стороны и видишь ихъ глазами придворнаго, но, если-бы ты, подобно мнѣ, былъ на площади между ними, тогда бы ты согласился, что требованія ихъ были справедливы».

Сынъ скоро ушелъ и отецъ, обратившись къ Бестужеву, сказалъ:

— Вы видите, что вамъ не безопасно оставаться въ моемъ домѣ, имѣя сына моего съ сими мыслями....

— Я и не намѣренъ оставаться долѣе, сказалъ я,—хочу поблагодарить васъ и проститься.

— Нѣтъ, еще рано. Мы поужинаемъ, дадимъ еще успокоиться городу и тогда разстанемся.

«Здѣсь мы разстались»[1]).

На этомъ обрывается разсказъ Бестужева о событіяхъ 14 декабря.

Что же было съ Николаемъ Бестужевымъ дальше? Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ арестованъ? Мы привели уже въ самомъ началѣ нашей статьи повѣствованіе объ этомъ предметѣ Греча, но такъ какъ источникъ этотъ весьма малоцѣненъ, то, не довѣряя ему, мы считаемъ нужнымъ сопоставить между собою другія, существующія по этому поводу указанія. Малоцѣнною мы считаемъ книгу Греча не только потому, что совершенно расходимся въ оцѣнкѣ авторомъ тѣхъ событій, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ теченіе своей жизни, но и по той причинѣ, что *фактическая* часть его книги полна грубыхъ ошибокъ. На это существуетъ много доказательствъ. Опровергая, напр., другой, касающійся Н. А. Бестужева, разсказъ Греча (объ участіи, которое будто бы принималъ Бестужевъ въ извѣстной оборонѣ капитаномъ Рудневымъ корабля «Всеволодъ» въ сраженіи съ англичанами, 14 августа 1808 года), покойный М. И. Семевскій говоритъ: «зная жизнь Н. Бестужева *изъ годи въ годъ по самымъ достовѣрнымъ даннымъ* (курсивъ нашъ), мы прямо можемъ сказать, что *ничего того не было, о чемъ баснословитъ Гречъ*, равно какъ Бестужевъ никогда не могъ писать объ этомъ именно сраженіи»[2]). Нельзя не пожалѣть, поэтому, что составленная Семевскимъ біографія Н. А. Бестужева доведена только до 1823—1824 года. Это тѣмъ болѣе жаль, что въ примѣчаніи къ другой, касающейся Бестужевыхъ, статьѣ Семевскій писалъ: «пишущій эти строки составилъ обширную

[1]) „Изъ записокъ Н. А. Бестужева“, 29—38.
[2]) „Заря“, 1869 г., VII, отд. II, 38.

біографію Николая Бестужева, которую онъ и надѣется напечатать въ скоромъ времени» [1]). Такъ какъ это заявленіе напечатано Семевскимъ въ 1870 году, а составленная имъ статья о Николаѣ Бестужевѣ появилась въ 1869 году, то, очевидно, что рѣчь идетъ не объ этой біографіи, а о другой, при томъ «обширной», т.-е. о біографіи, которая до сихъ поръ еще не видѣла свѣта.

Уже одного этого достаточно, чтобы отнестись съ большимъ недовѣріемъ и къ другимъ разсказамъ Греча, а въ томъ числѣ и къ романическимъ обстоятельствамъ, которыми, по этому разсказу, сопровождался арестъ Н. А. Бестужева на Толбуховомъ маякѣ. На этомъ основаніи въ напечатанной этой же нашей статьѣ въ сентябрской книжкѣ «Міра Божьяго» за 1902 годъ мы писали такія строки:

«Удовольствуемся, поэтому, «сшиваніемъ» тѣхъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ «кусочковъ», которые касаются Николая Александровича Бестужева».

Мы сказали, что разсказъ Греча объ обстоятельствахъ, которыя сопровождали арестъ Н. А. Бестужева, относится къ области чистаго празднословія. Утверждаемъ мы это на слѣдующихъ основаніяхъ: кто интересовался общественнымъ движеніемъ въ эпоху Александра Перваго и дальнѣйшею судьбою участниковъ этого движенія, тому, вѣроятно, бросилась въ глаза интересная во многихъ отношеніяхъ личность Дмитрія Иринарховича Завалишина. Пережившій всѣхъ до единаго своихъ товарищей (умеръ 10 мая 1892 г. девяностолѣтнимъ старцемъ), этотъ человѣкъ на всемъ протяженіи своей долгой жизни, видимо, страдалъ той формой болѣзни, которую врачи-психіатры называютъ «mania grandiosa». Отъ юности, которую онъ началъ организаціей «Вселенскаго Ордена Возсоединенія», и до глубокой старости, когда состоялъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», Завалишинъ отличался именно маніей величія. Во всѣ свои писанія онъ вносилъ самую непріятную струю изумительнаго самовосхваленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, отличаясь, видимо, замѣчательною памятью и вообще выдающимися способностями, Завалишинъ очень рѣдко ошибался въ передачѣ фактической стороны дѣла. По этой причинѣ, изъ его ста-

[1]) „Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ", „Рус. Вѣстникъ" 1870 г. V, 217.

тей можно извлекать богатый матеріалъ фактическаго характера. Полемизируя съ А. П. Бѣляевымъ [1]) и восхваляя по обыкновенію себя, этотъ-то Завалишинъ и писалъ въ одной изъ своихъ статей такія строки:

«Бѣляевъ не могъ не знать о той манифестаціи, которую дѣлало Сѣверное тайное общество относительно меня въ Кронштадтѣ; о той шумной поѣздкѣ моей въ Кронштадтъ, въ которой сопровождали меня трое братьевъ Бестужевыхъ (Николай, Александръ и Петръ), Вильгельмъ Кюхельбекеръ [2]), Рылѣевъ, Оржицкій [3]), Каховскій [4]), Глѣбовъ [5]), Одоевскій [6]) и другіе, которые всѣ *намѣренно* (кур-

[1]) Александръ Петровичъ Бѣляевъ, авторъ обширныхъ воспоминаній, печатавшихся въ „Русской Старинѣ" съ 1880 по 1886 годъ и вышедшихъ въ изданіи Суворина отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ „Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ". Съ нимъ-то, а также съ Александромъ Филипповичемъ Фроловымъ, помѣстившемъ въ „Русской Старинѣ" нѣсколько статей („Воспоминанія и замѣтки" въ майской и іюльской книжкахъ 1882 г. и возраженія Завалишину въ №№ 5 и 6-мъ 1885 года) и Петромъ Николаевичемъ Свистуновымъ („По поводу новой книги и статей о декабристахъ", „Рус. Архивъ" 1870 года, № 8) и полемизируетъ Завалишинъ.

[2]) Извѣстный товарищъ Пушкина по Царскосельскому лицею, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, скончавшійся въ Сибири 11 августа 1846 года. О немъ см., между прочимъ, интересную статью г. Котляревскаго „Литературная дѣятельность декабристовъ". („Рус. Богатство", 1901 г., III).

[3]) Штабъ-ротмистръ Николай Николаевичъ Оржицкій былъ за участіе въ тайномъ обществѣ разжалованъ въ рядовые и служилъ на Кавказѣ.

[4]) Отставной поручикъ гвардіи Петръ Андреевичъ Каховскій за участіе въ тайномъ обществѣ, убійство 14 декабря на Сенатской площади графа Милорадовича и полковника Стюрлера, былъ повѣшенъ 13 іюля 1826 года.

[5]) Коллежскій секретарь Михаилъ Николаевичъ Глѣбовъ, по отбытіи каторжныхъ работъ въ Читинскомъ острогѣ, жилъ въ селѣ Кабанкахъ, Забайкальской области, гдѣ и скончался въ 1851 году.

[6]) Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, извѣстный поэтъ. По отбытіи каторжныхъ работъ, жилъ на поселеніи въ г. Ишимѣ Тобольской губерніи, откуда переведенъ на службу на Кавказъ рядовымъ. Умеръ въ 1839 году, на берегу Чернаго моря, на рукахъ товарища по несчастью, Николая Александровича Загорѣцкаго. Объ Одоевскомъ см. его біографію, составленную Сиротининымъ („Историческій Вѣстникъ", 1883 г., № 5) а также статью г. Котляревскаго въ „Рус. Богатствѣ", 1901 г., X.

сивъ Завалишина) выказываемыми почтительными отношеніями ко мнѣ давали знать, что я тутъ считаюсь главнымъ лицомъ и тѣмъ *наглядно* (курсивъ его же) свидѣтельствовали о данномъ мнѣ полномочіи дѣйствовать отъ имени Сѣвернаго общества въ Кронштадтѣ. Тамъ были уже члены этого общества, но они дѣйствовали вяло, и *одинъ изъ главныхъ прославился впослѣдствіи тѣмъ, что для спасенія себя хотѣлъ было задержать Николая Бестужева, бѣжавшаго 14-го декабря въ Кронштадтъ.* Мнѣ собственно поручалось тамъ не членовъ принимать, а подготовить общее мнѣніе къ тому, чтобы въ случаѣ успѣха переворота въ Петербургѣ, когда, по примѣру того, какъ было сдѣлано при переворотѣ 1762 г. Екатериною II, будетъ посланъ извѣстный адмиралъ въ Кронштадтъ принять начальство, то ему подчинились бы безъ сопротивленія» [1]).

Подчеркнутое нами мѣсто изъ этой цитаты слѣдуетъ сопоставить со слѣдующею выдержкою изъ записокъ Михаила Александровича Бестужева:

«Старшій братъ Николай, послѣднее время своей службы въ Кронштадтѣ, жилъ вмѣстѣ со мною и младшимъ братомъ Петромъ на казенной квартирѣ, въ домѣ, который впослѣдствіи передѣланъ для главнаго командира кронштадтскаго порта. Рядомъ съ нами занимали комнаты капитанъ-лейтенантъ Павелъ Аѳанасьевичъ Дохтуровъ, а надъ нимъ была квартира Екатерины Петровны Абросимовой, вдовы штурманскаго офицера. Я упоминаю объ этихъ личностяхъ потому, что *первый игралъ незавидную роль при арестованіи брата Николая на квартирѣ второй личности, т.-е Абросимовой»* [2]).

Изъ совершенно категорическихъ словъ М. А. Бестужева объ «*арестованіи* брата Николая на квартирѣ Абросимовой» мы и вывели заключеніе объ арестѣ Николая Бестужева именно тамъ, а не на Толбухиномъ маякѣ и, слѣдовательно, совсѣмъ не при тѣхъ романическихъ обстоятельствахъ, о которыхъ разсказываетъ Гречъ.

[1]) *Дмитрій Завалишинъ*, „Декабристы“, „Рус. Вѣстникъ“, 1884 г., II, 840.

[2]) „Изъ записокъ М. А. Бестужева“, „Рус. Старина“, 1870 г., VI, 519.

Въ дѣйствительности это не такъ. На квартирѣ Абросимовой, при благосклонномъ участіи капитанъ-лейтенанта Дохтурова произошелъ не арестъ Николая Бестужева, а лишь попытка его арестовать. Объ этомъ, не приведенномъ почему-то въ «Русской Старинѣ», эпизодѣ существуютъ слѣдующія строки въ запискахъ Михаила Бестужева.

«Братъ (Николай) еще во-время успѣлъ пробраться на набережную, спуститься на Неву и съ разсвѣтомъ приблизиться къ петербургскому выѣзду изъ Кронштадта. Онъ зналъ, что у воротъ Кронштадта караульные спрашиваютъ каждаго. Онъ подошелъ къ часовому, стоявшему у воротъ, и спокойно спросилъ, — давно-ли проѣхала кибитка? Мы никакой кибитки не видали, ваше благородіе, отвѣчалъ часовой. - - Такъ, вѣроятно, лошади куда-нибудь занесли несчастнаго ямщика, — продолжалъ братъ. — Они взбѣсились, выбросили меня изъ повозки и заставили прогуляться чуть не десять верстъ. Когда кибитка пріѣдетъ, удержи ее, пожалуйста, у воротъ и я пришлю за нею. — Слушаю, ваше благородіе, отвѣчалъ часовой, и братъ прошелъ. Онъ пришелъ въ свою квартиру въ увѣренности, что его никто не видалъ. Не прошло нѣсколькихъ часовъ, какъ явились два лица: директоръ штурманскаго училища М. Гавр. Степовой и Дохтуровъ, старшій адъютантъ и зять главнаго командира Моллера. Первый былъ личный врагъ брата, другой — давнишній его другъ и постоянный сосѣдъ по квартирѣ. Они объявили приказъ арестовать его. «Исполняйте вашу обязанность, сказалъ братъ Степовому, судьба даритъ васъ благопріятнымъ случаемъ для отмщенія». По грустному выраженію лица Степового, можно было видѣть внутреннюю борьбу долга съ состраданіемъ. «Какъ вы думаете?», — спросилъ онъ, обратившись къ Дохтурову. «Мы должны исполнить приказаніе начальства», отвѣчалъ тотъ. «Мы не получили положительнаго приказанія взять его, отвѣчалъ Степовой. Насъ просили узнать не здѣсь-ли онъ и я ничего не нашелъ. Подумайте». Они вышли, и за дверями было слышно, какъ Дохтуровъ упрекалъ его въ слабости и приказалъ поставить часового въ корридорѣ, ведшемъ на улицу. Братъ не потерялъ подаренныхъ ему минутъ: сбрилъ бакенбарды, подкрасилъ бороду, прищурилъ одинъ глазъ, надѣлъ наголь-

ный тулупъ, шапку, взялъ салазки и прошелъ мимо часового, поставленнаго именно для него» [1]).

На этомъ мѣстѣ записки М. А. Бестужева о занимающемъ насъ теперь предметѣ, къ сожалѣнію, также обрываются, и мы въ точности не знаемъ, что было съ Николаемъ Александровичемъ дальше и насколько справедливы, очевидно, ходившіе въ то время по городу и подхваченные Гречемъ слухи. Но мы теперь точно знаемъ, что Н. А. Бестужевъ былъ арестованъ именно тогда, когда пришелъ на Толбухинъ маякъ. Это прямо явствуетъ изъ перваго же его собственнаго показанія, когда онъ былъ приведенъ на допросъ къ Левашову. Показаніе это гласитъ:

«У матери оставилъ я шляпу и саблю и пошелъ пѣшкомъ моремъ въ Кронштадтъ. Въ Кронштадтѣ, пришедши, нашелъ взятыя всѣ мѣры для останавливанія всѣхъ проѣзжающихъ, но одежда моя позволила мнѣ пробраться. Я прошелъ въ квартиру г-жи Абросимовой, которая находилась въ Петербургѣ, выпросилъ у человѣка ея тулупъ и отправился на Кронштадтскую косу, дабы перейти на Толбухинскій маякъ, для чего сдѣлалъ себѣ видъ за подписаніемъ Спафарьева и два письма на имя строителя маяка, дабы дать вѣроятіе своему одѣянію. Вчерашній день, придя *туда*, былъ захваченъ и отправленъ подъ стражею въ Петербургъ».

Вотъ, кажется, и все, что точно извѣстно о Н. А. Бестужевѣ въ промежутокъ времени между исчезновеніемъ его съ Сенатской площади и тѣмъ моментомъ, когда онъ очутился въ рукахъ властей.

Весьма интересны также, описанныя М. А. Бестужевымъ, событія, случившіяся съ нимъ за тотъ же промежутокъ времени. Уцѣлѣвши, подобно другимъ, какимъ-то чудомъ отъ картечи и послѣ неудачной попытки завладѣть съ остатками Московскаго полка Петропавловскою крѣпостью, Михаилъ Бестужевъ отправился въ квартиру своихъ сестеръ.

«Медленно пробираясь по переулкамъ къ мирному жилищу сестеръ, — пишетъ онъ, — я чувствовалъ, какъ лихорадочное волненіе утихало во мнѣ и, отъ души отлегала какая то тягость, давившая меня. Мнѣ какъ-то легко дыша-

---

[1]) Памяти братьевъ Бестужевыхъ, выдержки изъ записокъ, 45—46.

лось, совѣсть была спокойна. Я зналъ, что исполнилъ свой долгъ безупречно и даже находилъ удовольствіе выдумывать себѣ самыя страшныя и самыя унизительныя казни. Здоровый организмъ вступалъ въ свои права: проведши три дня почти безъ сна и пищи, я почувствовалъ голодъ и желаніе уснуть. Сестры встрѣтили меня со слезами и распросами. «Теперь не время, mes soeurs, вздыхать, плакать и болтать. Дайте мнѣ чего-нибудь закусить и отдохнуть немного, и я на вѣчную разлуку съ вами постараюсь удовлетворить ваше любопытство».

Нѣсколько отдохнувши, Бестужевъ задумался надъ вопросомъ: что же теперь дѣлать? Бѣжать или самому явиться и отдать себя добровольно въ руки властей? Онъ рѣшился на первое. Съ большимъ трудомъ пробрался онъ въ квартиру Торсона, жившаго на Галерной улицѣ. Благодаря послѣднему обстоятельству, Бестужеву пришлось снова ѣхать къ Сенатской площади. Онъ взялъ извощика и направился къ мѣсту, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ происходила кровавая трагедія. Когда онъ сказалъ извощику, куда ѣхать, тотъ отвѣчалъ: «да пустятъ-ли, баринъ, къ Исакію. Тамъ идетъ мытье да катанье, кругомъ стоятъ пушки да солдаты». «О какомъ мытьѣ ты говоришь,—спросилъ я». — «Вѣстимо дѣло, замываютъ кровь, посыпаютъ новымъ снѣгомъ и укатываютъ». — «А что, развѣ много было крови? — «Значитъ много было, то есть убитыхъ. Вотъ смотри,—прибавилъ онъ,—указывая на возъ, прикрытый рогожами,— вѣдь, это все покойники, дай Богъ имъ царство небесное!.. Теперь ихъ пихаютъ подъ ледъ безъ всякаго христіанскаго погребенія» [1]). Около площади Бестужевъ сошелъ съ извозчика. «Странную, оживленную картину,—пишетъ онъ,— представляла площадь эта. Она была мѣстами освѣщена пылающими кострами, у которыхъ грѣлись артиллеристы и солдаты. Сквозь дымъ и мерцаніе пламени то показывались, то скрывались блестящія жерлы

[1]) О томъ же свидѣтельствуетъ, на основаніи бумагъ тайнаго совѣтника М. М. Попова, и Шильдеръ: „Въ ночь на Невѣ было сдѣлано множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи". („Императоръ Николай I", т. I, стр. 516). См. также „Историческій Вѣстникъ" 1904 г., I., стр. 74.

пушекъ, поставленныхъ на всѣхъ выходахъ главныхъ улицъ на площадь... Внутри этого завѣтнаго круга, гдѣ за нѣсколько часовъ рѣшалась участь Россіи, рабочій людъ дѣятельно хлопоталъ смыть и уничтожить всѣ слѣды беззаконной попытки неразумныхъ людей, мечтавшихъ хоть немного облегчить тяжесть ихъ горькой судьбины. Одни скоблили красный снѣгъ, другіе посыпали вымытыя и выскобленныя мѣста бѣлымъ снѣгомъ, остальные сбирали тѣла убитыхъ и свозили ихъ на рѣку».

Небезъ приключеній удалось Бестужеву добраться до квартиры Торсона, съ которымъ онъ и пробесѣдовалъ до утра 15 декабря.

— Итакъ, ты думаешь бѣжать заграницу, — говорилъ Бестужеву Торсонъ. Но какими путями. Какъ? Ты знаешь, какъ это трудно исполнить въ Россіи и притомъ зимою?

— Согласенъ съ тобою — трудно, но не совсѣмъ не возможно. Главное я уже обдумалъ, а о подробностяхъ подумаю послѣ. Слушай: я переодѣнусь въ костюмъ русскаго мужика и буду играть роль прикащика, которому ввѣряютъ обозъ, каждогодно приходящій изъ Архангельска въ Питеръ. Мнѣ этотъ приказчикъ знакомъ и сдѣлаетъ для меня все, чтобы спасти меня. Въ бытность мою въ Архангельскѣ я это испыталъ. Онъ меня возьметъ, какъ помощника. Надо только достать паспортъ. Ну, да объ этомъ похлопочетъ Борецкій, къ которому я теперь отправляюсь. Дѣлопроизводитель въ кварталѣ у него въ рукахъ.

— Но кто это твой Борецкій и какъ ты такъ ввѣряешься первому встрѣчному?

— Борецкій, какъ тебѣ извѣстно, актеръ по страсти. Настоящая его фамилія Пустошкинъ. Онъ новгородскій дворянинъ и нашъ дальній родственникъ. Человѣкъ простой, но безупречно честный... Онъ достанетъ мнѣ бороду, парикъ и всѣ принадлежности костюма.

— Ну, хорошо, а потомъ что?

— Лишь бы мнѣ добраться до заставы и тогда я безопасно достигну Архангельска. Тамъ, до открытія навигаціи, буду скрываться на островахъ между лоцманами, между которыми есть задушевные мои пріятели, которые помогутъ мнѣ на англійскомъ или французскомъ кораблѣ высадиться въ Англію или во Францію.

— Дай Богъ, чтобы твои предположенія сбылись. А я что-то крѣпко сомнѣваюсь».

Тутъ Бестужевъ и Торсонъ вышли вмѣстѣ изъ дому. Торсонъ проводилъ своего пріятеля до дома Борецкаго, гдѣ они и разстались съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться снова... уже въ каторгѣ...

Борецкій обѣщалъ Бестужеву всякое содѣйствіе въ его предпріятіи, и Михаилъ Александровичъ сталъ дѣятельно готовиться къ побѣгу, но на слѣдующій день его мысли приняли совсѣмъ другое направленіе, благодаря слѣдующей, разсказываемой самимъ Бестужевымъ, встрѣчѣ:

«Спустившись съ Адмиралтейскаго бульвара, чтобы перейти на Невскій проспектъ, я увидѣлъ толпу любопытныхъ, сопровождавшихъ какого-то офицера. Всмотрѣвшись по пристальнѣй, я узналъ... Боже мой!.. я не вѣрилъ глазамъ своимъ—я узналъ Торсона... «Какими путями и такъ скоро успѣли до тебя добраться?» - подумалъ я. Впереди шелъ съ самодовольнымъ видомъ, какъ мнѣ показалось, Алексѣй Лазаревъ, гордо поднявъ голову и не понимая унизительной роли сыщика. За нимъ шелъ Торсонъ поступью твердою, съ лицомъ спокойнымъ и со связанными назадъ руками... Я какъ остановился, такъ и простоялъ, какъ вкопанный, нѣсколько минутъ, погруженный въ грустныя, горькія думы. «Нѣтъ, учителю! [1]) Я, подобно Петру, не отрекусь отъ тебя! И не малодушіе-ли бѣжать, Богъ знаетъ куда, когда я могу съ чистою совѣстью раздѣлить съ тобою твою горькую участь. Я докажу, что свято храню твое ученіе и горжусь честью быть членомъ того священнаго Общества, въ которое ты принялъ меня, гдѣ каждый членъ долженъ положить душу за благо отчизны... *Я рѣшился добровольно предать себя*».

И Михаилъ Бестужевъ такъ и поступилъ. Простившись съ родными, онъ отправился прямо въ Зимній дворецъ.

«Мысленно цѣлуя крестъ, на которомъ будутъ распинать меня, — пишетъ онъ, — я въ душѣ поклялся тѣмъ же крестомъ, — символомъ любви къ ближнему, - умереть, не погубивъ ни единаго изъ соучастниковъ нашихъ замысловъ.

---

[1]) Припомнимъ, что М. А. Бестужева принялъ въ тайное Общество именно Торсонъ.

Эта клятва обрекала меня на роль незавидную: отпираться и отрицать даже то, что происходило предъ моими глазами; роль пошлая, заставлявшая меня часто краснѣть отъ стыда, но роль благородная, когда, оборотясь, я съ гордостью въ душѣ и съ отраднымъ чувствомъ въ сердцѣ могу перечислить не одинъ десятокъ товарищей, избавленныхъ мною отъ лямки, тюрьмы или Сибири».

Войдя во дворецъ, Бестужевъ объявилъ, кто онъ и зачѣмъ явился. Нѣсколько объясненій съ караульнымъ офицеромъ, и Михаилъ Бестужевъ превратился въ узника.

«Меня привезли на дворцовую гауптвахту и, не снимая мундира, связали руки назадъ толстыми веревками [1]).

Такимъ же точно образомъ, т. е., явившись добровольно во дворецъ, отдался въ руки властей и братъ Михаила Александровича, Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій.

IV.

Съ этого момента судьба совершенно отдѣлила жизнь Александра Александровича отъ жизни его братьевъ, Николая и Михаила. Въ этой главѣ мы будемъ говорить, поэтому, о судьбѣ лишь одного Александра вплоть до его смерти, посвятивъ затѣмъ особую главу дальнѣйшей судьбѣ его братьевъ.

Государственныя преступленія Александра Бестужева Верховный уголовный судъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ:

«Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи, возбуждалъ къ тому другихъ, соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи, участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ» [2]).

[1]) Всѣ эти мѣста изъ записокъ М. А. Бестужева мы заимствуемъ изъ книги *Шимана* „Восшествіе на престолъ Николая I“, стр., 338, 353 и др.

[2]) „Русскій Инвалидъ“, 1826 г., № 169.

За эти преступленія Александръ Бестужевъ былъ приговоренъ судомъ къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Высочайшей конфирмаціей смертная казнь Александру Бестужеву была замѣнена ссылкою въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ «въ уваженіе того,—сказано въ указѣ верховному уголовному суду,—что лично явился ко Мнѣ съ повинною головою» [1]).

Но и этой кары Александръ Бестужевъ не понесъ, а послѣ пятнадцатимѣсячнаго еще заключенія въ крѣпостяхъ былъ прямо отправленъ на поселеніе въ Якутскъ. Чѣмъ объясняется это обстоятельство? Михаилъ Бестужевъ также лично явился во дворецъ, но смягченіе приговора при конфирмаціи на него совершенно не распространилось. М. И. Семевскій думаетъ, что живой и экспансивный Александръ былъ съ слѣдственной комиссіей очень «откровененъ», и это обстоятельство послужило къ смягченію его участи.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Якутска братьямъ Марлинскій писалъ: «Теперь я гражданинъ своего тулупа: никуда не хожу гулять и въ окошко гляжу только тогда, когда какой-нибудь якутъ закричитъ: «Балыкъ надо?» — на что я ему обыкновенно отвѣчаю: *сохъ* (нѣтъ), единственное слово въ этомъ языкѣ, которое я знаю очень твердо; жаль, право, что я не затвердилъ его ранѣе».

Издатель писемъ Бестужева изъ Якутска, М. И. Семевскій, дѣлаетъ къ послѣднимъ словамъ этого письма такой комментарій:

«Очень можетъ быть, что этою шуткою А. Бестужевъ намекаетъ на свою говорливость при слѣдствіи по дѣлу 14-го декабря. Въ то время, когда братья его, Николай и Михаилъ, въ твердой увѣренности, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, сочли излишнимъ вдаваться при допросахъ въ многословіе и обыкновенно ограничивались отвѣтами: «не знаю», «нѣтъ» и. т. п., Александръ, при его пылкомъ и живомъ темпераментѣ, вдался въ подробныя изъясненія цѣлей тайнаго Общества и своего въ немъ участія. Откровенность его была причиной, что участь его была облегчена: вмѣсто каторжной работы, онъ былъ сосланъ на посе-

[1]) „Русскій Инвалидъ", 1826 г., № 172.

леніе, но это именно и разлучило его съ братьями и друзьями» [1]).

Вѣрно это или нѣтъ, трудно сказать, такъ какъ подлинныя показанія Александра Бестужева, какъ и всѣхъ другихъ его товарищей, до сихъ поръ не опубликованы, но изъ источника, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ, видно, что Александръ Бестужевъ смѣло рисовалъ въ своихъ показаніяхъ ту картину безотраднаго положенія Россіи, которое привело часть наиболѣе образованнаго слоя ея населенія къ рѣшимости измѣнить существующій въ ней государственный строй. Мы говоримъ о статьѣ г. Дубровина, пользующагося, какъ извѣстно, правами просмотра хранящагося въ государственномъ архивѣ подлиннаго дѣла о декабристахъ, называющейся «Послѣ отечественной войны». Въ чрезвычайно содержательной статьѣ этой г. Дубровинъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ показаній Александра Бестужева:

«Словомъ, — писалъ А. А. Бестужевъ, очевидно, заключая этимъ многое предыдущее, — во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица, на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили: къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи. Одни судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была Обѣтованною землею. Лихоимство ихъ дошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни и только возвышеніе цѣнъ взятокъ отличало высшія мѣста. Въ столицѣ, подъ глазами блюстителей, производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу кверху, способствовала апелляціямъ, справкамъ, переѣздамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т. е. раззоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммиссаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ - вездѣ, гдѣ замѣшивался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ — тотъ кралъ.

---

[1]) „Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ“, „Рус. Вѣстникъ“ 1870, V, 245—246.

Вездѣ честныя люди страдали, а ябедники и плуты радовались». [1])

Если имѣть въ виду «откровенность» этого рода, то предположеніе о смягченіе за это участи Бестужева падаетъ само собою. Въ той же статьѣ г. Дубровина приводятся еще болѣе «откровенныя» въ этомъ смыслѣ показазанія П. А. Каховскаго, но они не избавили его даже отъ висѣлицы [2]). Но въ чемъ же тогда дѣло? Помимо смѣлыхъ показаній о положеніи Россіи, Бестужевъ, какъ мы уже упоминали, прибѣгалъ и къ «военнымъ хитростямъ». Видимо, съ этою цѣлью онъ хотѣлъ представить дѣла тайнаго общества вовсе не въ опасномъ для правительства видѣ, говорилъ, что видѣлъ въ тайномъ обществѣ «одну игрушку», «хотѣлъ изъ него удалиться, но не нарушая слова и не ссорясь съ товарищами» и т. д. въ томъ же родѣ. Вотъ этого рода «откровенность», указывавшая на отсутствіе «закоренѣлости», гораздо болѣе принималось во вниманіе коммиссіей, чѣмъ «откровенность» рода перваго.

Нѣкоторые думаютъ, что въ Александрѣ Бестужевѣ пощадили крупный литературный талантъ, но и такое предположеніе не имѣетъ за собою никакой почвы, ибо съ этой стороны Бестужевъ былъ совершенно неизвѣстенъ своимъ судьямъ. На это есть опредѣленныя указанія. Извѣстная А. О. Смирнова занесла въ свой дневникъ такія строки:

«Императоръ Николай говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣлъ, что не зналъ, что у Конрада Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы поэты» [3]).

Самъ Александръ Бестужевъ приписывалъ смягченіе своей участи хлопотамъ А. С. Грибоѣдова. По крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ его писемъ къ Полевому находятся такія строки:

«Грибоѣдовъ взялъ слово съ Паскевича мнѣ благодѣтельствовать, даже выпросить меня изъ Сибири у государя.

---

[1]) „Рус. Старина", 1903 г., XII, 513.

[2]) „Проѣхавъ отъ сѣвера на югъ Россіи, — писалъ Каховскій, — старался я вникнуть въ положеніе различныхъ классовъ людей. Отовсюду слышалъ ропотъ на правительство и правителей, имъ поставленныхъ"... „Покойный Государь, объѣзжая области, встрѣчалъ повсюду радость и привѣтствіе, но были ли они искренни? Клянусь Богомъ, нѣтъ"... и т. д. („Рус. Старина", 1903 г., XII, 560—561).

[3]) „Записки А. О. Смирновой", ч. II, стр. 19.

Я видѣлъ на сей счетъ сдѣланную покойникомъ записку... благороднѣйшая душа»! [1]).

Извѣстно, что Грибоѣдовъ самъ привлекался по дѣлу о тайномъ обществѣ и содержался въ заключеніи. Дѣло кончилось для него ничѣмъ. Будучи въ тѣсной дружбѣ съ Бестужевымъ и имѣя вліяніе на Паскевича, именно Грибоѣдовъ могъ облегчить своими хлопотами участь Марлинскаго.

Какъ бы то ни было, но просидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ объявленія приговора въ Петропавловской крѣпости, Александръ Бестужевъ былъ переведенъ въ ночь на 6 августа 1826 года вмѣстѣ съ И. Д. Якушкинымъ, М. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, А. П. Арбузовымъ и А. И. Тютчевымъ въ фортъ Славу, въ Финляндіи. Въ концѣ октября 1827 года, т. е. черезъ пятнадцать мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ находился въ одиночномъ заключеніи этого форта, Бестужева отправили съ фельдъегеремъ въ Якутскъ. Проѣздомъ черезъ Иркутскъ Александръ Александровичъ увидался случайно съ своими братьями, Николаемъ и Михаиломъ, которыхъ въ это же время отправляли изъ Шлиссельбурга въ Читинскій острогъ. Это была ихъ послѣдняя встрѣча.

Прибывъ въ Якутскъ, Бестужевъ употребляетъ всѣ средства, чтобы не пасть духомъ. Для такой натуры бездѣятельность была равносильна могилѣ. Онъ наблюдаетъ мѣстную жизнь, берется за нѣмецкій языкъ и отдается изученію его съ такимъ жаромъ, что уже черезъ два мѣсяца читаетъ Шиллера и Гете, увлекается естествознаніемъ, штудируетъ Парота, Гумбольдта, Франклина, Араго, пишетъ стихотворенія, изъ которыхъ нѣкоторыя были впослѣдствіи напечатаны, но все это было не то, что просила душа. Для кабинетныхъ занятій Бестужевъ не былъ созданъ, ему нужна была дѣятельность, жизнь, полная впечатлѣній, также, какъ рыбѣ вода или птицѣ воздухъ. Прошлое было похоронено, а въ будущемъ видѣлся лишь безконечный рядъ дней, мѣсяцевъ и лѣтъ прозябанія въ Якутскѣ среди чужой природы и чужихъ людей. Съ увлеченіемъ читаетъ Бестужевъ

[1]) Письма Бестужева къ Н. О. и К. О. Полевымъ. „Рус. Вѣстникъ“, 1861 г., III, 321.

изрѣдка долетавшія въ Якутскъ газеты съ извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Кавказѣ: тамъ жизнь, тамъ просторъ для алкающаго сильныхъ впечатлѣній человѣка, оттуда лежитъ можетъ быть то, о чемъ можно было думать въ положеніи Бестужева лишь въ самыхъ безумныхъ мечтахъ,—дорога на родину, къ горячо любимой имъ матери и безконечно преданнымъ ему сестрамъ. Во всякомъ случаѣ, если дорога въ Россію и существуетъ, то,—Бестужевъ зналъ это очень хорошо,—она лежитъ черезъ Кавказъ. Отправка туда рядовымъ изъ Якутска же одного изъ товарищей по дѣлу и ссылкѣ, графа З. Г. Чернышева, укрѣпила Бестужева еще больше въ надеждѣ выбить себѣ лучшую долю солдатскимъ штыкомъ. Онъ шлетъ письмо къ государю, въ которомъ пишетъ, что душа его «рвется въ бой кровавый», получаетъ желаемое разрѣшеніе и лѣтомъ 1829 года вмѣстѣ съ другимъ своимъ товарищемъ по ссылкѣ, В. С. Толстымъ, мчится по сибирскому бездорожью съ такою быстротою, что въ августѣ того же года онъ уже на Кавказѣ и въ скоромъ времени дерется съ горцами.

«Путь мой верхомъ по берегамъ Лены былъ труденъ и опасенъ, писалъ Бестужевъ братьямъ изъ Иркутска 27-го іюля 1829 года, рѣдкій день проходилъ безъ приключеній, но каждый часъ сближаетъ меня съ битвами за правое дѣло, и я благословляю судьбу» [1]).

Передъ Бестужевымъ открылась, было, на Кавказѣ, дѣйствительно, несравненно лучшая, чѣмъ въ Якутскѣ жизнь. Онъ былъ ласково принятъ начальствующими лицами, поддерживалъ дѣятельную переписку съ родными и неизмѣнно преданнымъ ему Н. А. Полевымъ, сталъ писать подъ старымъ псевдонимомъ Марлинскаго, скоро доставившіе ему огромную популярность, романы, сдѣлался кумиромъ многихъ женщинъ, ибо соединялъ въ себѣ рѣшительно все, что должно было доводить до восторга нашихъ бабушекъ: разжалованный въ солдаты недавно еще блестящій гвардеецъ и адъютантъ члена императорской фамиліи; приговоренный къ отсѣченію головы, дѣятель 14 декабря, исторію котораго прочла въ опубликованномъ въ 1826 году «Донесеніи слѣд-

[1]) „Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ". „Рус. Вѣстникъ", 1870, V, 263.

ственной коммиссіи» вся грамотная Россія; узникъ Петропавловской крѣпости, невольный житель Якутска, знаменитый писатель, отъ котораго сходили съ ума даже никогда не видавшіе его въ глаза женщины; не только не пуританинъ, но человѣкъ, какъ Бестужевъ самъ о себѣ выражался, съ «перечнымъ темпераментомъ», наконецъ, безумно-смѣлый воинъ, до дерзости всегда и всюду отважный любитель сильныхъ ощущеній, — это-ли еще не данныя, чтобы герои романовъ Марлинскаго, всѣ эти Гремины, Лидины и прочія «огнедышащія» натуры съ ихъ безчисленными приключеніями явились далеко не вымышленными лицами. Многое изъ ихъ похожденій было чуть не сколками съ событій изъ жизни самого Марлинскаго. Г. Венгеровъ совершенно вѣрно указалъ, что о фальсификаціи чувствъ, въ чемъ заподозривалъ Марлинскаго Бѣлинскій, не можетъ быть и рѣчи и что вообще оцѣнка, сдѣланная Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго, «нѣсколько одностороння и лишена исторической перспективы».

Одно обстоятельство измѣнило вскорѣ круто жизнь Марлинскаго въ худшую сторону. Михаилъ Бестужевъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Генералъ Раевскій, бывшій членъ тайнаго общества и прощенный за чистосердечное раскаяніе, проживая, какъ начальникъ отряда, въ Тифлисѣ, наполнилъ свой штабъ большею частью изъ декабристовъ и ссыльныхъ офицеровъ. Прочихъ, не бывшихъ въ его штабѣ, онъ ласково принималъ въ своемъ домѣ. Отставной флотскій офицеръ фонъ-Д., мужъ премиленькой жены своей, воспитанницы Смольнаго монастыря и подружки одной изъ моихъ сестеръ, вышедшей съ нею въ тотъ же годъ, приревновалъ брата моего Александра, и вмѣсто того, чтобы разсчитаться съ братомъ, наговорилъ матушкѣ при выходѣ изъ церкви дерзостей. Братъ вызвалъ его на дуэль, — онъ отказался. Рылѣевъ встрѣтилъ фонъ-Д. случайно на улицѣ и въ отвѣтъ на его дерзость исхлесталъ его хлыстомъ, бывшемъ въ его рукѣ. Этотъ-то субъектъ и былъ назначенъ на Кавказъ, какъ чиновникъ-провіантмейстеръ, и какъ-то попавъ на вечеръ къ Раевскому, увидѣлъ себя среди декабристовъ. Въ паническомъ страхѣ за свою жизнь, онъ на другой же день уѣхалъ безъ разрѣшенія въ Петербургъ, а тамъ, чтобы какъ нибудь оправдать свое безразсудство, подалъ доносъ, въ которомъ

представлялъ Раевскаго, какъ измѣнника. Раевскому былъ присланъ строжайшій выговоръ, а главнокомандующему на Кавказѣ приказъ: разослать всѣхъ окружающихъ Раевскаго и находящихся въ Тифлисѣ декабристовъ по разнымъ крѣпостямъ съ тѣмъ, чтобы ихъ подвергнуть гарнизонной службѣ»[1]).

Это событіе, отразившееся самымъ трагическимъ образомъ на судьбѣ брата Марлинскаго, Петра Бестужева, о чемъ мы скажемъ ниже, имѣло и для самаго Марлинскаго очень тяжелыя послѣдствія. Съ него начинается то неприглядное, тянувшееся до самой смерти, существованіе Бестужева на Кавказѣ, описаніемъ котораго полны его письма къ матери и братьямъ. Рядовой Бестужевъ участвуетъ въ безчисленныхъ походахъ и экспедиціяхъ, перестрѣлкахъ и сраженіяхъ, ведетъ невѣроятно тяжелую борьбу съ убійственными климатическими и бытовыми условіями своей жизни, подвергается всевозможнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ со стороны разныхъ властей, дѣйствовавшихъ по мотивамъ зависти къ попавшейся въ ихъ руки знаменитости или изъ желанія угодить начальству стремленіемъ показаться ему plus royaliste que le roi même... Надо удивляться той силѣ духа, которую обнаруживалъ при этомъ Бестужевъ. Его стремленіемъ въ это время было заслужить солдатскій георгіевскій крестъ. Какое мелкое тщеславіе! — скажутъ незнакомые съ дѣломъ люди. Нѣтъ, не мелкое тщеславіе, отвѣтимъ мы имъ, а нѣчто несравненно болѣе серьезное. Дѣло въ томъ, что георгіевскій крестъ освобождалъ рядового отъ тѣлеснаго наказанія, а, вѣдь, самое ужасное въ жизни Бестужева и состояло въ томъ, что надъ нимъ, какъ Дамоклевъ мечъ, вѣчно висѣла угроза палокъ, розогъ, прогнанія сквозь строй... И Бестужевъ дерется съ горцами всегда впереди, всегда въ отрядахъ охотниковъ, вызываемыхъ для самыхъ рискованныхъ предпріятій, всегда въ самомъ жаркомъ огнѣ, въ самой густой сѣчѣ. Но ничто не помогаетъ. Солдаты присуждаютъ ему георгіевскій крестъ, но онъ его не получаетъ, мѣстное начальство представляетъ его къ наградамъ, но представленія остаются безъ результата. Въ письмахъ къ близкимъ Бестужевъ описываетъ свою жизнь въ такихъ, напр., строкахъ:

[1]) „Рус. Старина“, 1870 г., VI, 522—523.

24 декабря 1831 года. «Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ; всегда впереди, въ стрѣлкахъ, не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ, а онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добирались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ и, — это чуть не чудо, — ружье мое прострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала шомполъ. Такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ пять» [1].

8 ноября 1835 года. «Никто бы не повѣрилъ, увидѣвъ меня по возвратѣ изъ Пятигорска, чтобы я могъ выдержать военные труды и при хорошей погодѣ: до того я былъ худъ, блѣденъ, болѣзненъ; и что же? Я вынесъ втрое противъ здоровыхъ, потому что баталіоны чередовались ходить въ дѣло, а я, прикомандированъ будучи къ черноморскимъ пѣшимъ стрѣлкамъ, для введенія у нихъ военнаго порядка, ходилъ безъ отдыха каждый день въ цѣпи съ утра до вечера, не зная, чтó такое сухая одежда и потомъ ночуя въ мокрой постели, потому что всѣ лагери тонули» [2].

26 мая 1836 года. «Я опять очень боленъ, любезный Поль. Гиленджикъ меня уходитъ. Да и можно-ли быть здоровымъ въ землянкѣ, гдѣ на ногахъ сапоги плѣсневѣютъ, гдѣ подъ поломъ лужа, а кровля — рѣшето... Смертность въ крѣпости ужасная; что день, — то отъ 3 до 5 человѣкъ умираетъ» [3].

Такова лишь внѣшняя обстановка жизни Бестужева. Замѣтимъ при этомъ, что, по единогласному свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ Бестужева на Кавказѣ, лицъ, никакого преувеличенія въ его письмахъ нѣтъ и слѣда.

Глубоко неправъ, поэтому, г. Венгеровъ, который въ своей статьѣ о Марлинскомъ писалъ такія строки:

«Пребываніе Бестужева на Кавказѣ, совпадающее съ расцвѣтомъ литературной его дѣятельности и апогеемъ его славы, вмѣстѣ съ тѣмъ, превратилось въ какой-то сплошной мартирологъ. Насколько письма изъ Якутска полны сначала спокойной резигнаціи, а затѣмъ бодрости, настолько

---

[1] *Михаилъ Семевскій*, „Александръ Александровичъ Бестужевъ“. „Отечественныя Записки“, 1860 г., VII, 46.

[2] Ib., 51.

[3] Ib., 61.

многочисленныя письма его съ Кавказа производятъ удручающее впечатлѣніе своимъ мрачнымъ и безнадежнымъ тономъ. Причина этого мрачнаго настроенія была чисто субъективная. Со стороны глядя, жизнь Бестужева на Кавказѣ была безконечно веселѣе прозябанія въ Якутскѣ. Но человѣческое счастье всего менѣе измѣряется объективными данными. Очень ужъ многаго ждалъ Бестужевъ отъ Кавказа, и тѣ, въ концѣ концовъ, *не Богъ ужъ вѣсть какія большія непріятности*, на которыя ему пришлось натолкнуться, несоразмѣрно раздражали его» [1]).

Мы видѣли выше, какова была даже внѣшняя обстановка жизни Бестужева, но и ею далеко не ограничивались тѣ «не Богъ ужъ вѣсть какія большія непріятности», съ которыми встрѣтился Бестужевъ на Кавказѣ. Да и какъ это примирить «не Богъ вѣсть какія большія непріятности» съ названіемъ пребыванія Бестужева на Кавказѣ «сплошнымъ мартирологомъ»? Помимо сознанія того, что всѣ труды и лишенія, очевидно, напрасны, что отставки, а съ нею и родины, ему не видать, Бестужеву приходилось часто переносить отъ начальства совершенно напрасныя и злобныя униженія. Ему говорили «ты», его заставляли цѣлыми часами учиться «вытягивать носки» вмѣстѣ съ новобранцами, ему постоянно давали знать, что его хотятъ «вывести въ расходъ», про него распускали всякія небылицы. И надъ всѣмъ этимъ висѣло грозное сознаніе, что малѣйшее неповиновеніе — и въ перспективѣ прогнаніе сквозь строй, смерть подъ палками!

Нѣтъ, гораздо вѣрнѣе объ этомъ предметѣ мнѣніе М. И. Семевскаго, который писалъ такія строки:

«Бестужевъ, какъ видно изъ его же писемъ, былъ человѣкъ съ желѣзною волею, способный перенести всевозможныя лишенія. И чего только не перенесъ этотъ благородный и талантливый человѣкъ, перенесенный судьбою изъ Петербурга въ Якутскъ, изъ Якутска въ Дербентъ! Но, видно, горько было, если мысль о самоубійствѣ приходила ему въ голову» [2]).

Да, всѣ романы Бестужева, заставившіе гремѣть имя Марлинскаго на всю Россію, были имъ написаны именно

[1]) „Критико-біографическій словарь", т. III, 160.
[2]) „Отечественныя Записки", 1860 г., V, 165.

въ такой обстановкѣ. Едва ли существуетъ этому другой такой же примѣръ. Конечно, романы Марлинскаго совершенно безыдейны; *какъ таковые*, они по справедливости забыты, но несправедливо было бы забывать, на этомъ основаніи, и самаго автора, хотя бы потому уже, что и самъ онъ смотрѣлъ на свои романы, какъ на «побасенки». Онъ зналъ, что способенъ на гораздо большее, да... руки связаны. Совершенно неправъ г. Венгеровъ и тогда, когда онъ утверждаетъ, что въ кавказскій періодъ жизни Бестужева «отъ прежнихъ идей въ немъ не осталось ни малѣйшаго слѣда» [1]).

Г. Венгеровъ, вѣроятно, не сказалъ бы этого, если бы, кромѣ переписки Бестужева съ родными, обратилъ серьезное вниманіе на его въ высшей степени интересную переписку съ Н. А. и К. А. Полевыми [2]).

Мы уже упоминали, съ какимъ постоянствомъ держался Бестужевъ своего мнѣнія о Карамзинѣ, и въ этомъ мы видимъ ясный «слѣдъ» его идей двадцатыхъ годовъ. Теперь прослѣдимъ за его взглядами на поэзію Пушкина.

9 марта 1833 года Бестужевъ писалъ Н. А. Полевому:

«Давно-ли, часто-ли вы съ Пушкинымъ? Мнѣ онъ очень любопытенъ: я не сержусь на него именно потому, что его люблю... Скажите ему отъ меня: ты надежда Руси — не измѣни ей, не измѣни своему вѣку; не топи въ лужѣ таланта своего, не спи на лаврахъ: у лавровъ для генія есть свои шипы — шипы вдохновительные, подстрекающіе; лавры лишь для одной посредственности мягки, какъ маки» [3]).

Въ другомъ письмѣ:

«Я готовъ, право, схватить Пушкина за воротъ, поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ-ли, какъ болонкѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ-ли поклоняться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней, — тельцу, котораго зовутъ нѣмцы мамонъ, а мы простаки, свѣтъ» [4]).

1) Словарь, т. III, 160.

2) Письма А. А. Бестужева къ Н. А. и К. А. Полевымъ, писанныя въ 1831—1837 годахъ. „Рус. Вѣстникъ", 1861 г., IV, 426—487.

3) Письма, 436.

4) Ib., 429.

Въ этомъ письмѣ Бестужевъ весь со всѣми своими достоинствами и недостатками. Зная его жизнь и его характеръ, можно съ увѣренностью сказать, что если бы судьба свела его съ Дантесомъ, онъ непремѣнно исполнилъ бы свое слово! И какія сложныя чувства наполняютъ душу этого человѣка... Извѣстіе о смерти Пушкина, того самаго Пушкина, при чтеніи послѣднихъ произведеній котораго онъ еще недавно только «пожималъ плечами» или испытывалъ желаніе «схватить его за воротъ» и пристыдить, не поражаетъ Бестужева особенно глубоко. Тутъ сказалось и его охлажденіе вмѣстѣ со всею передовою частью русскаго общества къ великому поэту и спеціально «бестужевская» черта, повелѣвающая не обнаруживать никакихъ «слабостей» въ присутствіи «femmes charmantes». Но проходитъ нѣсколько часовъ, и Бестужевъ болѣе и болѣе проникается сознаніемъ великости утраты; онъ забываетъ грѣхи Пушкина и помнитъ только великаго поэта и своего «ami et un *camarade d'armes*»... Онъ не смыкаетъ глазъ въ теченіе всей ночи, и едва блеснулъ лучъ разсвѣта, онъ спѣшитъ уже... Куда?.. На могилу Грибоѣдова, другого «ami et un *camarade d'armes*», останавливается передъ нею, оскорбляется равнодушіемъ общества, не потрудившагося даже поставить надъ могилою памятникъ или хотя бы только сдѣлать надъ нею надпись и тѣмъ позволяющаго топтать священную землю «par des pieds profanes», зоветъ священника и плачетъ, плачетъ горькими слезами... А Бестужевъ былъ не изъ тѣхъ, у которыхъ легко исторгаются изъ глазъ слезы. Другой разъ онъ заплакалъ лишь при извѣстіи о томъ, что доведенный преслѣдованіями, разжалованный послѣ 14 декабря въ ря-

---

я задыхался отъ рыданій—эта фраза показалась мнѣ не только воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я чувствую это, моя смерть тоже будетъ насильственной, необычной и близкой. Слишкомъ горячая кровь кипитъ въ моихъ жилахъ для того, чтобы она могла съ лѣтами остывать.

„Вы слишкомъ строго обвиняете Дантеса — его оправданіемъ по моему служитъ нравственность или, лучше сказать, безнравственность. Его преступленіе или его несчастіе въ томъ, что онъ убилъ Пушкина. — и этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сдѣлать его вину непрощаемой въ моихъ глазахъ. Да будетъ же ему извѣстно (Богъ свидѣтель, что я не шучу), что онъ или я не переживемъ нашей первой встрѣчи"...

довые, его братъ Петръ сошелъ съ ума [1]). А тутъ еще странное совпаденіе: на могилѣ *убитаго Александра* Грибоѣдова по *убитомъ Александрѣ* Пушкинѣ служитъ панихиду *Александръ* Бестужевъ. Когда-то всѣ три Александра были въ большой дружбѣ, служили одному и тому же дѣлу («camarades d'armes») и вотъ теперь двухъ изъ нихъ уже не существуетъ, они убиты, и третьему Александру естественно приходитъ въ голову, что и ему недолго уже ждать своей очереди... Условія, при которыхъ протекаетъ его жизнь, способны навести на подобныя мысли и не при такой исключительной по своей мрачности обстановкѣ. И Бестужевъ рыдаетъ на могилѣ Грибоѣдова, рыдаетъ до удушья, рыдаетъ о немъ, рыдаетъ о Пушкинѣ, рыдаетъ о собственной погубленной жизни... Онъ чувствуетъ въ себѣ столько силъ, въ его жилахъ течетъ такъ много «du sang chaud», а между тѣмъ вотъ — уже двѣнадцать лѣтъ, какъ разбился о камни челнокъ, которымъ управлялъ смѣлый гребецъ, и съ тѣхъ поръ всѣ усилія ступить ногою на твердую почву не приводятъ ни къ чему. Безумная храбрость, качество, которое такъ цѣнится въ другихъ, не прокладываетъ ему дороги къ желанной цѣли. Тому противодѣйствуетъ страшная, не знающая пощады къ побѣжденному, злопамятность его враговъ... Онъ привыкъ къ жужжанію пуль и сверканію обнаженныхъ шашекъ, «свинцовыя мухи» до сихъ поръ не встрѣчались съ его грудью, но возможно-ли, вѣроятно-ли, чтобы это продолжалось вѣчно? Нѣтъ, видно, здѣсь придется и сложить буйную головушку... Молитва священника «за убіенныхъ бояръ Александра и Александра» значитъ не только «un souvenir», но и «une prediction»...

И Бестужевъ не ошибся въ своемъ предчувствіи... Но объ этомъ въ свое время, а теперь скажемъ еще нѣсколько словъ объ умственныхъ интересахъ Бестужева въ кавказскій періодъ его жизни.

«Какой гвалтъ поднялся бы въ русской литературѣ, — говоритъ Шашковъ, — если бы Бестужевъ могъ свободно появиться въ ней въ роли критика и развить тѣ критическія замѣтки, которыхъ не мало встрѣчается въ его письмахъ!..» [2]) И это совершенно вѣрно. Одного отношенія Бесту

[1]) „Отечественныя Записки“ 1880 г., V, 154.

[2]) „А. А. Бестужевъ-Марлинскій“, „Дѣло“ 1880 г., XI, 133.

жева ко всей дѣятельности Карамзина и дѣятельности Пушкина, послѣдняго періода жизни великаго поэта, было бы уже достаточно для того, чтобы не согласиться съ мнѣніемъ г. Венгерова, но существуютъ тому и другія доказательства. «Пустозвону» Карамзину Бестужевъ противопоставляетъ Полевого, который въ своей «Исторіи Русскаго Народа» стойтъ, по мнѣнію Бестужева, на вполнѣ правильной точкѣ зрѣнія. Въ «Исторіи» Полевого Бестужевъ «видѣлъ первую попытку создать истинно-русскую исторію» [1]. И замѣтьте, какую вѣрность обнаруживаетъ онъ при этомъ именно «прежнимъ идеямъ». «Я зналъ Карамзина хорошо, — писалъ онъ Полевому съ Кавказа, — и несмотря на заботы его поклонниковъ, рѣшительно отказался отъ знакомства съ нимъ [2]. За что же такая немилость къ знаменитому «исторіографу»? Да, очевидно, за то же, за что наградилъ его и молодой Пушкинъ рѣзкимъ стихотвореніемъ «на плаху истину влача» и т. д. Что это именно такъ, доказательствомъ тому можетъ служить относящаяся еще къ 1823 г. статья Бестужева о Карамзинѣ, въ которой онъ писалъ, что «время разсудитъ его (Карамзина), какъ историка». Въ тридцатыхъ годахъ, не имѣя никакой возможности высказываться о такихъ щекотливыхъ вещахъ печатно, Бестужевъ повторялъ о Карамзинѣ въ частныхъ письмахъ то же самое, но въ неизмѣримо болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Поэмы Пушкина Бестужевъ считаетъ «прелестными китайскими тѣнями»... Онъ указываетъ на полную оторванность литературы отъ жизни, скорбитъ о томъ, но не бросаетъ за это упрека въ честныхъ писателей, ибо находитъ, что бросать въ данномъ случаѣ слово осужденія все равно, что «наказывать человѣка за его поступки во снѣ». Но онъ съ прежней страстью протестуетъ противъ развившихся въ русской литературѣ угодничества, безстыдства, наглости, пошлости и т. п. «талантовъ», которыми отличались Сенковскіе и Булгарины въ русской журналистикѣ.

«Сенковскій зазнался не путемъ, — писалъ Бестужевъ Ксенофонту Полевому 27 іюля 1834 года. «Телескопъ» не съ того конца началъ его: ему должно было доказать, что

---

[1] Письма Бестужева. „Рус. Вѣстникъ“ 1861 г., III, 286.
[2] Ibid., 333.

русская словесность и не думаетъ вертѣться отъ того, что онъ дуетъ въ нее въ два свистка; ему надобно было доказать его ничтожность и наглое самохвальство. Ему предрекаютъ, что онъ *испишется*, — я говорю, что онъ уже *исписался* (курсивы Бестужева), ибо ворованнаго станетъ ненадолго... У него есть смѣлость, есть манера, недостаетъ бездѣлки — души и другой бездѣлки — философіи. Его опредѣленіе романтизма — жалость и шалость вмѣстѣ. Общиплите его (я могу на свой пай показать, откуда онъ взялъ три четверти своихъ шутокъ и выраженій) и вы найдете, что оригинальнаго у него только безстыдство да нелѣпость» [1]).

Къ собственнымъ своимъ произведеніямъ Бестужевъ относится какъ къ «игрушкамъ» и «побасенкамъ» [2]). Онъ не скрываетъ, что пишетъ ихъ почти исключительно изъ-за денегъ, а зачѣмъ ему такъ нужны были деньги, это мы сейчасъ увидимъ. Марлинскимъ зачитывалась публика, Марлинскаго хвалили въ журналахъ, Марлинскаго превозносили друзья, но не Марлинскій, а Александръ Бестужевъ зналъ отлично цѣну своимъ «сказкамъ». «Какъ ни оправдывайтесь, писалъ онъ Полевому, въ своихъ похвалахъ *Марлинскому*, Александръ *Бестужевъ* отъ нихъ *отрицается* (курсивы Бестужева). Онъ чувствуетъ, что какъ ни дуренъ самъ, но во сто разъ лучше своихъ повѣстей. Перомъ моимъ торгуютъ въ Петербургѣ, хотятъ меня выдать, словно бѣдную невѣсту, за богатаго дурака. Не знаю какъ быть: невольникомъ стать не хочется, а пять тысячъ въ годъ деньги... Я имѣю братьевъ, которымъ «лишнее не лишнее». И, дѣйствительно, деньги были нужны Бестужеву, какъ рѣдко кому. Пусть ему пришлось бы жить въ противномъ случаѣ на солдатскомъ пайкѣ, — это было бы полгоря, — но у него была мать, три сестры и четыре брата, изъ которыхъ двое находились въ каторгѣ и, слѣдовательно, зарабатывать абсолютно ничего не могли и двое другихъ, тянувшихъ такую же, какъ онъ, лямку на Кавказѣ. Въ довершеніе всего, одинъ изъ нихъ, Петръ Бестужевъ, не вынесъ солдатской жизни и сошелъ съ ума. Забота обо всѣхъ этихъ лицахъ легла на плечи Александра. И онъ

[1]) Письма, „Рус. Вѣстникъ". 1861 г., IV, 460—461.
[2]) Ibid., 1861, III, 292.

писалъ, писалъ много, зарабатывая этимъ хорошія деньги. Писалъ онъ романы изъ кавказской жизни, надѣляя своихъ героевъ всякими чуть не сверхъ-человѣческими страстями; публика восторгалась этими романами, прекрасный полъ былъ безъ ума отъ таинственнаго романиста, скрывающагося подъ псевдонимомъ Марлинскаго, нерѣдко и начальствующія лица видѣли все-таки въ «нижнемъ чинѣ» Бестужевѣ не просто солдата, а и знаменитаго литератора. Все это, несомнѣнно, щекотало самолюбіе Бестужева, приносило ему въ его злополучной жизни нѣкоторую пользу, удовлетворяло, наконецъ, его неудержимую страсть къ писательству, но главнымъ мотивомъ его литературной дѣятельности этого рода были деньги. Скажемъ, впрочемъ, нѣсколько словъ и о страсти Бестужева къ писательству. Приведенные нами нѣсколько отрывковъ изъ кавказскихъ писемъ Бестужева дали, надѣемся, читателю довольно ясное представленіе о его житьѣ-бытьѣ на Кавказѣ. Казалась, какъ можно было писать при такихъ условіяхъ, но Бестужевъ умѣлъ писать даже и не при такихъ. Въ 1828 году въ Москвѣ появилась повѣсть въ стихахъ «Андрей, князь Переяславскій» безъ означенія имени автора и издателя. Впослѣдствіи оказалось, что напечатана она также безъ вѣдома автора, очень удивившагося ея появленію въ печати. Авторомъ повѣсти былъ Бестужевъ, написавшій ее въ одиночномъ заключеніи. «Андрей Переяславскій» — писалъ Бестужевъ Полевому, изумляясь появленію повѣсти въ печати, — былъ написанъ въ 1827 году въ Финляндіи (т. е. въ фортѣ Слава), гдѣ у меня не было ни одной книги; написанъ былъ жестянымъ обломкомъ, на которомъ я зубами сдѣлалъ расщепъ, и на табачной оберткѣ, по ночамъ. Чернилами служилъ толченый уголь. Можете судить объ отдѣлкѣ и вдохновеніи!» [1]). Конечно, послѣ этого солдатская палатка или что-нибудь въ этомъ же родѣ могла показаться при такой страсти къ писанію роскошнымъ кабинетомъ!

Но страсть страстью, а главнымъ мотивомъ литературной дѣятельности Бестужева на Кавказѣ было, повторяемъ, желаніе заработать побольше денегъ. Письма Бесту-

[1]) Письма, „Русскій Вѣстникъ“ 1861 г., III, 295.

жева къ братьямъ-узникамъ отличаются удивительною теплотою, сердечностью, заботливостью объ ихъ судьбѣ. Онъ работалъ изо всѣхъ силъ, имѣя въ виду снабдить ихъ первоначальными средствами на обзаведеніе, когда кончится срокъ ихъ каторги и они выйдутъ на поселеніе. Его любовь къ находящимся далеко братьямъ доходила до полнаго предъ ними преклоненія, а воспоминаніе объ ихъ судьбѣ постоянно терзало его сердце.

Полевой какъ-то жаловался Бестужеву на человѣческій родъ и вообще впадалъ въ мизантропію. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что люди не всѣ таковы, что онъ знаетъ многихъ изъ нихъ, которые служатъ искупленіемъ за другихъ. «О, какія высокія души, какое ангельское терпѣніе, какая чистота мыслей и поступковъ!... Самая злая низкая клевета не могла въ шесть лѣтъ искупленія найти ни въ одномъ пятнышка, и въ какое бы болото ни были они брошены, приказное презрѣніе превращалось въ невольное уваженіе. Безупречное поведеніе творитъ около нихъ очарованную атмосферу, къ которую не смѣетъ вползти никакая гадина... Сколько познаній, дарованій погребено заживо!... Вы помирились бы съ человѣчествомъ, если бы познакомились съ моимъ братомъ Николаемъ... Такія души искупаютъ тысячи навѣтовъ на человѣка».

Въ письмахъ къ братьямъ, которыя, по справедливому выраженію М. И. Семевскаго, «нельзя читать равнодушно», постоянно присутствуетъ та же нота:

«Когда вспомню о васъ, — писалъ онъ Николаю и Михаилу, — то якутскій морозъ бѣжитъ по жиламъ, несмотря на тропическія здѣшнія жары. И что вы, и какъ вы теперь? Болѣе имѣю понятія о берегахъ Стикса, нежели о вашемъ петровскомъ кладбищѣ. На землѣ-ли, подъ землей-ли вы прозябаете, приросшіе только цѣпью, будто корнемъ, къ холодной землѣ!.. Ужасно!»

«Много я принялъ горя со дня нашей разлуки, — писалъ Бестужевъ братьямъ въ другомъ письмѣ, — по крайней мѣрѣ, въ судьбѣ моей было зато и много поэзіи, а вы, страдальцы безотрадные, вы были все это время на одномъ кусочкѣ земли, можетъ статься, подъ одной только глыбой земли, въ стѣнахъ или въ рудникѣ, безъ свѣта днемъ, безъ радостныхъ мечтаній ночью... Это ужасно! Когда я сравню

вашу участь съ моею, ропотъ замираетъ въ самомъ началѣ въ сердцѣ, и глаза мои обращаются къ небу со слезами молитвы» [1]).

«Для кого же я работаю, какъ не для братьевъ, — восклицаетъ Бестужевъ въ другомъ письмѣ, — это моя единственная отрада».

Но онъ также много помогалъ и другимъ, особенно «товарищамъ по несчастью», служившимъ тамъ же на Кавказѣ: «Не всякому открываю я сердце, но всякому кошелекъ», писалъ Бестужевъ.

И онъ работалъ, работалъ до поту на челѣ... Его извѣстность росла, но непосредственной отъ этого пользы получалось немного. Баронъ А. Е. Розенъ разсказываетъ, что Бестужевъ обратилъ своими произведеніями на себя вниманіе оренбургскаго генералъ-губернатора В. А. Перовскаго, который и просилъ о переводѣ рядового-писателя въ Оренбургъ для описанія края. На это получился отвѣтъ, что «Бестужева надо послать не туда, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, а туда, гдѣ онъ можетъ быть безвреднѣе» [2])...

Такое отношеніе сверху не предвѣщало для Бестужева ничего добраго... Постоянныя сраженія съ горцами манили, однако, надеждою на производство въ офицеры, а съ нимъ и на окончаніе, по крайней мѣрѣ, тѣхъ униженій, которымъ постоянно подвергался Бестужевъ въ качествѣ «нижняго чина». Но случилось событіе, которому страшно обрадовались многочисленные враги Бестужева, спавшіе и видѣвшіе, какъ бы «вывести его въ расходъ» и почти лишившіе его надежды на достиженіе цѣли. Въ числѣ слабостей Бестужева была его страсть къ женщинамъ. Покоряя на Кавказѣ высокопоставленныхъ красавицъ, одерживая надъ ними безчисленныя побѣды, онъ не пренебрегалъ женщинами и изъ другихъ слоевъ общества. Находился онъ въ Дербентѣ, гдѣ происходили постоянные разбои. «Каждую ночь слышалъ я, — писалъ Бестужевъ къ брату Павлу, — что разломали стѣну, приставили къ грудямъ кинжалы и обобрали все. Голодъ былъ тому первою виною, но, кромѣ того, видя у меня серебряныя бездѣлки, татары считали

---

[1]) Ibid., 133.
[2]) *Розенъ*. „Записки декабриста". Спб., 367.

меня богачемъ: я не безъ основанія думалъ, что дойдетъ очередь и до меня — и пистолетъ былъ у меня на взводѣ [1] Зашла къ Бестужеву дочь унтеръ-офицера Ольга Нестерцова и, рѣзвясь въ его комнатѣ, натолкнулась на лежавшій заряженный и со взведеннымъ куркомъ пистолетъ. Грянулъ выстрѣлъ, и несчастная дѣвушка была смертельно ранена. Она прожила, однако, еще пятьдесятъ часовъ и разсказывала матери, священнику, наряженному для производства слѣдствія офицеру и многимъ другимъ, какъ было дѣло и увѣряла въ полной невинности въ этомъ несчастномъ происшествіи Бестужева. Но начальство, желавшее во что бы то ни стало «доконать» Бестужева, подхватило пущенный кѣмъ-то изъ враговъ Бестужева, повторенный черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти г. Немировичемъ-Данченко и превосходно опровергнутый г. Венгеровымъ, нелѣпый слухъ, будто Бестужевъ застрѣлилъ Нестерцову въ порывѣ ревности, мучило его самыми унизительными допросами, старалось «упечь» его подъ судъ, придумывало для этого всевозможные «крючки», но не будучи въ состояніи достигнуть своей цѣли предъ явнымъ лицомъ истины, оставило обвиняемаго лишь «въ подозрѣніи». Дышащее искренностью письмо Александра Александровича по этому поводу къ Павлу Бестужеву не оставляетъ ни тѣни сомнѣнія въ его полной невиновности. Это случилось въ началѣ 1833 года. Точно неизвѣстно, какъ взглянули на это дѣло въ Петербургѣ, но извѣстно, что, не взирая на огромное количество сраженій, въ которыхъ принималъ участіе Бестужевъ, на его засвидѣтельствованную многими лицами храбрость, на представленія, дѣлавшіяся начальствомъ, производства въ первый офицерскій чинъ ему пришлось ждать еще почти четыре года. Но, вотъ, наконецъ, Бестужевъ снова прапорщикъ. Извѣщая братьевъ объ этомъ событіи, онъ писалъ такія строки:

«Перейти вдругъ отъ безымянной вещи въ лицо, имѣющее права, отъ совершенной безнадежности къ обѣтамъ семейнаго счастья, отъ униженія, которое я могъ встрѣтить отъ всякаго къ неприкосновенности самой чести, — о, это не

[1] „Александръ Александровичъ Бестужевъ“, „Отечественныя Записки“. 1860, V. 161.

ребяческая была радость моего перваго офицерства, когда бѣлый султанъ и шитый воротникъ сводили меня съ ума, когда я готовъ былъ разцѣловать перваго часового, который отбрякнулъ мнѣ на караулъ. Нѣтъ, тутъ окрылась для меня частичка міра, хоть не рая, которую выстрадалъ я и выбилъ штыкомъ; тутъ сверкнулъ лучъ первой позволенной надежды, можетъ быть обманчивой, какъ прежнія, но все-таки позволенной надежды»[1]).

Производство въ офицеры, конечно, значительно облегчило судьбу Бестужева, но надежды его оставить совсѣмъ военную службу, покинуть Кавказъ и сдѣлаться мирнымъ гражданиномъ не имѣли никакого основанія. Бестужевъ сталъ, видимо, отчаяваться и даже искать смерти. По прежнему дерется онъ съ горцами, по прежнему видитъ въ этомъ единственный путь, который, можетъ быть, приведетъ его къ желанному выходу, но это уже надежда человѣка, сознающаго, что носитъ въ груди своей смертельный недугъ, надежда утопающаго, хватающагося за соломенку. Еще лѣтомъ 1836 г. въ судьбѣ Бестужева принялъ живое участіе графъ Воронцовъ. Онъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ статскую службу, въ Крымъ, или въ собственный штабъ для сношенія съ горцами. (Необходимо замѣтить, что изумительныя способности Бестужева проявились на Кавказѣ и въ его быстромъ ознакомленіи съ восточными языками: онъ въ совершенствѣ сталъ говорить по-татарски и ознакомился основательно съ языками персидскимъ и арабскимъ). На всѣ ходатайства Воронцовъ получилъ изъ Петербурга отказъ...

23-го февраля 1837 г. Бестужевъ служилъ описанную нами панихиду по Пушкинѣ на могилѣ Грибоѣдова, а вечеромъ 30-го мая писалъ изъ Сухумъ-Кале свое *послѣднее* письмо къ матери и брату Павлу. Въ письмѣ этомъ онъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія касательно денежныхъ дѣлъ, обнаруживая снова и снова чрезвычайную заботливость о судьбѣ его двоихъ, находившихся въ Сибири, братьевъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ ожидавшую его роковую участь. Экспедиція, въ которой принималъ теперь участіе Бестужевъ, имѣла цѣлью взятіе мыса Адлеръ. Высадка на этотъ

---

[1]) „Рус. Вѣстникъ". 1870 г., VII, 67.

мысъ должна была состояться седьмого іюня. Наканунѣ этого дня онъ написалъ уже настоящее духовное завѣщаніе: платье и бѣлье онъ завѣщалъ своему денщику; а находившіяся при немъ бумаги, вещи и деньги просилъ переслать брату Павлу. И замѣчательная черта характера Бестужева: видимо, готовясь къ смерти, ища ее, онъ не только былъ въ этотъ день бодръ духомъ, но занялся еще сочиненіемъ солдатской пѣсни и заставилъ ее разучить своихъ гренадеръ. «Этотъ родъ поэзіи, — говоритъ г. Семевскій, — былъ Бестужеву давно сподрученъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ, также ревностно отдавшись роли заговорщика и работая въ видахъ и интересахъ тайнаго общества, Бестужевъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ сочинили нѣсколько пѣсенъ, сильно распространившихся въ средѣ солдатства»[1]). Конечно, пѣсня, которую сочинилъ теперь Бестужевъ, не имѣла ничего общаго по содержанію съ пѣснями двадцатыхъ годовъ, но она характерна, какъ иллюстрація силы духа этого человѣка, всегда готоваго встрѣтить смерть съ улыбкою на устахъ.

Высадка совершилась 7-го іюня: бывшая послѣдствіемъ ея стычка съ черкесами произошла при крайне неблагопріятныхъ для русскихъ обстоятельствахъ; въ этой-то стычкѣ Бестужевъ былъ пораженъ пулями и изрубленъ шашками; его тѣло не нейдено...

Для полноты картины приведемъ (неоднократно уже приводимыя разными писателями) выдержки изъ разсказа о смерти Бестужева отставного капитана Ѳ. Д. К.

Какъ только отрядъ высадился на берегъ, Бестужевъ сталъ проситься въ цѣпь.

«— Что вы дѣлаете, Александръ Александровичъ, — сказалъ ему генералъ: — отличиться или умереть вы всегда и вездѣ успѣете; чего же вы теперь-то лѣзете на явную смерть? Ваша жизнь дорога для Россіи: вы должны, вашъ долгъ беречь ее.

«— Нѣтъ, найдутся люди, что и порадуются моей смерти, — отвѣчалъ Бестужевъ на доводы начальника и товарищей.

---

1) „Александръ Бестужевъ на Кавказѣ", „Рус. Вѣстникъ" 1870 г., VII, 76.

«Начальство надъ горстью храбрыхъ стрѣлковъ принялъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Л. Л. Альбрантъ. Горцы безъ выстрѣла скрылись въ гущѣ лѣса. Бестужевъ и Альбрантъ быстро двинулись къ нему и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, уложили цѣпь въ тѣни деревъ. Между тѣмъ, высадилась на берегъ мингрельская милиція; за нею прибылъ на берегъ баронъ Розенъ со всѣмъ своимъ штабомъ и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ раздался барабанный бой; Альбрантъ вскочилъ и спросилъ лежавшаго подлѣ него старика унтеръ-офицера: не слыхалъ ли ты сигнала къ наступленію? Получивъ утвердительный отвѣтъ, Альбрантъ двинулъ съ Бестужевымъ цѣпь стрѣлковъ въ то время, какъ задній отрядъ не трогался съ мѣста. Въ глубинѣ непроходимой чащи завязалась самая жаркая перестрѣлка; пули сыпались справа и слѣва, тамъ и сямъ падали мертвые. Горцы отступали; стрѣлки прошли лѣсъ; показался плетень, раздался лай собакъ — все обличало близость аула.

«— Не зашли-ли мы слишкомъ далеко? — проговорилъ капитанъ и просилъ Бестужева съ двумя рядовыми пробраться назадъ изъ лѣса къ отрядному командиру за новыми приказаніями. Бестужевъ преодолѣлъ всѣ трудности подобной ретирады подъ пулями горцевъ, которые, притаясь за толстыми стволами деревъ, не жалѣли пороха и пуль. Онъ, наконецъ, выбрался невредимымъ изъ чащи.

«Получивъ отъ генерала Вольховскаго приказъ отступать, безстрашный прапорщикъ пошелъ съ этимъ приказомъ къ Альбранту. Выстрѣлы раздавались безпрестанно; по всѣму лѣсу бродили черкесы; ежеминутно можно было столкнуться съ однимъ изъ нихъ лицомъ къ лицу. Приказаніе объ отступленіи дошло по назначенію. Цѣпь потянулась назадъ, обмѣнивая пулю на пулю. Много пало съ той и съ другой стороны, наконецъ, двѣ пули съ визгомъ вонзились въ Александра Александровича. Солдаты столпились и хотѣли взять на руки любимаго офицера.

«— Братцы, не хлопочите, не заботьтесь обо мнѣ... бросьте... бѣгите... Я все равно... умру... мнѣ не пережить... черкесы наступаютъ...

«Горцы, дѣйствительно, сильно наступали. Толпа ихъ набѣжала на упавшаго; солдаты бросились къ цѣпи, а

на раненаго прапорщика Бестужева посыпались удары шашекъ»...[1])

Разсказъ Ѳ. Д. К. вызвалъ другое сообщеніе очевидца смерти Бестужева, подпоручика К. А. Давыдова. Сообщеніе это отличается многими подробностями, измѣняющими самый характеръ разсказа Ѳ. Д. К.

«Альбрантъ велъ свой отрядъ, что называется, очертя голову. Офицеръ Мищенко подошелъ къ Альбранту и сказалъ ему: Ротмистръ! Вы приказываете идти впередъ, мы уже далеко зашли, а подкрѣпленья не видать...

«— Что-жъ, вы трусите А? Вы вѣрно трусите? Ей, ребята, впередъ, впередъ!

«И мы опять пошли впередъ, пробираясь по той же колючкѣ, папоротнику и лѣсу. Само собою разумѣется, что не могло быть ни правильнаго движенія, ни порядка, ибо иногда въ двухъ шагахъ ничего не было видно, а ужъ о наблюденіяхъ, что дѣлается впереди, съ боковъ и сзади, на большое пространство, и говорить нечего.

«— Господинъ офицеръ, — крикнулъ Бестужевъ. — Господинъ офицеръ!

«— Что вамъ угодно, — отвѣчалъ я, оглядываясь и торопясь отвѣтомъ.

«— Куда вы идете? Куда?

«— Не знаю.

«— Какъ не знаете! Вы, вѣдь, офицеръ! Растолкуйте мнѣ хоть что нибудь!

«— Что-жъ мнѣ толковать, когда ничего не знаю! А вотъ направо есть какой-то адъютантъ съ эполетами, а налѣво начальникъ цѣпи, подпоручикъ Мищенко, они вамъ и растолкуютъ.

«— Да что же это такое: цѣпь или что другое?

«— Была первая цѣпь, а теперь что мы такое, не знаю.

«Бестужевъ пожалъ плечами, махнулъ рукой и отправился влѣво, гдѣ я ему указалъ Мищенко. Бестужевъ былъ совершенно одинъ, безъ всякаго конвоя...

«Менѣе, чѣмъ черезъ минуту, послышалась сзади насъ жаркая перестрѣлка и въ то же время посыпались на насъ пули спереди. «Играй!» закричалъ я горнисту и онъ про-

[1]) „Отечественныя Записки“ 1860 г., VII, 99—160.

трубилъ сигналъ: строить кучки и каре. Увы! Это была послѣдняя пѣснь лебедя: вмѣстѣ съ послѣднею нотою горнистъ упалъ къ моимъ ногамъ мертвый. Однакожъ, дѣло было сдѣлано и ко мнѣ начали собираться солдаты... Въ это страшное время, обстоятельства котораго и теперь мнѣ иногда снятся, принесли ко мнѣ на рукахъ прапорщика Запольскаго, раненаго въ животъ; также были жестоко ранены юнкера Цехницкій, Шенявскій, Панно, Домбровскій и другіе... Когда я, наконецъ, нѣсколько опомнился, я увидѣлъ, что Бестужевъ стоитъ, прислонившись къ дереву въ изнеможеніи, и что грудь его въ крови. Въ это время бѣжитъ мимо него нѣсколько солдатъ. Я закричалъ имъ: «Эй, ребята, взять офицера!» Два человѣка отдѣлились и взяли Бестужева подъ руки; съ помощью ихъ онъ имѣлъ еще силу идти, но, помню, голова его клонилась уже долу. А пули сыпались и сыпались; черкесы все гикали и гикали.

«Мы все отступали и отступали шагъ за шагомъ... Но судьбѣ угодно было, чтобы люди, которые вели Бестужева, отбились по причинѣ колючки въ лѣсу отъ главной толпы... И вотъ, выходя на маленькую поляну, гдѣ стоялъ огромный, обгорѣлый дубъ, я увидѣлъ, что черкесы бросились къ нему. Шашки ихъ засверкали на солнцѣ. Ко мнѣ оттуда прибѣжалъ юнкеръ Календо и еще какой-то косоглазый солдатъ и говоритъ:

«— Ваше благородіе, что намъ дѣлать? Мы вели офицера, котораго вы приказали взять, а вонъ около того дуба бросили: на насъ напало черкесовъ пропасть...

«— Ничего братцы, деритесь, деритесь! Авось Богъ донесетъ до своихъ, — отвѣчалъ я.

«И Богъ донесъ до своихъ» [1]).

На другой день въ «вѣдомости» былъ показанъ въ числѣ убитыхъ «Черноморскаго линейнаго № 10-й баталіона прапорщикъ Бестужевъ»...

Не стало Бестужева, но долго не хотѣли вѣрить поклонники таланта Марлинскаго, что его больше нѣтъ въ живыхъ. О немъ сложились цѣлыя легенды: одни говорили, что онъ принялъ мусульманство и состоитъ главнымъ помощникомъ Шамиля, другіе, что это неправда и что Мар-

[1]) „Рус. Вѣстникъ“ 1870 г., VII, 80—82.

линскій командуетъ *только* всей черкесской артиллеріей. Было много и другихъ росказней въ томъ же родѣ. Говорили даже, что онъ въ горахъ издаетъ газету...

Нѣкто В. Савиновъ напечаталъ въ 1859 году разсказъ, подъ заглавіемъ: «Куда дѣвался Марлинскій?» Иронизируя надъ ходившими по этому поводу разными слухами, Савиновъ, однако, самъ, видимо, вѣрилъ, что съ Марлинскимъ случилось что-то изъ ряду вонъ выходящее. Его разсказъ построенъ на встрѣчѣ въ сороковыхъ годахъ нѣсколькими молодыми офицерами въ хуторѣ нѣкоего Петранди сумасшедшей дѣвушки-черкешенки, которая будто бы была взята девятилѣтнимъ ребенкомъ послѣ убійства ея отца казаками на воспитаніе Марлинскимъ и потеряла разсудокъ послѣ смерти ея пріемнаго отца.

Петранди разсказалъ, между прочимъ, офицерамъ слѣдующее: «въ 1838 году пріѣзжаетъ Марлинскій, такой неспокойный... бумаги спросилъ... писалъ, почитай, всю ночь, а Нина (упомянутая дѣвочка-черкешенка) все около него.. и руки то цѣлуетъ ему и глаза... Оттолкнулъ и ее... Подошелъ Декабрь (собака) и тому пинка попало; ну, думаю, не хорошо!.. Что-нибудь такое особенное затѣвается... Не смигну-съ, думаю... Грѣхъ попуталъ крѣпко заснулъ. Просыпаюсь, гдѣ, дескать, онъ?.. Нѣтъ-съ его. Гдѣ Нина? Нѣтъ и той. Что за пропасть! Къ вечеру поздно пришла Нина и плачетъ. «Что ты? — говорю. — Ничего. «Гдѣ Искандеръ» [1]). — Проводила,—говоритъ. «Гдѣ собака?» «Провожаетъ». Ну, думаю, что отъ дуры добьешься, собаки подожду... День прошелъ, два прошло, три прошло; приходитъ Декабрь, грязный, мокрый, голодный; визжитъ, только, вотъ, человѣческими слезами не плачетъ и за халатъ меня такъ и потягаетъ. Пошелъ онъ, въ чемъ былъ у меня; его на берегу рѣки и оставилъ; а куда дѣвался... Декабрь знаетъ. Да-а! заключилъ Петранди» [2]).

Это и было въ русской литературѣ первое печатное извѣстіе фактическаго характера о судьбѣ Марлинскаго...

---

[1]) Любопытно, что Искандеромъ, словомъ, значащимъ на персидскомъ языкѣ „Александръ“, звали на Кавказѣ А. А. Бестужева. Извѣстно, что впослѣдствіи псевдонимъ Искандера носилъ А. И. Герценъ.

[2]) „Семейный Кругъ“ 1858—1859 гг. № 1, 20—21.

Но если въ средѣ общества долго еще послѣ смерти А. А. Бестужева ходили разныя басни и составлялись легенды, то родные братья его скоро узнали про его трагическую судьбу.

«Любезныя братья! — писалъ 5-го іюля Павелъ Александровичъ Бестужевъ къ своимъ братьямъ въ Петровскій острогъ. — Не стану долѣе скрывать отъ васъ горькой для насъ всѣхъ новости: братъ Александръ убитъ. Что мнѣ еще прибавить къ этому извѣстію? Довольно трехъ буквъ этого ядовитаго слова, чтобы прожечь и не братнюю душу»... [1])

Какъ громомъ поразило это извѣстіе Николая Александровича и Михаила Александровича Бестужевыхъ, хотя они и постоянно его ожидали.

Вотъ что читаемъ мы въ отдѣлѣ третьемъ «Записокъ М. А. Бестужева», озаглавленномъ: «Вѣсть о погибели брата — Александра Бестужева».

«Смерть брата Александра, убитаго при высадкѣ на мысъ Адлеръ, на Черноморскомъ берегу, 7-го іюля 1837 года, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товарищей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее насъ, тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже къ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась его рѣшимость — искать смерти и уже замѣтнымъ намѣреніемъ *вывести его въ расходъ* (курсивъ подлинника). Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни и плакалъ, какъ ребенокъ, до того, что сдѣлалось воспаленіе глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищъ Вольфъ [2]) съ медицинскою помощью пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе и, выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько разсѣяться. Я не могъ дать отчета

---

[1]) „Рус. Вѣстникъ“ 1870 г., VII, 83.

[2]) Соузникъ Николая и Михаила Бестужевыхъ по Петровскому острогу, Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ былъ до осужденія штабълѣкаремъ при главной квартирѣ второй арміи и принадлежалъ къ „Южному Обществу“. Онъ скончался на поселеніи въ Тобольскѣ, 24-го декабря 1854 года, не дождавшись амнистіи, которой воспользовались оставшіеся въ живыхъ декабристы при началѣ царствованія императора Александра II.

своимъ чувствамъ: и прежде, и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастьемъ, котораго мы ожидали со дня на день» [1]).

Потеря А. А. Бестужева-Марлинскаго для русской литературы и русскаго общества была, несомнѣнно, весьма велика. Это чувствовали очень и очень многіе. Гречъ, даже Гречъ написалъ въ своей книгѣ черезъ много лѣтъ послѣ смерти Бестужева такія строки:

«Намъ остается только жалѣть отъ глубины сердца о потерѣ человѣка, который при другой обстановкѣ сдѣлался бы полезнымъ своему отечеству, знаменитымъ писателемъ, великимъ полководцемъ: можетъ быть *графъ* (курсивъ Греча) Бестужевъ отстоялъ бы Севастополь. Богъ суди тѣхъ, которые сгубили достойныхъ иной участи молодыхъ людей и лишили Россію благороднѣйшихъ сыновъ!»

Мы кончили съ описаніемъ жизни Александра Александровича Бестужева-Марлинскаго. Мы знаемъ, что цѣлыя полосы ея нуждались бы въ разсказѣ несравненно болѣе подробномъ, но отсутствіе въ русской литературѣ еще многихъ, относящихся сюда и донынѣ неопубликованныхъ матеріаловъ, равно какъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, заставили насъ ограничиться лишь приведенными свѣдѣніями. Прибавимъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи Бѣлинскаго къ произведеніямъ Марлинскаго. Зналъ-ли Бѣлинскій истинное имя и судьбу того, кто скрывался подъ псевдонимомъ Марлинскаго? Безъ сомнѣнія. Бѣлинскій былъ слишкомъ литературно образованный человѣкъ и вращался въ слишкомъ освѣдомленной въ литературныхъ и общественныхъ дѣлахъ средѣ, чтобы этого не знать. Извѣстно, съ другой стороны, рѣзкое осужденіе Бѣлинскимъ произведеній Марлинскаго. Правъ-ли онъ былъ въ этомъ? Правъ, конечно, въ томъ смыслѣ, что боялся привитія и распространенія «марлинизма» въ русской литературѣ. Что было не только простительно Марлинскому при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ жилъ и работалъ, но и вполнѣ *свойственно* ему, какъ личности, какъ характеру, было чистѣйшимъ литературнымъ растлѣніемъ подъ перомъ «мошекъ и букашекъ», заимствовавшихъ *внѣшность* у богатыря.

[1]) „Рус. Старина“ 1881 г., IX, 603.

И Бѣлинскій ополчился на «марлинизмъ» со всею страстью своей натуры. Но Бѣлинскій былъ неправъ, заподозривая самую возможность существованія на Руси людей со свойствами Греминыхъ, Лидиныхъ и прочихъ героевъ романовъ Марлинскаго. Самъ Бестужевъ носилъ въ себѣ многія черты его героевъ, а, живя въ Петербургѣ сороковыхъ годовъ Бѣлинскій мѣрилъ петербугскимъ аршиномъ и характеры людей, сложившіеся при иныхъ условіяхъ существованія.

Въ жизни Бѣлинскаго были различные періоды, сообразно которымъ мѣнялись и его взгляды на кардинальнѣйшіе вопросы, составляющіе самую суть міросозерцанія знаменитаго писателя. Но если бы спросить Бѣлинскаго послѣдняго періода его жизни, какъ смотритъ онъ на Марлинскаго, то, — мы въ этомъ увѣрены, — онъ отвѣтилъ бы по прежнему осужденіемъ «марлинизма», но не распространилъ бы этого осужденія на самого Марлинскаго...

V.

Теперь обратимся къ Михаилу и Николаю Бестужевымъ, оставшимся неразлучными до самой смерти послѣдняго.

Мы уже говорили, насколько это было возможно, объ участіи обоихъ братьевъ въ Сѣверномъ Обществѣ и о той роли, которую играли они въ событіяхъ 14 декабря 1825 г. Верховный уголовный судъ формулировалъ ихъ преступленія слѣдующимъ образомъ:

„*Капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ:* участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади".

„*Штабсъ-капитанъ Михайло Бестужевъ.* Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту" [1]).

За эти преступленія судъ приговорилъ Николая и Михаила Бестужевыхъ къ ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу. При конфирмаціи приговора отъ какого бы то ни

[1]) „Рус. Инвалидъ", 1826 г., № 169.

было смягченія участи оба брата были совершенно изъяты [1]). Ихъ заключили на годъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда, въ сентябрѣ 1827 года, они были отправлены въ Читу. Тамъ, во много разъ описанномъ разными декабристами, Читинскомъ острогѣ Бестужевы пробыли до 1830 года, а затѣмъ, вмѣстѣ съ другими заключенными, были переведены въ Петровскій острогъ. Пробывши тамъ еще десять лѣтъ, Бестужевы были, въ 1840 году, отправлены, наконецъ, на поселеніе въ городъ Селенгинскъ Забайкальской области, въ которомъ и скоротали остатокъ дней своихъ. Такова внѣшняя обстановка дальнѣйшей судьбы Николая и Михаила Бестужевыхъ. Но и въ подобной тяжкой обстановкѣ замѣчательные люди эти не пали духомъ, и въ заключеніи, также какъ и на волѣ, посвящали всѣ силы своей души на благо ближнимъ.

«Въ Читинскомъ острогѣ, — разсказываетъ М. А. Бестужевъ, - брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая въ его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ посвятилъ себя морю. Эта завѣтная мысль, преслѣдовавшая его до послѣдней минуты жизни, была — *упрощеніе хронометровъ*. Теперь времени было вдоволь, но недоставало средствъ. Ободренный примѣромъ Загорѣцкаго [2]), который съ помощью одного ножика и пилочки соорудилъ стѣнные часы изъ кострюль и картона еще до нашего прибытія, добылъ всякими

[1]) Шильдеръ приводитъ, со словъ барона Розена, слѣдующій разсказъ о разговорѣ императора Николая съ арестованнымъ Н. А. Бестужевымъ: „Вы знаете, -сказалъ государь, -- что все въ моихъ рукахъ, что могу простить васъ, и еслибы я могъ увѣриться въ томъ, что впредь буду имѣть въ васъ вѣрнаго слугу, то готовъ простить васъ“.—„В. В.! -отвѣчалъ Бестужевъ, -въ томъ и несчастье, что вы все можете сдѣлать, что вы выше закона; желаю, чтобы впредь жребій вашихъ подданныхъ зависѣлъ отъ закона, а не отъ вашей угодности! (*Шильдеръ*, т. I, стр. 545). Этотъ же разсказъ повторенъ въ послѣднее время въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, гдѣ приведены большіе новые выдержки изъ „Записокъ декабриста Н. А. Бестужева“ (См. „Историческій Вѣстникъ“, 1904, IV, 119—135).

[2]) Поручикъ Николай Александровичъ Загорѣцкій былъ приговоренъ въ каторжныя работы на 4 года, а затѣмъ жилъ на поселеніи въ Витимѣ. Въ началѣ царствованія Александра II былъ амнистированъ и возвратился въ Россію. Нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ см. въ статьѣ кн. Д. Д. Оболенскаго—„Наброски изъ прошлаго“, помѣщенной въ ноябрской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1903 г.

неправдами также ножъ и маленькій подпилокъ, потому что намъ запрещены были всѣ орудія, наносящія смерть, вслѣдствіе чего намъ не давали ни ножей, ни вилокъ; даже кончики щипцовъ (инструментъ, которымъ снимали нагорѣвшіе фитили у сальныхъ свѣчей) были обломаны. Онъ началъ съ устройства токарнаго станка, необходимаго для устройства часовъ. Съ такими ничтожными средствами, посреди безчисленныхъ лишеній и препятствій отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, онъ сдѣлалъ часы, соотвѣтственныя его идеѣ и подарилъ ихъ à m-me Mouravieff[1]) въ благодарность за ея вниманіе къ его труду, въ благодарность за выписку полнаго часового инструмента, даже безъ его вѣдома. Комендантъ Лепарскій, сочувствуя дѣлу и ослабляя постепенно строгую инструкцію, позволилъ брату Николаю пользоваться инструментами»[2]).

Съ выходомъ на поселеніе въ Селенгинскъ Николай Бестужевъ продолжалъ энергично заниматься осуществленіемъ своей мысли.

«Въ Селенгинскѣ, располагая болѣе свободнымъ временемъ, — разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ «Записокъ» Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, — Николай серьезно занялся своими хронометрами, устроилъ астрономическую обсерваторію для повѣрки часовъ по звѣздамъ. Печка, устроенная внутри, то нагрѣвала маленькую комнатку обсерваторіи до высокихъ градусовъ термометра, то вдругъ комнатка охлаждалась зимою до тридцати-градусныхъ морозовъ и, несмотря на такіе гигантскіе скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно послѣдній, еще не совсѣмъ устроенный предъ самою его смертью. Его ходъ былъ постоянное отставаніе на $^1/_{10}$ секунды. Такой точности едва-ли можно требовать отъ лучшихъ англійскихъ или французскихъ хронометровъ. Эти часы

---

1) Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева, была супругою заключеннаго въ Читинскомъ острогѣ Никиты Михайловича Муравьева. Тамъ же находился въ заключеніи и родной братъ ея, графъ Захарій Григорьевичъ Чернышевъ. Послѣдовавъ добровольно за мужемъ въ Сибирь, Александра Григорьевна скончалась въ Петровскомъ острогѣ 22 ноября 1833 года. (См. *М. М. Хинъ*—„Жены декабристовъ“, „Историческій Вѣстникъ“, 1884 г., XII, 670—673).

2) „Рус. Старина“, 1870 г., IX. 187.

я подарилъ на память брата Петровскому заводу, и они въ богатомъ футлярѣ до сихъ поръ не измѣняютъ хода. Много разобранныхъ часовъ осталось послѣ его смерти и участь ихъ — оставаться вѣчно въ такомъ положеніи, потому что въ дѣлѣ каждыхъ часовъ онъ преслѣдовалъ свою мысль: одинъ и тотъ же винтикъ имѣлъ двадцать дырокъ; гдѣ его настоящее мѣсто — про то зналъ одинъ хозяинъ. Какихъ трудовъ, какой настойчивости воли стоило ему устройство каждыхъ часовъ, вы можете судить изъ того, что онъ долженъ былъ латунь, назначенную для станинъ, наклепывать ручнымъ молоткомъ, — тогда какъ такая латунь, прокатанная черезъ вальки (плющильные), продавалась въ Россіи готовая и онъ не могъ ее получить, многократно выписывая, и получилъ ее черезъ астронома Струве тогда, когда уже лежалъ въ могилѣ» [1]).

Про эти хронометры упоминаютъ и многіе другіе декабристы.

«Николай Александровичъ Бестужевъ, — говоритъ, напр., А. П. Бѣляевъ, — устроилъ часы своего изобрѣтенія. Это было истинное, великое, художественное произведеніе, принимая въ соображеніе то, что изобрѣтатель не имѣлъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы, — это, поистинѣ, загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показывала, какими необыкновенными, геніальными способностями обладалъ онъ» [2]).

Техническія способности Николая Бестужева были, поистинѣ, изумительны. «На пути перехода изъ Читы въ заводъ, — пишетъ извѣстный, этнографъ академикъ, Максимовъ, — въ Тарбагатаѣ, селеніи старовѣровъ, давно переселенныхъ изъ Вятки и извѣстныхъ подъ именемъ «семейскихъ», — мимоходомъ Бестужевъ даетъ совѣты хозяину мельницы, какъ устроить плотину и сладить съ проклятымъ водяникомъ, который, за что-то, со зла разметывалъ ее. Послѣ мельникъ приходилъ въ Петровскъ съ подаркомъ благодарить и кланяться: «спасибо, наладилъ и колеса вертятся, и толчея стучитъ на всю деревню». Въ самомъ Пе-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1881 г., XI, 626.

[2]) „Воспоминанія декабриста о пережитомъ и перечувствованномъ“, 223.

тровскомъ казенномъ желѣзодѣлательномъ заводѣ стояла нѣсколько лѣтъ безъ всякаго дѣла пильная мельница съ водянымъ приводомъ. Механизмъ ея испортился и всѣ считали ее непоправимою вовсе. Комендантъ отдалъ приказъ Бестужеву и Торсону: эти сходили посмотрѣть, и черезъ нѣсколько часовъ колеса завертѣлись и мельница начала пилить и пилить на удивленіе чиновниковъ и рабочихъ. На петровскихъ палатяхъ, какъ и на читинскихъ антресоляхъ, придуманныхъ Бестужевымъ для того, чтобы, разложившись съ инструментами, не тѣснить и не безпокоить въ тѣснотѣ помѣщенія товарищей, онъ продолжалъ дѣлать то же самое: чинилъ сапоги, шилъ крѣпко здоровые башмаки и даже устроилъ въ этомъ направленіи ремесленную школу для досужихъ и охотливыхъ изъ товарищей, а въ то же время писалъ литературныя статьи (воспоминанія) и рисовалъ акварелью портреты друзей для отправки въ Россію къ оставшимся тамъ ихъ роднымъ. Здѣсь же чинилъ онъ часы коменданту и дамамъ; напослѣдокъ сталъ даже ювелиромъ. Кромѣ того, вязалъ носки и чулки, кроилъ и шилъ фуражки въ товариществѣ съ братомъ Михаиломъ Александровичемъ, который преимущественно занимался переплетнымъ и картонажнымъ мастерствомъ. Наконецъ, онъ занялся усидчиво слесарнымъ мастерствомъ и въ одномъ родѣ издѣлій едва поспѣвалъ исполнять заказы. Онъ придумалъ дѣлать изъ кандаловъ (когда они, по волѣ начальства, были, наконецъ, сняты) браслеты, кольца и кресты, съ прокладкою и припайкою снизу золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ. Сначала онъ исполнялъ это для себя, разославъ такого рода сувениры всѣмъ своимъ знакомымъ въ Россіи, но изобрѣтеніе вошло въ моду въ Сибири до такой степени, что появились подделки и началась торговля фальшивыми издѣліями» [1]).

Когда Бестужевъ жилъ на поселеніи въ Селенгинскѣ, его мысль упорно заработала надъ усовершенствованіемъ печей. «Результатомъ соображеній и вычисленій,—говоритъ Максимовъ,—явилось новое изобрѣтеніе «бестужевская печь», какъ нѣкогда, еще до ссылки, сдѣлался извѣстнымъ «бе-

[1]) „Николай Александровичъ Бестужевъ". „Наблюдатель", 1883 г. III, 107—108.

стужевскій» способъ уборки и вооруженія корабля, примѣненный въ первый разъ при вооруженіи корабля «Эмгейтенъ» [1]).

Вообще, натура Бестужева была въ полномъ смыслѣ слова «многогранная»: вѣчно чѣмъ-нибудь озабоченный, вѣчно учащійся и учащій другихъ, вѣчно дѣятельный, онъ обнаруживаетъ геніальныя способности въ области техники, недюжинный талантъ литературный, замѣчательное дарованіе художественное, тонкое знаніе общественныхъ отношеній въ Россіи и Европѣ, глубокій интересъ къ соціальной жизни народовъ.

Мы уже упоминали, что еще молодымъ человѣкомъ Бестужевъ написалъ обратившія на себя вниманіе «Записки о Голландіи». Въ Сибири онъ также занимался литературою. Сборникъ его статей изданъ въ 1860 году, въ Москвѣ подъ заглавіемъ «Разсказы и повѣсти стараго моряка». Имъ же написана, кромѣ чрезвычайно интересныхъ «Записокъ», изъ которыхъ, кажется, уцѣлѣли только отрывки, также статья «Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ», часть которыхъ напечатана въ первой книгѣ изданнаго Петромъ Бартеневымъ историческаго сборника «Девятнадцатый Вѣкъ» [2]).

На вопросъ М. И. Семевскаго, «когда написано Н. А. Бестужевымъ воспоминаніе о Рылѣевѣ?», М. А. Бестужевъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Воспоминанія брата Николая Александровича о К. Ѳ. Рылѣевѣ были имъ написаны въ Петровскомъ казематѣ въ первое время нашего тамъ пребыванія, именно въ эпоху, когда у насъ много писалось... Его намѣреніе было написать полную біографію Рылѣева, но исполненіе откладывалось со дня на день, частью потому, что чтенія и механическія занятія поглощали почти все время, а частью изъ опасенія обысковъ, которые, уничтоживъ его труды, могли бы за собою повлечь непріятныя и стѣснительныя мѣры для всѣхъ. Равно у насъ съ нимъ было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ.

[1]) Ibid., 110.

[2]) К. Ф. Рылѣевъ. (Изъ записокъ Н. А. Бестужева) „Девятнадцатый Вѣкъ", 338—350.

не смотря на то, что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія оригиналовъ на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрою Еленою Александровною [1]), а предполагаемыя біографіи унесены братомъ въ гробъ. Онъ нѣсколько разъ принимался писать ихъ въ Селенгинскѣ, гдѣ было болѣе свободнаго времени и менѣе опасности, но память намъ во многомъ измѣняла: происшествія и годы путались, а для объясненія недоумѣній надо было прибѣгать къ перепискѣ, которая шла или черезъ Ш-е Отдѣленіе или черезъ руки почтмейстеровъ, обладавшихъ собачьимъ чутьемъ» [2]).

Сверхъ того, Николай Александровичъ написалъ присланную Михаиломъ Александровичемъ М. И. Семевскому статью «О свободѣ торговли» и занимался обработкою другихъ статей. По поводу послѣднихъ, Михаилъ Бестужевъ писалъ Семевскому:

«Не могу постичь, куда дѣвались черновыя его капитальныхъ двухъ сочиненій: «Система міра» и «Упрощенное устройство хронометровъ»: и то, и другое сочиненіе не было ни кончено, ни приведено въ порядокъ написанное. Но онъ мнѣ и многимъ изъ знакомыхъ читалъ довольно большіе отрывки, имѣвшіе полноту цѣлаго» [3]).

Если прибавить сюда, что Николай Бестужевъ занимался еще изученіемъ мало распространенныхъ иностранныхъ языковъ (напр., испанскаго), читалъ массу книгъ и реагировалъ постоянно на всѣ мелкія и крупныя событія общественной жизни, то приходишь въ удивленіе передъ колоссальной психической силой этого необыкновеннаго человѣка. Но наше удивленіе переходитъ въ изумленіе при ознакомленіи еще съ однимъ изъ фактовъ жизни Николая Александровича.

---

[1]) Похоронивъ трехъ братьевъ (Петра, Александра и Павла) и мать, Елена Александровна Бестужева отправилась вмѣстѣ съ другими сестрами къ двумъ еще оставшимся въ живыхъ братьямъ въ Селенгинскъ. Она скончалась 2-го января 1874 года. Два ея некролога, изъ которыхъ одинъ написанъ И. И. Свіязевымъ, а другой барономъ А. Е. Розеномъ, напечатаны въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за 1874 годъ, 575—578.

[2]) „Рус. Старина“, 1881 г., XI, 631.

[3]) Ibid., 632.

Несмотря на крайне тяжелыя условія, въ которыя была поставлена переписка декабристовъ, Н. А. Бестужевъ переписывался часто съ жившими на поселеніи княземъ С. П. Трубецкимъ, княземъ С. Г. Волконскимъ, И. И. Пущинымъ, И. И. Горбачевскимъ, Г. С. Батенковымъ, В. И. Бечасновымъ и другими. Обладавшій громадными связями, жившій на поселеніи въ Иркутскѣ, князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій имѣлъ возможность получать книги проходившія въ то время въ Россію съ чрезвычайными затрудненіями. Получилъ онъ, между прочимъ, и извѣстное произведеніе Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», выпущенное авторомъ въ Брюсселѣ, въ 1847 году. Черезъ одного изъ друзей прислалъ Волконскій эту книгу въ Селенгинскъ Николаю Бестужеву и просилъ его сообщить ему свое о ней мнѣніе. Бестужевъ отвѣчалъ на это напечатанными въ статьѣ Максимова «Николай Александровичъ Бестужевъ»—письмами, изъ которыхъ мы приведемъ только слѣдующій отрывокъ, сохраняя всѣ курсивы подлинника:

«Теперь просмотримъ вопросъ о пролетаризмѣ. Отчего существуетъ онъ во всей Европѣ? Оттого, что земля тамъ есть неотъемлемая собственность частныхъ лицъ. Право располагать собственностью этою, въ продолженіе времени, сводить землю въ нѣсколько рукъ, и мы видимъ, что собственниковъ земель, противъ прочаго народонаселенія, въ лучше надѣленныхъ странахъ, едва только 1/1000 часть, прочіе всѣ—безземельные пролетаріи. Не говоря объ Англіи, возьмемъ въ примѣръ Францію. Земли, раздѣленныя послѣ революціи 89 года, - чему не прошло еще столѣтія, — уже такъ раздробились наслѣдствами, замужествами и проч., что одна половина стеклась въ руки монополистовъ, другая перестала приносить какой-либо доходъ. Повтореніе этого же самаго мы видимъ въ нашихъ дворянскихъ имѣніяхъ, гдѣ одна половина отдѣлена въ большія усадьбы, а другая – въ закладѣ по кредитнымъ установленіямъ. По моему, земля, воздухъ, вода, т. е. то, чего мы не можемъ создать ни одного атома, не можетъ быть нашею собственностью, какъ сказалъ Богъ устами законодателя Моисея: „Земля мое бо есть, вы же на ней пришельцы есть", и какъ подтверждено Екатериною II въ земскихъ постановленіяхъ Россіи. Отсюда слѣдуетъ, что у насъ не можетъ быть пролетаріевъ.

что каждый, до какой бы крайности ни былъ доведенъ, всегда имѣетъ право на клочокъ земли, который даетъ ему пропитаніе, ежели у него есть прилежаніе и сила. Наши общины суть ничто иное, какъ соціальный коммунизмъ на практикѣ, гдѣ земля есть *средство* въ работѣ, тогда какъ французскіе коммунисты, не давая никакихъ средствъ, требуютъ на нее *права*. И съ *правомъ* на работу умрешь съ голоду безъ *средствъ*. Этого ничего не видитъ Тургеневъ» и т. д. [1]).

Приведенныя нами строки писаны Николаемъ Бестужевымъ 16-го февраля 1850 года. Извѣстная книга Гакстгаузена— «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» появилась, правда, въ 1847 году, но, во-первыхъ, сколько намъ извѣстно — а мы старались ознакомиться по возможности со всею литературою, касающеюся даннаго предмета, — ничто рѣшительно не указываетъ на знакомство Бестужева и другихъ ссыльныхъ декабристовъ съ книгою Гакстгаузена и, во-вторыхъ, — что самое главное, — разсужденія Гакстгаузена о русской общинѣ помѣщены лишь въ третьемъ томѣ его труда, появившемся въ Берлинѣ въ *1852* году, а это значитъ, что писавшій вышеприведенное письмо къ Волконскому въ самомъ началѣ *1850* года Николай Александровичъ Бестужевъ высказывалъ свои *совершенно самостоятельныя* по аграрному вопросу въ Россіи мысли. Укрѣпилось мнѣніе, что Гакстгаузенъ «открылъ у насъ общину». Такое выраженіе перешло даже въ энциклопедическіе словари [2]). Противъ этого можно спорить. Герценъ говоритъ, что на земельную общину указалъ Гакстгаузену Константинъ Аксаковъ [3]). Извѣстный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ утверждаетъ, что «Гакстгаузенъ, открывшій русскую общину, обязанъ своимъ открытіемъ Хомякову» [4]). Значитъ, были люди и до Гакстгаузена, знакомые съ этимъ учрежденіемъ. Но пусть будетъ такъ, пусть Гакстгаузенъ «открылъ общину» и первый указалъ на нее, какъ на извѣстнаго рода громо-

---

[1]) „Наблюдатель“, 1883 года, III, 35.

[2]) См. словарь „Брокгауза и Ефрона“, 885.

[3]) См. ниже нашу статью „Александръ Ивановичъ Герценъ“.

[4]) „Славянофильское ученіе и его судьбы“, „Отечественныя Записки“, 1862 г., III, 35.

отводъ противъ развитія въ Россіи пролетаріата, да Бестужевъ-то находился въ это время за Байкаломъ, въ глухомъ Селенгинскѣ. И этотъ-то Бестужевъ проникаетъ своимъ острымъ взглядомъ въ самую суть вопроса! Конечно, со взглядомъ Бестужева можно теперь и не соглашаться, — недаромъ же прошло съ того времени болѣе полстолѣтія, — но, когда вспомнишь, что эту самую идею защищали съ такою страстью выдающіеся русскіе люди, — Герценъ, Чернышевскій и многіе другіе, — что высказана она была человѣкомъ, находившимся въ исключительно неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, то удивленіе передъ личностью Николая Александровича Бестужева должно, какъ мы сказали, перейти въ изумленіе...

Наступила крымская война и запрыгало сердце въ груди стараго моряка и стараго общественнаго дѣятеля:

«Война, война со всѣхъ сторонъ! — пишетъ Бестужевъ въ письмѣ отъ 11-го марта 1854 года. Что то будетъ? Въ интересное время мы живемъ, жаль только, что новости до насъ достигаютъ лишь тогда, какъ на мѣстѣ, гдѣ онѣ происходятъ, все уже перемѣнилось или давно сдѣлалось стариною... Сколько совершилось событій въ эти тридцать лѣтъ, что мы сошли со сцены свѣта, и сколько еще совершится неожиданнаго до нашей смерти. Теперь мы въ 5 лѣтъ болѣе проживемъ, нежели прежде въ 100 лѣтъ»[1]).

Увы, смерть была уже ближе къ Николаю Александровичу, нежели онъ это думалъ. Онъ болѣетъ, но борется съ недугами. Все вниманіе его устремлено на происходящія міровыя событія.

«Извѣстіе о смерти императора Николая Павловича, — разсказываетъ М. А. Бестужевъ, пришло въ Иркутскъ во время пребыванія брата тамъ. По его возвращеніи въ Селенгинскъ (въ апрѣлѣ, передъ Пасхою 1855 года) въ то время, когда онъ уже носилъ въ груди зародышъ смерти, печальный и молчаливый, онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, когда рѣчь падала на критическое положеніе Россіи:

« Что выльется изъ нашего новаго царя (Александра II), Богу извѣстно одному; но говорятъ, онъ добръ и, слѣдовательно, не захочетъ идти по слѣдамъ своего ба-

[1]) „Наблюдатель“, 1883 г., III, 112.

тюшки. Онъ не захочетъ окончательно погубить Россію, продолжая войну.... Успѣхи и неудачи Севастопольской осады его интересовали въ высочайшей степени. Въ продолженіе семнадцати долгихъ ночей его предсмертныхъ страданій, я самъ, истомленный усталостью, едва понимая, что онъ мнѣ говорилъ почти въ бреду, долженъ былъ употреблять всѣ свои силы, чтобы успокоить его касательно бѣдной, погибающей Россіи. Въ промежутки страшной борьбы его желѣзной, крѣпкой натуры со смертьюонъ меня спрашивалъ: «Скажи-нѣтъ ли чего утѣшительнаго (о Севастополѣ)?» [1]).

Николай Александровичъ Бестужевъ скончался въ Селенгинскѣ, 15-го мая 1855 года, шестидесяти четырехъ лѣтъ. Извѣстіе объ амнистіи декабристамъ уже не застало его въ живыхъ....

Въ Селенгинскѣ остался одинъ Михаилъ Александровичъ съ сестрами. Онъ женился на сибирячкѣ Селивановой, построилъ домикъ и оставался въ Сибири еще долгое время послѣ амнистіи. Менѣе одаренный отъ природы, чѣмъ Николай, Михаилъ Александровичъ, тѣмъ не менѣе, былъ личностью недюжинною. Поработалъ онъ и на свой пай для блага окружавшихъ его людей. Такъ, имъ изобрѣтена особенная «бестужевская» повозка, или такъ называемая «сидѣйка», широко распространившаяся во всей Забайкальской области, а потомъ и по другимъ частямъ Сибири.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, заинтересовавшись судьбою замѣчательныхъ братьевъ Бестужевыхъ, М. И. Семевскій вошелъ въ переписку съ единственнымъ оставшимся тогда въ живыхъ изъ пятерыхъ братьевъ, Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Переписка эта, не взирая на раздѣлявшія корреспондентовъ шесть тысячъ верстъ, велась очень дѣятельно. Селенгинскій изгнанникъ оказался, по свидѣтельству М. И. Семевскаго, «человѣкомъ, исполненнымъ еще бодрости, энергіи и увлеченія, человѣкомъ въ высшей степени искреннимъ и откровеннымъ». Онъ съ величайшей готовностью отвѣчалъ на всѣ задававшіеся ему Семевскимъ вопросы, присылалъ ему цѣлыя толстыя тетради собственныхъ воспоминаній, составившія драгоцѣнный источникъ для сужденія объ общественномъ дви-

[1]) „Рус. Старина". 1881 г., XI, 655—656.

женіи въ александровскую эпоху и событіяхъ послѣдующаго времени, сообщалъ ему письма и другія любопытныя историческіе матеріалы, словомъ, внесъ массу свѣта въ недавнее прошлое русской исторіи.

Пріѣхавши изъ Сибири все еще бодрымъ старикомъ, М. А. Бестужевъ внезапно скончался въ Москвѣ, двадцать перваго іюня 1871 года.

VI.

Намъ остается сказать объ остальныхъ двухъ братьяхъ Бестужевыхъ: Петрѣ и Павлѣ.

Михаилъ Александровичъ описывалъ своего брата Петра такими словами:

«Братъ Петръ былъ нрава кроткаго, флегматичнаго и любилъ до страсти чтеніе серьезныхъ сочиненій: постоянно молчаливый, онъ былъ краснорѣчивъ, когда удавалось его расшевелить, и тогда говорилъ сжато, красно и логично»[1].

Какъ мы уже говорили, старшіе трое братья Бестужевы препятствовали тому, чтобы въ тайномъ обществѣ принималъ какое бы то ни было участіе ихъ братъ Петръ, такъ какъ желали сохранить хоть кого-нибудь изъ семьи въ качествѣ опоры ихъ матери и сестеръ (Павелъ еще учился тогда въ артиллерійскомъ училищѣ). Но Петръ, вопреки желанія братьевъ, принялъ, тѣмъ не менѣе, участіе въ событіяхъ 14 декабря и былъ преданъ суду, который формулировалъ его преступленія слѣдующимъ образомъ:

„*Мичманъ Петръ Бестужевъ:* принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ»[2].

За это Петръ Бестужевъ былъ приговоренъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ «къ лишенію токмо чиновъ и написанію въ солдаты съ выслугою»[3].

Этотъ приговоръ былъ высочайше конфирмированъ безъ измѣненія.

---

[1]) „Рус. Старина", 1870, VI, 522.
[2]) „Рус. Инвалидъ" 1826 г., № 172.
[3]) Ibid.

Разжалованный въ рядовые, Петръ посланъ, на основаніи этого приговора, служить на Кавказъ. Тамъ служилъ онъ въ теченіе шести лѣтъ солдатомъ, участвовалъ во множествѣ сраженій, былъ тяжело раненъ и затѣмъ, не вынеся условій своего существованія, сошелъ съ ума. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу Михаилъ Александровичъ:

«Несчастная судьба Петра бросила его въ лапы одного изъ тѣхъ животныхъ, которые носятъ названіе «бурбоновъ». Держа его въ кавказскіе жары въ полной аммуниціи, подъ ружьемъ въ раненой рукѣ, онъ его въ три мѣсяца доканалъ. Всѣ усилія братьевъ Александра и Павла возвратить разсудокъ Петру остались тщетны. Наконецъ, его прислали къ матушкѣ въ деревню въ окончательномъ сумасшествіи, которымъ онъ мучилъ и мать, и сестеръ цѣлыя семь лѣтъ. Болѣзнь доросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его, за собственную ихъ жизнь, опасеніе сгорѣть въ пожарѣ дома, что повторялось нѣсколько разъ, заставило мать обратиться съ просьбою къ начальнику штаба жандармовъ Бенкендорфу съ покорнѣйшею просьбою: помѣстить брата Петра въ заведеніе умалишенныхъ герцога, бывшее на 2-й верстѣ отъ столицы по петергофской дорогѣ. Но Бенкендорфъ рѣшилъ «въ просьбѣ отказать, такъ какъ это заведеніе очень близко отъ столицы». Впослѣдствіи, однако, дано было позволеніе матери помѣстить брата Петра въ это заведеніе. Онъ былъ тамъ помѣщенъ и черезъ три мѣсяца умеръ» [1]).

Въ 1880 году г. Мартыновъ помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» замѣтку подъ заглавіемъ «Судьба декабриста Петра Бестужева». Въ замѣткѣ этой приводится подлинный указъ петербургскаго губернскаго правленія отъ 22 іюня 1840 года «объ освидѣтельствованіи отставного унтеръ-офицера изъ дворянъ Петра Бестужева въ умственныхъ способностяхъ». На основаніи этого указа, Петръ Бестужевъ былъ подвергнутъ освидѣтельствованію, въ результатѣ котораго было найдено слѣдующее:

«Изъ наружнаго вида и отвѣтовъ отставного унтеръ-офицера изъ дворянъ Петра Бестужева присутствующіе замѣтили, что онъ, при высшей степени задумчивости (melancholia) имѣетъ помѣшательство въ умственныхъ способно-

[1]) „Рус. Старина“ 1870 г., VI, 523.

стяхъ, основанное наиболѣе на ложно представляемомъ преслѣдованіи его и оскорбленіи (misantropia) и наичаще оканчивающееся прекращеніемъ собственнаго бытія, а почему полагаютъ необходимымъ для отвращенія таковаго послѣдствія помѣстить его въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ».

«Получивъ отъ губернскаго правленія бумагу, — пишетъ г. Мартыновъ, — военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ предписалъ гражданскому губернатору отправить Бестужева въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ, куда онъ и былъ отправленъ 3 августа 1840 года. Провидѣніе скоро сжалилось надъ несчастной жертвой юношескаго увлеченія. 22 августа того же года (этимъ устанавливается дата смерти Петра Бестужева. *В. Б.*) контора больницы донесла губернатору, что Петръ Бестужевъ умеръ отъ изнурительной лихорадки и погребенъ на Тентелеевскомъ кладбищѣ, при церкви св. Митрофанія [1]).

Наконецъ, касательно Павла Александровича Бестужева извѣстно слѣдующее: читатель припомнитъ разсказы Греча о причинахъ ссылки на Кавказъ послѣдняго Бестужева. Какъ и въ другихъ случаяхъ, въ разсказѣ Греча изображена не дѣйствительность, а только городская, совершенно невѣрная, молва. Въ дѣйствительности, дѣло происходило, по разсказу Михаила Бестужева, такъ: Павелъ Бестужевъ былъ въ декабрѣ 1825 года въ послѣднемъ классѣ артиллерійскаго училища. Черезъ нѣсколько времени послѣ декабрьскихъ событій, великій князь Михаилъ Павловичъ, проходя по дортуарамъ, увидѣлъ развернутую книгу на одномъ изъ столиковъ, помѣщавшихся между двумя кроватями.

«Онъ беретъ книгу. То была «Полярная Звѣзда». Смотритъ, на чемъ она была развернута: это была «Исповѣдь Наливайки», — извѣстное стихотвореніе Рылѣева.

«— Кто здѣсь спитъ? — спросилъ великій князь, указывая на одну изъ кроватей.

«— Бестужевъ, ваше высочество, — отвѣчали ему.

«— Арестовать его!

«Началось новое слѣдствіе, и Павелъ Бестужевъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ онъ храбро велъ себя въ обѣихъ кампаніяхъ, персидской и турецкой, затѣмъ вышелъ въ от-

---

1) „Историческій Вѣстникъ". 1880 г., I, 222—225.

ставку съ анненскимъ крестомъ за изобрѣтеніе прицѣла къ пушкамъ, который введенъ былъ во всей артиллеріи подъ названіемъ «Бестужевскаго прицѣла» [1]).

И въ Павлѣ, слѣдовательно, жила та же «бестужевская» изобрѣтательность, которая отличала все это даровитое семейство.

Впослѣдствіи Павелъ женился, жилъ въ деревнѣ и умеръ въ 1846 году, похоронивъ еще до своей кончины единственнаго своего сына Александра.

Въ 1886 году редакціей «Русской Старины» была издана книга «Русскіе дѣятели», въ которой было сказано по ошибкѣ, что «Павелъ Бестужевъ скончался въ сумасшествіи, а Петръ, также нѣсколько пострадавшій въ 1826 году, умеръ въ званіи артиллерійскаго офицера въ началѣ 1840 годовъ» [2]).

На это въ сентябрской книжкѣ того же журнала послѣдовало письмо, лично знавшаго въ 1843 году Павла Бестужева, артиллерійскаго офицера г. Шумилова, въ которомъ онъ указываетъ, что Павелъ никогда не былъ психически разстроеннымъ [3]). Тутъ же онъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности жизни Павла Бестужева. Онъ былъ, говоритъ г. Шумиловъ, «человѣкъ любезный, весьма умный и отличный разсказчикъ; у него была прекрасная библіотека русская и французская, множество книгъ историческихъ, которыхъ мы (артиллерійскіе офицеры), безъ знакомства съ Павломъ Александровичемъ, не имѣли бы возможности прочесть; отъ него мы пользовались всѣми тогдашними русскими журналами и вновь выходившими книгами по всѣмъ отраслямъ знанія и беллетристики. Куда дѣвалась эта громадная и отлично подобранная библіотека — мнѣ неизвѣстно.

«Павелъ Александровичъ Бестужевъ въ то время, когда я его зналъ, былъ человѣкъ больной, очень рѣдко выѣзжалъ изъ дому и то только почти исключительно въ Гавриловъ посадъ (Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи)

[1]) „Рус. Старина“, 1870 г., VII, 524.

[2]) Русскіе дѣятели въ портретахъ. Изданіе журнала „Русская Старина“, (второе собраніе), статья „Михаилъ Александровичъ Бестужевъ“. 86.

[3]) Напечатавъ письмо г. Шумилова, редакція „Русской Старины“ разумѣется, немедленно исправила свою ошибку.

къ кому-нибудь изъ насъ, офицеровъ. Мы его очень любили, онъ намъ платилъ тѣмъ же. Болѣзнь его была тяжелая, и рѣдкій день онъ пользовался сноснымъ здоровьемъ; у него былъ ракъ въ желудкѣ, послѣдствіе желтой лихорадки, полученной имъ въ Сухумъ-Кале, куда онъ былъ сосланъ послѣ 14-го декабря за фамилію свою, не бывъ ни въ чемъ участникомъ, какъ говорилъ намъ» [1]).

Такъ сошли со сцены всѣ пятеро братьевъ Бестужевыхъ. Они не оставили послѣ себя потомства: Николай, Александръ и Петръ умерли холостыми. Павелъ, какъ сказано, похоронилъ еще при жизни своего единственнаго сына; послѣ Михаила Александровича остались сынъ и дочь, но и они, по свѣдѣніямъ «Русской Старины», вскорѣ послѣ смерти отца послѣдовали за нимъ въ могилу [2]).

Прямой родъ Бестужевыхъ прекратился.

---

[1]) „Павелъ Александровичъ Бестужевъ", „Рус. Старина", 1886 г., IX, 702.

[2]) „Рус. Старина". 1881 г.. XI, 592.

Декабристъ-литераторъ А. О. Корниловичъ [1]).

Когда говорятъ о декабристахъ-литераторахъ, то подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ обыкновенно К. Ф. Рылѣева, В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева-Марлинскаго и Н. И. Тургенева. Строго говоря, это и вѣрно, такъ какъ лишь Рылѣевъ († 13 іюля 1826 г.) и Кюхельбекеръ († 11 августа 1846 г.) много поработали на литературномъ поприщѣ еще до событія 14 декабря 1825 года [2]), а Тургеневъ и Александръ Бестужевъ, начавшіе свою литературную дѣятельность также до этого событія, продолжали ее въ теченіе всей своей послѣдующей жизни [3]).

Но къ декабристамъ-литераторамъ слѣдуетъ присоединить также князя А. И. Одоевскаго († 1839), хотя сборникъ его стиховъ увидѣлъ свѣтъ только почти черезъ полвѣка послѣ смерти поэта (изданъ барономъ А. Е. Розеномъ въ 1883 году), Н. А. Бестужева († 14 мая 1855 года), автора извѣстныхъ въ свое время «Записокъ о Голландіи» и вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ послѣ смерти автора «Разсказовъ стараго моряка», Д. И. Завалишина († 10 мая 1892 г.), напечатавшаго не мало своихъ статей въ

---

[1]) Напечатана въ сборникѣ „Литературное дѣло", СПб., 1902 г.

[2]) Помимо другихъ своихъ работъ К. Ф. Рылѣевъ издавалъ вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ альманахъ „Полярная Звѣзда", а В. К. Кюхельбекеръ издавалъ, въ сотрудничествѣ съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, журналъ „Мнемозина".

[3]) Извѣстно, что Н. И. Тургеневъ († 29 октября 1871 г.) началъ свою литературную дѣятельность книгою „Опытъ теоріи налоговъ" (1818 г.) и закончилъ сочиненіемъ „О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ (1869 г.). Такимъ образомъ его литературная дѣятельность, несмотря на то, что время съ 1825 по 1855 годъ Тургеневъ провелъ поневолѣ заграницей, продолжалась полвѣка. Что касается А. А. Бестужева-Марлинскаго († 7 іюля 1837 г.), то и знаменитость свою въ качествѣ романиста онъ пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, уже подъ солдатскою шинелью на Кавказѣ.

разныхъ журналахъ, а также декабристовъ-мемуаристовъ: Н. В. Басаргина, М. А. Бестужева, Г. С. Батенкова, А. П. Бѣляева, князя С. Г. Волконскаго, И. И. Горбачевскаго, Н. И. Лотера, М. И. Муравьева-Апостола, князя Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина, барона А. Е. Розена, П. Н. Свистунова, князя С. П. Трубецкого, П. И. Фаленберга, М. А. фонъ-Визина, А. Ф. Фролова, барона В. И. Штейнгеля и И. Д. Якушкина. Есть указанія на существованіе также записокъ М. А. Назимова [1]), А. И. Якубовича [2]) и Ю. К. Люблинскаго [3]), но всѣ онѣ, сколько намъ извѣстно, еще не видѣли свѣта.

Но въ этихъ строкахъ мы будемъ говорить не о перечисленныхъ выше лицахъ, а еще объ одномъ декабристѣ-литераторѣ, имя котораго, хотя и упоминается нашими историками, но лишь какъ-то вскользь, а между тѣмъ, по своимъ выдающимся дарованіямъ, равно какъ и необыкновенной судьбѣ, Александръ Осиповичъ Корниловичъ заслуживаетъ гораздо болѣе внимательнаго къ себѣ отношенія.

Въ виду крайней, однако, скудости, касающихся Корниловича, біографическихъ данныхъ, мы поневолѣ должны

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ“, 1888 г. X. 260.

[2]) См. перепечатку изъ газеты „Енисей“ въ № 870 (отъ 27 сентября 1901 г.) въ газетѣ „Россія“.

[3]) По поводу записокъ Люблинскаго намъ хотѣлось бы, пользуясь случаемъ, поставить спеціалистамъ этого дѣла слѣдующій вопросъ: въ № 143 „Колокола“ (1862 г.) Герценъ, извѣщая о полученіи имъ „Записокъ декабристовъ“, писалъ между прочимъ такія строки: „мы предполагаемъ издавать записки отдѣльными выпусками и начать съ записокъ И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затѣмъ послѣдуютъ записки князя Оболенскаго, Басаргина, Штейнгеля *Люблинскаго,* Н. Бестужева; далѣе „14 декабря“ Пущина, „Бѣлая Церковь“, „Воспоминанія кн. Оболенскаго о Рылѣевѣ и Якушкинѣ“ „Былое,—изъ разсказовъ декабристовъ“, „Списокъ слѣдственной коммиссіи“, „Статья о Лунинѣ и разныя письма“. Всѣ перечисленныя здѣсь статьи появились въ печати въ разное время заграницею (а частью въ Россіи) за исключеніемъ записокъ Люблинскаго. Почему это случилось? Это тѣмъ болѣе жаль, что Люблинскій принадлежалъ къ обществу соединенныхъ славянъ, т. е. къ тому обществу, о которомъ въ нашей литературѣ имѣется наименѣе свѣдѣній. (Этотъ вопросъ, печатно поставленный мною два года тому назадъ, остался безъ разрѣшенія. Личныя бесѣды мои съ спеціалистами-историками также не дали по этому поводу никакихъ указаній. Такимъ образомъ вопросъ о запискахъ Люблинскаго остается и теперь открытымъ. *В. Б.*)

ограничиться здѣсь лишь суммированіемъ того немногаго, что появилось о Корниловичѣ въ разное время въ различныхъ изданіяхъ въ видѣ самыхъ мелкихъ замѣтокъ, дополнивши это немногое нѣкоторыми показаніями передъ слѣдственной комиссіей самого Корниловича.

О происхожденіи и дѣтствѣ Корниловича намъ извѣстно очень мало. Изъ показаній его предъ слѣдственной комиссіей видно лишь, что онъ родился 17 іюля 1800 года и по вѣроисповѣданію былъ католикъ. Повидимому, онъ происходилъ изъ небогатой дворянской малорусской семьи. Это можно заключить изъ словъ Н. И. Шеннига, упоминающаго про «малороссійское нарѣчіе» Корниловича и объ отсутствіи у него всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ жалованья [1]). Зато извѣстно, что Корниловичъ обладалъ рѣдкими способностями и получилъ настолько замѣчательное образованіе, что въ этомъ отношеніи онъ уступалъ быть можетъ только Н. И. Тургеневу, окончившему курсъ въ московскомъ университетѣ и завершившему свое образованіе слушаніемъ въ Геттингенѣ лекцій знаменитыхъ нѣмецкихъ профессоровъ того времени, да П. И. Пестелю († 13 іюля 1826 г.), получившему образованіе въ Дрезденѣ и затѣмъ уже блестяще выдержавшему выпускной экзаменъ при пажескомъ корпусѣ [2]). Учился Корниловичъ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, впослѣдствіи преобразованномъ въ Новороссійскій университетъ. Объ этомъ обстоятельствѣ, помимо указанія на него въ приложеніи къ «Исторіи царствованія Александра I» Богдановича росписи декабристовъ съ обозначеніемъ полученнаго ими образованія, имѣется еще и слѣдующій разсказъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго.

«Я былъ нѣсколько разъ кряду, — разсказываетъ этотъ авторъ, — въ числѣ экзаменаторовъ, которые испытывали въ наукахъ молодыхъ людей, поступавшихъ на службу въ квартирмейстерскую часть. Въ числѣ оныхъ въ 1816 или 1817 году явился Корниловичъ, обучавшійся въ Одессѣ въ Ришельевскомъ лицеѣ, который выдержалъ экзаменъ свой въ наукахъ и языкахъ столь блистательнымъ образомъ, что привелъ меня въ удивленіе. Я увѣренъ, что не всякій мо-

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1880 г., т. III, 298.

[2]) *Гречъ*, „Записки о моей жизни“, 373—375.

лодой человѣкъ, окончившій курсъ ученія въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ университетѣ, выдержитъ подобнымъ образомъ испытаніе [1]).

Изъ Ришельевскаго лицея Корниловичъ перешелъ въ извѣстную муравьевскую «школу колоновожатыхъ», изъ которой вышло не мало замѣчательныхъ людей александровской эпохи; по окончаніи этой школы онъ былъ зачисленъ по генеральному штабу или, какъ тогда называли, «свитскимъ гвардейскимъ офицеромъ» [2]). Всѣ лица, когда-либо упоминавшія въ своихъ статьяхъ имя Корниловича, говорятъ о знаніи имъ большого количества европейскихъ языковъ. Генералъ Шумковъ свидѣтельствуетъ, что Корниловичъ владѣлъ «почти всѣми европейскими языками» [3]); Шеннигъ говоритъ, что, «пріѣхавъ изъ Одессы, Корниловичъ зналъ русскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій и латинскій языки, и затѣмъ, въ короткое время, выучился англійскому, шведскому и голландскому» [4]); Свистуновъ разсказываетъ что «находясь въ Читинскомъ острогѣ, Корниловичъ читалъ на многихъ языкахъ, въ томъ числѣ итальянскомъ и испанскомъ, и что въ тюрьмѣ товарищи называли его «полиглотомъ» [5]). То же самое говорятъ о Корниловичѣ и многіе другіе изъ знавшихъ его лицъ.

Съ такимъ-то умственнымъ багажомъ вступилъ въ жизнь молодой офицеръ. Служилъ онъ довольно счастливо и въ 1825 году былъ уже штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба. Но служба далеко не удовлетворяла Корниловича и рано проснувшіеся запросы на другого рода жизнь жадно требовали себѣ исхода. Такимъ исходомъ и явилась учено-литературная дѣятельность. Вышеупомянутый Михайловскій-Данилевскій продолжаетъ слѣдующимъ образомъ разсказъ о своей встрѣчѣ съ Корниловичемъ въ качествѣ экзаменатора:

---

[1]) Изъ записокъ генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго. „Русская Старина" 1890 г., XI, 503.

[2]) Разсказъ генерала Шумкова, „Русская Старина", 1878 г., X, 319.

[3]) Ibid.

[4]) „Русскій Архивъ", 1880 г., т. III, 298. (Воспоминанія Николая Игнатьевича Шеннига).

[5]) *Свистуновъ*, „Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14-го декабря и декабристахъ", „Русскій Архивъ" 1871 г. 1650.

«Разумѣется, что я вмѣнилъ себѣ въ пріятную обязанность его (Корниловича) обласкать, пригласить къ себѣ и уговаривать заниматься науками. Черезъ годъ или два нашъ извѣстный военный писатель, Бутурлинъ, вознамѣрился сочинить исторію походовъ россіянъ въ восемнадцатомъ столѣтіи и получилъ отъ государя позволеніе собирать матеріалъ въ архивахъ иностранной коллегіи, который, разумѣется, сохраняется въ великой тайнѣ. Бутурлинъ, будучи человѣкъ свѣтскій и неученый, пренебрегъ самъ единственнымъ случаемъ узнать драгоцѣнности, хранящіяся въ архивѣ, и поручилъ Корниловичу сію работу сперва въ петербургскомъ, а потомъ въ московскомъ архивѣ, и сей съ неутомимымъ прилежаніемъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ сихъ занятіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ пріобрѣлъ необыкновенныя, обширныя познанія по исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ сіе время онъ познакомился съ разными литераторами въ Москвѣ и въ Петербургѣ, вступилъ въ ученыя общества и печаталъ разныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, которыя всѣ отличались историческими свѣдѣніями, но въ нихъ видно было, что сочинитель еще не зрѣлъ, что онъ зналъ многое, но не умѣлъ еще выражать своихъ мыслей. Въ послѣдніе два года моего пребыванія въ Петербургѣ, т. е. въ 1822 и 1823 годахъ онъ меня оставилъ и предпочелъ моему общество съ литераторами, доведшими его, вѣроятно, до ужаснѣйшаго поступка, на который онъ нынѣ покусился» [1].

Едва-ли общество Михайловскаго-Данилевскаго и могло удовлетворить любознательнаго и полнаго умственныхъ интересовъ Корниловича, если принять во вниманіе такія, напр., слова того же Данилевскаго:

«Извѣстіе объ арестѣ полковниковъ Ширмана и Левенталя (вскорѣ выпущенныхъ) насъ крайне опечалило, во-первыхъ, и для чести дивизіи, въ коей никто не былъ арестованъ и потому, что сіи два полковника были всѣми любимы и уважаемы. Проведя съ ними два лѣта вмѣстѣ въ лагерѣ, мы никогда о политикѣ и не говорили; мы знали, когда полки были въ сборѣ, *только карты и службу»* [2].

---

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*, 504.
[2]) Ibid, стр. 502.

И много другого подобнаго же разсѣяно въ воспоминаніяхъ цитируемаго автора...

Какъ бы то ни было, но, отдалившись отъ общества Михайловскаго-Данилевскаго и ему подобныхъ, Корниловичъ, дѣйствительно, сблизился со многими литераторами. М. А. Бестужевъ разсказываетъ, что, когда его братъ Николай Александровичъ, переѣхалъ въ 1823 году изъ Кронштадта въ Петербургъ для занятія должности «исторіографа русскаго флота», то онъ немедленно «сблизился съ Рылѣевымъ, Корниловичемъ, Сомовымъ и вообще со многими литературными собратами по «обществу ревнителей просвѣщенія» [1]). Отсюда слѣдуетъ, что уже въ 1823 году Корниловичъ принималъ близкое участіе въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ лучшихъ элементовъ русскаго общества. О томъ же свидѣтельствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» декабристъ князь Е. П. Оболенскій, встрѣчавшій на литературныхъ журфиксахъ у Греча (тогда подделывавшагося подъ либеральное настроеніе общества (въ которомъ онъ вращался) и Рылѣева въ числѣ другихъ Корниловича, „который усердно и съ любовью трудился надъ памятниками петровскаго времени и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету [2]).

Около этого же времени Корниловичъ познакомился съ историкомъ донского казачьяго войска, В. Д. Сухоруковымъ. Общіе умственные интересы, любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ и нѣкоторые ихъ совмѣстные планы дѣйствій сблизили между собою молодыхъ людей, и это обстоятельство имѣло, повидимому, особое значеніе въ нѣкоторыхъ послѣдующихъ событіяхъ жизни Корниловича. Въ статьѣ «Донской историкъ и литераторъ, Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ» объ этой личности сообщаются такія данныя: получивъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ, онъ былъ переименованъ изъ кандидатовъ utriusque juris въ хорунжіе. Его серьезныя занятія исторіей родного края обратили на него вниманіе генералъ-адъютанта Чернышева, бывшаго въ то время предсѣдателемъ Донскаго

[1]) Записки Михаила Александровича Бестужева, „Рус. Стар." 1881 г., XI, 610.

[2]) *Оболенскій*, „Воспоминанія", 6.

комитета. Нѣкоторое время Сухоруковъ и Чернышевъ были въ довольно близкихъ отношеніяхъ, но во второй половинѣ 1824 года между ними произошелъ какой-то разладъ. Въ это время Сухоруковъ написалъ монографію подъ заглавіемъ «Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ», которая, вмѣстѣ со статьями Корниловича о нравахъ русскихъ при Петрѣ Великомъ и появилась въ печати въ видѣ особаго альманаха подъ заглавіемъ «Русская Старина».

Къ дѣлу 14 декабря 1825 года Сухоруковъ привлеченъ не былъ, но неожиданно, уже въ 1827 году, «по распоряженію высшаго начальства», былъ переведенъ изъ гвардіи въ армію и посланъ служить на Кавказъ. Тамъ онъ близко сошелся съ Грибоѣдовымъ и путешествовавшимъ по Кавказу Пушкинымъ. Въ январѣ 1830 года въ Грузію былъ присланъ фельдъ-егерь, который, захвативши всѣ бумаги Сухорукова, увезъ самого его въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого Сухоруковъ былъ отправленъ на службу въ Финляндію, а потомъ его отпустили на Донъ. Тамъ онъ продолжалъ писать, но, кажется, ему нельзя было ничего печатать. По крайней мѣрѣ, написанная имъ рецензія на «Исторію донского войска» Броневскаго появилась только въ 1867 году въ №№ 27—29 «Донского Вѣстника». Въ исходѣ 1834 года Сухорукова снова посылаютъ на Кавказъ, гдѣ онъ и остается до отставки, послѣдовавшей въ 1839 году. Черезъ два года послѣ этого онъ умеръ сорока шести лѣтъ. Для характеристики отношеній къ Сухорукову когда-то близкаго ему Чернышева можетъ служить резолюція послѣдняго на представленіи генерала Вельяминова, ходатайствовавшаго о назначеніи Сухорукова секретаремъ ставропольскаго статистическаго комитета и о разрѣшеніи ему заниматься въ мѣстныхъ архивахъ: «Евсѣева полка сотника Сухорукова употреблять только по кордонной службѣ [1]).

Нѣкоторый свѣтъ на всѣ эти обстоятельства проливаетъ одна замѣтка Д. И. Завалишина, о которой мы скажемъ ниже, а теперь возвратимся къ Корниловичу.

Кругъ, въ которомъ вращался Корниловичъ, высоко цѣнилъ его не только за его серьезное образованіе и обширныя свѣдѣнія, но и какъ человѣка, готоваго всегда подѣлиться

---

[1]) „Древняя и Новая Россія“, 1877 г., IX, 90.

тѣми интересными и почти недоступными историческими данными, которыя онъ разыскивалъ въ государственныхъ архивахъ, а это обстоятельство очень и очень входило въ планы многихъ изъ его друзей и единомышленниковъ. Одинъ случай чуть, было, не имѣлъ очень серьезныхъ для Корниловича послѣдствій. Шеннигъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Копаясь въ архивахъ, Корниловичъ нечаянно напалъ на оригинальное дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, привезъ его домой, выписалъ изъ него самое интересное и показывалъ его всѣмъ намъ, его пріятелямъ. Не довольствуясь этимъ онъ вздумалъ его отвезти показать Александру Ивановичу Тургеневу, но, ѣхавъ въ саняхъ, по привычной своей разсѣянности, выронилъ и потерялъ всю кипу. Въ отчаяніи, возвратясь домой, онъ не зналъ, что дѣлать, какъ вдругъ на другой день присылаетъ за нимъ Батенковъ (членъ тайнаго общества, служившій при Аракчеевѣ; впослѣдствіи декабристъ) и спрашиваетъ: не онъ-ли потерялъ важныя государственныя бумаги? Корниловичъ признался. Вышло наружу, что кто-то на улицѣ, найдя ихъ и, видя, что это вещь нешуточная, представилъ ихъ графу Аракчееву, къ счастью, въ присутствіи Батенкова, который тотчасъ смекнулъ, что это Корниловичева проказа. Все дѣло кончилось тѣмъ, что Батенковъ ему возвратилъ бумаги со строгимъ выговоромъ отъ графа [1]).

Какъ уже сказано, Корниловичъ, вмѣстѣ съ Сухоруковымъ, издали альманахъ подъ заглавіемъ «Русская Старина». Альманахъ этотъ составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость, но статья Корниловича о «нравахъ русскихъ при Петрѣ Великомъ» напечатана недавно въ изданіи «дешевой библіотеки» Суворина отдѣльной, раздѣленной на четыре части, книжкой. («Частная жизнь императора Петра I», «Увеселенія русскаго двора при Петрѣ I», «Первые балы въ Россіи» и «Частная жизнь русскихъ при Петрѣ I»). Читая эту книжку, нельзя и теперь не отдать должнаго историческимъ познаніямъ и литературному дарованію Корниловича. Само собою разумѣется, что г. Суворинъ не приложилъ къ книжкѣ рѣшительно никакихъ свѣдѣній объ ея авторѣ...

[1]) Шеннигъ, 209.

Теперь обратимся къ Корниловичу, какъ къ члену тайнаго общества. Въ приложенной къ извѣстному «Всеподданнѣйшему докладу Высочайше утвержденной комиссіи для изыманія о злоумышленныхъ обществахъ» росписи государственнымъ преступникамъ Корниловичъ показанъ въ числѣ членовъ Южнаго Общества, а въ самомъ докладѣ его имя упоминается лишь въ числѣ лицъ, бывшихъ 13 декабря на совѣщаніи заговорщиковъ, на которомъ обсуждался планъ дѣйствій слѣдующаго дня[1]), но приговоръ въ окончательной формѣ гласитъ, что Корниловичъ «зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному и въ приготовленіи къ мятежу»[2]). На этомъ основаніи Корниловичъ былъ зачисленъ, въ такъ называемый, IV разрядъ преступниковъ и приговоренъ къ пятнадцатилѣтней каторгѣ и затѣмъ въ вѣчному поселенію въ Сибири.

Арестованъ Корниловичъ былъ однимъ изъ первыхъ, ибо 14-го же декабря съ него уже было снято первое показаніе. Это и естественно, ибо на какое то участіе Корниловича въ заговорѣ императоръ Николай имѣлъ уже глухое указаніе еще до событій на Сенатской площади, что видно изъ письма императора Николая Павловича къ Дибичу отъ 12-го декабря 1825 года. Въ этомъ письмѣ содержится, между прочимъ, такая фраза: «про Корниловича я еще ничего не узналъ»[3]). На первомъ допросѣ отъ принадлежности къ тайному обществу Корниловичъ отрекся. На вопросъ: «скажите по чистой совѣсти, принадлежали-ли вы къ Обществу Рылѣева по вольнодумству нащетъ правительства», — обвиняемый отвѣчалъ: «нѣтъ, но иногда въ разговорахъ случалось мнѣ соглашаться съ нимъ нащетъ злоупотребленій, бывающихъ отъ худого исполненія предполагаемыхъ правительствомъ мѣръ». Но такъ дѣло обстояло всего двѣ недѣли, и на допросѣ 29-го декабря Корниловичъ, усмотрѣвши, повидимому, что слѣдственной коммиссіи уже многое извѣстно, не обнаружилъ надлежащей стойкости, измѣнилъ свое первоначальное показаніе и на предложенные ему вопросы о

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ комиссіи, 66.
[2]) Рус. Инвалидъ, 17-го іюля 1826 г. № 170—171, стр. 696.
[3]) Междуцарствіе въ Россіи. „Рус. Старина". 1882 г., VII, 194.

принадлежности къ тайному обществу показалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я не имѣлъ понятія ни о Сѣверномъ ни объ Южномъ Обществахъ до мая мѣсяца сего года; въ исходѣ апрѣля поѣхалъ я отсюда въ отпускъ къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ черезъ Подолію, чтобы быть у родныхъ, которыхъ не видалъ лѣтъ десять. Въ Кіевѣ познакомился я съ С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, къ которому имѣлъ письмо отъ его отца. Здѣсь 1-го мая 1825 года, послѣ разговора, продолжавшагося около 2-хъ или 3-хъ часовъ, убѣдилъ онъ меня сдѣлаться членомъ Южнаго Патріотическаго Общества. Я согласился на это, но въ то время, спѣша къ матери, пополучилъ весьма поверхностное понятіе объ ономъ, и во всѣ 7 мѣсяцевъ моего пребыванія на югѣ, я ни въ деревнѣ, ни въ путешествіяхъ своихъ въ Одессу, въ Кишиневъ и въ Каменецъ никакого дѣйствія, никакого сношенія ни съ кѣмъ, къ этому Обществу принадлежащемъ, не имѣлъ, ибо занимался тяжбою и лѣченіемъ. Все, что я узналъ объ Южномъ Обществѣ, было слѣдствіемъ трехдневнаго пребыванія моего въ Васильковѣ, на пути изъ Могилева на Днѣстрѣ въ Петербургъ.

«Намѣренія сего Общества состоятъ въ преобразованіи нашего правленія, во введеніи конституціи. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорилъ мнѣ, что они, полагая, что покойный Государь Императоръ будетъ осматривать въ маѣ 1826 года 2-ю армію, намѣревались въ то время схватить его и принудить къ подписи условій, которыя будутъ ему представлены.

«Каждый членъ имѣлъ свой кругъ дѣйствія, смотря по мѣсту своему или званію: воинъ фрунтовой долженъ былъ дѣйствовать на солдатъ, литераторъ распространять въ сочиненіяхъ своихъ свѣдѣнія, сообразныя съ цѣлью Общества и пр.

«Времени образованія сего Общества не знаю.

«Главное лицо въ Южномъ Обществѣ, какъ мнѣ кажется, занимаетъ подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ; впрочемъ, изъ какихъ членовъ состоитъ Дума не знаю.

«Члены Южнаго Общества, мнѣ извѣстные, суть: Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы, Бестужевъ-Рюминъ, Краснокутскій и Пестель. Мнѣ говорили, что Общество весьма сильно, но не называли членовъ.

«О существованіи Сѣвернаго Общества узналъ я въ Васильковѣ, на обратномъ пути въ Петербургъ. Мнѣ поручено было объяснить положеніе Южнаго Общества Сѣверному. Пріѣхавъ сюда, я 13 декабря поутру былъ у Рылѣева и тутъ онъ мнѣ объявилъ, что они хотятъ дѣйствовать, но не сказавши какъ. Я ему отвѣчалъ: дѣлайте, что хотите, но только, чтобы не было покушеній на императорскую фамилію. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что этого не будетъ. Вечеромъ я пріѣхалъ къ нему съ оберъ-прокуроромъ Краснокутскимъ, чтобы объявить, что на другой день присяга. Рылѣевъ началъ говорить объ учрежденіи Временнаго Правительства и затруднялся кого назначить членами. Я отвѣчалъ ему: всего лучше соберите полки, подведите ихъ къ Сенату, когда будетъ присяга и тогда убѣдите сіе верховное правительственное мѣсто, чтобы оно сдѣлало какія нибудь постановленія; по крайней мѣрѣ, придадите нѣкоторый видъ законности этимъ постановленіямъ и избѣгните кровопролитія. Но онъ отвѣчалъ мнѣ: когда будутъ присягать полки, тогда мы обратимся къ солдатамъ и скажемъ имъ, что нельзя ломать присяги, данной уже разъ Константину. Я ему на это отвѣчалъ: хотите только всѣ погибнуть и другихъ погубить, а все дѣло ограничить нѣсколькими убійствами, и съ этимъ ушелъ. Въ комнатѣ, черезъ которую я проходилъ, уходя, собралось между тѣмъ довольно много членовъ, но я не обратилъ на нихъ вниманія; видѣлъ только Трубецкаго и Бестужева.

«По генералу Милорадовичу сдѣлано было, по крайней мѣрѣ, 20 выстрѣловъ. Я слушалъ рѣчь его, когда сдѣланъ былъ первый, а потому и не видалъ, кто его сдѣлалъ: послѣ же видѣлъ стрѣлявшихъ солдатъ. Я не присоединился къ возмутителямъ, а находился въ толпѣ зрителей до убійства генерала Милорадовича; потомъ ушелъ и воротился не прежде, какъ въ то время, какъ подъѣхали его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ и генералъ Воиновъ. Я объяснялъ уже, что цѣль моя была предупредить кровопролитія, которыя могли бы случиться, подобно тому, какъ уже было [1]).

[1]) Этому показанію Корниловича противорѣчатъ слѣдующія слова изъ „Воспоминаній“ декабриста Бѣляева: „передъ вечеромъ мы увидѣли, что противъ насъ появились орудія. *Корниловичъ* сказалъ:

«Южное Общество поручило мнѣ объяснить Сѣверному положеніе его. Муравьевъ-Апостолъ (Сергѣй) и Бестужевъ (Рюминъ), которыхъ я нашелъ въ Васильковѣ, говорили мнѣ: «dites a ces messieurs que nos affaires vont le mieux du monde; nous avons 60/m. hommes sous les armes et c'est du positif», но какія это войска, мнѣ не сказано; догадываюсь же, что они должны быть частью изъ корпуса генерала Рота, частью же изъ 2-ой арміи, потому что, прибавили мнѣ, что они черезъ двѣ недѣли могутъ собраться подъ Кіевомъ. Касательно 15-и человѣкъ, которые собирались идти въ Таганрогъ извести покойнаго Государя, вотъ что извѣстно мнѣ: Бестужевъ говорилъ мнѣ: «vous ne saurez croire comme les ésprits sont montés ici; il y a eu 10 à 15 personnes qui sont venus se presenter chez moi avec la decision de faire une tentative contre l'Empereur; ils servient même en état d'aller à Taganrog».—Et vous avez recu chez vous des régicides? — отвѣчалъ я.—Non,—продолжалъ онъ.— ils ne sont pas des nôtres. Я тутъ сказалъ имъ, что, если они имѣютъ малѣйшее намѣреніе покуситься на жизнь членовъ императорской фамиліи, то я отказываюсь отъ всего и даже буду противъ нихъ [1]. — Mais nous sommer du

„вотъ теперь надо идти и взять орудія"; но такъ какъ никого изъ вождей на площади не было, то никто и не рѣшился взять на себя двинуть батальоны на пушки и, можетъ быть, начать смертоносную борьбу, что и рѣшило участь этого несчастнаго покушенія". *(П. Бѣляевъ*. „Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ", „Русская Старина", 1881 г. 499).

[1]) Эти слова Корниловича вполнѣ подтвердилъ и повѣшенный 13 іюля 1826 г. М. П. Бестужевъ-Рюминъ. Слѣдственной коммиссіей ему былъ предложенъ такой вопросъ: „штабсъ-капитанъ Корниловичъ показываетъ, что, когда вы и подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ (повѣшенный затѣмъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ) при свиданіи съ нимъ, Корниловичемъ, въ 1825 г., въ Васильковѣ, извѣстили его о намѣреніи Общества посягнуть на жизнь, блаженной памяти, Государя Императора и всѣхъ священныхъ особъ Императорской фамиліи, то онъ отозвался, что „если вы имѣете малѣйшее намѣреніе покуситься на жизнь Императорской фамиліи, то онъ отказывается и даже будетъ дѣйствовать противъ". Объясните чистосердечно, справедливо ли такое показаніе Корниловича". На это Бестужевъ-Рюминъ отвѣчалъ: „мы всѣхъ членовъ старались отклонять отъ истребленія *всей* (подчеркнуто Бестужевымъ-Рюминымъ) царской фамиліи и въ этомъ смыслѣ говорили Корниловичу. Онъ даже не хотѣлъ согласиться на преступное мнѣніе Общества лишить одного Государя жизни. Сіе показаніе его справедливо".

même avis,—отвѣчалъ мнѣ Муравьевъ,—et moi le premier je leur servirai de bouclier. Означенныхъ людей Бестужевъ мнѣ не назвалъ, но если можно судить по нѣкоторымъ намекамъ, то я подозрѣваю, что въ числѣ ихъ должны находиться нѣкоторые офицеры артиллерійской роты, расположенной въ Новградъ-Волынскѣ, но кто именно, того не знаю; впрочемъ, это одна догадка. Бестужевъ же мнѣ говорилъ, что офицеры сей бригады приходили къ нему спрашивать, не остановить-ли великаго князя Михаила Павловича во время послѣдняго проѣзда его изъ Варшавы въ Таганрогъ? Но онъ имъ это отсовѣтовалъ.

«С. И. Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ говорили мнѣ, что въ Польшѣ весьма много тайныхъ обществъ, что они имѣютъ deux comités dirigeans — одинъ въ Варшавѣ, другой въ Дрезденѣ, но никого изъ членовъ мнѣ не назвали. Онъ же сообщилъ мнѣ, что Южное Общество вошло съ ними въ сношеніе, что Главный Комитетъ отправилъ депутатовъ (кого именно, мнѣ не сказали), которые въ Кіевѣ, кажется, прошлаго года заключили съ Обществомъ договоръ; я не видалъ его, а только знаю содержаніе, заключающееся въ томъ, что Польшѣ возвращаются завоеванныя области, что она зато обязывается помогать въ переворотѣ, предпринимаемомъ Обществомъ и что сей переворотъ долженъ совершиться не позже 5 лѣтъ. Послѣ того въ началѣ сего года Южное Общество писало къ депутату польскому (кому,—мнѣ неизвѣстно), выговаривая ему недѣятельность польскихъ Обществъ и требовало смерти великаго князя Константина Павловича. Мнѣ дали списокъ сего письма и поручили сообщить Сѣверному Обществу; я отдалъ его князю Трубецкому [1]). Не могу умолчать, что я, увидѣвъ

[1]) Спрошенный по этому поводу полковникъ князь С. П. Трубецкой показалъ:

„Именно ли Корниловичъ или кто другой изъ членовъ Общества,—точно не помню,—но вручилъ мнѣ списокъ, сказавъ, что оный есть съ письма, писаннаго Южнымъ Обществомъ къ Обществу Польскому. Содержаніе письма сего состояло въ доказательствахъ, что Польскому Обществу должно будетъ стараться извести Государя Цесаревича и въ увѣреніяхъ, что Русское Общество готово всегда помогать Польскому и чтобъ Польское Общество не сомнѣвалось въ немъ и не полагало, что оно имѣетъ какіе особые виды, кои бы желало скрыть отъ него или бы думало что-нибудь ко вреду Польскаго Общества. По прочтеніи сего списка, я тотчасъ его сжегъ“.

это письмо въ Васильковѣ, сказалъ: какъ, неужели вы хотите дойти до такой крайности? Мнѣ отвѣчали, что полякамъ поручено удержать великаго князя и рѣшиться на смерть его, если уже нельзя будетъ учинить сего инымъ образомъ».

На этихъ данныхъ и основано было рѣшеніе Верховнаго суда, приговорившаго, какъ мы уже упоминали. Корниловича къ пятнадцатилѣтней каторгѣ.

Теперь возвратимся снова къ Сухорукову.

Въ № 9 «Древней и Новой Россіи» за 1877 годъ напечатана замѣтка о злоключеніяхъ Сухорукова, прервавшихъ его блестящую карьеру, и прибавлено, что тайну этихъ преслѣдованій онъ унесъ съ собою въ могилу. На это въ томъ же журналѣ послѣдовала статья Д. И. Завалишина подъ заглавіемъ «Сухоруковъ и Корниловичъ», въ которой авторъ, заявляя о томъ, что тайна Сухорукова была хорошо извѣстна Корниловичу, а чрезъ послѣдняго ему, Завалишину, разсказалъ цѣлую весьма характерную исторію. Изъ отвѣтовъ многихъ декабристовъ на допросахъ, — разсказываетъ Завалишинъ, — было усмотрѣно, что имъ извѣстно многое изъ исторіи Россіи, считавшееся тогда государственными тайнами. Мало этого: допрашиваемые употребляли такія тайны въ качествѣ аргументовъ для оправданія или объясненія своихъ поступковъ. Власти думали сначала, что тайны эти стали извѣстны декабристамъ черезъ нѣкоторыхъ государственныхъ сановниковъ, которымъ давались секретныя дѣла для прочтенія, подозрѣвали въ этомъ Сперанскаго, вслѣдствіе его близости къ декабристу Г. С. Батенкову, и В. П. Кочубея, опять-таки на основаніи его близкихъ отношеній къ декабристу С. Г. Краснокутскому, служившему въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника оберъ-прокуроромъ сената, но потомъ вспомнили про работы Корниловича въ архивахъ и остановились на немъ, какъ на распространителѣ государственныхъ тайнъ историческаго свойства... Правда, во время работъ Корниловича въ архивахъ противъ возможности его личной нескромности принимались разныя мѣры, но, все-таки, потомъ нашли, что мѣры эти были недостаточны, что Корниловичъ могъ узнать про многое, тщательно скрываемое отъ публики, могъ не только разсказать про это своимъ товарищамъ по замы-

сламъ, но даже снять съ нѣкоторыхъ документовъ копіи и отдать ихъ кому-либо на сохраненіе. При арестѣ Корниловича никакихъ такихъ бумагъ, однако, не оказалось.

Надо замѣтить, что все это власти вспомнили и сообразили не во время слѣдствія, а уже послѣ суда надъ декабристами, когда Корниловичъ былъ уже отправленъ въ каторгу, гдѣ «въ длинные зимніе вечера занималъ товарищей чтеніемъ публичныхъ лекцій объ эпохѣ царствованія императрицъ»[1]). Тогда за Корниловичемъ былъ тотчасъ же посланъ въ Сибирь фельдъегеръ, который и доставилъ каторжника снова въ Петербургъ. Максимовъ говоритъ, что Корниловичъ увезенъ былъ для допросовъ о тайныхъ польскихъ обществахъ, которыя вступили въ союзъ съ декабристами, но это, повидимому, совершенно невѣрно. По крайней мѣрѣ, въ единственномъ, опубликованномъ по этому поводу оффиціально, документѣ фамилія Корниловича вовсе не упоминается[2]). Нѣтъ и въ показаніяхъ самого Корниловича, которому извѣстны были дѣла польскихъ тайныхъ обществъ лишь по слухамъ, чего бы то ни было, нуждавшагося въ дальнѣйшихъ со стороны его дополненіяхъ. Гораздо вѣроятнѣе, что его допрашивали именно по дѣлу объ архивныхъ документахъ, что болѣе вяжется съ послѣдующими необыкновенными обстоятельствами въ жизни Корниловича. Завалишинъ говоритъ, что Корниловича допрашивали именно объ этомъ («это мы узнали впослѣдствіи отъ родныхъ нашихъ, проживавшихъ въ Петербургѣ и имѣвшихъ большія связи при дворѣ», — прибавляетъ Завалишинъ). Корниловичъ отвѣчалъ на предложенные ему вопросы отрицательно; на самомъ же дѣлѣ кое-какія выписки изъ нѣкоторыхъ секретныхъ документовъ онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ и передалъ ихъ лицамъ, такъ и оставшимся правительству неизвѣстными. Но послѣднему чрезвычайно не хотѣлось, чтобы подобныя вещи находились въ рукахъ у частныхъ лицъ и, не вѣря Корниловичу, оно принимало мѣры къ ихъ разысканію. Этимъ объясняется не только обыскъ у близкаго Корниловичу

[1]) *Максимовъ*, „Сибирь и каторга". III. 196.

[2]) „Донесеніе Варшавской слѣдственной коммиссіи главнокомандующему польской арміей, Е. И. В. цесаревичу и великому князю Константину Павловичу".

историка Сухорукова въ 1827, но и повтореніе его въ 1830 году. «Тогда, — говоритъ Завалишинъ, — Сухоруковъ пріобрѣлъ уже на Кавказѣ хорошее расположеніе главныхъ начальниковъ и могъ думать, что всякая опасность совершенно уже для него миновала и что теперь онъ могъ держать у себя укрытыя до тѣхъ поръ у кого-либо другого бумаги» [1]). На это-то и разсчитывали власти. Обыскъ, однако, и на этотъ разъ не далъ ожидаемыхъ отъ него результатовъ [2]).

Какъ бы то ни было, но въ 1827 году Корниловичъ былъ снова привезенъ изъ Сибири и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость [3]). Его ввели въ казематъ съ завя-

[1]) „Древняя и Новая Россія", 1878 г. VI, 171.

[2]) На личность Сухорукова и его отношенія къ тайному обществу не проливаетъ почти никакого свѣта даже капитальный трудъ Шильдера. Въ трудѣ этомъ фамилія Сухорукова упоминается лишь одинъ разъ, именно въ „числѣ лицъ, названныхъ членами обществъ составившихся послѣ уничтоженія Союза Благоденствія, но по маловажности показаній не требовавшихся къ слѣдствію". Въ этомъ спискѣ Сухоруковъ стоитъ на первомъ мѣстѣ и о немъ значится слѣдующее: „лейбъ-гвардіи казачьяго полка поручикъ Сухоруковъ оставленъ на Дону, не отправляя лейбъ-гвардіи въ казачій полкъ, подъ бдительнымъ тайнымъ надзоромъ, и ежемѣсячно доносить о его поведеніи". (Н. К. Шильдеръ—„Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Томъ I, 775). Въ своемъ показаніи передъ коммиссіей Корниловичъ рѣшительно отвергалъ принадлежность Сухорукова къ тайному Обществу.

[3]) Въ только что вышедшихъ „Запискахъ княгини Маріи Николаевны Волконской" разсказываются про отправленіе Корниловича изъ каторги въ Петербургъ слѣдующія подробности: „наше (т. е. женъ декабристовъ) спокойствіе было нарушено появленіемъ фельдъегеря, который пріѣхалъ, чтобы увезти одного изъ арестантовъ въ Петербургъ для новаго допроса. Намъ необходимо было узнать, кого именно это касалось: каждая изъ насъ боялась за своего мужа. Я пошла гулять по направленію къ комендантскому дому и встрѣтила фельдъегеря, который узналъ меня, — онъ меня видалъ у князя Петра Волконскаго, — поклонился мнѣ и сказалъ, проходя мимо, что долженъ увезти одного изъ заключенныхъ, но имени его не знаетъ. Тогда я попросила прійти на другой день, въ воскресенье, въ церковь и сказать мнѣ. Я встала рано утромъ, пошла въ церковь и отъ всего сердца молила милосерднаго Господа, чтобы не увозили моего мужа. Слышу шпоры фельдъегеря: онъ становится за мной и, кладя земной поклонъ, говоритъ мнѣ: „это Корниловичъ". Я благодарила Бога и осталась до конца обѣдни, несмотря на нетерпѣніе пойти успокоить

занными глазами, такъ что онъ даже не зналъ, гдѣ онъ находится, и тутъ же предварили, чтобы онъ и не пытался вступать въ разговоры съ приносящими ему пищу сторожами. Далѣе генералъ Шумковъ разсказываетъ слѣдующее: «Спустя нѣсколько времени вошелъ къ Корниловичу въ казематъ генералъ Бенкендорфъ и обратился къ нему съ такими словами: «Любезный Корниловичъ! Государь Императоръ, зная вашъ умъ, ваши обширныя познанія и вашу горячую любовь къ общественному благу, пожелалъ предоставить вамъ возможность быть полезнымъ отечеству. Его Величеству благоугодно, чтобы вы излагали на бумагѣ ваши мнѣнія, по какимъ вы найдете нужнымъ предметамъ госу-

---

мужа, но адъютанты и доносчики коменданта были тутъ и не спускали съ насъ глазъ. Какъ только я отъ нихъ освободилась, я пустилась бѣжать, чтобы извѣстить объ этомъ въ трехъ тюрьмахъ и нашихъ дамъ. Все же мы не вполнѣ вѣрили словамъ фельдъегеря, который мнѣ также сказалъ, что уѣзжаетъ въ ту же ночь. Мы рѣшили не ложиться и распредѣлили между собою для наблюденія всѣ улицы деревни. Холодъ стоялъ жестокій. Полночь, часъ ночи, два часа--ничего новаго. Каташа (княгиня Трубецкая) является и говоритъ намъ, что на почтовой станціи движеніе и выводятъ лошадей изъ конюшни. Я бегу къ тюрьмѣ мужа, въ которой сидѣлъ и Корниловичъ, и вижу, какъ приближаются офицеры и казаки, которые даютъ ему приказаніе укладываться для отправленія въ Петербургъ. Была чудная лунная ночь; мы стоимъ, молча, въ ожиданіи событія. Наконецъ, мы видимъ приближающуюся шагомъ кибитку; подвязанные колокольчики не звенятъ; офицеры штаба коменданта идутъ за кибиткой; какъ только они съ нами поравнялись, мы разомъ вышли впередъ и закричали: „счастливаго пути, Корниловичъ, да сохранитъ васъ Богъ!“ Это было театральной неожиданностью; конвоировавшіе высылаемаго не могли прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, какъ мы могли узнать объ этомъ отъѣздѣ, который ими держался въ величайшей тайнѣ. Старикъ комендантъ долго надъ этимъ раздумывалъ. (Записки кн. М. Н. Волконской, стр. 79—80). Волконская говоритъ далѣе, что Корниловичъ умеръ въ одной изъ финляндскихъ крѣпостей. Поправляя эту невѣрность, князь М. С. Волконскій приложилъ къ запискамъ своей матери, заимствованную имъ изъ архивовъ III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи справку, изъ которой видно, что Корниловичъ пробылъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости до 1832 года и затѣмъ, „назначенный въ войска Грузіи, отправленъ изъ Петербурга въ Тифлисъ 17 ноября 1832 г. и зачисленъ рядовымъ въ пѣхотный полкъ фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго; умеръ въ этомъ званіи 30 августа 1834 года“. (Ibid. 158).

дарственнаго благоустройства. Записки ваши вы будете передавать мнѣ для представленія его величеству». Потомъ просилъ его назначить, что ему нужно для исполненія воли государя. На него былъ тогда же наложенъ завѣтъ — не пытаться даже входить съ кѣмъ бы то ни было въ какія либо сношенія, ни даже разговоры со сторожемъ, который назначенъ служить ему. Кромѣ того, вся домашняя обстановка его была сформирована по его указанію, но съ самою внимательною предусмотрительностью. У него со временемъ составилась порядочная библіотека и все, что нужно даже для прихотливаго человѣка, чего онъ, по его ограниченному состоянію, не могъ имѣть на собственныя средства. Легко понять, съ какимъ рвеніемъ и съ какою горячностью принялся онъ за свои любимыя занятія. Пишущему эти строки Корниловичъ показывалъ въ Царскихъ Колодцахъ всѣ рукописныя копіи мнѣній, переданныхъ имъ Бенкендорфу. Многія изъ работъ Корниловича обращали особенное вниманіе государя императора, что видно изъ сохранившихся у него собственноручныхъ записокъ Бенкендорфа, которыми онъ объявляетъ «каторжному Корниловичу благоволеніе его величества»—за какую нибудь работу» [1]).

По истеченіи пяти лѣтъ одиночнаго заключенія Корниловичъ былъ зачисленъ рядовымъ въ расположенный въ Грузіи (въ Царскихъ-Колодцахъ) полкъ. Въ этомъ же мѣстѣ стояла и донская батарея. въ которой служилъ, сообщающій вышеприведенный разсказъ о пребываніи Корниловича въ казематѣ Петропавловской крѣпости, Шумковъ. Объ этомъ періодѣ его жизни свѣдѣній, къ сожалѣнію, почти никакихъ нѣтъ. Извѣстно лишь, что онъ жилъ на одной квартирѣ съ другимъ декабристомъ, также служившимъ тогда на Кавказѣ рядовымъ подъ фамиліей Михайлова, раньше бывшимъ камеръ-юнкеромъ, княземъ В. М. Голицынымъ. Къ сожалѣнію, Голицинъ, сколько извѣстно, не оставилъ послѣ себя никакихъ записокъ, хотя скончался почти шестидесятилѣтнимъ старикомъ въ Петербургѣ въ 1859 году [2]). Что касается самого Корниловича, то онъ протянулъ солдатскую лямку всего полтора года и умеръ въ

[1]) „Русская Старина", 1878 г. № 10 319 320.

[2]) *Кн. Д. Д. Оболенскій*, „Наброски изъ прошлаго", „Историческій Вѣстникъ" 1893 г. XI, 369

званіи рядового, какъ уже упомянуто, 30 августа 1834 года. Все имъ написанное въ казематахъ такъ и не увидѣло свѣта и до настоящаго времени, хотя изъ разсказа Шумкова видно, что копіи съ работъ Корниловича находились у него, когда онъ служилъ на Кавказѣ. Такъ мало замѣтно для науки, литературы и жизни прошла, благодаря особымъ обстоятельствамъ, эта, во всякомъ случаѣ, недюжинная сила.



Кн. С. Г. Волконскій.

(„Записки Кн. С. Г. Волконскаго").

Мемуары декабриста [1]).

(«Записки Сергія Григорьевича Волконскаго»).

Событіе 14 декабря 1825 года, по имени котораго называются «декабристами» не только непосредственные его участники, но и всѣ тѣ, которые такъ или иначе были прикосновенны къ подготовившему это событіе заговору, отдѣлено отъ нашего времени уже свыше тремя четвертями вѣка, а начальные корни его почти и цѣлымъ столѣтіемъ. Всѣ участники и очевидцы дней «александровской эпохи» сошли одни за другими въ царство вѣчнаго упокоенія и лишь заключенныя донынѣ въ рѣдко кому доступныхъ архивахъ документальныя данныя таятъ въ себѣ болѣе или менѣе полную повѣсть о думахъ, намѣреніяхъ и дѣлахъ русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ. Къ обзору подлиннаго слѣдственнаго дѣла о декабристахъ были допущены, сколько намъ извѣстно, лишь академикъ Дубровинъ, авторъ обширной «Исторіи царствованія Александра I»—Богдановичъ да недавно скончавшійся замѣчательный знатокъ русской исторіи конца XVIII и первой половины XIX вѣка—Шильдеръ [2]). Между тѣмъ, въ литературѣ даннаго предмета есть указанія на существованіе въ архивахъ не только самаго слѣдственнаго дѣла, но и другихъ въ высшей степени цѣнныхъ источниковъ, относящихся непосредственно къ участникамъ общественно-политическаго движенія александровскаго времени. Такъ, перепечатывая въ 1881 году въ «Русскомъ Архивѣ», ставшее чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, изданное въ 1826 году по Высочайшему повелѣнію, въ видѣ приложенія къ «Русскому Инвалиду», «Донесеніе Высочайше уч-

[1]) Напечатана въ октябрской книжкѣ журнала „Образованіе“ за 1902 годъ.

[2]) Въ послѣднее время къ слѣдственному дѣлу о декабристахъ получили доступъ и другіе историки.

режденной комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ», г. Бартеневъ сопроводилъ эту перепечатку такимъ примѣчаніемъ:

«Въ государственныхъ архивахъ должны храниться важнѣйшія къ нему (донесенію) дополненія. Намъ положительно извѣстно, что покойный государь Николай Павловичъ приказалъ составить отдѣльныя біографическія записки о главнѣйшихъ участникахъ злополучнаго дѣла; изготовлены были даже литографированные портреты ихъ, которые намъ случалось видѣть въ собраніи Г. Н. Геннади. Важнѣйшія бумаги, относящіяся къ той эпохѣ, остаются доселѣ неизданными, между тѣмъ какъ наступила пора безпристрастной и всесторонней оцѣнки, какъ дѣйствій императора Александра Павловича, такъ и вызваннаго имъ движенія».

Болѣе двадцати лѣтъ, истекшія съ того времени, когда г. Бартеневымъ написаны приведенныя строки, слишкомъ еще мало измѣнили, къ сожалѣнію, положеніе дѣла въ смыслѣ большей доступности для публики относящихся къ движенію двадцатыхъ годовъ архивныхъ матеріаловъ и они по прежнему находятся подъ судомъ... Тѣмъ съ большимъ интересомъ встрѣчаются у насъ, поэтому, всякаго рода частныя записки, воспоминанія, дневники и проч., принадлежащія перу дѣятелей и современниковъ далеко еще не изученныхъ минувшихъ временъ. Воспоминаній декабристовъ у насъ существуетъ, собственно говоря, не мало (А. П. Бѣляева, Н. В. Басаргина, М. А. Бестужева, князя Е. П. Оболенскаго, И. И. Пущина, И. И. Горбачевскаго, барона А. Е. Розена, барона В. И. Штейнгеля, И. Д. Якушкина и другихъ), но воспоминанія эти частью напечатаны въ Россіи далеко не въ томъ полномъ видѣ, въ какомъ составлены они ихъ авторами, частью же касаются лишь отдѣльныхъ эпизодовъ общественнаго движенія двадцатыхъ годовъ. Широко задуманныхъ автобіографій между воспоминаніями декабристовъ встрѣчается немного, и это обстоятельство придаетъ еще больше значенія запискамъ С. Г. Волконскаго, взявшагося за перо именно съ цѣлью разсказать потомству все видѣнное и слышанное имъ въ теченіе своей богатой событіями жизни. Смерть не позволила Волконскому закончить задуманную имъ работу; она прервала его записки на высшей степени интересномъ пунктѣ, на моментѣ допроса Волкон-

скаго лично императоромъ Николаемъ, но и въ томъ видѣ, въ какомъ записки эти увидѣли свѣтъ, онѣ представляютъ очень много интереснаго, читаются чрезвычайно легко и обличаютъ въ авторѣ человѣка умнаго, наблюдательнаго, воспріимчиваго ко всему прекрасному и не утратившаго до глубокой старости свѣтлыхъ идеаловъ своей юности.

Записки Волконскаго изданы лишь въ 1902 году [1]) его сыномъ, княземъ М. С. Волконскимъ, хотя самъ авторъ записокъ умеръ уже тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. Онъ началъ писать ихъ, по свидѣтельству издателя, всего лѣтъ за шесть до смерти, причемъ, взявшись за это дѣло, онъ рѣшилъ не пользоваться никакими ни печатными, ни рукописными матеріалами, которые могли бы облегчить его задачу, а полагаться исключительно на свою замѣчательную память. Надо имѣть при этомъ въ виду, что умеръ Волконскій на 78-мъ году своей жизни и что, слѣдовательно, онъ рѣшился воспроизводить по памяти событія, отъ которыхъ онъ былъ отдѣленъ свыше, чѣмъ полустолѣтіемъ, уже тогда, когда ему было самому за семьдесятъ лѣтъ. Нельзя не подивиться исторической вѣрности и точности, которыми отмѣчены, несмотря на такія исключительныя условія работы, записки Волконскаго!.. Случалось, что память измѣняла старику, онъ дѣлалъ ошибки или забывалъ фамиліи дѣйствующихъ лицъ, оставлялъ въ запискахъ пробѣлы, надѣясь, конечно, со временемъ припомнить забытое и пополнить написанное. Смерть не позволила привести такое намѣреніе въ исполненіе, а отсутствіе тщательной редакціи записокъ со стороны князя М. С. Волконскаго повлекло за собою выходъ въ свѣтъ книги съ подобными пробѣлами. Но это уже вина не автора, а редактора, ибо при болѣе внимательномъ просмотрѣ рукописи такіе маленькіе недостатки легко было бы исправить.

«Если я начну разсказъ моихъ впечатлѣній моей генеалогіей, — говоритъ С. Г. Волконскій, обращаясь къ своему сыну, — то далека отъ меня мысль ею тщеславиться. Мои убѣжденія по этому предмету тебѣ извѣстны: заслуги пра-

[1]) Быстро разошедшееся, несмотря на свою очень высокую цѣну (4 р. 50 к.), первое изданіе „Записокъ" повлекло уже за собою выходъ въ свѣтъ второго изданія.

дѣдовъ и отцовъ нимало не даютъ вѣса сыновьямъ и правнукамъ, а болѣе налагаютъ на нихъ трудную обязанность стать на уровень ихъ».

И далѣе:

«Если мои послѣдующія дѣйствія въ гражданской жизни были не на уровнѣ гражданскихъ убѣжденій предковъ моихъ, тому причиною великія истины, озарившія современную (автору) эпоху. Я въ моихъ убѣжденіяхъ и дѣйствіяхъ руководствовался этими истинами безъ всякаго эгоистическаго разсчета; судьи мои — современники, потомство; а если въ чемъ ошибся и подлежу упреку — окончательный приговоръ Всевышняго».

Такъ писалъ въ началѣ своей книги и концѣ богатой испытаніями жизни семидесятилѣтній старецъ...

С. Г. Волконскій принадлежалъ по рожденію къ кровной русской аристократіи. Онъ былъ сыномъ генерала-отъ-инфантеріи князя Григорія Семеновича Волконскаго и внукомъ генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина. Мать Сергія Григорьевича, княгиня Александра Николаевна, была также урожденная княжна-Репнина. Получивъ домашнее образованіе, на которое родители не жалѣли средствъ, молодой Волконскій былъ помѣщенъ четырнадцати лѣтъ отъ роду въ институтъ аббата Николя, въ которомъ воспитывались дѣти многихъ русскихъ аристократическихъ семействъ (Голицыны, Гагарины, Кочубеи и мн. др.). Тамъ же воспитывался и имѣвшій впослѣдствіи на Волконскаго сильное вліяніе М. Ф. Орловъ, одинъ изъ руководителей общественнаго движенія двадцатыхъ годовъ. Волконскій характеризуетъ учебную систему аббата Николя, какъ «весьма поверхностную и вовсе не энциклопедическую». На 18-мъ году жизни Волконскій вышелъ изъ учебнаго заведенія и поступилъ въ кавалергардскій полкъ. Наставникомъ молодого офицера «по фронтовой части» былъ извѣстный А. И. Чернышевъ, возведенный впослѣдствіи въ княжеское достоинство, но, по словамъ Волконскаго, ему, какъ автору безпристрастныхъ записокъ, приходится упоминать о Чернышевѣ не иначе, какъ о «шарлатанѣ, безъ всякихъ дѣльныхъ способностей и часто обвинять его въ упречныхъ, эгоистическихъ дѣйствіяхъ». Составъ офицеровъ кавалергардскаго полка и вообще

окружавшее тогда Волконскаго общество не вызываетъ въ авторѣ записокъ теплыхъ воспоминаній. «Кругъ товарищей и начальниковъ моихъ въ этомъ полку, за исключеніемъ весьма немногихъ, — говоритъ онъ, — состоялъ изъ лицъ, выражающихъ современныя понятія тогдашней молодежи. Моральности никакой не было въ насъ; весьма ложныя понятія о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всемъ преобладаніе глупаго молодечества, которое теперь я назову чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличій общественныхъ того времени». Кромѣ Левенвольда, сложившаго голову въ Бородинской битвѣ, Волконскій вспоминаетъ изъ числа своихъ товарищей только Левашева, «къ крайнему моему удивленію, — пишетъ онъ, — занявшаго впослѣдствіи мѣста государственныя», хотя онъ былъ вовсе не приготовленъ къ тому, уже упомянутаго Михаила Орлова, «лицо замѣчательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувствомъ полезнаго, бывшаго впослѣдствіи свѣтиломъ среди молодежи, но не оказавшаго того, чего ожидали отъ него при грозныхъ обстоятельствахъ 1826 года» и, наконецъ, декабриста М. С. Лунина, память котораго, говоритъ Волконскій, — «для меня священна, тѣмъ болѣе, что я пользовался его дружбой и довѣріемъ, а могила его (въ Сибири) должна быть близка къ сердцу каждаго добраго русскаго» [1]).

Отличительною чертою военной молодежи того времени было желаніе мести Франціи за Аустерлицъ. «Въ этомъ чувствѣ, — говоритъ авторъ записокъ, — мы полагали единственно нашъ гражданскій долгъ и не понимали, что къ отечеству любовь не въ одной военной славѣ, а должны бы имѣть цѣлью поставить Россію въ гражданственности на уровень съ Европой и содѣйствовать къ перерожденію ея сходно съ великими истинами, высказанными въ началѣ французской революціи, но безъ увлеченій, ввергнувшихъ Францію въ бездну безначалій. Честь и слава многимъ падшимъ жертвамъ за святое дѣло свободы. Но строгій приговоръ тѣмъ, которые исказили великія истины той эпохи».

[1]) [illegible]

Мы остановились столь подробно на первой же главѣ записокъ Волконскаго и снабдили наше изложеніе подробными изъ нея цитатами, дабы сразу же ввести читателя въ строй общественныхъ воззрѣній автора записокъ. Съ слѣдующихъ главъ начинается уже повѣствованіе Волконскаго преимущественно о военныхъ событіяхъ, среди которыхъ протекли его молодые годы. Да какъ же и могло быть иначе? Вѣдь, это было время героической эпопеи 1812 года и смежныхъ съ нимъ лѣтъ. Было о чемъ вспомнить одному изъ ветерановъ той эпохи!...

Уже въ 1806 году, какъ только началась война съ Франціей, Волконскій принялъ въ ней участіе, будучи назначенъ адъютантомъ къ графу М. Ѳ. Каменскому. Старый фельдмаршалъ не пріобрѣлъ себѣ лавровъ въ это время, ибо въ моментъ вступленія нашихъ войскъ въ битву съ французами подъ Пултускомъ сѣлъ на перекладную и оставилъ армію... Волконскій остался, было, „безъ мѣста", но его скоро взялъ къ себѣ адъютантомъ графъ Остерманъ-Толстой, къ памяти котораго Сергѣй Григорьевичъ до могилы хранилъ чувство признательности. Въ Пултуской битвѣ Волконскій въ первый разъ „понюхалъ пороху" и съ тѣхъ поръ значительная часть его не подневольной жизни протекала среди крови и огня. Побѣда подъ Пултускомъ несомнѣнно оставалась за русскими. Беннигсенъ отбилъ наступленіе французовъ, но недостойный поступокъ Каменскаго, а затѣмъ и поведеніе Буксгевдена лишили русскую армію воспользоваться плодами побѣды. Когда Каменскій снова возвратился въ армію и хотѣлъ вступить въ командованіе ею, то высшій генералитетъ рѣшился этому воспротивиться и ждать распоряженій государя. Такое распоряженіе скоро послѣдовало въ формѣ лишенія Каменскаго званія главнокомандующаго и ссылки въ его собственныя деревни Орловской губерніи безъ права въѣзда въ столицы. Тамъ онъ проявилъ себя настолько „строгимъ помѣщикомъ", что былъ убитъ собственнымъ крѣпостнымъ. Вмѣстѣ съ Каменскимъ послѣдовало удаленіе изъ арміи и Буксгевдена.

Далѣе Волконскому пришлось участвовать и въ грозной Прейсишъ-Эйлауской битвѣ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ трехсотъ человѣкъ, которые получили за это дѣло особый значекъ, называемый „Прейсишъ-Эйлаускимъ". Этою награ-

дою Волконскій чрезвычайно дорожилъ. „Приговоръ Верховнаго Суда 1826 года,—говоритъ онъ,—лишилъ меня этой чести; но чистосердечно скажу, не изъ чванства, но изъ любви къ истиннымъ событіямъ, что изъ всего того, чего лишенъ приговоромъ (а лишенъ онъ былъ *всѣхъ* правъ состоянія, потерялъ имущество, свободу, превратился въ каторжника, которому, какъ существуютъ на это указанія, грозилъ плетьми начальникъ Нерчинскихъ рудниковъ Бурнашовъ), Прейсишъ-Эйлаускій крестикъ и медаль 1812 года,—одно, о чемъ я сожалѣю, ставя себѣ въ великую честь быть соучастникомъ въ событіяхъ, ознаменованныхъ этими знаками отличія". Въ этомъ сраженіи Волконскій былъ раненъ, вслѣдствіе чего ему пришлось ѣхать лѣчиться въ Тильзитъ. По излѣченіи раны и возвращеніи въ армію, онъ былъ зачисленъ въ свиту главнокомандующаго, что совсѣмъ не соотвѣтствовало потребностямъ его духовной природы.

„Для молодого человѣка, — вспоминаетъ онъ это время,—она (жизнь главной квартиры) школа подлости, интригъ и память о ней не льнетъ къ моему сердцу. Тѣ-же выходы—дворцовые, тѣ-же льстецы идолопоклонники. Малое число работающихъ дѣльными занятіями, та-же масса тунеядцевъ". Тутъ Волконскій останавливается подробно на дальнѣйшихъ событіяхъ, на пораженіи, понесенномъ нашей арміей подъ Фридландомъ (онъ скромно умалчиваетъ, что за это сраженіе онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью: „за храбрость" и особымъ высочайшимъ благоволеніемъ, объявленнымъ въ высочайшемъ приказѣ), на знаменитомъ Тильзитскомъ свиданіи Александра и Наполеона и на возвращеніи нашихъ войскъ въ Петербургъ. Любопытная черта изъ добраго стараго времени: наша армія готова была вся лечь костьми за отечество и стойко переносила всѣ лишенія и невзгоды войны. Но когда было объявлено распоряженіе о возвращеніи арміи назадъ, то, видимо, нерадостное чувство овладѣло душами солдатъ. Какъ это ни странно, но именно въ это время началось сильное дезертирство. До русской границы оставалось всего четыре перехода. „Будущность тяжкой казарменной петербургской жизни, предстоящія опять тяжкія фронтовыя занятія, манежная ѣзда, ученья, такъ подѣйствовали на нашихъ солдатъ, что въ этомъ отборномъ войскѣ *родилось отча-*

яніе, и на первомъ ночлегѣ оказались дезертиры. Для охраненія отъ этого на второмъ переходѣ, бивуакъ былъ окруженъ ночною цѣпью, но и съ оной оказались побѣги и въ четыре перехода исчислено побѣговъ около *ста* человѣкъ"... Этотъ одинъ фактъ стоитъ, пожалуй, многихъ томовъ историческихъ трудовъ о томъ, какъ жилось народу на Руси святой...

Въ Петербургѣ для Волконскаго снова началась служба и жизнь въ кавалергардскомъ полку, гдѣ характерной чертой была «общая склонность къ пьянству, разгульной жизни, молодечеству». Крайне характерныя вещи сообщаетъ о той средѣ, въ которой онъ вращался, Волконскій. Описывая офицерскій бытъ, Волконскій разсказываетъ, что имъ случалось жить артелями: „помню, что въ одинъ годъ около мѣсяца мы жили пятеро вмѣстѣ: Чернышевъ, (извѣстный впослѣдствіи „государственный дѣятель" эпохи Николая Перваго. *В. Б.*) два Каблуковы, князь Лопухинъ и я. Для нашего жилья (во время травяного довольствія лошадей) ры занимали сарай крестьянскій, довольно удобно нами убранный. Мы носили тогда еще пудру; въ Новой Деревнѣ мы могли не пудриться, но, выѣзжая въ городъ, надо было пудриться. У четырехъ изъ насъ это происходило безъ большихъ сборовъ, часто и на чистомъ воздѣхѣ, кое-какъ, но у Чернышева это было государственное, общественное дѣло, и какъ при пудреніи его головы просто происходилъ туманъ пудренный, то для охраненія насъ отъ этого тумана и въ угоду ему,—отведена была ему изба для этого великаго для него занятія, высоко имъ чтимаго. Чтобы не въ обиду ему было сказано,—на пустой его головѣ пудра на волосы ложилась ровными слоями. И какъ не сказать, что тогда, какъ и впослѣдствіи, пускать пыль въ глаза, и то чужими руками, было главнымъ для него дѣломъ».

Въ 1808 году началась война съ Швеціей. Неудачное окончаніе французской кампаніи Бенигсеномъ снова выдвинуло Буксгевдена, который и былъ назначенъ главнокомандующимъ, посланныхъ для дѣйствій противъ шведовъ, нашихъ войскъ. Волконскому было предложено состоять при Буксгевденѣ адъютантомъ, но онъ не сочувствовалъ начатой войнѣ и отказался поэтому отъ должности, сулившей ему блестящія перспективы.

Вскорѣ, однако, ему снова пришлось дѣйствовать на боевомъ поприщѣ, на этотъ разъ уже въ Молдавской арміи въ качествѣ адъютанта главнокомандующаго этой арміей графа Каменскаго, родного сына стараго фельдмаршала. Подробно описываетъ Волконскій изъ этого времени исторію взятія Силистріи. За взятіемъ Силистріи послѣдовали неудачи подъ Рущукомъ, а затѣмъ, завершившееся побѣдой нашихъ войскъ, Батинское сраженіе. Каменскій старался выживать изъ арміи лицъ, позволявшихъ себѣ отзываться неодобрительно о его дѣйствіяхъ. Такъ были выжиты одинъ за другимъ гр. Строгановъ, кн. Трубецкой и др. Волконскій былъ у главнокомандующаго также „на подозрѣніи" и, вслѣдствіе этого обстоятельства, подъ благовиднымъ предлогомъ отправки курьеромъ къ государю, хотя для этого и не было никакой экстренной надобности, онъ былъ посланъ въ Петербургъ. По дорогѣ онъ узналъ о назначеніи своемъ флигель-адъютантомъ. Между Царскимъ и Павловскомъ Волконскій встрѣтилъ катающихся великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. „Я ѣхалъ все время, какъ курьеръ, а они довольно скоро въ экипажахъ: но, несмотря на это, зоркій ихъ, врожденный капральскій взоръ, при скоротечной встрѣчѣ со мной, замѣтилъ, что я въ усахъ, на что, по службѣ моей въ кавалергардахъ, я не имѣлъ права, и при первой встрѣчѣ со мной это мнѣ замѣтили. Какъ разумѣется, до въѣзда моего въ Петербургъ усы мои исчезли подъ бритвой".

Свою флигель-адъютантскую жизнь при дворѣ Волконскій считаетъ совсѣмъ не интересною. Историческимъ событіемъ этого времени были паденіе и ссылка Сперанскаго. Волконскій разсказываетъ, что онъ былъ дежурнымъ въ день послѣдняго свиданія Сперанскаго съ императоромъ Александромъ. Извѣстно, что паденіе Сперанскаго было для него самого полною неожиданностью. „Когда онъ вышелъ отъ государя,—я помню,—разсказываетъ Волконскій,—онъ сказалъ мнѣ: „Ну, нонче хорошъ для меня день. Государь долго и благосклонно меня выслушивалъ". На другой же день узнаю я, что онъ арестованъ и вывезенъ въ ссылку въ Пермь". (Вотъ образчикъ тѣхъ редакціонныхъ недосмотровъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ настоящей статьи: Сперанскій былъ высланъ не въ Пермь, а въ Нижній-

Новгородъ. Въ Пермь онъ былъ посланъ гораздо позже. *В. Б.*). Причины ссылки Сперанскаго оставались тайною не только для современниковъ, но и для потомства. Полнаго свѣта на нихъ не пролито и до настоящаго времени, но, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» за 1902 годъ, чрезвычайно интересныя сообщенія И. А. Бычкова о матеріалахъ, не вошедшихъ въ свое время въ извѣстную книгу Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», въ достаточной степени приподымаютъ завѣсу надъ этимъ таинственнымъ дѣломъ. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что не пассивнымъ орудіемъ интриги противъ Сперанскаго, а главнымъ активнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ въ этомъ дѣлѣ самъ императоръ Александръ...

Насталъ 1812 годъ. Россія напрягала всѣ свои силы къ предстоящей войнѣ, которая была очень популярна. Мщеніе за Аустерлицъ и Фридландъ было преобладающимъ чувствомъ военной молодежи. Государь уѣхалъ въ Вильно; туда же отправился и Волконскій. «Въ тотъ годъ, — повѣствуетъ Волконскій. — праздникъ Пасхи засталъ насъ въ Вильнѣ и былъ празднованъ по обычаю русскому и церковной службой, и съѣздомъ во дворецъ, и это приводитъ мнѣ на память маленькій анекдотъ, довольно ничтожный, но нѣкоторымъ образомъ выказывающій странную любовь царя даже изъ религіознаго обряда дѣлать, какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе". Волконскій и товарищъ его Лопухинъ опоздали прибыть въ комнату, въ которой должна была ожидать Александра его свита, и, боясь встрѣтиться съ государемъ, хотѣли пробраться туда незамѣтно другимъ ходомъ черезъ домашнюю церковь. У дверей, однако, имъ загородилъ входъ придворный лакей и не позволялъ туда пройти. На вопросъ, почему?—онъ отвѣчалъ: „нельзя, тамъ государь". „Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?" „Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія"... Мы, дай Богъ ноги"...

Разсказываетъ Волконскій также объ одномъ обстоятельствѣ, кажется, до сихъ поръ еще не бывшемъ въ печати. Александръ поручилъ полковнику Толлю тайно повидаться съ княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, командовавшимъ тогда однимъ изъ корпусовъ наполеоновской арміи. „Толль былъ посланъ, переодѣтый въ партикулярное платье, къ Понятовскому съ тѣмъ, чтобы завѣрить его, что го-

сударь имѣетъ намѣреніе возстановить Польшу и что, если онъ, Понятовскій, согласится оставить Наполеона и тѣмъ увлечетъ за собою и польское войско, то Александръ провозгласитъ его королемъ Польскимъ, выставляя это не за измѣну, но за содѣйствіе его къ возстановленію отечества. Отвѣтъ Понятовскаго былъ отрицательный, и онъ сказалъ Толлю, что благодаритъ государя за намѣреніе, но что честь ему не позволяетъ принять предложеніе, а въ удостовѣреніе уваженія и признательности къ государю, онъ не дастъ гласности всему этому и Толль возвратился"...

Вскорѣ Волконскій былъ назначенъ состоять при извѣстномъ генералѣ Винценгероде. Опуская въ разсказахъ Волконскаго такіе общеизвѣстные факты, какъ защита Смоленска, Бородино, занятіе французами Москвы, отступленіе Наполеона и т. д., мы ограничимся лишь нѣкоторыми эпизодами изъ этого времени. Помѣщики много говорили о патріотизмѣ, а въ сущности, очень и очень берегли свои карманы. Много воплей раздавалось изъ ихъ среды за заборъ въ экономіяхъ необходимыхъ для войска съѣстныхъ припасовъ. „Когда вся Россія жертвовала послѣдней копѣйкой, и, можно сказать, послѣднимъ взрослымъ человѣкомъ,—говоритъ Волконскій,—что тутъ было беречь барскія выгоды, доходы,—тѣмъ болѣе, что по вѣроятностямъ того времени и малозначительности нашего отряда, надо было брать то, чтобы оное не поступило на завтра въ пользу непріятеля". Съ этимъ дворянство и чиновники, однако, не хотѣли помириться. „На вопль чиновниковъ, которымъ препятствовалъ Винценгероде дѣлать закупы по фабулезнымъ цѣнамъ, и таковой же вопль господъ помѣщиковъ, которые, какъ тогда, такъ и теперь, и всегда будутъ это дѣлать, кричать объ ихъ патріотизмѣ, но изъ того, что можетъ поступить въ ихъ кошелекъ, не дадутъ ни алтына,—этотъ вопль нашелъ пріютъ въ Питерѣ, и на эти жалобы, хотя въ выраженіяхъ весьма учтивыхъ, отъ графа Аракчеева былъ присланъ Винценгероде запросъ. Имѣя рыцарскія чувства, Винценгероде, получивъ это, вспылилъ, не отвѣчалъ графу, но, написавъ письмо прямо государю и приказавъ мнѣ немедленно отправиться съ письмомъ въ Петербургъ, далъ мнѣ собственноручную записку, въ чемъ объясниться съ царемъ, какъ по предмету нанесенной на него жалобы, такъ и по

многимъ другимъ обстоятельствамъ“. Волконскій немедленно отправился по назначенію и явился къ Александру.

— Каковъ духъ въ арміи?—спросилъ государь. Я ему отвѣчалъ: „Государь! Отъ главнокомандующаго до всякаго солдата всѣ готовы положить свою жизнь къ защитѣ отечества и вашего императорскаго величества.

— А духъ народный? На это я ему отвѣчалъ: «Государь! Вы должны гордиться имъ: каждый крестьянинъ—герой, преданный отечеству и вамъ.

— А дворянство? — Государь,— сказалъ я ему, — стыжусь, что принадлежу къ нему, — было много словъ, а на дѣлѣ ничего.

Государь тогда взялъ меня за руки и сказалъ: «радъ. что вижу въ тебѣ эти чувства, спасибо, много спасибо. Передъ отправленіемъ я съ тобой увижусь и передамъ тебѣ порученіе къ Винценгероде отъ меня прямо къ нему“; и прибавилъ: „nous nous comprenons avec lui“, (мы съ нимъ понимаемъ другъ друга). Этотъ разговоръ такъ мнѣ памятенъ, что просто слово въ слово передаю его теперь моимъ перомъ».

Вмѣстѣ съ нашей арміей побывалъ Волконскій за границей, посѣтилъ затѣмъ Парижъ, Лондонъ и многіе другіе европейскіе города, сталкивался со всякаго рода знаменитостями и, наконецъ, вернулся въ Россію. Была у него одно время мысль отправиться въ далекія путешествія. „исколесить всѣ части свѣта“, но намѣренія этого онъ не привелъ въ исполненіе, и послѣ бурной боевой жизни предъ нимъ раскрывалась перспектива сѣраго, будничнаго существованія русскаго генерала. Но пережитыя впечатлѣнія. оставивъ глубокій слѣдъ въ умахъ и сердцахъ многихъ русскихъ людей, не могли, конечно, умереть въ душѣ такой недюжинной личности, какъ Волконскій. Съ этого собственно момента начинается въ „запискахъ“ Волконскаго повѣсть о его жизни, какъ будущаго декабриста. „Не буду говорить о безцвѣтномъ моемъ бытѣ въ общественномъ отношеніи, о жизни вахтъ-парадной, выходахъ и даже о частной жизни, просто скучной, тягостной,—говоритъ онъ. Зародышъ сознанія обязанностей гражданина сильно уже началъ высказываться въ моихъ мысляхъ и чувствахъ, причиной чего были народныя событія 1814 и 1815 гг., которыхъ я былъ

свидѣтелемъ, вселившія въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими". Вскорѣ Волконскій получилъ назначеніе на югѣ Россіи и встрѣтился въ Кіевѣ съ своимъ товарищемъ по школѣ и полку генераломъ М. Ф. Орловымъ, состоявшимъ тогда начальникомъ штаба при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ. Старые товарищи встрѣтились друзьями. Оба они, переведя взоры съ поля брани, глубоко уже задумывались надъ необходимостью уврачеванія недуговъ собственной родины. „Въ это время,—разсказываетъ Волконскій,—у насъ въ Россіи ненависть къ Франціи, порожденная нашими военными пораженіями въ войнахъ 1805, 1806 и 1808 гг., вовсе исчезла; кампанія 12-го года и послѣдующихъ, 13 и 14 гг. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко высказались уму и сердцу многихъ и, какъ всякая новая идея имѣетъ коновода,—Михаилъ Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренелѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный и рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной — не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи и гдѣ съѣздъ на контракты образованныхъ людей давалъ случай узнавать людей и сѣять сѣмена прогресса политическаго. Благодаря тому, что я остановился въ квартирѣ Орлова, я вошелъ въ этотъ замѣчательный кружокъ людей, а чувства мои давно уже клонились къ проповѣдуемымъ въономъ истинамъ. Болѣе нежели когда, я понялъ тогда, что преданность къ отечеству должна меня вывести изъ душнаго и безцвѣтнаго быта ревнителя шагистики и угодническаго царедворничества. Сожитіе съ столь замѣчательнымъ лицомъ, какъ Михаилъ Орловъ, кругъ людей, съ которыми имѣлъ я ежедневныя сношенія, оказали сильное вліяніе на меня, развили во мнѣ чувства гражданина, и я вступилъ въ новую колею убѣжденій и дѣйствій. Съ этого времени началась для меня новая жизнь. Я вступилъ въ нее

съ гордымъ чувствомъ убѣжденія и долга гражданина, и съ твердымъ намѣреніемъ исполнять во что-бы то ни стало мой долгъ исключительно изъ любви къ отечеству. Избранный мною путь привелъ меня въ Верховный уголовный судъ, въ Сибирь, въ каторжную работу и къ тридцатилѣтней жизни въ ссылкѣ"... Вскорѣ Волконскому было сдѣлано предложеніе вступить въ извѣстный „Союзъ Благоденствія", на что онъ изъявилъ свое полное согласіе. Предложеніе это послѣдовало со стороны генерала М. А. Фонъ-Визина, но особенно тѣсно Волконскій сошелся съ двумя другими членами тайнаго общества: знаменитымъ въ исторіи декабристовъ полковникомъ П. И. Пестелемъ и генераломъ А. П. Юшневскимъ. Какъ объ этихъ лицахъ, такъ и обо многихъ другихъ своихъ товарищахъ по убѣжденіямъ и послѣдующей судьбѣ, Волконскій вспоминаетъ съ большимъ уваженіемъ, но особенно восторженно отзывается онъ о Пестелѣ. Отзывъ этотъ, впрочемъ, является далеко не исключительнымъ. Скорѣе наоборотъ. Во всей достаточно уже обширной, касающейся декабристовъ, литературѣ, если не считать злопыхательныхъ воспоминаній Греча («Записки о моей жизни»), то комкомъ грязи въ память Пестеля бросилъ, кажется, только одинъ Кропотовъ въ его статьѣ, называющейся «Изъ біографіи графа Михаила Николаевича Муравьева» [1]). Подобно многимъ другимъ декабристамъ, Волконскій говоритъ о Пестелѣ, какъ о «человѣкѣ замѣчательнаго ума, образованія, въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія и пылкія чувства патріотизма». «Въ сихъ моихъ запискахъ,—продолжаетъ Волконскій,—эта личность будетъ выставлена во всемъ просторѣ его дѣяній, которыя выкажутъ, каковъ былъ этотъ человѣкъ и гражданинъ, и выкажутъ его достоинства лучше, нежели могъ бы я это сдѣлать своимъ слабымъ очеркомъ о немъ». Смерть не дала возможности Волконскому исполнить это намѣреніе, записки его, какъ мы уже говорили, остались неоконченными, а потому читателямъ не пришлось, къ сожалѣнію, увидѣть полнаго образа Пестеля «во всемъ просторѣ его дѣяній», обрисованныхъ однимъ изъ его лучшихъ друзей. Вступивши на новый путь, Волконскій ревностно принялся за вербованіе но-

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1874 г., I.

выхъ членовъ для Общества. Такъ, по его собственнымъ словамъ, отправившись въ Одессу, онъ принялъ тамъ въ Общество двухъ офицеровъ: адъютанта Ланжерона — Меера и офицера путей сообщенія Бухновскаго. Оба эти офицеры повидимому, не были открыты правительствомъ ни во время производства слѣдствія по дѣлу декабристовъ, ни впослѣдствіи [1]). Изъ Одессы Волконскій поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ близко сошелся со всѣми тремя членами «Думы» Союза Благоденствія: Митьковымъ, Никитой Муравьевымъ и княземъ Трубецкимъ. Между сѣверянами и южанами было много разногласій по различнымъ програмнымъ и тактическимъ вопросамъ, для разрѣшенія которыхъ было рѣшено устроить въ 1821 году въ Москвѣ съѣздъ депутатовъ отъ сѣверянъ и южанъ и выработать общую программу дѣйствій. Депутатами отъ южанъ были избраны Бурцовъ, Комаровъ и князь Волконскій, но къ нимъ же присоединенъ былъ «по довѣрію общему» М. Ф. Орловъ. Послѣдній, проѣзжая черезъ Кіевъ, задумалъ осуществить давнишнее свое намѣреніе жениться на дочери знаменитаго Н. Н. Раевскаго. Переговоры объ этомъ дѣлѣ онъ началъ вести съ братомъ своей невѣсты, А. Н. Раевскимъ, который поставилъ Орлову первымъ условіемъ своего содѣйствія въ этомъ дѣлѣ выходъ его изъ тайнаго общества. Сочувствуя самъ стремленіямъ общества, Раевскій былъ очень остороженъ и думалъ, что рано или поздно общество навлечетъ на себя преслѣдованія правительства. По этой причинѣ, выѣхавъ изъ Кіева, «Орловъ былъ въ шаткомъ убѣжденіи, что ему дѣлать». Когда южане прибыли въ Москву, то сѣверяне оказались тамъ уже въ сборѣ. Тутъ находились Фонъ-Визинъ, Якушкинъ, Колошины, Граббе и др. Предсѣдателемъ былъ избранъ Орловъ. На первомъ же засѣданіи было положено, что правомъ рѣшающаго голоса пользуются только коренные, а не недавно вступившіе въ Общество,

[1]) Фамилій Меера и Бухновскаго не упоминается вовсе даже въ капитальномъ трудѣ Шильдера „Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе“, хотя больше половины перваго тома этого труда посвящено исторіи декабристовъ, а въ концѣ его приложенъ списокъ лицъ, не только наказанныхъ за участіе въ заговорѣ, но и ставшихъ извѣстныхъ правительству въ качествѣ косвенныхъ участниковъ этого дѣла или просто подозрительныхъ людей.

члены, вслѣдствіе чего Волконскій и Комаровъ пользовались лишь правомъ голоса совѣщательнаго. Между тѣмъ, отъ петербургской думы было получено извѣстіе, что правительство напало на слѣды Общества. Увѣдомленіе это шло отъ члена Общества, Федора Глинки, состоявшаго тогда адъютантомъ у графа Милорадовича и имѣвшаго поэтому возможность знать болѣе или менѣе достовѣрно о томъ, что происходитъ въ средѣ правительства. Большинство членовъ съѣзда рѣшило, на этомъ основаніи, закрыть Общество до болѣе благопріятнаго времени. Къ этому мнѣнію присоединился и Орловъ. Волконскій указываетъ на полученныя изъ Петербурга тревожныя извѣстія, какъ на единственную причину закрытія Общества, но изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что это было не болѣе, какъ «маневръ» со стороны нѣкоторыхъ изъ членовъ Союза Благоденствія. Дѣло въ томъ, что, въ силу разныхъ причинъ, въ Союзъ въ это время было принято немало далеко ненадежныхъ членовъ и представлялся прекрасный случай «отдѣлаться» отъ нихъ посредствомъ мнимаго закрытія Общества. Какъ бы то ни было, но постановленія Московскаго Съѣзда не признали для себя обязательными ни въ Петербургѣ, ни на Югѣ, и съ этого времени Сѣверное и Южное Общества организовались каждое отдѣльно, не имѣя ни единаго центральнаго управленія, ни единаго устава. Южане были по своимъ стремленіямъ республиканцы и демократы, тогда какъ сѣверяне придерживались болѣе идеи конституціонной монархіи съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Тѣмъ не менѣе, сношенія между обоими Обществами продолжали существовать. Волконскій и чрезвычайно ревностный членъ Южнаго Общества, полковникъ В. Л. Давыдовъ ѣздили для этой цѣли ежегодно въ Петербургъ. Тутъ будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ Н. И. Тургеневѣ, который, какъ извѣстно, и въ сочиненіяхъ своихъ въ качествѣ эмигранта, и въ запискахъ, подаваемыхъ черезъ разныхъ лицъ императору Николаю [1]) утверждалъ, что членомъ Тайнаго общества онъ никогда не состоялъ, что числился одно время

[1]) Объ этомъ см. очень интересную статью г. Дубровина въ апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ за 1902 годъ: „Василій Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“.

лишь въ Союзѣ Благоденствія, но прекратилъ всякія сношенія и съ этимъ Союзомъ послѣ закрытія его по постановленію Московскаго Съѣзда. Волконскій все это самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ и говоритъ по этому поводу слѣдующее: «я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено Южной Думой *давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ*, и онъ Южной Думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель и былъ однимъ изъ учредителей Тайнаго Общества. Я помню, что во время одного изъ этихъ свиданій, при разсказѣ о дѣйствіяхъ Южной Думы, онъ спросилъ меня: «а что, князь, приготовили ли вы вашу бригаду къ возстанію при началѣ нашего общаго дѣла?» А я ему отвѣчалъ: «Николай Ивановичъ! приготовлять явно къ этому, это дать прямой поводъ къ оглядкѣ правительству; но я убѣжденъ, что я внушилъ въ моей бригадѣ, скажу даже въ дивизіи, довѣріе и любовь солдатъ ко мнѣ, такъ что при начальномъ возстаніи увлеку ихъ за собою, а разъ это достигнуто, то уже они у меня въ рукахъ и пойдутъ безъ оглядки за мной». — «Вотъ какъ Тургеневъ лжетъ, когда говоритъ и печатаетъ, что никогда не былъ членомъ Тайнаго Общества»,—прибавляетъ при этомъ Волконскій. Конечно, по поводу словъ Волконскаго можно было бы сказать многое, на это не составляетъ предмета настоящей статьи.

Развиваясь и расширяясь, Южное Общество узнало о существованіи на югѣ еще одного Тайнаго Общества, носившаго имя «Общество Соединенныхъ Славянъ» и состоявшаго также почти исключительно изъ русскихъ офицеровъ. Такъ какъ принципы Общества Соединенныхъ Славянъ подходили очень близко къ принципамъ Южнаго Общества, то между ними легко послѣдовало соглашеніе объ общности дѣйствій. Вошло Южное Общество также въ переговоры и съ Тайнымъ Обществомъ польскимъ. Переговоры велись сначала черезъ Сергѣя Муравьева-Апостола и его неизмѣннаго спутника и друга до могилы, Бестужева-Рюмина, а потомъ за переговоры взялся самъ Пестель, пригласивши съ собою Волконскаго. Переговоры происходили въ Кіевѣ, во время «контрактовъ». Волконскій разсказывваетъ объ этомъ такъ: «Вслѣдствіе моей безусловной преданности дѣламъ Тайнаго Общества, мнѣ довѣрили переговоры съ на-

значенными для совѣщанія депутатами отъ польскаго тайнаго общества: лица эти были князь Яблоновскій и... люди вполнѣ акредитованные отъ общества [1])». На вопросъ польскихъ депутатовъ, согласны ли русскіе на присоединеніе къ Польшѣ «отторгнутыхъ отъ нея губерній», Пестель отвѣчалъ: «о границѣ не ставить кондицій, мы клониться должны къ общему дѣлу: союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Вы ищите совокупнаго дѣйствія съ нами; что издавна русское, то должно остаться русскимъ; мы по національности составимъ федеративное цѣлое, не требуйте замысловатыхъ уступокъ. Вы найдете въ насъ братьевъ и гранью между нами не будетъ произволъ какого-либо сословія. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ, но первое наше дѣло — отстаивать свое отечество. Однимъ словомъ, согласитесь по этому вопросу ожидать и довольствоваться тѣмъ, что вамъ дадимъ, а не мечтать о невозможномъ. Главное дѣло — это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ и вы начинайте». Такъ разсказываетъ Волконскій. Опубликованный по этому же поводу по Высочайшему повелѣнію офиціальный документъ, называющійся «Донесеніе варшавскаго слѣдственнаго комитета», передаетъ слова Пестеля польскимъ депутатамъ въ такомъ видѣ: «нѣтъ середины: вамъ необходимо объявить себя за насъ или противъ насъ. Но мы и безъ вашей помощи можемъ оружіемъ даровать себѣ свободу; а вы, если пропустите представляющійся вамъ случай, должны будете уже навсегда отказаться отъ надежды быть народомъ независимымъ [2])». Для окончательныхъ переговоровъ, какъ по дѣлу о сношеніяхъ съ поляками, такъ и по многимъ другимъ, въ 1826 году долженъ былъ состояться въ Кіевѣ еще съѣздъ. Событія рѣшили все это иначе.

[1]) Въ моментъ изложенія этихъ событій на бумагѣ Волконскій, видимо, забылъ фамилію другого польскаго депутата и думалъ внести ее впослѣдствіи. Хотя изъ „доклада слѣдственной коммиссіи“ и „донесенія варшавскаго слѣдственнаго комитета“ фамилія эта уже давно извѣстна (Гродецкій), но вмѣсто внесенія ея, хотя бы въ примѣчаніи, издатель ограничился выноскою, гласящею: „пропускъ въ подлинникѣ“.

[2]) Донесеніе, 59.

Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, скажемъ еще нѣсколько словъ объ относящихся къ этому времени обстоятельствахъ жизни самого Волконскаго. Со словъ какой-то княгини С. А. М., авторъ обширной «Исторіи царствованія Александра Перваго» Богдановичъ занесъ въ свою исторію слѣдующій будто бы эпизодъ изъ жизни Волконскаго: «Найдя въ спискахъ, поданныхъ Шервудомъ, имена нѣсколькихъ офицеровъ 7-го корпуса, Александръ отмѣнилъ высочайшій смотръ, назначенный войскамъ въ 1825 году у Бѣлой-Церкви, но по пути въ Таганрогъ, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, имѣлъ случай видѣть полки бригады князя Сергѣя Волконскаго, одного изъ членовъ южнаго общества, и, найдя ихъ въ неудовлетворительномъ состояніи, выразилъ свое неудовольствіе бригадному командиру, который, желая оправдаться въ неисправности ввѣренной ему части войскъ, испросилъ высочайшее разрѣшеніе представиться государю. Императоръ повелѣлъ сказать ему, что онъ его приметъ во время прогулки въ саду послѣ обѣда. Около 7 часовъ государь, прохаживаясь, какъ всегда, одинъ, встрѣтился съ Волконскимъ, обошелся съ нимъ ласково, разспрашивалъ о его семействѣ и частныхъ дѣлахъ и не напомнилъ ни однимъ словомъ о своемъ прежнемъ неудовольствіи. Тронутый столь неожиданнымъ пріемомъ, князь Волконскій бросился къ ногамъ монарха, благодаря его за незаслуженную милость. Императоръ поднялъ его и, подавъ руку, сказалъ: «я забуду *все*, но совѣтую вамъ заниматься болѣе своей дивизіей, нежели политикой, а паче всего оставить проекты конституціи [1]). Можно только подивиться, какимъ образомъ ученый историкъ могъ принимать во вниманіе досужую болтовню какой-то княгини и вносить ее въ качествѣ историческаго факта въ серьезный трудъ. Не имѣя возможности подробно останавливаться на одномъ событіи изъ жизни Волконскаго, имѣвшемъ лишь самое отдаленное сходство съ разсказываемой Богдановичемъ басней, мы отсылаемъ желающихъ познакомиться съ дѣйствительными историческими фактами свиданія Волконскаго съ императоромъ Александромъ къ стр. 434—435 «Записокъ» самого Волконскаго.

Между тѣмъ, правительство получило, дѣйствительно, одинъ за другимъ, три доноса о существованіи тайнаго об-

[1]) *Богдановичъ*, VI, 502—503.

щества: доносы эти исходили отъ юнкера Шервуда, ошибочно называемаго Волконскимъ, «агентомъ графа Витта» [1], дѣйствительнаго агента Витта, помѣщика Бошняка и офицера Вяжскаго полка Майбороды. Послѣдовавшая вскорѣ послѣ того смерть Александра еще болѣе осложнила дѣло: прямо изъ Таганрога было послано приказаніе арестовать Пестеля, Лорера и другихъ, въ Петербургѣ произошли событія на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, на Югѣ возстаніе части Черниговскаго полка подъ начальствомъ Сергѣя Муравьева-Апостола. Послѣ подавленія всѣхъ этихъ движеній начались массовые аресты. Въ числѣ многихъ другихъ былъ арестованъ и привезенъ въ Петропавловскую крѣпость и Волконскій. Допрашивалъ Волконскаго его старый товарищъ по кавалергардскому полку, Левашевъ. «Тутъ явился самъ государь и сказалъ тогда еще не гнѣвно: «отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь, будьте чистосердечны и я обѣщаю вамъ помилованіе». Волконскій давалъ показанія, «не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги» (т. е. устава Союза Благоденствія). «Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненій, выставляя и прежнія наши товарищескія отношенія, и преданность свою къ зятю моему, Петру Михаиловичу, а потому и ко мнѣ, ему все-таки не удалось узнать ничего болѣе. Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ государю: вскорѣ оба опять возвратились ко мнѣ. Государь мнѣ сказалъ: «Я...» на этомъ словѣ «я» императора Николая Павловича и прерываются высокоинтересныя записки С. Г. Волконскаго. Смерть автора не позволила ихъ закончить. Къ запискамъ сдѣлалъ дополненія сынъ покойнаго князь М. С. Волконскій, но это уже далеко не то, что собственноручное изложеніе событій самимъ ихъ участникомъ и очевидцемъ. Бросимъ, поэтому, лишь самый бѣглый взглядъ на послѣдующую судьбу Волконскаго. Приговоромъ верховнаго суда ему была назначена смертная казнь черезъ отсѣченіе головы. Этотъ приговоръ былъ замѣненъ Волконскому, какъ и

---

[1] См. собственноручную „Исповѣдь Шервуда“ въ январской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1896 г., а также *Шильдеръ*, „Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе“. т. I, 337—348.

всѣмъ другимъ осужденнымъ по первому разряду, ссылкою въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ, (былъ еще «внѣразрядный разрядъ», къ которому были отнесены Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій. Они приговорены къ четвертованію. Этотъ приговоръ былъ имъ замѣненъ повѣшеніемъ). Каторгу Волконскій отбывалъ сначала въ Благодатномъ рудникѣ, потомъ въ особомъ острогѣ, построенномъ для декабристовъ въ Читѣ, а въ 1837 грду былъ водворенъ на поселеніи въ селѣ Урикъ близъ Иркутска. Тамъ и прожилъ онъ вплоть до амнистіи, послѣдовавшей уже въ началѣ царствованія императора Александра II [1]).

Отмѣтимъ въ заключеніе еще одинъ эпизодъ изъ жизни Волконскаго. Какъ только началась знаменитая осада Севастополя, Волконскій, которому было тогда 67 лѣтъ и который былъ уже за тридцать лѣтъ до того осыпаннымъ знаками отличія генераломъ, сталъ просить о переводѣ его въ Севастополь солдатомъ. Въ этомъ ему было отказано.

---

[1]) О жизни Волконскаго въ Сибири находятся нѣкоторыя интересныя подробности въ недавно вышедшихъ „Запискахъ княгини М. Н. Волконской“, Спб., 1904.

Александръ Ивановичъ Герценъ [1]).

(Къ тридцатилѣтію со дня кончины).

Немного найдется среди русскихъ людей такихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, жизнь которыхъ по богатству внѣшнихъ событій, разнообразію впечатлѣній и обилію яркихъ красокъ могла бы сравниться съ жизнью Александра Ивановича Герцена. Какою-то сверкающею полосою проходитъ эта жизнь среди замѣчательнѣйшихъ событій русской жизни и европейской исторіи. Какихъ только сторонъ русской жизни не извѣдалъ Александръ Ивановичъ, какихъ только выдающихся явленій современной ему европейской дѣйствительности такъ или иначе онъ не коснулся Точно въ калейдоскопѣ, группируются въ его произведеніяхъ лица и событія, знакомство лишь съ половиною которыхъ могло бы наполнить жизнь другого очень богатымъ содержаніемъ. Обломки придворнаго міра Екатерины, мелькавшіе вокругъ отца Герцена и отголоски декабрской грозы 1825 года, московскій университетъ и странствованіе по Перми, Вяткѣ, Владиміру и Новгороду, Бѣлинскій и Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ и Чаадаевъ, Бакунинъ и Катковъ, Грановскій и Самаринъ, — все это и многое другое, составляло содержаніе міра, въ которомъ вращался Герценъ до тридцати пяти лѣтъ. А затѣмъ? Затѣмъ поѣздка въ Европу. — бури 1848 года въ Италіи и Франціи, Voix du Peuple, Прудонъ, Викторъ Гюго, Луи Бланъ, бѣгство въ Женеву, переѣздъ въ Лондонъ, Ледрю-Ролленъ, Кошутъ, Маццини, Ворцель, Марксъ, Гарибальди, Орсини, «Полярная Звѣзда», «Колоколъ», его колоссальный успѣхъ, паломничество выдающихся русскихъ людей на берега Темзы къ

---

[1]) Напечатана въ №№ VIII и IX „Научнаго Обозрѣнія" за 1900 годъ.



А. И. Герценъ.

(Съ портрета Горбунова, 1845 г.).

«властителю думъ», польское возстаніе, паденіе «Колокола», скитальчество по Европѣ и смерть въ Парижѣ...

Таковъ въ краткихъ словахъ далеко еще не полный перечень событій внѣшней жизни Герцена. Если прибавить сюда необыкновенно богато одаренную отъ природы, многостороннюю и развитую затѣмъ исключительными условіями жизни натуру Герцена, его острый умъ и блестящій литературный талантъ, то представленіе о значеніи, которое долженъ былъ имѣть въ судьбахъ русской жизни Александръ Ивановичъ, станетъ въ достаточной степени яснымъ. Значеніе это ослѣпительно велико. Тѣмъ не менѣе, мы вовсе не имѣемъ въ виду оставить безъ посильной критики нѣкоторыя изъ воззрѣній знаменитаго писателя. Относиться критически къ тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ человѣка не значитъ, конечно, не относиться къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ. Даже наоборотъ.

«Я дурно сдѣлалъ,—писалъ Герценъ въ IX томѣ своихъ сочиненій,—что выпустилъ въ напечатанномъ отрывкѣ нѣсколько страницъ о Маццини; его усѣченная фигура вышла не такъ ясно... Сдѣлано было это мною изъ деликатности, но эта деликатность *мелка* для Маццини. О такихъ людяхъ нечего умалчивать, *ихъ щадить нечего*» [1]).

Выраженія, чта такая деликатность по отношенію къ Маццини, «мелка» и что такихъ людей «щадить нечего» напечатаны курсивомъ самимъ Герценомъ. Да, именно такъ. Такіе люди ни въ какой «пощадѣ» не нуждаются, ихъ фигуры должны стоять во весь ростъ, имъ нечего бояться, нечего стыдиться, нечего скрывать. Въ самыхъ теоретическихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ Герцена можно и должно находить *глубокія поученія для настоящаго и будущаго,* ибо въ чемъ же другомъ, и состоялъ весь смыслъ жизни замѣчательнѣйшаго писателя и огромнаго значенія общественнаго дѣятеля, какъ не *въ поискахъ за истиной* и не въ томъ, чтобы быть *полезнымъ Россіи, людямъ вообще, человѣчеству?..*

Говоря все это, мы, конечно, ни на минуту не забываемъ о томъ, что для всесторонней оцѣнки жизни и дѣятельности Герцена время еще далеко не наступило. Самая русская литература о Герценѣ, — если принять во вниманіе

[1]) „Сочиненія“. IX. 199.

ту огромную роль, которую игралъ этотъ человѣкъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ,—отличается большою бѣдностью. Два-три некролога, появившіеся въ нашихъ журналахъ, непосредственно послѣ смерти Герцена, «Воспоминанія» Татьяны Пассекъ («Изъ дальнихъ лѣтъ»), статья г. Скабичевскаго въ полномъ собраніи его сочиненій, статья Страхова въ первомъ томѣ его «Борьбы съ Западомъ», статьи Е. Некрасовой (въ сентябрской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1885 годъ и Сборникѣ Общества любителей россійской словесности «Починъ» за 1896 годъ), нѣкоторыя біографическія данныя въ книгѣ г. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», біографическіе наброски» г. Смирнова, извлеченіе изъ которыхъ дало матеріалъ для статьи объ Искандерѣ г. Вѣтринскаго въ его книгѣ «Въ сороковыхъ годахъ», статья г. Бѣлозерскаго въ ноябрской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1898 годъ, переписка Герцена съ невѣстой и друзьями, печатавшаяся въ разное время въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Мысли», «Новомъ Словѣ» и отдѣльными изданіями, статьи объ отношеніяхъ между Герценомъ и Тургеневымъ, печатавшіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» за 1900 годъ, воспоминанія Анненкова, Панаевой-Головачевой, Свербеева, Бѣлоголоваго и еще нѣсколькихъ лицъ, — вотъ почти и все главное, чѣмъ исчерпывается литература о Герценѣ за тридцатилѣтіе 1870—1900 годъ [1]).

[1]) Тридцатилѣтіе со дня смерти Герцена дало толчекъ къ оживленію литературы, касающейся жизни, дѣятельности и значенія знаменитаго писателя. Статьи о Герценѣ появились во многихъ газетахъ, журналахъ и даже отдѣльными брошюрами (напр., М. Бородина—„Славянофильство Тютчева и Герцена", Спб., 1902 г.). Среди этихъ произведеній обращаетъ на себя вниманіе по оригинальности мысли напечатанная въ журналѣ „Вопросы Психологіи и Философіи" статья С. Н. Булгакова—„Душевная драма Герцена". Съ существомъ этой статьи мы не можемъ согласиться. Отдавая ей должное, мы убѣждены, однако, что изображаемаго г. Булгаковымъ Герцена никогда въ дѣйствительности не существовало. Можетъ быть, тотъ Герценъ, образъ котораго носится передъ духовнымъ взоромъ г. Булгакова, и имѣетъ огромную цѣнность, но образъ этотъ, повторяемъ нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изъ касающейся Герцена литературы послѣдняго времени, нельзя не обратить вниманіе на богатую фактическимъ матеріаломъ книгу г. Батуринскаго—„А. И. Герценъ, его друзья и знакомые".

Въ иностранной литературѣ, кромѣ весьма интересной въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ брошюры Бакунина «La théologie politique de Mazzini et l'Internationale», обращаетъ на себя вниманіе статья Фридриха Алтхауса «Alexander Herzen» въ VIII книжкѣ журнала «Unsere Zeit» («Deutsche Revue der Gegenwart) за 1872 годъ (стр. 20—56), книга «Die social-politischen Ideen Alexander Herzens» von Dr. Otto von Sperber. (Leipzig, 1894) и рецензія на послѣднюю, написанная г. Іоласомъ.

* * *

Отецъ Герцена, родовитый русскій бояринъ, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, служилъ въ екатерининскія времена офицеромъ гвардіи. Какъ и многіе изъ его, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, современниковъ, Яковлевъ упивался просвѣтительной литературой Франціи конца XVIII вѣка, былъ «либеральнаго» образа мыслей по вопросамъ религіи и политики, но опять-таки, какъ и у многихъ другихъ, его «свободомысліе» вполнѣ уживалась и съ аристократическою гордостью, и съ владѣніемъ крѣпостными душами и со многимъ другимъ. Останавливаясь на этого рода людяхъ, умѣвшихъ одновременно восторгаться сочиненіями Руссо и держать цѣлые гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, г. Ключевскій мѣтко называетъ ихъ «психологическими курьезами». Именно къ такимъ «психологическимъ курьезамъ» принадлежалъ и Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ. Въ царствованіе Павла, когда на все, напоминавшее екатерининскія времена, обрушилась жестокая опала, Яковлевъ уѣхалъ заграницу и колесилъ безъ опредѣленной цѣли по всей Европѣ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Въ Штутгардтѣ онъ сошелся съ нѣмкою Луизою Гаагъ, впослѣдствіи матерью Герцена. Аристократическіе предразсудки Ивана Алексѣевича не позволили ему рѣшиться на «mesalliance», и Луиза Гаагъ стала лишь подругою его сердца (Herz), откуда и произошла фамилія Александра Ивановича. Передъ наступленіемъ войны Россіи съ Наполеономъ, Яковлевъ вернулся вмѣстѣ съ Луизой Гаагъ въ Россію и поселился въ Москвѣ, гдѣ 25 марта 1812 года и родился ихъ первенецъ «Шушка». Малюткѣ было всего нѣсколько мѣсяцевъ, когда въ Москву вступили

французы. Спасаясь изъ объятой пламенемъ столицы, Яковлевъ встрѣтилъ на улицѣ своего парижскаго знакомаго маршала Мортье, который поспѣшилъ доложить о «grand seigneur russe» императору Наполеону. Черезъ нѣсколько дней Наполеонъ пригласилъ Яковлева въ кремлевскій дворецъ и обѣщалъ ему свободный пропускъ вмѣстѣ съ семействомъ, если «grand seigneur russe» возьмется отвести его собственноручное письмо къ Императору Александру I въ Петербургъ. Яковлевъ согласился и, отправивши семью въ Ярославль, поѣхалъ въ Петербургъ и передалъ письмо Наполеона для доставленія по принадлежности Аракчееву. Дальнѣйшая судьба этого письма въ точности не извѣстна.

По окончаніи войны съ Наполеономъ, И. А. Яковлевъ и его братъ, Левъ Алексѣевичъ, такъ часто упоминаемый Герценомъ въ его запискахъ подъ именемъ «сенатора», поселились снова въ Москвѣ. «Прозѣвавъ нѣсколько лѣтъ заграницей, — разсказывалъ много лѣтъ спустя въ своихъ запискахъ Герценъ,—Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ безъ большихъ тратъ и съ сохраненіемъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась, — оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣніе нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома, всѣ условія безпорядка были на лицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общей прислуги было человѣкъ до шестидесяти, кромѣ ребятишекъ, которыхъ пріучали къ праздности, лѣни, лганью»...

«Братья Яковлевы различались между собою въ очень многомъ, но сходились въ самой безпардонной барской безалаберности. Левъ Алексѣевичъ также вращался всю жизнь въ аристократическихъ и дипломатическихъ кругахъ, ѣздилъ по порученію графа Воронцова къ лорду Гренвилю, чтобы узнать о намѣреніяхъ генерала Бонапарта, находился въ Парижѣ во время низложенія Наполеона, былъ очевидцемъ и участникомъ многихъ историческихъ событій конца XVIII и первыхъ десятилѣтій XIX вѣка, но все это какъ-то лишь скользнуло около него, не только не задѣвши его сколько-нибудь глубоко, но даже не произведя на него опредѣленнаго впечатлѣнія. И это происходило вовсе не отъ апатич-

ности характера Льва Алексѣевича. Напротивъ,—это былъ человѣкъ очень живой, вѣчно чѣмъ-то занятый, куда-то торопящійся, озабоченный... По возвращеніи изъ заграницы въ Москву, онъ былъ произведенъ въ «дѣйствительные камергеры» и назначенъ сенаторомъ, членомъ опекунскаго совѣта и еще чѣмъ-то. Посѣщалъ онъ всѣ эти учрежденія чрезвычайно аккуратно, хотя пользы изъ того не было рѣшительно никому: онъ ѣздилъ въ сенатъ не имѣя понятія о русскихъ законахъ также, какъ являлся на всѣ балы, обѣды, торжественныя собранія обществъ,—все равно какихъ,—агрономическихъ, медицинскихъ, страховыхъ, естествоиспытателей, археологовъ... Такъ текла жизнь этого молодого старца до семидесяти пяти лѣтъ, когда онъ скончался также легко, какъ и жилъ».

Съ такой же барской закваской, но человѣкъ совершенно другого характера былъ Иванъ Алексѣевичъ.

«Нельзя,—разсказываетъ о немъ Герценъ,—представить больше противоположнаго вѣчно движущемуся, сангвиническому сенатору, какъ его брата. Иванъ Алексѣевичъ, вѣчно капризный, почти никогда не выходилъ со двора и ненавидѣлъ весь официальный міръ. У него было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но его конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ. Онъ держалъ ихъ отчасти для того, чтобы два кучера и два форейтора имѣли какое-нибудь занятіе сверхъ хожденія за «Московскими Вѣдомостями» и пѣтушиныхъ боевъ.

«Иванъ Алексѣевичъ рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа и постоянно былъ всѣмъ недоволенъ: человѣкъ большого ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣлъ, слышалъ, помнилъ; свѣтскій человѣкъ, accompli, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ. Откуда происходила злая насмѣшка и раздраженіе, наполнявшія его душу, недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его? Развѣ онъ унесъ въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, которое никому не довѣрилъ или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ культуръ до того противоположныхъ, какъ восемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей развитію праздности. Прошлое столѣтіе про-

извело удивительный кряжъ людей на Западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регентства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ отворили настежь двери революціи и первые ринулись въ нее, поспѣшно толкая другъ друга, чтобы выйти въ «окно» гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ больше такихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуръ; прошлое столѣтіе, напротивъ, вызывало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онѣ не были нужны, гдѣ онѣ не могли развиться иначе, какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнувшіеся вліянію этого мощнаго западнаго вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы — въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, искаженные для Россіи западными предразсудками, для Запада — русскими привычками, они представляли какую-то *умную ненужность* и потерялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и нестерпимомъ эгоизмѣ».

Характеризуя своего отца, Герценъ вышелъ здѣсь очень далеко за предѣлы простой характеристики лица и далъ нѣчто несравненно большее. «Встрѣча двухъ культуръ» породила на русской почвѣ еще въ самомъ началѣ XIX вѣка типы «умной ненужности». Идейныя дѣти Европы, они по «субстанціи» своей оставались сынами русскихъ условій жизни. Не встрѣчая никакой почвы для приложенія своихъ взглядовъ къ русской дѣйствительности, «умная ненужность» эта «потерялась въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и нестерпимомъ эгоизмѣ». Но послѣднее зависѣло преимущественно отъ того, что носителями «европейской культуры» явились почти исключительно люди самаго высшаго круга въ Россіи, баре, отличавшіеся «широкой русской натурой», не привыкшей ни къ какому самообузданію. Пришли другія времена: «нестерпимый эгоизмъ» смѣнился самыми благороднѣйшими побужденіями, но скрещиваніе европейскихъ идей и русскихъ порядковъ продолжало систематически производить въ Россіи «умныя ненужности». Развѣ не признавалъ самого себя и свой кругъ т. е. кругъ лучшихъ, интеллигентнѣйшихъ русскихъ людей, много лѣтъ спустя «умными ненужностями» тотъ же Герценъ, когда писалъ, что «мы находимся *внѣ народныхъ потребностей*». Страшное сознаніе это неизбѣжно должно было привести къ взгляду на себя, какъ на «умную

ненужность». «Умную» потому, что она сознала и не побоялась высказать страшную правду; «ненужность» — потому, что это простая перефраза выраженія «внѣ народныхъ потребностей»... Да и что такое столь извѣстный въ Россіи типъ русскаго «лишняго человѣка», какъ не типъ той же «умной ненужности»?

Прочтите слѣдующія, раздирающія душу, строки изъ XXVIII главы «Былого и думъ».

«Поймутъ-ли, оцѣнятъ-ли грядущіе люди весь ужасъ, всю *трагическую сторону* нашего существованія?.. Поймутъ ли они, отчего мы лѣнтяи, отчего ищемъ всякихъ наслажденій, пьемъ вино и пр.?.. Отчего въ минуту восторга не забываемъ тоски?.. О, пусть они остановятся съ мыслью и съ грустью передъ камнями, подъ которыми мы уснемъ; мы заслужили ихъ грусть»...

Разсказавши объ одной статьѣ, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» по поводу «Мертвыхъ душъ», Герценъ писалъ: «перечитываніе строкъ задушило меня какой-то безвыходной грустью: Русь такъ живо представилась мнѣ, современный вопросъ такъ болѣзненно повторялся, что я готовъ былъ рыдать. Дологъ сонъ, тяжелъ. *За что мы проснулись,* — спать бы себѣ, спать, *какъ все около!*»...

«За что мы проснулись?» — Вникните въ смыслъ этой фразы. «За что?» Вѣдь здѣсь взглядъ на жизнь, какъ на *возмездіе* за что-то... Въ данномъ же случаѣ это взглядъ отчаянія. Въ чемъ же, однако, дѣло? А въ томъ, что, — какъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ Герценъ, — «западная либеральная партія (западники) тогда только получитъ силу и народную поддержку (т. е. перестанетъ быть «внѣ народныхъ потребностей». *В. Б.*), когда овадѣетъ темами славянофиловъ» [1]).

Вотъ задача, которую надо было рѣшить и которую, увы, не рѣшилъ ни Герценъ, ни послѣдующія поколѣнія лучшихъ русскихъ людей; *принять* экономическую программу славянофиловъ — не значило «овладѣть ихъ темами», а значило, наоборотъ, сдѣлать вопросъ объ европеизаціи Россіи, о пріобщеніи ея къ семьѣ европейскихъ народовъ, еще бо-

[1]) *Анненковъ.* „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1883 г., IV, 525.

лѣе труднымъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это былъ даже *шагъ назадъ*...

Но вернемся къ дѣтскимъ годамъ Александра Ивановича.

Старикъ Яковлевъ почти не выходилъ изъ дома, вѣчно лѣчился, брюзжалъ и, будучи, въ сущности, очень незлымъ человѣкомъ, мучилъ всѣхъ его окружающихъ. Роль въ домѣ Яковлевыхъ Луизы Гаагъ нетрудно себѣ представить. Это тихое, кроткое существо старалось только о томъ, чтобъ его какъ можно меньше замѣчали. Мечтательная нѣмка, любящая мать, — она оказала далеко не безслѣдное вліяніе на своего даровитаго сына. Въ разговорахъ съ нею изучилъ Герценъ нѣмецкій языкъ, благодаря ея библіотекѣ, рано познакомился онъ съ твореніями Шиллера, любимаго автора Луизы. Чтеніе Шиллера произвело на Герцена огромное впечатлѣніе. Благодарное воспоминаніе и признаніе заслугъ нѣмецкаго идеалиста онъ сохранилъ на всю жизнь. „Поэзія Шиллера, — писалъ онъ уже въ совершенно зрѣлыхъ лѣтахъ, — не потеряла для меня своей прелести. Еще недавно перечитывалъ я моему сыну «Валленштейна“! Кто не цѣнитъ болѣе Шиллера, тотъ или слишкомъ старъ, или педантъ, или человѣкъ окаменѣлый, у котораго убитъ духъ». Еще въ болѣе теплыхъ выраженіяхъ говорилъ онъ о Шиллерѣ въ статьѣ „Записки одного молодого человѣка“, помѣченной Владиміромъ-на-Клязьмѣ и 1838 годомъ. «Шиллеръ! благословляю тебя; тебѣ обязанъ я святыми минутами печальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей. Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее, «туда, туда!“; тѣ же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня» [1]). Въ библіотекѣ матери нашелъ Герценъ также Лафонтена, Коцебу, Гете и другихъ нѣмецкихъ авторовъ, раннее знакомство съ которыми будило его умъ и чувство. Французскій языкъ Герценъ изучилъ также

[1]) „Записки одного молодого человѣка“, сборникъ „Раздумье“ (разныя варіаціи на статьи и темы). Москва, 1870 г., 23.

практически въ разговорахъ съ отцомъ и гувернеромъ. У Яковлева была богатая библіотека почти исключительно изъ французскихъ писателей XVIII в., и такимъ образомъ и этотъ источникъ просвѣщенія рано сдѣлался доступенъ мальчику. Отъ гувернеровъ, выходцевъ изъ Франціи, узналъ Герценъ о событіяхъ французской революціи и любилъ разсказывать о нихъ въ самыхъ юныхъ годахъ своей кузинѣ,— впослѣдствіи автору трехтомныхъ воспоминаній («Изъ дальнихъ лѣтъ») — Татьянѣ Пассекъ. Обученіе обычнымъ предметамъ, т. е. всякимъ грамматикамъ и реторикамъ, шло изъ рукъ вонъ плохо, и пошло иначе только послѣ того, какъ одинъ изъ учителей Герцена, студентъ медицины Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, сталъ разсказывать своему ученику о литературныхъ явленіяхъ современности и въ особенности о Пушкинѣ.

«Въ чемъ состояло преподаваніе словесности Ивана Евдокимовича, — вспоминалъ впослѣдствіи Герценъ, — мудрено сказать; это было какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за реторику, онъ объявилъ мнѣ, что она пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе ненужная, ибо «кому Богъ не далъ красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ, а кому далъ, тотъ родился съ реторикой». Послѣ такого введенія онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Несмотря на всю забавность оригинальнаго преподаванія, въ совокупности всего, что говорилъ Протопоповъ, проглядывалъ живой, широкій, современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ и кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы 80-хъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Протопоповъ былъ въ восторгѣ отъ новой литературы и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году она была напечатана и бросалъ ее, ежели она была напечатана болѣе пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина и Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. За то поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно и не мудрено: великій Пушкинъ являлся властителемъ литературнаго движенія».

Тотъ же Протопоповъ познакомилъ молодого Герцена и съ «запретною литературою» въ видѣ рукописныхъ сочиненій Пушкина и Рылѣева. Все это наполнило душу мальчика «вольнолюбивыми мечтами»...

Событія 1825—1826 года застали Герцена тринадцати—четырнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и произвели на него большое впечатлѣніе. „Казнь Пестеля и его друзей разбудили отъ младенческаго сна мою душу", — писалъ онъ много лѣтъ спустя. Описывая далѣе коронацію императора Николая Перваго, онъ разсказываетъ о той «клятвѣ», которую онъ далъ, имѣя отъ роду четырнадцать лѣтъ, посвятить себя на служеніе угнетеннымъ и оскорбленнымъ... Не надо забывать, что воспоминанія обо всѣхъ этихъ событіяхъ писались черезъ тридцать и болѣе лѣтъ послѣ того, какъ событія отошли въ вѣчность. Неудивительно, поэтому, что, помимо сознанія автора, въ его разсказахъ къ «Wahrheit» должна была неизбѣжно примѣшиваться извѣстная доза «Dichtung». Все это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, но, несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что событія 1825—1826 года, произвели, дѣйствительно, на Герцена очень сильное впечатлѣніе, и дѣятели четырнадцатаго декабря остались для него на всю жизнь предметомъ почитанія.

Еще ранѣе Герценъ подружился и близко сошелся на всю жизнь съ Николаемъ Платоновичемъ Огаревымъ, впослѣдствіи однимъ изъ редакторовъ-издателей «Колокола», и извѣстнымъ поэтомъ.

Добрый, мягкій, мечтательный, готовый отдать всего себя на служеніе другимъ, — Огаревъ превосходно дополнялъ живого, энергичнаго Герцена. «Рано виднѣлось въ Огаревѣ, — писалъ Герценъ, — то помазаніе, которое достается немногимъ, — на бѣду-ли, на счастье-ли, не знаю, — но навѣрно на то, чтобъ не быть въ толпѣ". Друзья видѣлись очень часто, вмѣстѣ читали и работали, дѣлали совмѣстно длинныя прогулки, во время которыхъ мечтали бороться за освобожденіе всего міра отъ всякихъ оковъ и за установленіе лучшаго будущаго. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, въ 1828 году, на Воробьевыхъ Горахъ, около Москвы, на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ быть воздвигнутъ храмъ въ память войны 1812 года, Герценъ и Огаревъ поклялись въ вѣчной дружбѣ и неизмѣнномъ рѣшеніи отдать всю жизнь

на служеніе свободѣ. Помимо пронесшихся незадолго передъ тѣмъ въ Россіи событій, источникомъ энтузіазма молодыхъ людей были драмы Шиллера. Пестель и Рылѣевъ перемѣшивались въ ихъ воображеніи съ Карломъ Моромъ, Фіеско, маркизомъ Позою... Бѣлинскій писалъ Станкевичу, что драмы Шиллера возбудили въ немъ «дикую вражду къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества» и повергли его «въ неестественный и напряженный восторгъ!» [1]) То же впечатлѣніе отъ чтенія Шиллера испытали и юноши — Герценъ и Огаревъ. Отъ Шиллера Бѣлинскій перешелъ прямо къ гегелевской философіи, Герценъ и Огаревъ — къ изученію общественныхъ и политическихъ вопросовъ. «Въ 1827 году я былъ пятнадцати лѣтъ, — писалъ Герценъ въ своемъ дневникѣ за 1843 годъ, — идеи древняго республиканизма бродили въ головѣ; я вѣрилъ непреложно, что взойдетъ «заря плѣнительнаго счастья». Послѣднія, взятыя въ ковычки, слова, принадлежатъ, какъ извѣстно, Пушкину, и заимствованы изъ стихотворенія, посвященнаго нашимъ великимъ поэтомъ П. Я. Чаадаеву. Въ этомъ настроеніи прошли предуниверситетскіе и университетскіе годы Герцена. Сказать, что въ это время Герценъ уже остановился на какомъ-нибудь опредѣленномъ строѣ воззрѣній, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые русскіе и иностранные писатели, значило бы освѣтить дѣло совершенно невѣрно, ибо развитіе Александра Ивановича шло, безъ сомнѣнія, скачками и было очень далеко отъ «прямой линіи». «Научныя и особенно философскія занятія рано пробудили критическія способности Герцена, говоритъ Шперберъ. Добиваясь научнаго знанія сущности вещей, онъ скептически относился къ традиціоннымъ воззрѣніямъ окружающей среды, утративъ одновременно и вѣру въ догматы господствующей церкви». Мы увидимъ далѣе, какъ уже по окончаніи московскаго университета, находясь въ ссылкѣ въ Вяткѣ, Герценъ относился «къ вѣрѣ и догматамъ господствующей церкви». Фактъ, о которомъ говоритъ Шперберъ, произошелъ гораздо позднѣе.

То же самое можно сказать и о «либерализмѣ» Герцена.

«Сенъ-Симоновское понятіе человѣчества, какъ «être collectif qui se developpe», дало основу и опредѣленный тонъ

---

[1]) *Пыпинъ*, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“. I, 109.

всему міросозерцанію Герцена, — говоритъ тотъ же Шперберъ. Вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ этимъ для него утратилъ всякую притягательную силу индивидуалистическій либерализмъ двадцатыхъ годовъ, сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафайетъ и Бенжаменъ Констанъ и о которомъ пѣлъ въ своихъ пѣсняхъ Беранже. Когда іюльское возстаніе воочію показало всю безпомощность этого платоническаго либерализма, русская молодежь разбилась на два лагеря: часть ея отдалась глубокому и серьезному изученію русской исторіи, другая — нѣмецкой философіи. Герценъ и Огаревъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Они слишкомъ опередили другихъ въ своихъ критическихъ запросахъ, чтобы удовлетвориться лѣтописью Нестора или трансцендентальнымъ идеализмомъ Шеллинга. Знакомство съ сочиненіями Сенъ-Симона, Анфантена и ихъ сотрудниковъ открывало имъ иной путь».

Невѣрнаго во всемъ этомъ гораздо больше, чѣмъ вѣрнаго. Не останавливаясь на другихъ невѣрностяхъ, отмѣтимъ лишь, что невѣрно, будто первое же знакомство съ сенъ-симонизмомъ поставило Герцена въ отрицательное отношеніе къ «индивидуалистическому либерализму». Знакомство съ сенъ-симонизмомъ произвело на Герцена впечатлѣніе не противоположностью этого ученія «индивидуалистическому либерализму» и сдержанностью отношенія къ «политикѣ», — это случилось гораздо позже, когда онъ ознакомился съ сочиненіями Прудона, — а совсѣмъ другими сторонами.

«Торжественно и поэтично, — писалъ Герценъ въ «Быломъ и думахъ», — явились среди мѣщанскаго міра эти вдохновенные юноши... Они возвѣстили *новую вѣру, имъ было что сказать, во имя чего позвать передъ свой судъ старый порядокъ жизни*».

Что же именно должны были повѣдать міру вдохновенные юноши, т. е. сенъ-симонисты, какую новую вѣру возвѣстили они?

Отвѣтъ на это находится въ слѣдующихъ строкахъ Герцена.

«Съ одной стороны — *освобожденіе женщины,* призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ



Н. П. Огаревъ.

(В. Батуринскій — „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“).

нею, какъ съ равнымъ; съ другой—*rehabilitation de al chair*, оправданіе, искупленіе плоти, освобожденіе ея отъ всѣхъ тяготѣвшихъ надъ нею мистико-трансцендентальныхъ путъ».

Читатель видитъ, что «индивидуалистическій либерализмъ» остался нетронутъ въ своихъ позиціяхъ и при провозглашеніи *такой* «новой вѣры». Конечно, сенъ-симонизмъ далеко не исчерпывается отмѣченными Герценомъ сторонами; онъ идетъ гораздо далѣе, затрогивая, дѣйствительно, «старый міръ» въ самыхъ его основахъ, но мы въ данную минуту говоримъ не объ этомъ, а, такъ сказать, о сенъ-симонизмѣ герценовскомъ. «Освобожденіе женщины»,—задача, конечно, очень почтенная, но развѣ она ужъ такъ рѣзко противорѣчитъ принципамъ «индивидуалистическаго либерализма»? То же самое можно сказать и о «rehabilitation de la chair». Вопросъ этотъ былъ далеко не чуждъ и просвѣтительной философіи XVIII вѣка, и не отъ такихъ орудій должны были пасть стѣны зданія индивидуалистическаго либерализма. Отъ разрѣшенія вопросовъ женскаго и rehabilitation de la chair еще мало выигралъ бы четвертый классъ, а вѣдь лишь ребромъ поставленная задача о судьбахъ этого послѣдняго, объ условіяхъ, при которыхъ можетъ быть освобожденъ *трудъ*, наносила смертельный ударъ «индивидуалистическому либерализму». Но до этого, повторяемъ, Герцену и Огареву въ описываемое время было еще очень далеко.

Яковлевъ мечталъ, что сынъ его сдѣлаетъ блестящую военную или, если ужъ «гражданскую», то, конечно, дипломатическую карьеру, но ни о томъ ни о другомъ и слышать не хотѣлъ Герценъ. Какая тутъ военная служба, какая дипломатическая карьера, когда душа была полна Шиллеромъ и французской революціей, декабристами и Сенъ-Симономъ, мечтами о наукѣ, литературѣ, общественной дѣятельности... Въ концѣ концовъ старикъ уступилъ, и восемнадцатилѣтній Герценъ поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета. Выборъ факультета произошелъ, по всей вѣроятности, подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ сына старшаго брата Ивана Алексѣевича и, значитъ, двоюроднаго брата Герцена—Федора Яковлева. Это былъ странный для своего времени чело-

вѣкъ. По смерти своего, отличавшагося страшнымъ деспотизмомъ и самымъ грубымъ развратомъ, отца, Федоръ Александровичъ распустилъ всѣхъ затворницъ отцовскаго гарема и поселился въ доставшемся ему въ наслѣдство, на Тверской улицѣ, большомъ домѣ, въ которомъ занялъ всего двѣ комнаты: одну для себя, другую — для химической лабораторіи. Всѣ другія комнаты были заколочены или находились въ страшномъ запустѣніи. «Почернѣвшіе канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, рамы безъ картинъ и картины безъ рамъ, — все это наполняло три огромныя старинныя залы, не топленныя и не освѣщенныя, — разсказываетъ Герценъ. При появленіи гостя, человѣкъ провожалъ его съ зажженной свѣчей въ рукахъ, предупредивъ сначала, что платье снимать не надобно, такъ какъ въ залахъ очень холодно. Рядомъ этихъ комнатъ достигалась, наконецъ, дверь, завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Здѣсь химикъ (подъ этимъ именемъ и значится Федоръ Яковлевъ въ воспоминаніяхъ Герцена) въ грязномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами».

Именно про этого Федора Яковлева говоритъ въ грибоѣдовскомъ «Горѣ отъ ума» съ такимъ ужасомъ княгиня Тугоуховская:

Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Федоръ, мой племянникъ...

По страсти, съ которой Федоръ Александровичъ предавался изученію естественныхъ наукъ, и по презрѣнію къ «метафизикѣ», онъ опередилъ своихъ современниковъ лѣтъ на тридцать. Внѣ опыта Федоръ Александровичъ не вѣрилъ рѣшительно ни во что. Этотъ-то «химикъ» и заинтересовалъ Герцена естествознаніемъ; онъ далъ ему сначала рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и растительную органографію Декандоля и, увидѣвши, что сѣмя падаетъ на добрую почву, сталъ его первымъ руководителемъ въ области естественныхъ наукъ. Вліяніе химика и физико-математическій факультетъ университета сыграли большую роль въ судьбѣ Герцена, пріучивши его мозгъ къ точному мышленію.

Герценъ въ университетѣ. Онъ много учится, много читаетъ, но еще болѣе говоритъ, споритъ, проповѣдуетъ. Что

проповѣдуетъ, о чемъ споритъ, — на это трудно дать отвѣтъ.

«Жизнь въ университетѣ,—разсказываетъ впослѣдствіи самъ Герценъ,—оставила у насъ память одного продолжительнаго пира идей, пира науки и мечтанія, непрерывнаго, торжественнаго, иногда бурнаго, иногда мрачнаго, разгульнаго, но никогда порочнаго...

«Оживить это прошедшее время, сдѣлать его вполнѣ понятнымъ въ разсказѣ,—невозможно; чтобы вспомнить всѣ мечты, всѣ увлеченія, надо очень много не знать, очень многаго не испытать, надобно перезабыть бездну фактовъ, стереть съ души бездну пыли, соскоблить пятна, заживить рубцы, освѣтить весь міръ алымъ свѣтомъ востока, всѣмъ предметамъ дать положительныя тѣни, утреннюю свѣжесть и разительную новость. Мало того, надо, чтобы друзья юности собрались вмѣстѣ въ той же комнаткѣ, обитой алыми обоями съ золотыми полосками, передъ тѣмъ же мраморнымъ каминомъ, въ томъ же дыму отъ трубокъ»...

Да, возстановить психическое содержаніе Герцена и его друзей въ періодъ ихъ университетской жизни не легко. Г. Пыпинъ характеризуетъ Герцена описываемаго періода такими словами:

«Взамѣнъ абстрактной философіи и эстетики, поглощавшей кружокъ Станкевича, Г—нъ (Герценъ) владѣлъ чрезвычайно разнообразной начитанностью. Крайнему идеализму онъ могъ противопоставить историческія изученія, особенно современную исторію; отвлеченностямъ — реальныя возраженія изъ области естествознанія, которое было давно его интересомъ и было совершенно незнакомо его противникамъ, развѣ только въ отрывочныхъ образчикахъ натуръ-философіи Шеллинга и Окена. Наконецъ, вниманіе Г—на давно было направлено на ту непосредственную дѣйствительность, которая еще ускользала отъ Бѣлинскаго и его друзей за дѣйствительностью философской или урывками показывалась имъ въ «объективной» поэзіи» [1]).

Намъ кажется, что въ этой характеристикѣ г. Пыпинъ придалъ Герцену университетскаго періода его жизни слишкомъ опредѣленные контуры, наложилъ на него слишкомъ опредѣленный колоритъ.

[1]) „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, I, 312.

На дѣлѣ этого не было: несомнѣнно, что Герценъ интересовался и естествознаніемъ, и общественными науками и исторіей, и «непосредственною дѣйствительностью жизни» но столь же несомнѣнно, что все это уживалось въ немъ и съ идеализмомъ, и съ готовностью подпасть подъ вліяніе мистики (что и случилось вскорѣ въ періодъ его знакомства съ Витбергомъ) и съ горячимъ религіознымъ настроеніемъ. Послѣднее приписывается обыкновенно также послѣдующему уже вліянію «религіозной кузины» и того же Витберга, но это не такъ.

Мы утверждаемъ, что, какъ и большинство декабристовъ, Герценъ и до ссылки въ Вятку и, значитъ, до вліянія «религіозной кузины» и Витберга, былъ очень далеко отъ тѣхъ взглядовъ на религіозные вопросы, которые онъ развивалъ позже. Въ одномъ изъ своихъ, относящихся къ концу тридцатыхъ годовъ, стихотвореній Огаревъ писалъ:

„Я въ храмѣ былъ, и много тамъ людей
Толпилося у Божьихъ алтарей:
Сталъ въ углу, гдѣ нѣкогда со мной
Молился другъ, сочувствуя душой,
Мы горько плакали: тогда я былъ
Несчастливъ: я терялъ, что я любилъ:
Но нашихъ нѣтъ слѣдовъ на мѣстѣ томъ,
Гдѣ такъ тепло молились мы вдвоемъ" [1]).

Такъ тепло молившійся въ храмѣ вмѣстѣ съ Огаревымъ «другъ» былъ никто другой, какъ Герценъ. Письма Герцена къ «кузинѣ» изъ Вятки полны религіознаго чувства и молитвеннаго настроенія, но и до того въ письмѣ изъ крутицкихъ казармъ отъ десятаго декабря 1834 года онъ писалъ «нѣтъ, въ груди горитъ вѣра сильная, живая. Есть Провидѣніе... Я читаю съ восторгомъ Четьи-Минеи, — вотъ гдѣ божественные примѣры, вотъ были люди!..» [2]).

Это настроеніе прошло у Герцена черезъ всю его Вятскую жизнь, съ нимъ пріѣхалъ онъ и во Владиміръ. Когда въ этомъ городѣ Герценъ и его жена увидѣлись съ супругами Огаревыми, они всѣ четверо пали на колѣни передъ

[1]) „Русская Старина", 1888 г. XI.

[2]) См. интересную статью *Е. Некрасовой* — „Герценъ въ Вяткѣ" омѣщенную въ сборникѣ Общества любителей россійской словесности „Починъ".

Распятіемъ и горячо благодарили небо за ниспосланное счастье. «Огаревъ, — разсказываетъ Анненковъ, — написалъ гимнъ Провидѣнію, растворившему ихъ сердца въ лучшія минуты ихъ жизни для полнаго признанія неисчислимыхъ его благодѣяній, а Герценъ описалъ эту сцену одному пріятелю въ такихъ словахъ: «мы инстинктуально всѣ четверо бросились передъ Распятіемъ, и горячія молитвы лились изъ устъ. Зачѣмъ ты не могъ взглянуть на эту группу, которая обратилась къ небу не съ упрекомъ, не съ просьбой, а съ гимномъ, съ Осанной» [1]).

Этимъ мы, разумѣется, не хотимъ сказать, чтобы религіозность была преобладающей чертой молодого Герцена; мы просто отмѣчаемъ лишь ея наличность, такъ какъ безъ этого физіономія Александра Ивановича въ университетскіе и послѣдующіе за ними годы его жизни не соотвѣтствовала бы дѣйствительности. Съ этими настроеніями Герценъ, правда, скоро разстался и никогда болѣе къ нимъ не возвращался, но въ описываемую эпоху дѣло обстояло именно такимъ образомъ. Умный, страстный, увлекающійся, интересующійся самыми разнообразными предметами, впечатлительный Герценъ далеко не былъ еще тогда тѣмъ законченнымъ человѣкомъ, какимъ выступаетъ онъ подъ перомъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Герценъ горячо интересовался всѣмъ строемъ воззрѣній замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, и люди эти оказывали, безъ сомнѣнія, и на него очень большое вліяніе. «Конечно, Герценъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ крайнѣйшимъ западникомъ,—разсказываетъ о немъ Свербеевъ,—конечно, онъ предпочиталъ всѣмъ старѣйшаго сторонника европейской гражданственности, Чаадаева, но въ это же время дружески подавалъ руку юному своему противнику Константину Аксакову и всегда любовался, скажу, восхищался остроуміемъ парадоксальнаго Хомякова и каждый разъ, входя въ гостиную (А. П. Елагиной) отыскивалъ его глазами, чтобы вступить съ нимъ въ новый споръ, либо продолжать вчерашній» [2]).

[1]) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", 509.

[2]) *Д. Н. Свербеевъ*, „Воспоминанія объ А. И. Герценѣ", „Русскій Архивъ", 1870 г. 678.

Таковъ былъ Герценъ,—прямая противоположность въ этомъ отношеніи Бѣлинскому, писавшему изъ Петербурга по поводу общенія своихъ московскихъ друзей съ славянофилами грозныя письма и выражавшемуся въ нихъ о самомъ себѣ такъ: «я жидъ и не могу ѣсть за однимъ столомъ съ филистимлянами»...

Разставшись впослѣдствіи съ религіей, Герценъ унесъ съ собою на «тотъ берегъ» многое изъ воззрѣній Хомякова и его единомышленниковъ. Объ этомъ мы будемъ говорить въ свое время подробно, а теперь ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ Анненкова:

«Какъ Герценъ, съ своей стороны, ни старался сдерживать и холодить его (Хомякова) критическое воодушевленіе, онъ самъ еще *не избавился отъ дѣйствія этой критики:* Слова Хомякова, по нашему мнѣнію, оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Герцена противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще» [1]).

Споры съ Хомяковымъ, о которыхъ говоритъ здѣсь Анненковъ, происходили значительно позднѣе, а это значитъ, что, если во время этихъ споровъ, т. е. въ эпоху сороковыхъ годовъ, Герценъ не избавился вполнѣ отъ вліянія мистическаго міросозерцанія Хомякова, то тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь полной законченности мысли Александра Ивановича въ его университетскіе и непосредственно слѣдовавшіе за ними годы. Его чрезвычайно сильный умъ работалъ неустанно, но впечатлительный характеръ дѣлалъ свое дѣло, и Герценъ постоянно кипѣлъ и горѣлъ въ водоворотѣ самыхъ разнообразныхъ мыслей, чувствъ и настроеній. Къ тому же и молодость брала свое, а условія жизни доставляли ему возможность удовлетворенія самыхъ эпикурейскихъ потребностей. Вѣдь, рѣчь идетъ не о Бѣлинскомъ, то проклинавшемъ почти въ это же время въ письмахъ къ отцу университетскій «казенный коштъ» съ его отвратительнымъ режимомъ, то перебивавшимся грошевыми уроками и переводами, то просто таки ломавшимъ голову надъ вопросомъ о средствахъ не умереть съ голода.

---

[1]) *П. Анненковъ,* „Замѣчательное десятилѣтіе“, „Вѣстникъ Европы“, 1880 г., III. 23.

То былъ «плебей безвѣстный», это—аристократъ, то былъ пролетарій, это—очень богатый человѣкъ, то былъ боецъ по самому существу своей натуры, это—эпикуреецъ, эпикуреецъ въ благородномъ смыслѣ этого слова, но все же эпикуреецъ.

Отсутствіе заботъ о хлѣбѣ насущномъ придавало жизни Герцена и его товарищей совершенно особый отпечатокъ. Случилась, напр., такъ называемая «маловская исторія», состоявшая въ маленькой студенческой демонстраціи противъ профессора Малова. Дѣло кончилось карцеромъ для нѣсколькихъ студентовъ, въ числѣ которыхъ былъ посаженъ на семь дней и Герценъ. Деньги, конечно, сдѣлали и тутъ свое дѣло: все и вся было подкуплено, и вотъ какъ самъ Герценъ описываетъ свое времяпровожденіе въ университетскомъ карцерѣ:

«Какъ только наступала ночь, Никъ (т. е. Огаревъ) и еще четверо товарищей съ помощью четвертаковъ и полтинниковъ являлись къ намъ; у кого въ карманѣ ликеръ au quatre fruits, у кого паштетъ, у кого рябчики, у кого подъ шинелью бутылка клико. Разумѣется, мы встрѣчали съ восторгомъ и друзей и ихъ съѣстные знаки дружбы. Свѣчей зажигать намъ, заключеннымъ, не позволялось. Опрокинувши стулья, мы дѣлали около нихъ юрту изъ шинелей, высѣкали огонь, зажигали принесенную сальную свѣчу и ставили ее подъ столъ такимъ образомъ, чтобы изъ оконъ нельзя было ее видѣть, потомъ ложились на каменный полъ и начинался пиръ до поздняго вечера, тутъ, кажется, и засыпали, а ночью,—опять пиръ. *И такъ всѣ семь дней!...*».

Такого рода жизнь вели Герценъ и его друзья не въ виду только исключительности ихъ положенія въ теченіе недѣльнаго пребыванія въ карцерѣ. Нѣтъ, они платили дань молодости щедрою рукою и стремились извѣдать всѣ наслажденія, которыя были имъ доступны, благодаря ихъ положенію и матеріальнымъ средствамъ. Пиры эти, конечно, не происходили ради самихъ пировъ, они не служили сами себѣ цѣлью, на нихъ велись разговоры и споры о наукѣ, литературѣ, искусствѣ, философіи, политикѣ, словомъ, обо всемъ на свѣтѣ; складывались и крѣпли убѣжденія будущихъ извѣстныхъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ русской жизни,— все это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но ска-

зать о какой бы то ни было рѣзкой опредѣленности въ направленіи кружка Герцена въ это время, намъ кажется, нѣтъ основаній. Лично Герценъ относился, какъ мы уже говорили, съ глубочайшимъ уваженіемъ къ декабристамъ, но о какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ въ томъ же направленіи со стороны молодыхъ студентовъ какъ изъ воспоминаній Герцена, такъ и другихъ его современниковъ, мы ничего не знаемъ. Кромѣ данной на Воробьевыхъ горахъ Герценомъ и Огаревымъ клятвы, о которой мы уже упоминали, въ запискахъ Герцена значится лишь, что его кружокъ, какъ и кружокъ Сунгурова, «мечталъ объ основаніи въ Россіи новаго Союза Благоденствія по образцу декабристовъ». Такимъ образомъ самъ Герценъ говоритъ, что о политической дѣятельности юноши только «мечтали». Ни въ какое дѣйствіе мечтанія эти не перешли [1]).

Герценъ окончилъ университетскій курсъ пятаго іюня 1833 года со степенью кандидата и съ серебряной медалью. Радостное чувство, испытанное въ это время имъ, какъ и всякимъ, окончившимъ ученіе и вступающимъ въ самостоятельную жизнь, осложнялось досадой и болью оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе присужденія ему *только* серебряной медали. «Я кандидатъ, — писалъ онъ въ своихъ запискахъ, — это правда, но золотую медаль дали не мнѣ. Мнѣ серебряная медаль — одна изъ трехъ... Сегодня актъ, но я не былъ, *ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды*»

Тщеславное желаніе быть первымъ, происходило, однако, у Герцена не изъ самодовольнаго взгляда на себя, какъ на очень образованнаго и очень ученаго человѣка, которому, пожалуй, и учиться-то ужъ больше нечему. Самолюбіе, конечно, играло тутъ большую роль, но уязвлено оно было, вѣроятно, какою-нибудь несправедливостью при распредѣленіи наградъ. О познаніяхъ же своихъ по выходѣ изъ университета, Герценъ, — къ величайшей его чести, — былъ самаго скромнаго мнѣнія. Въ статьѣ «Герценъ въ Вяткѣ»

[1]) Сунгуровъ и еще нѣсколько лицъ, правда, пострадали за что-то въ родѣ попытки къ дѣятельности, но „сунгуровское дѣло" представляетъ до сихъ поръ много темнаго и невыясненнаго. О немъ см. книгу „П. В. Анненковъ и его друзья" (стр. 111—112) и „Воспоминанія Костенецкаго"; напечатанныя въ 1—6 книжкахъ „Русскаго Архива" за 1887 годъ.

г-жа Некрасова приводитъ выдержки изъ нѣсколькихъ *рукописныхъ* писемъ Герцена къ разнымъ лицамъ. Въ числѣ ихъ находится письмо отъ 26 іюня 1833 года, т. е. написанное всего черезъ нѣсколько дней послѣ окончанія университетскаго курса. Въ письмѣ этомъ Герценъ писалъ: «Хотя я и *кончилъ курсъ* (курсивъ подлинника), но собралъ такъ мало, что стыдно на людей смотрѣть».

Тѣмъ не менѣе, самому факту окончанія университетскаго курса Герценъ, какъ и всякій живой человѣкъ, былъ очень радъ. Свое настроеніе въ это время онъ самъ описываетъ слѣдующими словами:

«Когда я по чугунной лѣстницѣ университета выходилъ кандидатомъ и съ тѣмъ вмѣстѣ изъ школы на Божій свѣтъ, тогда иначе взглянулъ на все. Чувство самобытности и совершеннолѣтія никогда не бываетъ такъ ярко, какъ въ минуту окончанія публичнаго испытанія. Испанскіе башмаки, шнуровавшіе душу, лопаются, и фантазія гуляетъ на свободѣ. Нѣтъ болѣе ни правилъ, ни направленія извнѣ, — это медовый мѣсяцъ совершеннолѣтія. Съ чувствомъ собственнаго достоинства и достоинства кандидатской степени я явился домой и посвятилъ Нептуну мокрое платье, въ которомъ плавалъ три года по схоластическому морю на ловлю идей, т. е., говоря презрѣнной прозой, подарилъ первогодичнымъ студентамъ толстыя тетради лекцій, выучившія меня стенографіи и разучившія писать удобочитаемо».

По выходѣ изъ университета, Герценъ продолжалъ вести, въ сущности, ту же жизнь пира молодости, съ одной стороны, и пира науки, пира идей, съ другой, — которую велъ и въ студенческіе годы. Онъ и его друзья веселились, жуировали, читали, спорили, мечтали, строили планы, которые не переходили ни въ какое практическое дѣло, и въ этомъ состояніи пролетѣлъ еще годъ. Затѣмъ послѣдовали крупныя событія въ жизни Герцена и его друзей. Мы говоримъ объ ихъ арестѣ и ссылкѣ. Причиною ареста былъ, безъ сомнѣнія, самый фактъ существованія въ Москвѣ «неслужащихъ», вѣчно о чемъ-то толкующихъ, волнующихся и кипятящихся молодыхъ людей, а поводомъ одна студенческая вечеринка съ участіемъ провокатора, на которой пѣлась сочиненная однимъ студентомъ противоправительственная пѣсня и былъ разбитъ бюстъ императора Николая I.

Герценъ не только не былъ на этой вечеринкѣ, но, кажется, не былъ даже и знакомъ съ лицами, принимавшими въ ней участіе. Арестованъ же онъ былъ на основаніи «косвенныхъ уликъ» относительно его «образа мыслей». Дознаніе выяснило, что пѣвшуюся на вечеринкѣ пѣсню сочинилъ нѣкто Соколовскій, а съ Соколовскимъ былъ знакомъ Огаревъ, съ Огаревымъ же друженъ Герценъ. Отсюда и возникло цѣлое дѣло, существо котораго слѣдственная комиссія квалифицировала въ качествѣ «несостоявшагося, вслѣдствіе ареста, заговора молодыхъ людей, преданныхъ ученію сенъ-симонизма»... Герценъ держалъ себя на слѣдствіи съ чувствомъ собственнаго достоинства и по этой причинѣ вселилъ въ судьяхъ убѣжденіе въ своей закоренѣлости... Между тѣмъ, на дѣлѣ Герценъ попалъ въ тюрьму не только не въ качествѣ въ извѣстномъ смыслѣ практическаго дѣятеля, но и человѣка съ далеко не сложившимися взглядами и настроеніями. Мы уже говорили о томъ, что Герцена до-университетскаго и университетскаго періода въ жизни нельзя назвать человѣкомъ, утратившимъ религіозное чувство и принявшимъ религію человѣчества, какъ «être collectif qui se developpe»... Напротивъ, религіозное чувство теплилось въ немъ постоянно и достаточно было небольшого толчка, чтобы оно разгорѣлось яркою искрою. Такимъ толчкомъ и былъ его извѣстный разговоръ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, наканунѣ ареста съ «московской кузиной». Получивъ, въ половинѣ іюля 1834 года, извѣстіе объ арестѣ Огарева, Герценъ сильно волновался, какъ самымъ этимъ фактомъ, такъ и вопросомъ: «почему же Огаревъ арестованъ, а я нѣтъ?» Въ такомъ состояніи духа онъ бродилъ цѣлый день по Москвѣ и, чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, отправился девятнадцатаго іюля на скачки на Ходынское поле, гдѣ бывала «вся Москва». Тутъ встрѣтилъ онъ кузину Наталью Александровну, съ которой и вступилъ въ разговоръ *въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ знакомства*. Послѣ окончанія скачекъ Герценъ отправился домой вмѣстѣ съ кузиной и по дорогѣ разсказалъ ей негодующимъ тономъ объ арестѣ Огарева и своихъ по этому поводу мысляхъ. — «И эта колокольня ничего не говоритъ больше вашему сердцу? Посмотрите, куда она указываетъ, — сказала Наташа, — *тамъ* утѣшатся всѣ скорби». «Тамъ, отвѣчалъ я, — а здѣсь имѣть душу, полную силъ,

желаній добра и быть не въ состояніи что-нибудь выполнить!» «Развѣ въ этомъ его вина? Отъ этого душа его не менѣе передъ Богомъ. Кто живетъ въ Богѣ, того сковать нельзя, сказалъ великій страдалецъ, снесшій голову на плаху,—апостолъ Павелъ».—«Вы все ссылаетесь на тотъ свѣтъ, а тутъ мой другъ за любовь къ людямъ гибнетъ неоцѣнимый, неузнанный. Апостолъ Павелъ снесъ голову на плаху тогда, когда обратилъ цѣлыя страны въ вѣру Христа».—«Неужели вы говорите о рукоплесканіяхъ? Сейчасъ мы видѣли, какъ ихъ расточаютъ лошадямъ. Одни поденщики требуютъ награды». Въ заключеніе Наталія Александровна напомнила своему собесѣднику о необходимости молиться... Вотъ и весь разговоръ, который, конечно, будь Герценъ тѣмъ, чѣмъ его часто изображаютъ, не произвелъ бы на него ровно никакого впечатлѣнія, но дѣло именно въ томъ, что религіозное чувство и до этого разговора никогда Герцена не оставляло и, если ярко вспыхнуло затѣмъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ, то разговоръ съ кузиной былъ не причиною того, а лишь *однимъ изъ поводовъ*. Въ ночь съ двадцатаго на двадцать первое іюля Герценъ былъ арестованъ, провелъ остатокъ ночи въ части и затѣмъ былъ отвезенъ въ «крутицкія казармы». Единственное обвиненіе, которое слѣдственная коммиссія могла предъявить Герцену,—это *подозрѣніе* въ томъ, что онъ по своимъ воззрѣніямъ сенъ-симонистъ... Подобнаго же рода обвиненія значились и за другими арестованными. Свое заключеніе Герценъ переносилъ очень твердо—и проводилъ время съ пользою. Не зная вовсе до ареста итальянскаго языка, онъ занялся въ тюрьмѣ его изученіемъ и настолько успѣлъ въ этомъ, что прочелъ въ подлинникѣ «Божественную комедію» Данте и «Мои тюрьмы» Сильвіо Пелико. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ увлеченіемъ предается чтенію «Евангелія» и «Четьи-Миней».

Такъ прошло девять мѣсяцевъ, и 31 марта 1835 года арестованные были созваны для выслушанія приговора. Г-жа Некрасова цитируетъ одно рукописное письмо Герцена отъ втораго апрѣля 1835 года, въ которомъ онъ писалъ, что заключеннымъ прочли «сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ». Герцену на-

значили Пермь, Огареву—Пензу, извѣстному переводчику Шекспира, Сатину—Симбирскъ и т. д. Настроеніе Герцена въ это время можно опредѣлить вскорѣ вошедшимъ въ употребленіе въ перепискѣ между нимъ и Огаревымъ терминомъ «резиньяція». Это была спокойная покорность и безропотное преклоненіе передъ волею судьбы. Такое настроеніе продолжалось очень долго, особенно у Огарева, совѣтовавшаго Герцену «предаться резиньяціи» и во время его второй ссылки въ Новгородъ, т. е. въ 1841 году, когда Герценъ къ этого рода чувствамъ совсѣмъ уже потерялъ всякій вкусъ. Но въ 1835 году и Герценъ былъ настроенъ именно такимъ образомъ, причемъ источникомъ подобнаго настроенія являлось религіозное чувство. «Что мнѣ Пермь или Москва, и Москва—Пермь... писалъ онъ въ одномъ письмѣ. Наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла: куда?—не знаю. Но знаю, что *тамъ* будетъ хорошо, *тамъ* отдыхъ и награда»... Десятаго апрѣля 1835 года Герценъ былъ отправленъ изъ Москвы къ мѣсту назначенія въ Пермь. Послѣ девятимѣсячнаго заключенія и отправленіе въ ссылку уже само по себѣ могло показаться нѣкоторою свободою.—«Наконецъ, писалъ Герценъ, — я въ коляскѣ, за заставой. Не было силъ еще разъ взглянуть на Москву—да и Богъ съ ней. Колокольчику отвязали язычекъ—мы ѣдемъ. Вдругъ провожатый, спокойно курившій трубку, привсталъ на козлахъ и сталъ креститься, говоря моему камердинеру: «креститесь, почему знать, увидимъ-ли Кремль и Ивана Великаго». Фу! Я бросилъ ямщику четвертакъ, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ, и ямщикъ поскакалъ: вѣтеръ—буря! На другой день я съ любопытствомъ смотрѣлъ на губернскій городъ. Воспитанный во всѣхъ предразсудкахъ столицы, я былъ увѣренъ, что за сто верстъ отъ Москвы и отъ Петербурга Варварійскія степи, Несторово лукоморье и крайне удивился, что губернскій городъ похожъ на дальній кварталъ Москвы».

Послѣ нѣсколькихъ дорожныхъ приключеній, Герценъ прибылъ въ Пермь. Здѣсь онъ разсчитывалъ провести цѣлые годы, но провелъ всего три недѣли. Въ Пермь былъ назначенъ другой политическій ссыльный, осужденный по одному дѣлу съ Герценомъ и, въ виду опасности для спокойствія Перми пребыванія въ немъ сразу цѣлыхъ двухъ ссыльныхъ, Герцена перевели въ Вятку, куда онъ и былъ

«доставленъ» двадцатаго мая 1835 года. Здѣсь предстояла ему «дѣятельность» въ качествѣ одного изъ канцеляристовъ при канцеляріи Вятскаго губернатора Тюфяева [1]). Образъ этого типичнаго представителя дореформенной Руси, въ высокой степени художественно изобразилъ впослѣдствіи Герценъ въ «Быломъ и думахъ». Свою карьеру Тюфяевъ началъ канатнымъ плясуномъ и въ качествѣ таковаго прошелъ всю Россію до Польши. Оттуда его выслали, какъ бродягу, въ Тобольскъ. Такимъ образомъ, задолго до своего губернаторства въ Вяткѣ, онъ уже прошелъ Вятскую губернію изъ края въ край два раза—«одинъ разъ по веревкѣ, другой на веревкѣ». Въ Тобольскѣ Тюфяеву удалось пристроиться на службу писцомъ; обнаруживши здѣсь такія качества, какъ безпрекословную исполнительность и всегдашнюю готовность дѣйствовать не разсуждая, онъ обратилъ на себя вниманіе одной чиновной особы, которая и взяла его съ собою въ Петербургъ. Прослуживши тамъ десять лѣтъ и усовершенствовавшись еще болѣе въ тѣхъ качествахъ, которыми онъ обязанъ былъ своему возвышенію, Тюфяевъ попалъ въ домашніе секретари къ всемогущему графу Аракчееву. Во время занятія русскими Парижа, Тюфяевъ и туда сопровождалъ своего «высокаго покровителя», а по окончаніи войны 1812 года, благодаря тому же Аракчееву, онъ былъ назначенъ въ Вятку сначала вице-губернаторомъ, а потомъ и губернаторомъ. Въ моментъ прибытія Герцена въ Вятку, Тюфяевъ находился въ зенитѣ своего величія. На свое губернаторство смотрѣлъ онъ исключительно съ точки зрѣнія возможности удовлетворять всѣмъ гнуснымъ потребностямъ своей низменной и прошедшей аракчеевскую школу натуры. Возраженій онъ не переносилъ, возможности не соглашаться съ нимъ, съ самимъ губернаторомъ, орга-

---

[1]) Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“, за 1900 годъ, помѣщена довольно интересная статья г-жи Н. М—вой—„Культурная дѣятельность А. И. Герцена въ провинціи“. Г-жа М—ва собрала нѣкоторые матеріалы въ „Вятскихъ“ и „Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, проливающіе свѣтъ на литературную дѣятельность Герцена въ этихъ изданіяхъ, но она ошибается, говоря, что Герценъ служилъ въ Вяткѣ „совѣтникомъ губернскаго правленія“. Это не вѣрно: такую должность занималъ Герценъ уже во время своей второй ссылки въ Новгородъ, — въ Вяткѣ-же онъ былъ простымъ „канцеляристомъ“

нически не могъ постигнуть. Подчиненность такому человѣку, разумѣется, не обѣщала Герцену ничего добраго. Принявши Герцена грубо, Тюфяевъ «проэкзаменовалъ его по части почерка» и затѣмъ поручилъ правителю канцеляріи Аленицыну—обучать «ученаго кандидата Московскаго университета» всякой канцелярской премудрости. Ради этой-то «науки» и долженъ былъ Герценъ являться ежедневно отъ девяти до двухъ часовъ утра и отъ пяти до восьми часовъ вечера въ грязную, душную губернаторскую канцелярію и проводить все это время въ обществѣ двадцати другихъ канцеляристовъ, жизнь которыхъ была раздѣлена между двумя заботами: самымъ отчаяннымъ грабежомъ денегъ съ приходящихъ просителей и дикимъ пьянствомъ на награбленныя такимъ образомъ деньги. Взятка царила сверху до низу. Безъ нея не обходилось ни одно дѣло, не могла быть ни принята, ни исполнена ни одна бумага, ни рѣшенъ самый законнѣйшій гражданскій или уголовный процессъ. Взятками откупались же обыватели и отъ всякихъ содѣянныхъ, а еще чаще несодѣянныхъ преступленій. Отказъ дать взятку могъ повлечь за собою очень горькія послѣдствія, хотя бы обыватель и былъ чистъ, какъ алмазъ. Въ этомъ отношеніи Вятка не представляла, впрочемъ, чего-нибудь исключительнаго, ибо тѣ-же «порядки» царили рѣшительно во всей Россіи. Анненковъ какъ-то замѣтилъ очень остроумно, что «подкупность и взяточничество чиновниковъ замѣняли въ Россіи «правовой порядокъ»», такъ какъ безъ этого въ ней жить было-бы совершенно невозможно.» Служба у Тюфяева и общество канцеляристовъ составляли, разумѣется, самую тяжелую сторону вятской жизни Герцена. «Просидѣвши цѣлый день въ этой галлереѣ, — писалъ онъ,—я приходилъ иной разъ домой въ какомъ-то отупѣніи всѣхъ способностей и бросался на диванъ, изнуренный, униженный и неспособный ни на какую работу, ни на какое занятіе. Я душевно жалѣлъ о моей крутицкой кельѣ съ ея чадомъ и тараканами, съ жандармомъ у дверей и замкомъ на дверяхъ. Тамъ я былъ воленъ дѣлать, что хотѣлъ, никто мнѣ не мѣшалъ; вмѣсто этихъ пошлыхъ рѣчей, грязныхъ людей, низкихъ понятій, грубыхъ чувствъ, тамъ была мертвая тишина и невозмущаемый досугъ. И когда мнѣ приходило въ голову, что послѣ обѣда опять

слѣдуетъ идти и завтра опять, мною подчасъ овладѣвало бѣшенство и отчаяніе, и я пилъ вино и водку для утѣшенія.»

Такъ шли дни за днями. Установившіяся отношенія между Тюфяевымъ и Герценомъ не обѣщали для послѣдняго ничего хорошаго, и неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не произошли нѣкоторыя благопріятныя для Герцена событія. Спасеніемъ явилось желаніе министра внутреннихъ дѣлъ учредить во всѣхъ губерніяхъ, а въ томъ числѣ, значитъ, и Вятской, губернскіе статистическіе комитеты; при этомъ министръ требовалъ, чтобы губернаторы «дали свой отзывъ» по поводу учрежденія такихъ комитетовъ. Разумѣется, не слышавшій ни разу въ своей жизни ни о какой статистикѣ, Тюфяевъ былъ поставленъ полученіемъ такой неслыханной «входящей бумаги» въ крайнее затрудненіе; разумѣется, его горю не могли помочь ни правитель канцеляріи Аленицынъ, ни другіе губернаторскіе чиновники. Volens-nolens пришлось обратиться за содѣйствіемъ въ этомъ «казусномъ дѣлѣ» къ «ученому кандидату московскаго университета». Начались переговоры. Герценъ соглашался не только написать требуемый министромъ «отзывъ», но и заняться осуществленіемъ министерскаго желанія, но ставилъ условіемъ для этого освобожденіе его отъ обязательныхъ посѣщеній губернаторской канцеляріи и разрѣшеніе работать на дому. Тюфяевъ нѣкоторое время поломался, но видя, что Герценъ въ своемъ условіи непреклоненъ и, сознавая, что замѣнить его некѣмъ, согласился съ тѣмъ, однако, чтобы Герценъ, хоть на нѣсколько минутъ, являлся въ канцелярію. Форма должна быть исполнена даже и въ томъ случаѣ, когда она не заключала въ себѣ абсолютно никакого содержанія. Составленнымъ Герценомъ «отзывомъ» Тюфяевъ остался очень доволенъ. Въ первый разъ сообразилъ тутъ бывшій канатный плясунъ, что и Герценъ можетъ быть ему полезенъ «для службы». Онъ захотѣлъ даже приблизить къ себѣ «кандидата» и съ этою цѣлью сталъ приглашать его на свои обѣды. Герцену пришлось являться на эти обѣды, но понятно, что они тяготили его не менѣе, чѣмъ посѣщеніе губернаторской канцеляріи. Тюфяевъ это замѣтилъ и еще болѣе возненавидѣлъ «кандидата». «Онъ не могъ во мнѣ вынести человѣка, дер-

жавшаго себя независимо, но вовсе не дерзко, — писалъ Герценъ. Я былъ съ нимъ всегда en règle, онъ требовалъ подобострастія».

Въ это время завязался у Герцена романъ съ заѣзжей въ Вятку Прасковьей Петровной М—й, той самой Р., о которой Герценъ разсказывалъ впослѣдствіи въ «Быломъ и думахъ». Романъ этотъ важенъ, конечно, не самъ по себѣ, а лишь какъ одинъ изъ фактовъ, служащихъ для характеристики того безграничнаго произвола, который царилъ «въ доброе старое время» въ Россіи, и того, поистинѣ, ужаснаго положенія, въ которомъ находилась человѣческая личность, особенно, если она имѣла несчастье попасть въ разрядъ «неблагонадежныхъ». На г-жу М. обратилъ свое благосклонное вниманіе все тотъ же знаменитый Тюфяевъ и, дабы достигнуть своей цѣли, прибѣгалъ къ самымъ гнуснымъ средствамъ до угрозъ включительно. Разумѣется, Герценъ вмѣшался въ это дѣло и вступилъ со всемогущимъ губернаторомъ въ открытую борьбу. Пораженный и раздраженный неслыханной дерзостью своего «подчиненнаго», Тюфяевъ задумалъ аттестовать его поведеніе такими красками, благодаря которымъ Герцена ужъ разъ на всегда должны были изгнать въ страны, «куда Макаръ телятъ не гонялъ»... И Тюфяевъ, навѣрно, исполнилъ бы свой планъ, если бы судьба еще разъ не пришла къ Герцену на помощь. Въ это время путешествовалъ по Россіи, въ сопровожденіи Жуковскаго и Арсеньева, бывшій тогда наслѣдникомъ престола Александръ Николаевичъ. Посѣщеніе Вятки входило въ планъ путешественниковъ, вслѣдствіе чего Тюфяевъ получилъ приказаніе изъ Петербурга устроить въ Вяткѣ ко времени пріѣзда наслѣдника, для ознакомленія съ естественными богатствами края, выставку, на которой экспонаты должны были быть расположены «по тремъ царствамъ природы». Такая задача была для Тюфяева уже совершенной тарабарщиной, пожалуй, еще худшей, чѣмъ даже статистика. Въ своихъ воспоминаніяхъ Герценъ разсказываетъ про безпомощность, въ которой находился въ этотъ моментъ Тюфяевъ. «Три царства природы»,—говорилъ онъ.—«Ну, напримѣръ, медъ,—куда принадлежитъ медъ? Или золоченная рама, какъ опредѣлить, куда она относится?» «Увидя изъ моихъ отвѣтовъ, продолжаетъ Герценъ, что я имѣю удивительно точныя свѣдѣнія

о трехъ царствахъ природы, онъ предложилъ мнѣ заняться расположеніемъ выставки». Г-жа М. и интриги противъ «кандидата» были отложены въ сторону, а Герценъ съ увлеченіемъ занялся живымъ дѣломъ. Но, если Тюфяевъ былъ плохо освѣдомленъ по части «трехъ царствъ природы», то зато онъ въ совершенствѣ зналъ науку о томъ, какъ выходить при посѣщеніи начальствующихъ лицъ изъ трудныхъ положеній, науку Сквозника-Дмухановскаго. На этотъ разъ, однако, его блестящія познанія не принесли пользы. Разумѣется, началась «чистка» Вятки не только въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, но и удаленія такихъ лицъ, присутствіе которыхъ въ городѣ могло вызвать подачу на Тюфяева жалобъ. Благодаря такой предусмотрительности «хозяина губерніи», былъ посаженъ въ «сумашедшій домъ» одинъ совершенно здоровый купецъ, обращеніе съ которымъ Тюфяева и до этого эпизода въ высшей степени характерно для жизни обывателей въ ту эпоху, о которой и теперь вздыхаетъ «охранительная» печать. Было много и другихъ продѣлокъ Тюфяева въ томъ же родѣ. Обо всемъ этомъ узналъ наслѣдникъ и принялъ, поэтому, Тюфяева очень сухо. Дни грознаго вятскаго владыки были, видимо, сочтены. На устроенной выставкѣ объяснять наслѣднику значеніе экспонатовъ тоже взялся, было, сначала самъ Тюфяевъ, но, такъ какъ изъ этого, какъ и слѣдовало ожидать отъ канатнаго плясуна, ровно ничего не вышло, то въ роли «чичероне» пришлось выступить Герцену. Наслѣдникъ престола и сопровождавшіе его Жуковскій и Арсеньевъ поразились обиліемъ познаній у находившагося въ вятской глуши молодого чиновника; наслѣдникъ сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, а по отъѣздѣ его съ выставки, Жуковскій и Арсеньевъ подробно стали разспрашивать Герцена о томъ, кто онъ и какимъ образомъ попалъ въ Вятку. Узнавши, въ чемъ дѣло, они обѣщали ему ходатайствовать о возвращеніи его въ столицы. Полнымъ успѣхомъ такое ходатайство не увѣнчалось, но, несомнѣнно, что благодаря знакомству Герцена во время вятской выставки съ Жуковскимъ и Арсеньевымъ, состоялось вскорѣ повелѣніе о переводѣ Герцена на службу во Владиміръ. Но еще до этого другимъ высочайшимъ приказомъ былъ уволенъ, наконецъ, Тюфяевъ. Г-жа Некрасова приводитъ одинъ отрывокъ изъ руко-

писнаго письма Герцена, относящагося къ этому событію; письмо это интересно и по фактическому содержанію и въ качествѣ характеристики настроенія Герцена.—„Я былъ въ большихъ хлопотахъ, писалъ онъ восемнадцатаго іюня 1837 года. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ разсорился съ здѣшнимъ губернаторомъ. Надобно замѣтить, что это высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я—сосланный, а онъ—губернаторъ. Но есть Богъ: онъ выгнанъ изъ службы за „беззаконное управленіе губерніей" и, слѣдовательно, торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче. Теперь прекратились гоненія М., ибо этотъ злодѣй—ея врагъ,—и что онъ дѣлалъ противъ нея! — это непостижимо честному человѣку!"[1]). На мѣсто Тюфяева губернаторомъ въ Вятку былъ назначенъ Корниловъ. Вѣроятно, вслѣдствіе письма къ нему о Герценѣ Арсеньева, написавшаго его, по порученію наслѣдника престола, новый губернаторъ сталъ относиться къ ссыльному несравненно лучше Тюфяева, освободилъ его отъ обязательныхъ посѣщеній канцеляріи и старался дать ему болѣе осмысленную работу. Скоро случай для этого представился. Въ 1837 году изъ Петербурга сдѣлано было распоряженіе завести во всѣхъ губернскихъ городахъ «Губернскія Вѣдомости» съ приложеніями къ нимъ такъ называемаго неофиціальнаго отдѣла. Веденіемъ этого отдѣла «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и предложилъ Корниловъ заняться Герцену. Александръ Ивановичъ былъ этимъ очень доволенъ, такъ какъ веденіе неоффиціальнаго отдѣла являлось всетаки дѣломъ несравненно болѣе живымъ, чѣмъ невыносимыя занятія въ губернской канцеляріи. Еще при Тюфяевѣ, въ виду необходимости организовать выставку и собрать экспонаты для нея изъ всѣхъ «трехъ царствъ природы», Герцену пришлось ѣздить по Вятской губерніи и, такимъ образомъ, ознакомиться съ ея географическими и этнографическими особенностями. Теперь собранные матеріалы могли быть подвергнуты литературной обработкѣ. И Герценъ энергично берется за это дѣло. Въ статьѣ «Культурная дѣятельность Герцена въ провинціи» Н. М—ва приводитъ перечень напечатанныхъ въ то время въ «Вятскихъ

---

[1]) „Герценъ въ Вяткѣ", 113.

Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статей, изъ которыхъ, если не всѣ (а вѣроятнѣе всѣ), то большинство написаны, несомнѣно, Герценомъ. Статьи эти называются: «Вотяки и черемисы», «Вотяцкія молитвы», «Русскіе крестьяне Вятской губерніи», «Географическое описаніе Вятской губерніи», «Состояніе доходовъ въ Вяткѣ со времени Петра Великаго», «Нѣчто о характеристикѣ племенъ, обитающихъ въ Вятской губерніи», «Взглядъ на состояніе разныхъ вѣтвей хозяйства и промышленности» (описаніе уѣздныхъ городовъ Вятской губерніи и ея достопримѣчательностей). Статья «Вотяки и черемисы» *помѣчена именемъ Герцена*, а «Вотяцкія молитвы» составляютъ какъ бы ея дополненіе; въ примѣчаніи же къ первой статьѣ говорится: «изъ *первой* тетради статистической *монографіи*, составленной Герценомъ». «Всѣ вышеупомянутые очерки, — говоритъ Н. М—ва, написаны въ одномъ тонѣ, обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка съ исторической подготовкой и широкимъ кругозоромъ и даютъ право приписать ихъ Герцену, какъ составныя части его монографіи. То, что въ нихъ отсутствуетъ блескъ герценовскаго остроумія, не сквозитъ его обычный юморъ, легко объясняется ихъ офиціальнымъ характеромъ, обусловливающимъ извѣстную сухость изложенія, сдавливающимъ индивидуальность» [1]). Вообще, пребываніе Герцена въ Вяткѣ имѣло большое культурное значеніе въ жизни этого захолустья. Что сталось бы, не будь въ Вяткѣ Герцена, съ организаціей такихъ дѣлъ, какъ выставка, статистическій комитетъ, неофиціальная часть «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей?». Но и этимъ дѣло еще не ограничилось: въ томъ же 1837 г. по приказанію свыше, въ Вяткѣ должна была открыться публичная библіотека. Устройствомъ и этого дѣла, опять-таки, кромѣ Герцена, заняться было некому; Герценъ, разумѣется, прекрасно исполнилъ «возложенное на него порученіе» и въ день открытія библіотеки, 6-го декабря 1837 г., произнесъ передъ публикой рѣчь, которая вошла въ полное собраніе его сочиненій. Въ рѣчи этой Герценъ объяснилъ своимъ слушателямъ значеніе библіотеки въ выраженіяхъ, уже напоминающихъ будущаго знаменитаго писателя. «Опытъ, написанный и брошенный въ употребленіе, есть книга.

---

[1]) „Русская Мысль“, 1900 г. II, 3.

Книга—это духовное завѣщаніе одного поколѣнія другому, совѣтъ умирающаго старца юношѣ, начинающему жить; приказъ, передаваемый часовымъ, отправляющимся на отдыхъ, часовому, заступающему его мѣсто... Утомленный заботами вседневной жизни, читатель придетъ въ библіотеку отдохнуть душою и, укрѣпленный на новый трудъ, всякій разъ благословитъ нынѣшній день, столь близкій русскому сердцу, столь торжественный, съ памятью котораго соединяется день рожденія нашей библіотеки»... Рѣчь Герцена была покрыта шумными аплодисментами собравшейся на открытіе библіотеки публики и еще болѣе увеличила нравственный авторитетъ московскаго изгнанника среди уже нарождавшагося въ Вяткѣ «мыслящаго пролетаріата». А что новый элементъ въ русской жизни уже появлялся, то тамъ, то здѣсь, даже на окраинахъ, и помимо вліянія такихъ большихъ людей, какъ Герценъ, объ этомъ можно судить, напримѣръ, по такимъ словамъ Александра Ивановича: «въ 1835 году, во время моей ссылки въ Вятскую губернію, я нашелъ въ уѣздномъ городѣ Сарапулѣ прекрасно составленную библіотеку, въ которой получались всѣ новыя книги и журналы на русскомъ языкѣ. Участники брали эти книги на домъ и имѣли читальную залу. Все это было заведено съ невѣроятными усиліями, жертвами и съ огромною настойчивостью, *уѣзднымъ лѣкаремъ*, вышедшимъ изъ московскаго университета». Въ самой Вяткѣ такихъ энергичныхъ людей, какъ сарапульскій уѣздный врачъ, повидимому, во время пребыванія тамъ Герцена не было. Учитель Скворцовъ, котораго Герценъ считалъ «лучшимъ изъ всѣхъ жителей Вятки», былъ *ученикомъ* Герцена, Витбергъ для роли дѣятельнаго культуртрегера, конечно, не годился, Гавріилъ Каспаровичъ Эрнъ былъ просвѣщеннымъ и близкимъ Герцену человѣкомъ — (его сестру, Марію Эрнъ, Герценъ отправилъ учиться въ пансіонъ въ Москву и поселилъ въ домѣ своихъ родителей; впослѣдствіи Марья Каспаровна сопровождала Герцена въ его заграничныхъ странствованіяхъ и кончила замужествомъ съ профессоромъ музыки, директоромъ бернской консерваторіи Рейхелемъ), — но ни откуда не видно, чтобы Эрнъ отличался сколько-нибудь инициативою, а этихъ только лицъ да невѣсту Скворцова, Полину Тромпетеръ, и вспомнилъ Герценъ теплымъ

словомъ при выѣздѣ изъ Вятки: «Ну, прощай, Вятка, — писалъ онъ, — всѣмъ сердцемъ благословляю тебя: ты не оставила чуждаго изгнанника, ты дала ему руку и привѣтъ. Благословляю тебя. А вы, друзья, оботрите слезу; вѣдь, вы знали, что встрѣтились съ пилигриммомъ, что онъ не могъ навсегда остаться съ вами; его зоветъ голосъ сильный. Прощай, Витбергъ, не я буду останавливать страдальческую слезу; прощай Полина и Скворцовъ, не я стану съ вами у алтаря. Прощай, Эрнъ, котораго я взялъ за руку и вывелъ на другую половину земного шара — дружба вамъ и благословеніе изгнанника!».

Чтобы покончить съ описаніемъ событій внѣшней жизни Герцена за время пребыванія его въ Вяткѣ, необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, случившемся также въ богатомъ для Герцена событіями 1837 году. Въ концѣ этого года обнаружены были колоссальныя злоупотребленія въ департаментѣ государственныхъ имуществъ и для раскрытія виновныхъ была назначена особая комиссія. Эта комиссія должна была работать и въ Вятской губерніи, для чего губернатору приказано было усилить ея составъ двумя мѣстными чиновниками. Однимъ изъ этихъ чиновниковъ Корниловъ назначилъ Герцена, ознакомившагося, благодаря этому, съ чудовищными преступленіями, безнаказанно совершавшимися въ нѣдрахъ бюрократической машины. Намъ кажется, что участіе въ этой слѣдственной комиссіи и завѣдываніе затѣмъ во время пребыванія въ Новгородѣ, въ должности совѣтника губернскаго правленія, дѣлами о раскольникахъ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти дали Герцену наиболѣе яркія впечатлѣнія относительно природы общественнаго строя Россіи и потому, какъ бы ни измѣнялись впослѣдствіи его взгляды на судьбы Европы и связанные съ этимъ важнѣйшіе соціальные вопросы, какъ бы ни подавалъ онъ подъ старость руку своимъ литературнымъ противникамъ—славянофиламъ,—но взгляды на необходимость упраздненія бюрократическаго механизма, реформы всего государственнаго строя и открытія простора живымъ общественнымъ силамъ, дѣйствующимъ подъ контролемъ свободной печати, остались у Герцена неизмѣнными до могилы. Впечатлѣнія, полученныя Герценомъ въ слѣдственной комиссіи въ Вяткѣ, были очень сильны, онѣ глу-

боко запали въ его душу, съ ними уѣхалъ онъ во Владиміръ. Когда впослѣдствіи онъ разстался съ мистическимъ настроеніемъ, крайне развившимся у него въ Вяткѣ, попалъ снова въ Москву въ среду увлеченной гегелизмомъ московской интеллигенціи, ознакомился самъ съ Гегелемъ, выведя изъ этого ознакомленія взглядъ на философію Гегеля, какъ на «алгебру революціи», уѣхалъ во вторую ссылку въ Новгородъ и прочелъ тамъ «Сущность христіанства» Фейербаха, книгу, произведшую на него огромное впечатлѣніе и легшую въ основу его новаго міросозерцанія, когда на приготовленную такимъ образомъ почву ложились все въ большемъ и большемъ количествѣ впечатлѣнія отъ ознакомленія съ *подлинною жизнью*, кровью сочившеюся изъ каждаго канцелярскаго «дѣла» о раскольникахъ или злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, — тогда вспоминались ему, конечно, и впечатлѣнія, полученныя въ слѣдственной комиссіи, доискивавшейся открытія виновныхъ въ совершеніи злоупотребленій съ государственными имуществами, и онъ, конечно, приходилъ къ выводу, что на всемъ пространствѣ Россіи, вездѣ и всюду, — *одно и то же*, и потому реформа, — *сверху ли, снизу ли — все равно*, но реформа необходима и что не намъ Европу корить и учить, какъ это дѣлали славянофилы, а у нея учиться, ее уважать, у нея заимствовать... Съ этимъ настроеніемъ Герценъ, какъ извѣстно, и отправился за границу.

Но мы забѣжали далеко впередъ и потому вернемся къ изложенію жизни Герцена въ ея хронологической послѣдовательности.

Въ періодъ пребыванія Герцена въ Вяткѣ, жилъ въ ссылкѣ въ томъ же городѣ Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ, знаменитый архитекторъ, составившій въ царствованіе Александра I проектъ сооруженія храма «Храма Спасителя» въ Москвѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе чудовищной къ нему несправедливости сильныхъ міра сего, сосланный въ Вятку за какія-то якобы злоупотребленія. Это былъ человѣкъ недюжинный, быть можетъ, геніальный, но въ высшей степени мистически настроенный и фанатически преданный своей идеѣ. Съ этимъ-то человѣкомъ сошелся Герценъ очень близко и сильно подпалъ подъ его вліяніе. «Natalie», — писалъ Герценъ, — едва указала мнѣ Бога, и я сталъ вѣровать.

Пламенная же душа артиста переходила границы и терялась въ темномъ, но величественномъ мистицизмѣ, и я нашелъ въ мистицизмѣ больше жизни и поэзіи, чѣмъ въ философіи. Благословляю то время». Мы уже говорили, что слова «Natalie» въ дѣлѣ обращенія Герцена къ Богу были скорѣе поводомъ, чѣмъ причиною, но сильное вліяніе Витберга на дальнѣйшее развитіе у Герцена этого настроенія неоспоримо.

Изгнанники подолгу бесѣдовали въ длинные зимніе вечера, разсказывая другъ другу событія своей жизни. Витбергъ передавалъ Герцену исторію своего проекта построенія храма Спасителя и вотъ какими красками описывалъ впослѣдствіи впечатлѣнія отъ разговоровъ на эту тему съ Витбергомъ самъ Герценъ: «Не зданіе храма хотѣлъ воздвигнуть художникъ, а молитву Богу... Храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ отдѣльныхъ. Первый храмъ — нижній, храмъ тѣлесный, тремя сторонами вдается въ гору; свѣтъ проникаетъ въ него съ четвертой стороны. Алтарь освѣщаютъ огромныя стекла съ изображеніемъ Рождества Христова. Сводъ поддерживается столбами изъ гранита. Стѣны украшены чернымъ, бѣлымъ и сѣрымъ мраморомъ. Барельефы изображаютъ исторію и смерть Спасителя и апостоловъ. Въ углубленіи катакомбы, въ память всѣхъ воиновъ, павшихъ за отечество. Сводъ образуетъ фундаментъ второго храма и завершается катакомбой, въ которой должны быть положены воины, павшіе за отечество въ 1812 году и т. д.».

Вѣроятно, подъ вліяніемъ Витберга Герценъ и самъ сталъ изучать архитектуру. При необыкновенныхъ способностяхъ своихъ онъ, какъ говорятъ, основательно ознакомился и съ этою отраслью науки.

Мистическое настроеніе Герцена сказалось и въ выборѣ имъ въ это время книгъ для чтенія, и въ его собственныхъ литературныхъ произведеніяхъ. Въ статьѣ «Идеалисты тридцатыхъ годовъ» Анненковъ говоритъ, что главнымъ чтеніемъ Герцена въ Вяткѣ были книги религіознаго и мистическаго характера: Эккартгаузенъ, Апокалипсисъ, сочиненія Лютера, съ одной стороны, и сочиненія Сведенборга, книги объ алхиміи, объ адептахъ Парацельса и магнетизмѣ Ешемазера. Сильно увлекался Герценъ въ это время и романтическими произведеніями Жана Поля Рихтера.

Литературная дѣятельность Герцена, какъ это показали изысканія г-жи Некрасовой, началась въ 1830 году. Въ журналѣ «Атеней» за этотъ годъ помѣщенъ, *подписанный Герценомъ* переводъ французской статьи «О землетрясеніи». Г-жа Некрасова говоритъ, — что ей удалось найти въ Москвѣ этотъ нумеръ «Атенея» только въ Чертковской библіотекѣ, и то благодаря любезности г. библіотекаря, А. И. Станкевича [1]). Въ статьѣ «Гофманъ» сказываются слѣды вятскаго настроенія Герцена. Хотя на статьѣ и стоитъ дата «двѣнадцатое апрѣля 1834 года», но въ Вяткѣ статья подверглась передѣлкѣ [2]). Плодомъ мистическаго настроенія Герцена явилась «Легенда о св. Федорѣ», написанная въ 1835 году, а по мѣрѣ развитія этого настроенія слѣды его замѣтны все болѣе и болѣе въ дальнѣйшихъ работахъ Герцена. «Религіозное настроеніе, — говоритъ г-жа Некрасова, — все сильнѣе и сильнѣе охватывало Герцена. Оно отражалось и въ повѣстяхъ, и въ статьяхъ его. Одною изъ такихъ и притомъ любимыхъ статей автора была утратившаяся теперь статья его «Мысль и откровеніе». О содержаніи статьи можно судить по намекамъ, разбросаннымъ въ «Перепискѣ». Она нравилась автору: «Мысль и Откровеніе хорошо, — писалъ онъ (г-жа Некрасова цитируетъ рукописное письмо Герцена, отъ 13-го февраля 1837 года), потому тутъ нѣтъ повѣсти, а просто пламенное *изложеніе* моей теоріи; это разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ». Въ одномъ изъ болѣе позднихъ писемъ онъ прибавляетъ, что въ этой статьѣ выражается то же «недовѣріе къ мудрости вѣка сего», какъ и въ «Германскомъ путешественникѣ», только здѣсь эта мысль «выражена ясно и отчетливо». Эта статья долго не переставала интересовать его. Тринадцатаго мая 1837 года онъ писалъ: «въ ней я описывалъ мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному воззрѣнію» [3]). По всѣмъ этимъ основаніямъ, трудно не согласиться съ г-жею Некрасовой, написавшей такія строки: «Переписка» подтверждаетъ вполнѣ

---

[1]) „Юношескіе литературные труды Герцена“, Сѣверный Вѣстникъ“, 1885 г., IX, 90.

[2]) Статья эта вошла въ сборникъ статей Герцена, подъ заглавіемъ „Раздумье“, изданный Е. А. Троякъ въ Москвѣ, въ 1870 г.

[3]) „Сѣв. Вѣстникъ“, 1885 г. IX, 105.

то положеніе, что Герценъ во время ссылки былъ далекъ отъ всякихъ политическихъ разговоровъ и революціонныхъ пропагандъ» [1]). Въ самомъ концѣ 1837 года состоялось повелѣніе о переводѣ Герцена во Владиміръ. Встрѣтивши новый годъ «ветчиной и бутылкой замороженнаго шампанскаго» на почтовой станціи, Герценъ второго января 1838 года въѣхалъ во Владиміръ. О владимірской его жизни приходится сказать немного. И здѣсь, какъ и въ Вяткѣ, онъ отдавался культурной дѣятельности, редактировалъ «Владимірскія Губернскія Вѣдомости», организовывалъ статистическія изслѣдованія. Его внутреннее настроеніе мало отличалось отъ настроенія вятскаго. Объ этомъ можно судить по слѣдующему, напр., его письму къ Натальѣ Александровнѣ:

«Ко мнѣ ходитъ иногда съ почтеніемъ гимназистъ лѣтъ 15—16; есть способности, таланты, но дурное направленіе, неполное, узкое и бѣдное. Сегодня утромъ онъ началъ спрашивать смиренно и уничиженно моихъ совѣтовъ насчетъ занятій. Я былъ въ духѣ и вдругъ съ огненнымъ жаромъ, поэзіей представилъ ему все высокое призваніе человѣка науки... Потомъ я пошелъ одѣваться въ другую комнату; возвратившись, застаю юношу на томъ же мѣстѣ, — щеки горятъ. «Боже мой,—сказалъ онъ,—вы въ нѣсколько минутъ дали другое направленіе моей жизни, потому что ваша жизнь какъ-то необыкновенна, вашъ взоръ высокъ, силенъ, завидую вамъ. Что мнѣ дѣлать?» Вотъ мой совѣтъ: во-первыхъ, берегите, какъ высочайшую святыню, нравственность и чистоту, — это главное; *жертвуйте наукой философіи и философіей религіи;* читайте природу больше книгъ».

Жизнь во Владимірѣ, по словамъ самого Герцена, наполнена была, главнымъ образомъ, «семейными радостями». Въ это время онъ женился на Натальѣ Александровнѣ, вопреки желанію отца, и страницы его «записокъ» полны изліяніями самаго интимнаго характера. Мы не будемъ слѣдить за этими событіями чисто личной, интимной жизни Герцена; замѣтимъ лишь, что и здѣсь, какъ и всегда, благородная, богато-одаренная и художественно-сотканная натура Александра Ивановича ярко выступаетъ изъ-подъ его пера. Во Владимірѣ Герцену жилось, вообще, гораздо легче,

---

[1]) Ibid., 96.

чѣмъ въ Вяткѣ, но ого любовь къ правдѣ и благородство характера приводили его иногда и здѣсь къ столкновеніямъ съ губернской администраціей. Такъ, однажды, во время обѣда у владимірскаго губернатора, Куруты, зашла рѣчь о храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ. Всѣ присутствовавшіе, съ губернаторомъ во главѣ, стали рѣзко осуждать Витберга. Герценъ не выдержалъ и произнесъ горячую рѣчь въ защиту вятскаго изгнанника. Это было очень рискованное дѣло, ибо въ рѣчи Герцена было легко усмотрѣть и непочтеніе къ особѣ его превосходительства, самого «хозяина губерніи» и «вредный образъ мыслей» и «нераскаянность» и многое другое. Вѣдь, *противъ* губернатора говорилъ публично *ссыльный* въ защиту другого *ссыльнаго.* «Дерзость» Герцена сошла, однако, ему на этотъ разъ съ рукъ.

Такъ прошло еще два года.

Отголоски жизни московской интеллигенціи доносились и во Владиміръ. Жизнь этой интеллигенціи была такъ мало похожа на все происходившее во Владимірѣ, что Герцену страстно хотѣлось принять въ ней участіе. Подъ конецъ владимірской жизни, когда прошелъ первый жаръ семейнаго счастья, Герценъ яснѣе и яснѣе сталъ сознавать, что ни для мирной семейной жизни, ни для миросозерцанія, въ основѣ котораго лежало начало смиренія, онъ не созданъ. Въ немъ просыпалась его энергичная, *дѣйственная* натура. Онъ хочетъ одержать побѣду надъ стремленіями своей природы, но это ему плохо удается. Онъ борется, раздвояется. «Отъ роду первый разъ я сегодня исповѣдовался,— пишетъ онъ тридцатаго марта 1838 года,—такой *побѣды* достигъ съ помощью Наташи *надъ своей душой*».

Но «побѣда» побѣдою, а натура брала свое. Гони природу въ дверь, она вскочитъ въ окно. Тридцатаго марта Герценъ исповѣдывался и видѣлъ въ этомъ «побѣду надъ душою», а за полтора мѣсяца передъ тѣмъ (девятаго февраля 1838 года) онъ писалъ Наташѣ: «что ни говори, милый другъ, а я никакъ не могу присудить себя къ той небесной кротости, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ твоего характера. Я слишкомъ огненъ». Да, Герценъ былъ прежде всего слишкомъ «огненъ» для «небесной кротости» и потому не переломить было его натуру никакимъ Наташамъ. Психическое содержаніе его въ это время

представляетъ большой интересъ. Сильный умъ, бездна собранныхъ свѣдѣній, какъ-то безпорядочно лежавшихъ на днѣ души, безпокойный духъ, стремившійся найти исходныя *точки опоры*, на которыхъ должно построиться ясное теоретическое міросозерцаніе и исходящая изъ него осмысленная практическая дѣятельность,—все это ждало лишь толчка, чтобы быстро кристаллизоваться въ правильныя, симметричныя формы, и чтобы Герценъ превратился въ того Герцена, отличительной чертой котораго стало не смиреніе, а борьба.

Такимъ *толчкомъ* и явилось знакомство съ гегелевской философіей, произведеніями лѣвыхъ гегеліанцевъ и въ особенности «Wesen des Christenthums» Фейербаха. Все это, такъ сказать, довершило образованіе Герцена, обновило его, дало ему искомыя точки опоры для теоретическаго міросозерцанія, а разъ это случилось, то въ новыя теоретическія воззрѣнія уже легко было влить и расположить въ гармоническомъ порядкѣ и впечатлѣнія отъ чтенія Шиллера, и юношескія клятвы съ Огаревымъ на Воробьевыхъ Горахъ, и выводы отъ участія въ слѣдственной коммиссіи въ Вяткѣ и возмущенное состояніе духа отъ знакомства съ дѣлами о раскольникахъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью въ Новгородѣ, и многое другое...

Въ 1840 году Герценъ прибылъ въ Москву, гдѣ члены бывшаго кружка Станкевича (самого Станкевича въ это время въ Москвѣ уже не было, онъ находился за границею) «стояли каждый съ томомъ гегелевской философіи въ рукахъ и съ юношескою нетерпимостью провозглашали: нѣтъ философіи, кромѣ Гегеля и мы пророки его.»

«Толковали о Гегелѣ безпрестанно, — вспоминалъ эту эпоху въ «Быломъ и думахъ» Герценъ; нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ «Логики» и двухъ «Эстетики», «Энциклопедіи» и проч., который бы не былъ взятъ съ бою отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлые недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и объ ея по себѣ бытіи.» Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось имя Гегеля, вы-

писывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней..· «Никто не отрекся бы въ тѣ времена отъ подобной, напр., фразы: «конкресцированіе абстрактныхъ идей въ сферѣ пластики представляетъ ту фазу самоищущаго духа, съ которой онъ, опредѣляясь для себя, потенцируется изъ естественной иммаментности въ гармоническую сферу образнаго сознанія въ красотѣ»...

Молодые философы испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманіе; отношеніе къ жизни, дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все, въ самомъ дѣлѣ, непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебраической тѣнью.

«Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ Космосомъ, и если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку—гемюту—или къ «трагическому въ сердцѣ.»

«То же въ искусствѣ... Знаніе Гете, особенно второй части «Фауста» (оттого-ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столь же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ; за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта не столько, думаю, за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ, какъ «Всемогущество Божіе» и «Атласъ». Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу и французская литература и, вообще, все французское, по дорогѣ, и все политическое. Отсюда легко понять поле, на которомъ мы должны были непремѣнно

встрѣтиться и сразиться. Пока пренія шли о томъ, что Гете объективенъ, но что его объективность субъективна, тогда какъ Шиллеръ поэтъ субъективный, но его субъективность объективна и vice-versa, все шло мирно. Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться.» [1])

Такова была среда, которую засталъ Герценъ въ Москвѣ. Подъ такими именно вліяніями дошелъ въ это время Бѣлинскій до своихъ ультра-консервативныхъ воззрѣній, а Бакунинъ съ величайшимъ воодушевленіемъ цитировалъ признаваемые имъ за высокообъективные стихи Пушкина:

„О чемъ шумите вы, народные витіи,
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?“ и т. д.

Возвратившійся въ то время также въ Москву Огаревъ, хотя и не раздѣлялъ патріотическихъ воззрѣній Бѣлинскаго и Бакунина, но проповѣдывалъ «резиньяцію» и, вообще, былъ весьма благодушно настроенъ.

Все это было для Герцена ново. Онъ зналъ давно людей, съ которыми теперь снова встрѣтился въ Москвѣ, зналъ ихъ, и въ особенности Бѣлинскаго, со стороны высокой честности; значитъ, чистота ихъ помысловъ и убѣжденій,—какъ-бы отталкивающи сами по себѣ они ни были,—не могли подлежать сомнѣнію. Герценъ зналъ по личному опыту, что къ началамъ «смиренія и кротости» можно придти, исходя изъ религіозныхъ настроеній, но, вѣдь, въ данномъ случаѣ этого не было и люди строили свои воззрѣнія на какихъ-то другихъ основаніяхъ. На какихъ-же? Разговоры и споры съ Бѣлинскимъ и то обстоятельство, что какъ у Бѣлинскаго, такъ и у другихъ москвичей, было по тому Гегеля въ рукахъ, указало, что искомыя основанія лежатъ въ философіи берлинскаго профессора и, что, слѣдовательно, дабы имѣть возможность спорить съ Бѣлинскимъ и его друзьями съ равнымъ оружіемъ, необходимо самому приняться за штудированіе Гегеля.

Герценъ такъ и поступилъ. Необыкновенныя способности сослужили ему и тутъ огромную службу, и онъ быстро ознакомился съ основами воззрѣній нѣмецкаго философа. Такое чтеніе было для Герцена въ высшей степени благодѣтельно, такъ какъ не только дало ему оружіе для

---

[1]) Томъ VIII, 121—124.

спора съ москвичами, но, что самое главное, давало и ему самому давно искомыя основныя точки опоры, отъ которыхъ должно все исходить, какъ изъ устойчивыхъ центровъ. Эти «точки опоры» онъ и обрѣлъ въ гегелизмѣ, сдѣлавши, однако, изъ него совсѣмъ иные, нежели московскіе философы, выводы. «Философія Гегеля, — писалъ онъ, — составляетъ алгебру революціи... Она необыкновенно освобождаетъ человѣка и не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра христіанскаго, отъ міра преданій, переживших себя. Но она, можетъ быть, *съ намѣреніемъ* дурно формулирована.»

Съ этого момента всѣ предыдущія впечатлѣнія жизни начали кристаллизоваться въ душѣ Герцена въ особыя формы. Бой, непримиримый бой не только съ такъ глубоко заблуждавшимся Бѣлинскимъ, но, если это потребуется, то и съ огаревскими «резиньяціями», вотъ что можно было уже предвидѣть въ дѣятельности Герцена въ ближайшемъ будущемъ. А тамъ à la guerre comme à la guerre! Жизнь же, эта знаменитая «россійская дѣйствительность», постаралась скоро наградить Герцена такими впечатлѣніями, которыя еще болѣе его укрѣпили въ новомъ направленіи и отдалили отъ «резиньяцій». Въ 1841 году Герценъ съ семьей уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на службу. Ничтожное событіе, состоявшее въ убійствѣ и ограбленіи какимъ-то будочникомъ человѣка, явилось новою причиною для хотя и «почетной», но все же ссылки Герцена въ Новгородъ. О фактѣ съ будочникомъ «у Синяго моста» говорили, разумѣется, вездѣ. Говорилъ о немъ и Герценъ, написавшій о немъ, сверхъ того, письмо своимъ друзьямъ въ Москву. Письмо было вскрыто, и результаты получились для Герцена весьма плачевные. Въ одно прекрасное утро получаетъ онъ приказаніе явиться въ третье отдѣленіе и тамъ ему объявили, что онъ снова долженъ ѣхать въ Вятку. Основаніемъ для этого послужило обвиненіе въ разглашеніи слуховъ о томъ, что будочникъ убилъ человѣка... Только при помощи сильной протекціи удалось Герцену перемѣнить ссылку въ Вятку на ссылку въ Новгородъ и притомъ на должность «совѣтника губернскаго правленія». Его покровители намекали ему на возможность въ ближайшемъ будущемъ для него «вице-губернаторства», но Герцену было не до того. Онъ горько жаловался и негодовалъ на все случившееся въ письмахъ къ

московскимъ друзьямъ. Въ отвѣтъ на это, Огаревъ предложилъ ему въ утѣшеніе совѣтъ считать все происшедшее «частнымъ случаемъ» и предаться «резиньяціи».

Но Герценъ уже, видимо, рвался изъ оковъ резиньяціи и отвѣчалъ Огареву письмомъ, очень характернымъ для его тогдашняго настроенія. Письмо помѣчено одиннадцатымъ февраля 1841 года и гласитъ слѣдующее:

«Ты, Огаревъ, проповѣдуешь резиньяцію, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она не годится, даже думаю, что именно и бѣда твоя, что ея *слишкомъ много*. Я понимаю, что человѣкъ одержимый чахоткою, былъ бы жалокъ со своими упреками и гнѣвами на судьбу, понимаю, что человѣкъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его, благороденъ, перенося просто то, что внѣ сферы разума и воли, но резильяціи, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю и люблю свой гнѣвъ столько же, сколько ты свой покой. «Частный случай!» Конечно, что все, что случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но я думаю, есть повыше точка зрѣнія... Ежели ты написалъ, что это «частный случай» мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; если же ты не на шутку такъ думаешь, то это одно изъ проявленій той ложной, монашеской пассивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой духъ. Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали: для нихъ жизнь была дурная станція въ царство Божіе, гдѣ награждаются труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ; въ насъ будетъ слабостью, что у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ можетъ скорѣе идти гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индульгенціи всѣмъ пакостямъ ея» [1]).

Въ этомъ настроеніи и прибылъ Герценъ въ Новгородъ. Хотя здѣсь онъ и не былъ канцеляристомъ, какъ въ Вяткѣ, а занималъ важную въ служебной іерархіи губернскаго чиновничества должность «совѣтника губернскаго правленія», но, по существу, дѣло мало отъ этого измѣнилось. Л. Н. Толстой мѣтко назвалъ какъ-то чиновничье времяпрепровожденіе во всякихъ «правленіяхъ» и «канце-

[1]) *Анненковъ*. „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", 507.

ляріяхъ» «обязательною праздностью». Именно въ этомъ и протекало, отдаваемое службѣ, время Герцена. Нелѣпѣе того положенія, въ которомъ онъ находился въ Новгородѣ, трудно себѣ что-нибудь и представить. Будучи назначенъ совѣтникомъ губернскаго правленія и, будучи, значитъ, зачисленъ въ ряды высшей губернской администраціи, онъ отданъ былъ въ то же время подъ надзоръ той же администраціи. Въ довершеніе курьеза въ губернскомъ правленіи Герцену поручили завѣдывать вторымъ отдѣленіемъ, т. е. дѣлами о раскольникахъ, злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью, *лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи* и т. д.

«Я увѣренъ, — писалъ по этому поводу Герценъ, — что три четверти людей, которыя прочтутъ это, не повѣрятъ, а между тѣмъ, это сущая правда, что я, какъ совѣтникъ губернскаго правленія, управляющій вторымъ отдѣленіемъ, свидѣтельствовалъ каждые три мѣсяца рапорты полицеймейстера *о самомъ себѣ*, какъ человѣкѣ, находящемся подъ полицейскимъ надзоромъ. Полицеймейстеръ, изъ учтивости, въ графѣ о поведеніи ничего не писалъ, а въ графѣ занятій ставилъ: «занимается государственной службой»!!! Дѣйствительно, трудно повѣрить, а между тѣмъ это историческій фактъ!..

Что представляла затѣмъ сама по себѣ «служба»? «Служить»—это значило во-1) исполнять требованія начальства и во-2) писать бумаги.

«Большихъ преній, горячихъ разсужденій не было; рѣдко случалось, что совѣтникъ спрашивалъ предварительно мнѣніе губернатора, еще рѣже обращался губернаторъ съ дѣловымъ вопросомъ къ совѣтнику. Передъ каждымъ лежалъ ворохъ бумагъ и каждый писалъ свое имя, — это была фабрика подписей»... «Совѣтники другихъ отдѣленій, — вспоминаетъ Герценъ, — были закаленные старые писцы, дослужившіеся десятками лѣтъ до совѣтничества, жили одной службой, т. е. взятками. Когда они поняли, что я не буду участвовать ни въ дѣлежѣ общихъ доходовъ, ни самъ грабить, они стали на меня смотрѣть, какъ на непрошеннаго гостя и опаснаго свидѣтеля».

Ознакомленіе съ дѣлами о раскольникахъ и злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью указали Герцену окончательно на всю безнадежность при данныхъ условіяхъ борьбы

со зломъ въ должности чиновника и освѣтили всю глубину неправды существовавшихъ общественныхъ отношеній.

«Разъ, — разсказываетъ Герценъ, — въ холодное зимнее утро, пріѣзжаю въ правленіе; въ передней стоитъ женщина лѣтъ тридцати, крестьянка; увидѣвши меня въ мундирѣ, она бросилась передо мною на колѣни и, обливаясь слезами, просила меня заступиться. Баринъ ея, Мусинъ-Пушкинъ, ссылалъ ее съ мужемъ на поселеніе, ихъ сынъ лѣтъ десяти оставался; она умоляла дозволить ей взять съ собою дитя. Пока она мнѣ разсказывала дѣло, вошелъ военный губернаторъ, я указалъ ей на него и передалъ просьбу. Губернаторъ объяснилъ ей, что дѣти старше десяти лѣтъ остаются у помѣщика. Мать, не понимая *закона*, продолжала просить. Ему было скучно. Женщина, цѣпляясь за его ноги, рыдала и онъ сказалъ, грубо отталкивая ее отъ себя: «да что ты за дура такая; вѣдь, по-русски тебѣ говорятъ, что я ничего не могу сдѣлать; что-жъ ты пристаешь!..» Послѣ этого онъ пошелъ твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ въ уголъ, гдѣ ставилась сабля...

«И я пошелъ... съ меня было довольно... развѣ эта женщина не приняла меня за одного изъ нихъ?.. Пора кончить комедію.

«Вы нездоровы?» спросилъ меня совѣтникъ Хлопинъ, переведенный изъ Сибири за какіе-то грѣхи.

«Боленъ, — отвѣчалъ я, — всталъ, раскланялся и уѣхалъ. Въ тотъ же день я написалъ рапортъ о моей болѣзни, и съ тѣхъ поръ нога моя не была въ губернскомъ правленіи. Потомъ я подалъ въ отставку за болѣзнью. Отставку мнѣ сенатъ далъ, присовокупивъ къ ней чинъ надворнаго совѣтника; но Бенкендорфъ съ тѣмъ вмѣстѣ сообщилъ губернатору, что мнѣ запрещенъ въѣздъ въ столицы, а велѣно жить въ Новгородѣ».

Параллельно съ накопленіемъ впечатлѣній, касающихся русской дѣйствительности, у Герцена шло все это время и энергическое накопленіе теоретическихъ познаній. Изученіе Гегеля и лѣвыхъ гегельянцевъ, ознакомленіе съ экономическими вопросами, вдумчивое отношеніе къ разнаго рода философскимъ и соціальнымъ системамъ, — все это составляло богатое содержаніе внутренняго міра Александра Ивановича въ новгородскій періодъ его жизни. Въ немъ подвер-

гался окончательной «отдѣлкѣ» тотъ крѣпко вооруженный и блестящій Герценъ, какимъ его увидѣла въ скоромъ времени снова Москва, какимъ его страстно любили друзья и не менѣе страстно ненавидѣли враги, какимъ его знаетъ, наконецъ, потомство. Время съ 1842 по 1847 годъ было, за исключеніемъ развѣ первыхъ лѣтъ изданія Герценомъ въ Лондонѣ «Колокола», самою замѣчательною эпохою его дѣятельности. Запутавшійся въ противорѣчіяхъ послѣ европейскихъ бурь 1848 года, погруженный этими событіями въ крайній соціальный пессимизмъ, не сумѣвшій удержать за собою позицію «западника» и протянувшій «съ того берега» руку славянофиламъ, Герценъ періода 1848—1856 года представляетъ громадный интересъ для изученія не только его крупной личности, но и для нѣкоторыхъ высокопоучительныхъ выводовъ.

Къ этому времени относятся знаменитые споры славянофиловъ съ западниками и та страстность въ ихъ полемикѣ, зенитомъ которой явилось извѣстное изреченіе Бѣлинскаго: «Я жидъ и не могу ѣсть за однимъ столомъ съ филистимлянами».

Герценъ относился къ славянофиламъ гораздо мягче и терпимѣе Бѣлинскаго. Ему доставляли большое удовольствіе самыя встрѣчи и споры съ ними, при томъ же онъ никогда не сомнѣвался въ полной искренности первыхъ славянофиловъ. Споры велись постоянно, особенно на религіозной почвѣ, между «католиками» съ одной стороны и «славянами» — съ другой. Относительно этого рода споровъ Герценъ писалъ тогда же въ своемъ дневникѣ такія ироническія строки: «Типъ этихъ споровъ одинъ: «откуда вѣдьмы, изъ Кіева или Чернигова?» Для людей не вѣрящихъ въ вѣдьмъ, остается зѣвать и жалѣть расточенія силъ... Есть и протестанты, улыбающіеся надъ тѣми и другими, смѣющіеся надъ невѣждами, утверждающими, что вѣдьмы изъ Кіева или изъ Чернигова; а сами они знаютъ навѣрное, что вѣдьмы идутъ изъ Житоміра» [1]).

Но споры происходили часто и о другихъ сторонахъ жизни, и они только закаляли Герцена въ его западническихъ воззрѣніяхъ. Необходимо замѣтить, что славянофилы

---

[1]) Томъ I, 73—74.

еще *до Гакстгаузена* обратили вниманіе на особенности русскаго землевладѣнія. Нижеслѣдующія строки не изъ воспоминаній Герцена, въ которыхъ онъ, конечно, могъ многое забыть и спутать, а изъ дневника, писаннаго имъ непосредственно подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ славянофилами, ясно указываютъ, что это было именно такъ, что разговоры шли не объ «общинности» въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, въ которомъ часто встрѣчается это выраженіе въ печатныхъ славянофильскихъ сочиненіяхъ, а именно объ общинномъ землевладѣніи. Эти же строки указываютъ на чрезвычайную силу и ясность мысли въ ту эпоху у самого Герцена, — ясность, которую онъ, увы, очень утратилъ «послѣ бурь 1848 года».

«Наши славянофилы, — писалъ онъ въ дневникѣ, — толкуютъ *объ общинномъ началѣ, о томъ, что у насъ нѣтъ пролетаріевъ, о раздѣлѣ полей*; все это хорошіе зародыши и долею они основаны на неразвитости. Такъ, у бедуиновъ право собственности не имѣетъ эгоистическаго характера европейскаго; но они забываютъ, съ другой стороны, отсутствіе всякаго уваженія къ себѣ, тупую выносливость всякихъ притѣсненій, словомъ, возможность жить при такомъ порядкѣ дѣлъ» [1]). Вообще, Герценъ обнаруживалъ въ это время замѣчательную ясность мысли. Онъ видѣлъ *слабыя стороны* западнической позиціи, онъ сознавалъ, что славянофилы выводятъ несравненно послѣдовательнѣе свои идеалы политическаго устройства Россіи изъ «духа народнаго» (покоящагося въ свою очередь на «власти земли»), онъ понималъ это и говорилъ, что «западная либеральная партія (западники) тогда только получитъ силу и народную поддержку, когда овладѣетъ темами славянофиловъ» [2]), и сильно напрягалъ мысль, чтобы разрѣшить предъявлявшіяся самой русскою жизнью проблемы. Герценъ ихъ не рѣшилъ, но если бы кто-нибудь представилъ ему тѣ рѣшенія, на которыхъ онъ остановился черезъ десять-пятнадцать лѣтъ послѣ споровъ съ московскими славянофилами, то, по всей вѣроятности, онъ отвергъ бы ихъ, какъ половинчатыя, ничего не рѣшаю-

[1]) Томъ I, 112.

[2]) *Анненковъ*, „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“, „В. Е“. 1883 г. IV, 525.

щія, эклектическія. Чаадаевскій пессимизмъ былъ, конечно, болѣе послѣдовательнымъ выходомъ, чѣмъ тотъ, къ которому пришелъ Герценъ въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, но по этой дорогѣ Герценъ пойти, конечно, не могъ.

«Спорили, спорили, — писалъ онъ въ дневникѣ, — и, какъ всегда, кончили ничѣмъ, холодными рѣчами и остротами. Наше состояніе безвыходно, потому что ложно, потому что *историческая логика указываетъ, что мы внѣ народныхъ потребностей* и наше дѣло—отчаянное страданіе. Страданіе безсимпатичное, неоцѣняемое и, конечно, полезное для будущаго, но намъ не дающее никакого личнаго вознагражденія; жить отвлеченной идеей самопожертвованія неестественно, даже религіозные фанатики имѣли награду личную въ упованіи. Стоицизмъ есть то же отчаянное положеніе» [1]).

Герценъ еще не находилъ выхода, онъ нащупывалъ почву, но отъ славянофильскихъ воззрѣній былъ, конечно, очень и очень далекъ.

Мы не будемъ больше останавливаться на московской жизни Герцена, на восторгѣ, вызванномъ публичными лекціями Грановскаго, «въ лицѣ котораго, — говоритъ Герценъ, — московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее», на елагинскихъ, свербеевскихъ и чаадаевскихъ вечерахъ, и остановимся вкратцѣ лишь на особенно блестяще проявившейся въ это время литературной дѣятельности Александра Ивановича. Мы уже говорили, что если не считать нѣкоторыхъ переводовъ, напечатанныхъ Герценомъ еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ, началомъ выступленія его на литературное поприще надо считать напечатаніе имъ статьи «Гофманъ». Она датирована 12-го апрѣля 1834 года, на явилась въ печати гораздо позже. Самымъ обильнымъ періодомъ литературной дѣятельности Герцена было время пребыванія его въ Москвѣ передъ поѣздкой за границу. Къ этому періоду его жизни относятся такія превосходныя вещи, какъ «По поводу одной драмы», «Сорока-воровка» и многое другое. Семейный вопросъ съ одной стороны, и положеніе вообще угнетенной *личности*, будь то мужчина, жен-

---

1) Томъ I, 98.

щина или ребенокъ все равно, — съ другой, усиленно занимали вниманіе Герцена. «Бракъ, когда отъ него отлетѣлъ духъ, позорнѣйшая и нелѣпѣйшая цѣпь», — писалъ онъ въ своемъ «дневникѣ». — «Я безъ хвастовства могу сказать, — писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего дневника,—что я прожилъ собственнымъ опытомъ и до дна всѣ фазы семейной жизни и увидѣлъ всю непрочность связей крови; онѣ крѣпки, когда ихъ поддерживаетъ духовная связь (то-есть, когда ихъ не нужно), а безъ нихъ держатся до перваго толчка. Vanitas! Vanitas!» [1]).

Эти идеи о бракѣ и семейной жизни и развивалъ Герценъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ. Замѣчательная психика и замѣчательный талантъ Герцена отличаются одною поразительною особенностью: этотъ человѣкъ умѣлъ увидѣть въ самыхъ, казалось бы, *простыхъ, обыкновенныхъ* вещахъ такія стороны, которыхъ тысячи людей не замѣтятъ, пройдутъ мимо, а если вы имъ на нихъ укажете, то величественно пожмутъ плечами и отвѣтятъ какою-нибудь пошлостью въ родѣ употребляемой въ такихъ случаяхъ фразы: кто же этого не знаетъ?»... Герценъ былъ въ театрѣ. Шла «самая обыкновенная» пьеса. Это была драма, но драма, повторяемъ, самая «простая». Указывая на это обстоятельство, Герценъ говоритъ о ней такъ: «Если вы не видали подобной у себя въ домѣ, то навѣрное могли видѣть у кого-нибудь изъ сосѣдей. Дѣвица 28 лѣтъ, по имени Генріетта, болѣзненная и печальная, влюблена до безумія въ юношу 20 лѣтъ, а тотъ, беззаботный и веселый, живетъ себѣ, не думая о ней, да сверхъ того, кажется, ни о чемъ другомъ. Докторъ, другъ отца Генріетты, понявъ дѣло, захотѣлъ съ патологическимъ благоразуміемъ помочь и, само собою разумѣется, страшно повредилъ. Онъ торжественно и таинственно разсказалъ юношѣ о любви къ нему Генріетты, требуя отъ него, чтобы онъ уѣхалъ, скрылся. Вѣсть о любви сильно отозвалась въ сердцѣ юноши; сознаніе быть любимымъ, и притомъ въ 20 лѣтъ, обняло огнемъ всю грудь его — и съ этой минуты онъ самъ ее любилъ». Юноша женится на дѣвушкѣ. Первое время они счастливы, но проходитъ пять лѣтъ, и у мужа любовь къ женѣ исчезаетъ

---

[1]) Томъ VII, 291.

«Теперь онъ влюбленъ въ свою родственницу, жившую въ ихъ домѣ—Полину». Молодой человѣкъ благороденъ и честенъ: онъ понимаетъ святость своихъ обязанностей и болѣе—онъ исполненъ безпредѣльнымъ уваженіемъ къ любящей, кроткой и доброй Генріеттѣ. Но онъ ее не любитъ, не любитъ, потому что не любитъ: логика чувства и страстей коротка. Сгнетенная страсть растетъ; онъ ей не даетъ шага, онъ уничтожается, разлагается въ этой борьбѣ, но борется. Жена догадалась, и онъ *быстро влекутъ другъ друга къ гибели во имя любви.* Генріетта въ отчаяніи: она ничего не имѣетъ внѣ мужа, ея жизнь только любовь къ нему; а онъ еще больше въ отчаяніи: онъ безчестенъ въ своихъ глазахъ, онъ клятвопреступникъ, онъ подлый обманщикъ — тутъ притворяясь, что любитъ, тамъ притворяясь, что не любитъ». Полина въ свою очередь тайно любитъ молодого человѣка! Желая принести себя въ жерту возможности семейнаго счастья для мужа, Генріетта симулируетъ самоубійство. Молодой человѣкъ женится на Полинѣ. Узнавши это, Генріетта не выноситъ и умираетъ, «прощая ему и совѣтуя беречь Полину». «И двоеженецъ, поверженный въ прахъ, остается съ страшными угрызеніями совѣсти, которыя, вѣроятно, проводятъ его черезъ всю жизнь. Вотъ и пьеса!» [1]). Когда опустился занавѣсъ, — говорилъ Герценъ, - мнѣ было невыразимо тяжело. Точно я присутствовалъ *при инквизиторской пыткѣ невинныхъ.* Всѣ люди въ этой драмѣ - люди добрые, обыкновенные, даже честные и исполняющіе долгъ свой, а между тѣмъ одинъ изъ нихъ казненъ смертью, двое другихъ — участіемъ въ этой казни».

Именно, «инквизиторская пытка невинныхъ!» Немного здѣсь строкъ, но страшно много мысли. Неестественность существующихъ отношеній между полами, масса ненужныхъ условностей, благодаря существованію которыхъ такъ часто затягивается мертвая петля вокругъ шеи вполнѣ порядочныхъ людей, необходимость найти такой выходъ, при которомъ не надо будетъ ни участвовать, ни присутствовать при «инквизиторской пыткѣ невинныхъ», — вотъ вопросы, которые заняли Герцена и надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ сильно и плодотворно поработалъ.

[1]) „По поводу одной драмы", сборникъ „Раздумье", 71—73.

«Не отвергнуться отъ влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство—всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько же для рода, сколько для себя, словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхъ скорбящее, обобщить его разумомъ и въ свою очередь оживить имъ разумъ»,—вотъ выходъ, который предлагалъ Герценъ въ той же статьѣ. «Человѣкъ безъ сердца какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія; изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всесогрѣвающаго и живительнаго: имъ живое сотрясается въ наслажденіе, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе, по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей»... [1]). «Любовь—пышный, изящный цвѣтокъ, вѣнчающій и оканчивающій индивидуальную жизнь; но онъ, какъ всѣ цвѣты, долженъ быть раскрытъ одною стороною, лучшей стороной своей къ небу всеобщаго... Любовь—одинъ моментъ, а не вся жизнь человѣка: любовь вѣнчаетъ личную жизнь въ ея индивидуальномъ значеніи: но за исключительною личностью есть великія области, также принадлежащія человѣку, или, лучше, которымъ принадлежитъ человѣкъ и въ которыхъ его личность, не переставая быть личностью, теряетъ свою исключительность. Монополіи любви надо подорвать вмѣстѣ съ прочими монополіями. Мы отдали ей принадлежащее: теперь скажемъ прямо: человѣкъ не для того только существуетъ, чтобы *любиться*: неужели *вся* цѣль мужчины обладаніе такою-то женщиною, вся цѣль женщины — обладаніе такимъ-то мужчиною? Никогда! Какъ неестественна такая жизнь, всего лучше доказываютъ герои почти всѣхъ романовъ. Что за жалкое, потерянное существованіе какого-нибудь Вертера, — чтобы указать на знаменитость; сколько сумасшедшаго и эгоистическаго въ немъ при всей блестя-

[1]) Ibid., 81—86

щей сторонѣ, которую всегда придаетъ человѣку сильная страсть. Не должно ошибаться: это блескъ очей лихорадочныхъ, онъ имѣетъ въ себѣ магнитическое, притягивающее, а между тѣмъ онъ выражаетъ не огонь жизни, а пламя, разрушающее ее. При всѣхъ поэтическихъ выходкахъ Вертера вы видите, что эта нѣжная, добрая душа не можетъ выступить изъ себя; что, кромѣ маленькаго міра его сердечныхъ отношеній, никто не входитъ въ его лиризмъ; у него ничего нѣтъ ни внутри, ни внѣ, кромѣ любви къ Шарлоттѣ, несмотря на то, что онъ почитываетъ Гомера и Оссіана. Жаль его!» [1]).

Такія богатѣйшія и глубокія мысли Герценъ высказывалъ почти шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ! Герценъ стоитъ здѣсь во весь ростъ, здѣсь онъ дома, въ своей сферѣ, здѣсь онъ великолѣпенъ! Весь знаменитый романъ Герцена «Кто виноватъ?», помимо значенія его, какъ одного изъ литературныхъ протестовъ противъ крѣпостного права, представляетъ собою лишь дополненіе, развитіе, поясненіе и иллюстрацію къ мыслямъ, высказаннымъ авторомъ въ превосходной статьѣ «По поводу одной драмы.» Это одна изъ лучшихъ вещей, написанная по, такъ называемому, женскому или «семейному» вопросамъ.

Другимъ важнымъ вопросомъ, занимавшимъ Герцена, былъ вопросъ о наукѣ и ея значеніи для жизни. И здѣсь Герценъ проявилъ необыкновенную силу мысли. Въ статьяхъ «Диллетантизмъ въ наукѣ», «Диллетанты-романтики», «Цехъ ученыхъ и буддизмъ въ наукѣ» Герценъ настаиваетъ, чтобы наука не замыкалась въ себѣ самой, не облекалась въ мантіи, часто прикрывающія сухость, а то и ничтожество носителей мантій, а *служила бы жизни*,—это разъ,—и чтобы въ своемъ дѣлѣ она не боялась бы *выводовъ*, какъ бы выводы эти ни противорѣчили ходячимъ предразсудкамъ, и какъ-бы предразсудки эти ни были дороги подчасъ и самимъ ученымъ,—это два. Человѣкъ науки долженъ быть одновременно рыцаремъ истины и борцомъ за правду. Сплошь и рядомъ дѣйствительность не отвѣчаетъ такому требованію, и въ этой области встрѣчаются либо «диллетанты», либо особаго рода «ученые».

---

[1]) Ibid., 85—86.

«Различіе ученыхъ съ диллетантами весьма ярко: диллетанты смотрятъ въ телескопъ; оттого видятъ только тѣ предметы, которые по меньшей мѣрѣ далеки, какъ луна отъ земли,—а земного и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ и потому не могутъ видѣть ничего большого... Каждый диллетантъ занимается всѣми scibile да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т. е. мистицизмомъ, магнетизмомъ, физіогномикой и пр. Ученый, наоборотъ, посвящаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой-нибудь специальной науки и, кромѣ ея, *ничего не знаетъ и знать не хочетъ*». [1]).

Само собою разумѣется, что и тотъ и другой типъ человѣка науки далеко не отвѣчаютъ требованіямъ развивающейся жизни. Много еще вопросовъ занимало въ то время Герцена, онъ шелъ впередъ, неудержимо развивался, но, за исключеніемъ Огарева, никто изъ московскаго интеллигентнаго круга за нимъ не поспѣвалъ. Вслѣдствіе этого, Герценъ чувствовалъ нѣкоторое одиночество и все болѣе и болѣе стремился на просторъ, въ ширь, въ Европу. Всецѣло понималъ Герцена Бѣлинскій, но онъ не жилъ въ это время въ Москвѣ. Изъ московскаго же круга даже Грановскій робѣлъ и пугался выводовъ, къ которымъ приходилъ Герценъ. «Грановскій былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи», говоритъ Герценъ [2]). Это вѣрно лишь въ весьма условномъ смыслѣ. Когда, послѣ извѣстныхъ публичныхъ лекцій Грановскаго въ Москвѣ, ретрограды напали съ ожесточеніемъ на знаменитаго профессора за его «западничество» [3]), то онъ отвѣчалъ: «меня обвиняютъ, что я пристрастенъ къ Западу,—я взялся читать часть его исторіи, я дѣлаю это съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью», и т. д. въ томъ же родѣ. Такъ робко защищалъ свое «западничество», по выраженію Бѣлинскаго, «модерантный» Грановскій. Статьи Герцена о «диллетантизмѣ

[1]) „Цехъ ученыхъ и буддизмъ въ наукѣ", сборникъ „Раздумье", 335.

[2]) Т. VII, 150.

[3]) Грановскаго обвиняли въ томъ, что въ своихъ ученіяхъ по исторіи онъ никогда не упоминаетъ о волѣ и руцѣ Божіей, управляющей событіями и судьбами народовъ (*Станкевичъ*, „Т. Н. Грановскій", 241).

въ наукѣ» и другія коробили Грановскаго, и по поводу одной изъ нихъ между нимъ и Герценомъ вышла сильная и очень характерная для Грановскаго размолвка. Грановскій похвалилъ одно изъ герценовскихъ «писемъ объ изученіи природы».

— Да что же тебѣ нравится, — спросилъ Герценъ: — неужели одна наружная отдѣлка? Съ внутреннимъ смысломъ *ты не можешь быть согласенъ*. Грановскій отвѣчалъ, что такія мнѣнія его интересуютъ лишь съ исторической точки зрѣнія. Герценъ замѣтилъ, что «развитіе науки, современное состояніе ея *обязываетъ* къ принятію кое-какихъ истинъ, независимо отъ того, хотимъ мы этого или нѣтъ.»—«Все это такъ мало обязательно,—возразилъ Грановскій,—что я никогда не приму вашей сухой, холодной мысли единства тѣла и духа: съ ней исчезаетъ безсмертіе души. Личное безсмертіе мнѣ необходимо.» Когда же Огаревъ замѣтилъ, съ своей стороны, что такой предвзятый образъ мыслей равносиленъ «бѣгству отъ несчастья», то «Грановскій блѣдный и, придавая себѣ видъ посторонняго», отвѣтилъ: «Послушайте, вы меня искренне обяжете, если не будете никогда говорить со мной *объ этихъ предметахъ*.» Въ другой разъ Грановскій горько сѣтовалъ на Герцена и Огарева, что ихъ общество «лишаетъ его безсмертія души»... Дружба дала «трещину»... «Трещина эта,—говоритъ Герценъ,—увеличивалась, какъ всегда бываетъ, мелочами, недоразумѣніями, ненужной откровенностью тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и вреднымъ молчаніемъ тамъ, гдѣ необходимо было говорить»... Дышать становилось тяжело. Единомышленниковъ почти не было. Съ Грановскимъ дѣло не ладилось. Чаадаевъ,—но вѣдь это «голосъ изъ могилы;» славянофилы,—это, конечно, хорошіе, умные люди, — но «не наши» и притомъ находятся въ общеніи съ такими субъектами, отъ которыхъ слѣдуетъ держаться подальше. Дышать было, дѣйствительно, трудно! Для иллюстраціи ненависти, которую возбуждала западническая мысль въ проникнутыхъ націонализмомъ московскихъ кругахъ, приведемъ два, надѣлавшія въ свое время много шума стихотворенія Языкова. Одно изъ нихъ, называющееся «Посланіе къ Чаадаеву», гласило:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна!
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...

Почтенныхъ предковъ сынъ
ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!..
Свое ты все презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ;
Ты все стоишь, красивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ
женъ!
Ты цѣлъ еще!.. Тебѣ донынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ
свѣтъ,
Твоей насмѣшливой гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ.
Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать
На все, на все, что намъ свя-
щенно,
На все, чѣмъ Русь еще жива...
Тебя мы слушаемъ смиренно...
Твои преступныя слова
Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаемъ
Страннопріимными устами
И не брезгливымъ языкомъ...
А ты тѣмъ выше, тѣмъ ты краше:
Тебѣ любезенъ этотъ срамъ,
Тебѣ пріятно рабство наше.
О горе намъ... О горе намъ.

Другое стихотвореніе называется «Къ не нашимъ» и полно столь же «патріотическихъ» мыслей:

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И онѣмечить Русь,—внемлите
Простосердечный мой возгласъ!
Кто-бъ ни былъ ты—одноплемен-
никъ
И братъ мой, — жалкій ты ста-
рикъ,
Ея торжественный измѣнникъ,
Ея надменный клеветникъ;
Иль ты сладкорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей-невѣждъ,
Ты легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ:
Иль ты, невинный и любезный
Поклонникъ темныхъ книгъ и
словъ,
Воспринниматель достослезный
Чужихъ страданій и грѣховъ.
Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!
Не любо вамъ святое дѣло,
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ по-
мертвѣло
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью къ родинѣ: не тотъ
Огонь чистѣйшій, пламень ясный
Васъ поднимаетъ; въ васъ живетъ
Любовь не къ истинѣ, не къ благу!
Народный гласъ, онъ Божій гласъ.
Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу:
Онъ страшенъ, дикъ, онъ чуждъ
для васъ.
Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, безсмысленно звучатъ,
Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ:
Ихъ презираетъ гордость ваша.
Святыня древняго Кремля,
Богатство, сила, крѣпость наша
Ничто вамъ! Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣ-
щенья.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнья
И святотатственные сны.
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
И не сумѣете вы съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить.
Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ.
Крѣпка, надежна Русь святая,
И русскій Богъ еще великъ!..

Душно-душно было жить въ странѣ, гдѣ на высказанное и выстраданное убѣжденіе извѣстный поэтъ и beau-frère Хомякова не находитъ другого отвѣта, кромѣ восклицанія: «ты цѣлъ еще!» «ты еще не сокрушенъ!», а западническіе взгляды квалифицируетъ, какъ «предательскія мнѣнія» и «святотатственные сны»; тысячу разъ былъ правъ Герценъ, когда заносилъ въ свой дневникъ такія слова:

«Слава Петру, отрекшемуся отъ Москвы! Онъ видѣлъ въ ней зимующіе корни узкой народности, которая будетъ противодѣйствовать европеизму и стараться снова отторгнуть Русь отъ человѣчества». [1])

Надобно было ѣхать, но это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать. Достать заграничный паспортъ стоило огромныхъ трудовъ, но и это препятствіе, наконецъ, сломлено, и Герценъ стоитъ «передъ воротами Европы».

Самыя разнообразныя мысли и чувства волновали въ это время Герцена, но преобладало въ немъ все же радостное настроеніе. Что оставлялъ онъ позади себя? Русь чиновную, отъ которой онъ видѣлъ лишь «крутицкія казармы», Пермь, Вятку, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Новгородъ, препятствія къ осуществленію давнишняго желанія побывать въ Европѣ; кругъ московской интеллигенціи, который впослѣдствіи представлялся ему окруженнымъ поэтическимъ ореоломъ, но къ которому въ моментъ отъѣзда онъ питалъ вовсе не такія чувства; наконецъ, русскій народъ, – народъ, несомнѣнно, имъ любимый и возбуждавшій его законную жалость и состраданіе, но котораго Герценъ въ моментъ отъѣзда за границу далеко не идеализировалъ. Во второмъ письмѣ изъ «Avenue Marigny» онъ писалъ такія строки:

«Мы выѣзжали изъ Россіи зимою, зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго, ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу.» Касаясь жизни крестьянъ Псковской губерніи, черезъ которую лежалъ его путь, Герценъ продолжаетъ: «Псковскій крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ; онъ, кажется, не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію,– путь, который назы-

---

[1]) Т. I, 53.

ваютъ прогрессомъ, воспитаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ *возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ...* Сомнѣваюсь, *слыхалъ-ли онъ объ осадѣ Пскова...* Событія послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головой, *не возбудивши даже любопытства.* Поколѣнія черезъ два-три мужичекъ перестраиваетъ свои бревенчатыя избы, безслѣдно гніющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой плугъ въ руки сына, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю, иногда вспомянутъ его дѣти и внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу, при новой ревизіи его имя исключатъ изъ числа живыхъ, и внуки посѣдѣютъ, и, не будь рекрутской повинности, они такъ же, какъ предки, ничего бы не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи.» [1])

Вотъ что оставлялъ за собою Герценъ, покидая Россію...

Біографы Герцена утверждаютъ, что, уѣзжая за границу, Герценъ и не помышлялъ объ эмиграціи. «Едва-ли въ эту минуту даже отдаленная мысль объ эмиграціи мелькала въ его головѣ»,—говоритъ, напр., г. Смирновъ [2]). Мы не знаемъ, на сколько можно считать справедливымъ такое мнѣніе. Дѣло въ томъ, что еще до отъѣзда Герцена за границу, въ Европѣ проживалъ уже его товарищъ по тюрьмѣ и ссылкѣ, Сазоновъ, и очень близкій имъ обоимъ человѣкъ, М. А. Бакунинъ, а въ головахъ этихъ лицъ не только «мелькала мысль объ эмиграціи», но даже составился очень опредѣленный планъ «русской колоніи эмигрантовъ». Къ этому предпріятію предполагалось привлечь не только Герцена, что само собою разумѣлось, и мысль о чемъ едва-ли могла быть совершенно чужда самому Герцену, но даже и Бѣлинскаго. Въ «Воспоминаніяхъ» Панаевой-Головачевой существуетъ объ этомъ предметѣ очень интересный разсказъ:

«Возможно-ли человѣку свободно излагать свои мысли и убѣжденія, — говорилъ Панаевой о Бѣлинскомъ Бакунинъ, — когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ мо-

---

1) „Письма изъ „Avenue Marigny“, сборникъ „Раздумье“, 210.
2) „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и заграницей“, Спб., 123.

жетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватитъ его за шиворотъ и посадитъ въ будку. Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безпутному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Онъ преждевременно истлѣетъ отъ внутренняго огня, который постоянно долженъ тушить въ себѣ».

Бѣлинскій отнесся къ предложенію Бакунина вполнѣ отрицательно.

«Я знаю безъ него,—сказалъ онъ въ отвѣтъ Панаевой,—что истлѣю преждевременно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нахожусь, но, все-таки, не намѣренъ осуществить его планъ. Между нимъ и мною огромная разница: во-первыхъ, онъ космополитъ въ душѣ, во-вторыхъ, съ своимъ знаніемъ языковъ и энциклопедическимъ образованіемъ онъ можетъ чувствовать твердую почву подъ ногами, гдѣ бы онъ ни очутился. А что же я-то буду дѣлать, если меня оторвать отъ моей почвы и моей дѣятельности, въ которую я вложилъ свою душу? Я также прекрасно вижу, что не могу принести той пользы, къ которой порываюсь, но лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего. И Бѣлинскій круто измѣнилъ разговоръ» [1]).

Существовали-ли такія же причины для отказа осуществить мысль Бакунина и у Герцена и былъ-ли онъ уже въ значительной степени подготовленъ къ подобной мысли еще въ Россіи? На первый вопросъ можно смѣло отвѣчать отрицательно, на второй—съ большою вѣроятностью утвердительно. На это существуютъ у насъ слѣдующія доказательства: «послѣ назначенія своего на службу въ Новгородъ,—разсказываетъ Анненковъ въ статьѣ «Идеалисты тридцатыхъ годовъ»,—Герценъ изливалъ въ письмахъ своимъ друзьямъ по этому поводу горькія чувства, какъ мы уже имѣли случай упомянуть; Огаревъ, по старой привычкѣ, предложилъ ему въ утѣшеніе совѣтъ: считать все происшедшее «частнымъ случаемъ» и предаться покорно «резиньяціи». На это Герценъ отвѣчалъ Огареву весьма любопытнымъ письмомъ, которое мы уже отчасти приводили и которое оканчивается такъ: «Omni casu. Первое января 1845 г.

---

[1]) *А. Я. Головачева-Панаева*, „Русскіе писатели и артисты“, 139 -140.

мы встрѣчаемъ въ Женевѣ, т. е. каждый съ своей стороны пусть сдѣлаетъ все, отъ него зависящее: à l'impossible nul n'est tenu. Давай руку, и съ этой надеждой я поѣду въ Новгородъ. Ты любишь эту землю. Понятно. И я любилъ Москву, а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставая ее любить, и жилъ годъ въ Петербургѣ, да ѣду въ Новгородъ! *Попробуемъ полюбить земной шаръ — оно лучше. Куда не поѣзжай тогда — все будешь въ любимомъ мѣстѣ»* [1]).

Та же мысль носилась передъ Герценомъ не одинъ разъ. Прощаясь съ нимъ, извѣстный строитель храма Христа Спасителя въ Москвѣ, Витбергъ, говорилъ ему: «если бы не семья и не дѣти, я вырвался бы изъ Россіи и пошелъ бы по міру съ моимъ владимірскимъ крестомъ на шеѣ, спокойно протягивалъ бы я прохожимъ руку, которую жалъ императоръ Александръ, и разсказывалъ бы имъ мой проектъ и судьбу художника въ Россіи»... «Судьбу твою, мученикъ, думалъ я, узнаютъ въ Европѣ, *я тебѣ за это отвѣчаю»* [2]) (курсивъ Герцена). Это было въ 1846 году, т. е. почти наканунѣ отъѣзда Герцена за границу.

Извѣстно, что ближайшій другъ Герцена, Огаревъ, мечталъ уже въ тридцатыхъ годахъ уѣхать за границу, дабы тамъ издавать журналъ, посвященный разрѣшенію вопросовъ гегелевской философіи.

Встрѣчаются и въ «Перепискѣ недавнихъ дѣятелей» мѣста, указывающія на подобныя же мысли въ головѣ Герцена и Огарева.

Мы не говоримъ, чтобы всѣ приведенныя нами соображенія вполнѣ ясно доказывали созрѣвшее у Герцена въ 1846 году намѣреніе покинуть навсегда Россію, но нельзя же столь категорически утверждать и противное, какъ это дѣлаютъ его біографы. Притомъ вся обстановка, при которой Герценъ уѣзжалъ за границу, его страстное желаніе окунуться съ головою въ самые бурные потоки европейскаго движенія не могли бы, кажется, не наводить его на мысль о вѣроятности или, по крайней мѣрѣ, возможности

---

[1]) „Идеалисты тридцатыхъ годовъ", „Вѣстникъ Европы", 1883 г. IV, 517—518.

[2]) „Александръ Лаврентьевичъ Витбергъ", Т. VI, 352.

такого исхода задуманной поѣздки. Герценъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы, отправляясь за границу, «самая отдаленная мысль объ эмиграціи» не приходила бы ему въ голову.

Какъ бы то ни было, но, переѣхавши границу, Герценъ помчался прямо въ Парижъ и прибылъ туда въ самомъ радужномъ настроеніи. Онъ съ юныхъ лѣтъ зналъ и любилъ Парижъ, любилъ страстно, какъ столицу міра, какъ средоточіе, очагъ и центръ всѣхъ великихъ, волновавшихъ весь міръ, событій; любилъ его, какъ поклонникъ Сенъ-Симона, какъ непреклонный, — такъ казалось, по крайней мѣрѣ, тогда ему самому,—западникъ. Если послѣ Россіи уже Кенигсбергъ показался ему «свободнымъ городомъ», то можно представить себѣ впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести на него Парижъ! И, дѣйствительно, въ его запискахъ мы находимъ по этому поводу такія исполненныя энтузіазма строки:

«Итакъ, я, дѣйствительно, въ Парижѣ, не во снѣ, а на яву: вѣдь, это Вандомская колонна и rue de la Paix... Объ этой минутѣ я мечталъ съ дѣтства... Дайте же взглянуть на Hôtel de Ville, на café Foy въ Пале-Роялѣ, гдѣ Камиллъ Демулэнъ сорвалъ зеленый листъ и прикрѣпилъ его къ шляпѣ вмѣсто кокарды съ крикомъ: «à la Bastille!» Дома я не могъ оставаться; я одѣлся и пошелъ бродить зря... искать Бакунина, Сазонова. Вотъ rue St. Honoré, Елисейскія поля... всѣ эти имена, сроднившіяся съ давнихъ лѣтъ... Да вотъ и самъ Бакунинъ. Его я встрѣтилъ на углу какой-то улицы... Я былъ внѣ себя отъ радости» [1]).

Восторгъ, однако, продолжался недолго, и съ свойственнымъ ему увлеченіемъ Герценъ сталъ видѣть въ буржуазномъ режимѣ Франціи исключительно однѣ лишь темныя стороны: «развратъ, — писалъ онъ, — проникъ всюду — въ семью, въ законодательный корпусъ, литературу, прессу. Онъ настолько обыкновененъ, что его никто не замѣчаетъ, да и замѣчать не хочетъ. И это развратъ не широкій, не рыцарскій, а мелкій, бездушный, скаредный. Это развратъ торгаша». Атмосфера «мѣщанства» шокировала чувства Герцена и его потянуло въ Италію, гдѣ въ это время начина-

[1]) T. VIII, 218.

лось «rinascimento». «Испуганный Парижемъ 1847 года,—писалъ Герценъ, — я, было, раньше раскрылъ глаза, но снова увлекся событіями, кипѣвшими возлѣ меня. Вся Италія просыпалась на моихъ глазахъ! Я видѣлъ неаполитанскаго короля, сдѣланнаго ручнымъ, и папу, смиренно просящаго милостыню народной любви. Вихрь, поднявшій все, увлекъ и меня; вся Европа взяла одръ свой и пошла въ припадкѣ лунатизма, принятаго нами за пробужденіе» [1]). События шли съ головокружительной быстротой. Въ Римѣ получилось извѣстіе о февральской революціи во Франціи, и Герценъ снова полетѣлъ въ Парижъ: «мнѣ казалось, — писалъ онъ, — измѣной всѣмъ моимъ убѣжденіямъ не быть въ Парижѣ, когда въ немъ республика... Я съ внутреннимъ удовольствіемъ смотрѣлъ въ Чивиттѣ на печать консульской визы, на которой были вырѣзаны грозныя слова: «République française»... Герценъ въ Парижѣ. Послѣдующія затѣмъ событія потрясли его до глубины души. Вчерашніе «пророки и апостолы демократіи» превратились въ «риторовъ», «жалкихъ друзей», «пустыя сердца». Онъ не находитъ словъ для выраженія своего отвращенія къ французской буржуазіи и заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что удивляетъ даже нѣкоторыхъ изъ своихъ московскихъ друзей. «Вы меня браните, — писалъ Анненкову Боткинъ, — за то, что я защищаю bourgeoisie, но ради Бога, какъ же не защищать ее... Я понимаю гиперболы въ устахъ французскаго работника, но когда ихъ говоритъ нашъ умный Герценъ, то онѣ кажутся мнѣ не болѣе, какъ забавными. Тамъ борьба, духъ партій заставляетъ прибѣгать въ преувеличеніямъ,—это понятно, а здѣсь, вмѣсто самобытнаго взгляда, вмѣсто живой индивидуальной мысли, вдругъ, встрѣчаешь общія мѣста, ей Богу, досадно» [2]).

«Я вовсе не поклонникъ буржуазіи, — писалъ Боткинъ Анненкову въ другомъ письмѣ, — и меня, не менѣе всякаго другого, возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сальный прозаизмъ... Въ качествѣ угнетеннаго классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобы у насъ была буржуа-

[1]) „Западныя арабески“, Т. VIII, 230.
[2]) „П. В. Анненковъ и его друзья“, 542.

зія! Cet air de matador, съ которымъ Герценъ все рѣшаетъ во Франціи, очень милъ, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ, именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но, вѣдь, *рѣшеніе Герцена ровно ничего не уясняетъ*. Оно только скользитъ по вещамъ» [1]).

Разумѣется, и за всѣмъ тѣмъ Боткинъ оставался Боткинымъ, а Герценъ—Герценомъ, и первому было до послѣдняго «какъ до звѣзды небесной далеко», но отмѣтить вышеприведенныя строки изъ письма Боткина является тѣмъ не менѣе не безынтереснымъ.

Но не на всѣхъ французскихъ дѣятелей того времени распространилъ Герценъ, однако, свое отрицаніе и негодованіе. Былъ тогда во Франціи человѣкъ, о которомъ Герценъ отзывался въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Этотъ человѣкъ былъ Прудонъ. Его сочиненія составляютъ, по мнѣнію Герцена, «переворотъ не только въ исторіи соціализма, но и *въ исторіи французской логики*»; это «одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка», «геній», «яркій боецъ», «великій иконоборецъ», «неукротимый гладіаторъ», «человѣкъ, начавшій собою новый рядъ французскихъ мыслителей» и т. д., и т. д. въ томъ же родѣ.

«Чтеніе Прудона, какъ чтеніе Гегеля, — писалъ впослѣдствіи Герценъ, — даетъ особый пріемъ, оттачиваетъ оружіе, даетъ не результаты, а средства. Прудонъ по преимуществу діалектикъ, контроверзистъ соціальныхъ системъ. Французы въ немъ ищутъ эксперименталиста и, не находя ни смѣты фаланстера, ни икарійской управы благочинія, пожимаютъ плечами и кладутъ книгу въ сторону» [2]). «Послѣ того, какъ «Voix du Peuple» былъ въ 1850 году задушенъ.— писалъ Герценъ въ другомъ мѣстѣ, — пришлось замолкнуть *единственному человѣку во Франціи* (т. е. Прудону), *которому было еще что сказать*». Что же было такъ особенно дорого Герцену въ системѣ Прудона? А вотъ что: «политическая дѣятельность не составляла ни его (Прудона) силы, ни основы той мысли, которую облекалъ онъ во всѣ доспѣхи своей діалектики. Совсѣмъ напротивъ, вездѣ ясно видно, что политика

---

[1]) Ibid., 551—552.
[2]) Т. IX, 44.

въ смыслѣ стараго либерализма и конституціонной республики стоитъ у него на второмъ планѣ, какъ что-то полупрошедшее, уходящее. Въ политическихъ вопросахъ онъ *равнодушенъ, готовъ дѣлать уступки, потому что не приписываетъ особой важности формамъ, которыя, по его мнѣнію, не существенны»*[1]). Едва-ли не въ первый разъ была выражена на русскомъ языкѣ идея о второстепенномъ значеніи «формъ», идея, давшая впослѣдствіи обильные ростки. Впрочемъ, какъ мы еще не разъ увидимъ, многіе изъ парадоксовъ позднѣйшаго русскаго народничества были впервые формулированы именно Герценомъ. Нашъ блестящій соотечественникъ увлекался Прудономъ именно потому, что «безансонскій мужикъ» имѣлъ въ своей психикѣ много родственныхъ чертъ съ сыномъ русскаго аристократа. Тотъ же сильный, ѣдкій и колкій умъ и та же любовь обоихъ къ *крестьянству*, въ которомъ такъ тѣсно переплетены классовыя особенности *людей труда* и *мелкой буржуазіи*, любовь, сдѣлавшая и того и другого идеологами именно этого слоя, — вотъ та психическая почва, на которой близко сошлись Герценъ и Прудонъ. Но первый пошелъ, все-таки, дальше второго. Замѣчательно, что издательская дѣятельность Герцена въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ уже не одобрялась Прудономъ. «Combien j'eusse souhaité, — писалъ онъ 3 ноября 1864 года Ю. Ф. Самарину, — que le jour où Alexandre II entrait dans la grande voie de l'émancipation Hertzen arretât le mouvement de sa «Cloche»... C'était chose admirable de faire la guerre à un Nicolas; c'a été un grave inconvénient sinon une maladresse de ne pas modifier la polémique contre Alexandre. Je sais bien qu'un autocrate est toujours un autocrate, mais enfin, il y avait une considération plus haute que l'Empereur; c'était le respect du peuple Russe lui même. Il fallait voir, avant tout, ce que deviendrait ce peuple, rendu à la liberté, à la propriété, à une part du gouvernemet»[2]). Такъ относился Прудонъ къ литературной дѣятельности Герцена впослѣдствіи, но въ 1848 году онъ съ удовольствіемъ принялъ его въ соредакторы предпринятаго имъ изданія: «La Voix du Peuple». «Я знаю *одного свободнаго француза*, — писалъ Герценъ тогда

[1]) Ibid., 48.

[2]) Напечатано въ № 2 аксаковской „Руси“ за 1881 г.

же Прудону, посылая ему на изданіе «La Voix du Peuple» 24000 франковъ,—*это васъ*. Ваши революціонеры—консерваторы... Вы одни подняли вопросъ негаціи на высоту науки, и вы первый сказали Франціи, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что самыя его понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Дѣйствительно, политическіе республиканцы составляютъ не больше, какъ одну изъ варіацій на ту же конституціонную тему, на которую читаютъ свои варіаціи Гизо, Одилонъ, Баро и др. Вотъ этотъ взглядъ слѣдовало-бы проводить въ разборѣ послѣднихъ европейскихъ событій, преслѣдовать реакцію, католицизмъ и пр. не въ ряду нашихъ враговъ,—что чрезвычайно легко, но въ собственномъ нашемъ станѣ. Если мы не боимся затрагивать побѣдителей, то не будемъ бояться изъ ложной сентиментальности затрогивать и побѣжденныхъ»[1]). Если бы выраженную здѣсь Герценомъ мысль развить вполнѣ, то оказалось бы, что съ этой точки зрѣнія и Прудонъ явился бы несомнѣннымъ, по терминологіи Герцена, «реакціонеромъ» и что предъявляемымъ Герценомъ требованіямъ отвѣчаетъ другое ученіе, уже складывавшееся въ то время и получившее свое выраженіе въ знаменитомъ «манифестѣ». Но этого-то ученія Герценъ, повидимому, совершенно не зналъ. Восторгаясь Прудономъ, прилежно изучая его сочиненія и будучи хорошо знакомъ съ «Philosophie de la misère», Герценъ нигдѣ, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ извѣстной критикѣ этой книги Марксомъ, извѣстной «La misère de la philosophie». Зналъ-ли онъ о самомъ ея существованіи? Можно думать, что нѣтъ...

Участіе Герцена въ прудоновской газетѣ не могло, разумѣется, остаться тайной для французскаго правительства, и въ 1849 году ему пришлось бѣжать изъ Парижа въ биткомъ набитую эмигрантами разныхъ странъ Женеву. Здѣсь написалъ онъ свое, доставившее ему громкую извѣстность въ Европѣ, сочиненіе: «Vom andern Ufer». Объ этомъ, проникнутымъ мрачными взглядами на грядущія судьбы Европы, произведеніи, въ нашей литературѣ о Герценѣ существуютъ отзывы не въ пользу высказанныхъ имъ

[1]) Т. IX, 54—55.

идей[1]), но сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ писавшихъ объ этомъ предметѣ авторовъ не указалъ, въ чемъ же была кардинальная ошибка разсужденій Герцена и что именно просмотрѣлъ онъ въ жизни современной ему Европы, безъ чего онъ неизбѣжно долженъ былъ придти къ своимъ мрачнымъ, относительно Европы, выводамъ и тѣмъ перекинуть мостъ отъ своихъ воззрѣній къ воззрѣніямъ славянофиловъ. Что послѣднее было именно такъ, на это можно привести массу доказательствъ. Вспомните хоть его отзывы о Петрѣ Кирѣевскомъ: «въ его (П. Кирѣевскаго) взглядахъ, — и это я оцѣнилъ гораздо послѣ, — была доля тѣхъ горькихъ, подавляющихъ истинъ объ общественномъ состояніи Запада, до которыхъ мы дошли послѣ бурь 1848 года. Онъ понялъ ихъ печальнымъ ясновидѣніемъ, догадался ненавистью, местью за зло, причиненное Петромъ во имя Запада[2]). Впрочемъ, на эту сторону воззрѣній Герцена, мы еще будемъ имѣть случай указать. Въ своей «Борьба съ Западомъ» Страховъ говоритъ, что Герценъ «въ цѣлой Европѣ, во всѣхъ ея ученіяхъ, какъ самыхъ старыхъ, такъ и самыхъ передовыхъ, не нашелъ *ни единой основы, ни единой точки опоры для построенія новой веси.* Во всѣхъ его сочиненіяхъ нѣтъ никакого слабаго слѣда какой-нибудь соціальной утопіи, никакихъ предположеній и плановъ о будущемъ счастьѣ человѣчества. Это было чистое, голое отрицаніе, которое, въ силу своей искренности и сознательности, не могло тѣшиться дѣтскими и грубыми фантазіями»[3]).

Съ мыслью Страхова можно было бы согласиться, еслибы вмѣсто словъ «во всѣхъ ученіяхъ Европы» сказать: «во всѣхъ, *извѣстныхъ Герцену,* ученіяхъ Европы», ибо въ томъ-то и дѣло, что «ученія Европы» извѣстны были ему не всѣ. Этого обстоятельства одинаково не замѣтили, какъ Страховъ, такъ и гг. Скабичевскій, Смирновъ и др. біографы Герцена. Утопическій соціализмъ послѣ событій 1848 года потерялъ всякій кредитъ, и потому Герцену ничего другого и не

[1]) *А. М. Скабичевскій,* „Три человѣка сороковыхъ годовъ“, т. I. 1890 годъ, 786 — 787. *Е. Смирновъ,* „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и заграницей“, 135—141, и др.

[2]) Т. IV, 303.

[3]) *Н. Страховъ,* „Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ“, ч. I, 1882 г., 120.

оставалось, кромѣ «чистаго и голаго отрицанія». Будущее представлялось ему безпросвѣтнымъ, Европа—обреченной на гибель, и по мѣрѣ того, какъ реакція все болѣе и болѣе вступала въ свои права, тонъ «Писемъ» Герцена (мы говоримъ о «Письмахъ изъ Франціи и Италіи») дѣлается все мрачнѣе и мрачнѣе. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ дадутъ понятіе о соціальномъ пессимизмѣ Герцена, и безпросвѣтномъ отчаяніи, которое царило въ это время въ его душѣ.

Изъ письма одиннадцатаго: «Все въ Европѣ стремится съ необычайной быстротой къ коренному перевороту или коренной гибели; нѣтъ точки, на которую бы можно опереться: все горитъ, какъ въ огнѣ, — преданія и теоріи, религія и наука, новое и старое. Въ одинъ годъ Франція износила блестящую мечту политической республики, а Германія—всѣ остальныя мечтанія»[1].

Изъ письма тринадцатаго: «Революція не остановилась. Вмѣсто неосторожныхъ попытокъ и заговоровъ, работникъ думаетъ крѣпкую думу и ищетъ связи не съ цеховыми революціонерами, не съ редакторами журналовъ, а *съ крестьянами* (курсивъ Герцена). Съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука полиціи заперла клубы и электоральныя собранія, трибуна работника перенеслась *въ деревню*. Въ груди крестьянина собирается тяжелая буря... онъ слушаетъ работника. Когда онъ его дослушаетъ и пойметъ хорошенько, онъ смететъ съ лица земли старое общественное устройство»[2].

Итакъ, здѣсь ясно выраженъ взглядъ на крестьянина, какъ на силу, которой предстоитъ обновить одряхлѣвшій организмъ Европы. Забѣгая впередъ, отмѣтимъ тутъ же мнѣніе Герцена, высказанное имъ о томъ же предметѣ, долгое время спустя: „*Во всей Европѣ подымется за старые порядки сплошь все крестьянское населеніе.* А развѣ мы не знаемъ, что такое сельское населеніе, какова его упорная сила и упорная колкость (косность?). Отобравъ изъ рукъ революціи земли эмигрантовъ, оно-то и подсидѣло республику и революцію»[3].

Конечно, эти два мнѣнія взаимно исключаютъ другъ друга и, конечно, болѣе правильнымъ надо признать болѣе позднее.

[1]) Т. IV, 336.
[2]) Ibid., 369.
[3]) Сборникъ посмертныхъ статей. 299.

Изъ письма четырнадцатаго: Наполеонъ III затѣетъ войну. «Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ; предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ тридцатилѣтней войны, усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, Америку, унося съ собой, кто деньги, кто науку, кто начатый трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ гуситовъ. И тутъ, на краю гибели и бѣдствій, начнется другая война, домашняя»[1]).

Дальше въ соціальномъ пессимизмѣ идти, кажется, некуда...

Послѣ 2 декабря 1851 года Герценъ пропѣлъ окончательно Европѣ отходную въ статьѣ: «Vive la mort!»

Находясь въ 1858 году въ Путнеѣ, Герценъ написалъ къ своимъ «Письмамъ изъ Франціи и Италіи», предисловіе, изъ котораго мы также приведемъ нѣсколько цитатъ, особенно любопытныхъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ уже совершенно замѣтенъ поворотъ Герцена къ славянофильству.

«Когда *послѣдняя надежда исчезла*, когда осталось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій, вмѣсто отчаянія, въ груди моей возвращалась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью возвратился назадъ... Вѣра въ Россію спасла меня на краю *нравственной гибели*»[2]).

Вслѣдъ за тѣмъ произносится знаменитый парадоксъ, который позже вошелъ одной изъ составныхъ частей въ народническую доктрину:

«Мы (русскіе) въ нѣкоторыхъ вопросахъ *потому дальше Европы и свободнѣе ея, что такъ отстали отъ нея*»[3]).

[1]) Т. IV, 382—383.
[2]) Ibid., IV, 120.
[3]) Ibid.

Письмо къ Мишле («Le peuple russe et le socialisme»), изобилуетъ такими же идеями: указавши, по обыкновенію, на близкую гибель Европы, Герценъ писалъ: «среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и мучительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются къ востоку»[1]).

Въ другой статьѣ («Крещеная собственность») Герценъ идетъ въ этомъ направленіи еще дальше:

«Артель лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ съ соціализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не имѣетъ ни монополи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобы мѣшать другимъ, она устроена для сего, а *не противъ* (курсивъ Герцена) кого либо. Артель собраніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами»[2]).

Читатель проститъ намъ, если мы сдѣлаемъ здѣсь довольно длинное отступленіе отъ нашей основной темы, и приведемъ для сравненія мнѣнія объ артеляхъ Герцена мнѣніе объ этомъ же предметѣ нашихъ славянофиловъ.

«Кругъ дѣйствія артелей, — писалъ Хомяковъ Кошелеву,—шире всѣхъ подобныхъ учрежденій въ другихъ земляхъ. Въ артель собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили по своимъ деревнямъ жизнью общинною. Вся основа — крестьяне или вышедшіе изъ крестьянства. Въ артеляхъ мало, почти нѣтъ мѣщанъ, мало дворовыхъ. Это не случайность, а слѣдствіе нравственнаго закона и жизненныхъ привычекъ»[3]).

Вообще основа многихъ мыслей, проповѣдовавшихся Герценомъ послѣ событій 1848 года, истекала изъ славянофильскаго источника. Вотъ доказательства. Еще въ 1842 году, по поводу указа объ обязанныхъ крестьянахъ, Хомяковъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» двѣ статьи «О сельскихъ условіяхъ», въ которыхъ отстаивалъ особенности русскаго землевладѣнія. Само собою разумѣется, что, вслѣдствіе цензурныхъ условій того времени, высказываться по вопросу,

---

1) Т. V, 178.
2) Ibid., 238.
3) „Русскій Архивъ" 1884 г., вып. 4, кн. 2, 268.

имѣвшему тѣснѣйшую связь съ крѣпостнымъ правомъ, вполнѣ ясно было нельзя, и потому разъясненіе мысли Хомякова надо искать въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ и перепискѣ съ друзьями. Мы это и находимъ. Отстаивая уже прямо общинное начало, Хомяковъ писалъ въ № 28 «Молвы» за 1857 годъ слѣдующія строки: «тому лѣтъ восемнадцать (т. е., значитъ, указывается прямо на статьи «О сельскихъ условіяхъ»), теперешніе сотрудники «Русской Бесѣды» высказали, что славянское племя и по преимуществу русское, отличается отъ всѣхъ другихъ, особенностями своего общиннаго быта. Этимъ положено было начало новаго умственнаго движенія»[1]). Тотъ же Хомяковъ писалъ въ 1849 году къ Кошелеву слѣдующее: «Община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи. *Отнимите его, не останется ничего*; изъ его развитія можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ»[2]).

Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что «Гакстгаузенъ, открывшій русскую общину, обязанъ своимъ открытіемъ Хомякову»[3]).

Герценъ приписываетъ эту же заслугу Конст. Аксакову, но, если принять во вниманіе взаимныя отношенія Хомякова и Аксакова, то это, въ сущности, все равно. «Конст. Аксаковъ,—писалъ Герценъ въ «Быломъ и думахъ»,—въ началѣ 40 годовъ проповѣдывалъ сельскую общину, міръ и артель. Онъ научилъ Гакстгаузена понимать ихъ и, послѣдовательный до дѣтства, первый опустилъ панталоны въ сапоги и надѣлъ рубашку съ кривымъ воротомъ».[4])

Въ самыхъ сочиненіяхъ Кон. Аксакова на это нѣтъ указаній, но, не взирая на наше несогласіе въ очень многомъ съ С. А. Венгеровымъ, намъ представляется очень вѣрнымъ слѣдующее замѣчаніе этого писателя: «славянофильскій кружокъ представлялъ собою нѣчто до такой степени сплоченное и слитное, что отдѣлить, гдѣ начинаются мнѣнія одного изъ членовъ кружка и гдѣ кончаются мнѣ-

[1]) „Современный вопросъ", Полное собраніе соч. А. С. Хомякова, изд. 2, томъ I, 636.

[2]) *В. Лясковскій*, „А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія", 59.

[3]) Славянофильское ученіе и его судьбы. „Отечественныя Записки" 1862 г., III, 35.

[4]) Т. IV, 306.

нія другого, является дѣломъ почти невозможнымъ. Первые славянофилы были тѣсно связанны не только единствомъ духовныхъ стремленій, но и личнымъ общеніемъ. Почти ежедневно собирались они вмѣстѣ, либо въ домѣ Хомякова, либо у Кирѣевскихъ, либо, наконецъ, у Аксаковыхъ и въ живомъ обмѣнѣ мыслей разрабатывали детали общаго имъ всѣмъ міросозерцанія. Инициатива принадлежала тутъ всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Одинъ дѣлалъ намекъ, другой его подхватывалъ, третій подбиралъ доказательства, и въ общемъ получался тезисъ, родительскія права на который въ одинаковой степени должны приписываться всѣмъ членамъ кружка безраздѣльно. Вотъ почему, между прочимъ, первоначальные славянофилы вовсе не знали фракцій. Тутъ люди до того спѣлись *предварительно* дома, что выступали въ печать уже съ совершенно законченнымъ міровоззрѣніемъ, вошедшимъ въ плоть и кровь каждаго, принимавшаго участіе въ выработкѣ его. Слѣдовательно, *печатное* первенство въ дѣлѣ возвѣщенія славянофильскихъ принциповъ можетъ имѣть исключительно библіографическій интересъ и всегда есть простая случайность. Юр. Самарину по конкретной надобности пришлось говорить объ общинномъ началѣ,—онъ его и провозгласилъ, а К. Аксакову въ 1847 г. надобности такой не было, онъ и не высказывался». [1])

Статья Самарина, о которой упоминаетъ здѣсь г. Венгеровъ, называется «О мнѣніяхъ «Современника» историческихъ и литературныхъ» и, помѣщена имъ первоначально въ «Москвитянинѣ» за 1847 г. подъ обычнымъ псевдонимомъ Самарина М.... З.... К.... Полемизируя въ ней съ Кавелинымъ, Самаринъ говоритъ, что «германское племя или, точнѣе, романо-германскій міръ дошелъ до отвлеченной формулы, до требованія такого начала, которое *составляетъ природу племени славянскаго*, что послѣднее даетъ живой, *въ самомъ бытіи его заключающійся*, отвѣтъ на *послѣдній вопросъ* западнаго міра.» [2])

«Общинное начало,—писалъ онъ далѣе,—составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей, настоящей

---

[1]) Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, т. 1, 281—282.

[2]) Сочинненія Ю. Ф. Самарина, т. I, 40.

и будущей... Никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить». [1])

Г. Пыпинъ говоритъ, что «славянофильство считало Западъ отжившимъ, недававшимъ надеждъ на будущее и, напротивъ, славянству и въ особенности русскому народу предоставлялось внести въ жизнь человѣчества новое оживляющее начало. Основаніе къ этому видѣли и тогда, какъ и послѣ, кромѣ православія, *въ общинѣ*». [2])

Отсюда, какъ и изъ многаго другого, г. Пыпинъ дѣлаетъ совершенно справедливый выводъ, что «славянофильскіе взгляды вошли частью въ новѣйшую народническую школу;» надо было только добавить, что «мостомъ», по которому они вошли, былъ никто другой, какъ Герценъ. а затѣмъ Чернышевскій, писавшій, напр., такія строки: «читатели, зная нашъ образъ мыслей, не могутъ, конечно, предположить въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи съ идеями, выработанными современною наукою и съ характеромъ нашего времени. Но мы, повторяемъ, что выше этихъ заблужденій есть въ славянофильствѣ «*элементы здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія*» [3]) Тѣ-же мысли Чернышевскій высказывалъ много разъ, но ихъ же и совершенно такимъ же-образомъ развивалъ еще раньше Герценъ.

«На славянофилахъ,—писалъ онъ, лежитъ грѣхъ, что мы долго не понимали ни русскаго народа, ни его исторіи; ихъ иконописные идеалы и дымъ ладана мѣшали намъ разглядѣть народный бытъ и основы сельской жизни. Православіе славянофиловъ, ихъ историческій патріотизмъ и преувеличенное раздражительное чувство народности были вызваны крайностями въ другую сторону. *Важность* ихъ воззрѣнія, *его истина* и *существенная часть* вовсе не здѣсь, а въ тѣхъ *стихіяхъ* русской жизни, которыя они открыли подъ удобреніемъ искусственной цивилизаціи [4]).»

[1]) Ibid., 51.
[2]) „Константинъ Аксаковъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1884 г., III, 157.
[3]) „Замѣтки о современной литературѣ“, 245—246.
[4]) Т. IV, 267.

«Само собою разумѣется, что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія; напротивъ, ихъ надо продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то время, какъ германскіе народы ее утратили, но это большое счастье и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили, *воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей;* она имъ страшно дорого стоитъ». [1])

Итакъ, вопросъ о томъ, сохранится-ли наша община при новыхъ условіяхъ жизни и можетъ-ли она перейти въ высшую форму или нѣтъ, зависитъ не отъ внутренней логики ея собственнаго развитія, не отъ «самокритики вещей», а оттого, сумѣемъ-ли «мы» или нѣтъ «воспользоваться опытностью нашихъ сосѣдей». Это не осталось безъ вліянія и на складъ воззрѣній русской интеллигенціи послѣдующихъ лѣтъ.

«Должна-ли Россія пойти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ, — писалъ Герценъ въ статьѣ «Le vieux monde et la Russie». *Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній.* Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями нашихъ предшественниковъ, но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія» [2]).

Такимъ образомъ мысль г. Оболенскаго о томъ, что Россія можетъ ограничиться однимъ «теоретическимъ переживаніемъ капитализма», имѣетъ за собою почтенную давность лѣтъ въ пятьдесятъ...

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Герценъ пріѣхалъ въ Лондонъ въ расчетѣ отдохнуть тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ европейскихъ бурь, но, оглядѣвшись, увидѣлъ, что ему, собственно говоря, «ѣхать некуда», и онъ остался на долгіе годы въ столицѣ Англіи. Началась жизнь эмигранта, окруженнаго такими же выходцами изъ всѣхъ

[1]) Т. V, стр. 240.

[2]) Т. 240.

странъ, началось и подготовленіе къ вольному слову на русскомъ языкѣ. Въ это-же время Герценъ написалъ по французски чрезвычайно интересную брошюру «Du développement» etc. (не вошедшую почему-то впослѣдствіи въ полное собраніе его сочиненій). По поводу этой брошюры въ «Сборникѣ посмертныхъ сочиненій Герцена» приведено въ высшей степени любопытное письмо къ нему нѣкоего доктора Coeurderoi. Вотъ оно:

«C'est une belle étude, organique et originale, il y a la veritable vigueur, travail serieux, verités nues, passages profondement émouvants. C'est jeune et fort comme la race slave; on sent parfaitement que ce n'est ni un Parisien, ni un Paléologue, ni un Philistre d'Allemagne qui ont écrit des lignes aussi brûlantes; ni un republicain constitutionnel, ni un socialiste théocrate et moderé,—mais un Cosaque (vous ne vous effrayez par ce nom, n'est ce pas?) grandement anarchiste, utopiste et poète, acceptant la negation et l'affirmation la plus hardie du XIX siècle. Ce que peu de révolutionnaires français osent faire» [1]).

Нельзя лучше охарактеризовать Герцена, чѣмъ это сдѣлалъ Coeurderoi въ приведенныхъ немногихъ строкахъ. Брошюра, какъ и все, выходившее изъ подъ пера Герцена, въ высшей степени умна, блестяща, обнаруживаетъ въ авторѣ громадный литературный талантъ, но въ ней такъ и сквозитъ самъ авторъ, по выраженію Coeurderoi, «cosaque» и притомъ «grandement utopiste et poète». Названіе «anarchiste», конечно, къ Герцену не можетъ быть вполнѣ приложимо, но его временами крайне капризная мысль давала основанія и къ такого рода умозаключеніямъ. Въ ослѣпительно блестящей, посвященной К. Д. Кавелину, статьѣ «Робертъ Оуэнъ», которую самъ Герценъ считалъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній, страницы замѣчательно трезваго реализма перемежаются съ страницами поистинѣ анархическими.

«Гейнцъ, литературный холопъ Меттерниха, за обѣдомъ во Франкфуртѣ сказалъ Оуэну: «положимъ, что вы бы успѣли,— что же бы изъ этого вышло?

[1]) Посмертныя сочиненія, 110.

— Очень просто,— отвѣчалъ Оуэнъ,— вышло бы то, что каждый былъ бы сытъ, хорошо одѣтъ и получилъ бы дѣльное воспоминаніе.

— Да, вѣдь, именно этого-то мы и не хотимъ,— замѣтилъ Цицеронъ Вѣнскаго Конгресса.

«Гейнцъ, чего нѣтъ въ другихъ, былъ откровененъ» [1]).

«Ахиллесова пята Оуэна не въ ясныхъ и простыхъ основаніяхъ его ученія, а въ томъ, что онъ думалъ, что обществу легко понять его *простую* (курсивъ Герцена) истину» [2]).

Эти чреватыя богатѣйшими выводами мысли, авторъ вдругъ запутываетъ вопросомъ: «совмѣстно-ли вообще разумное сознаніе и нравственная независимость съ государственнымъ бытомъ» и рѣшаетъ его чисто анархически.

Какъ уже сказано, въ Лондонѣ проживало въ это время много выходцевъ и притомъ выходцевъ съ огромными историческими именами: то были Мацции, Кошутъ, Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Ворцель, Марксъ и многіе другіе. Съ большинствомъ выходцевъ Герценъ не былъ близокъ по той причинѣ, что,— какъ это ни странно,— считалъ ихъ «неполными революціонерами». «Я съ своей стороны,— писалъ онъ Мацции на его предложеніе сдѣлаться членомъ международной юнты,— проповѣдую полный разрывъ съ неполными революціонерами, отъ нихъ на двѣсти шаговъ вѣетъ реакціей» [3]). Тѣмъ не менѣе со многими изъ эмигрантовъ Герценъ поддерживалъ добрыя личныя отношенія. Исключеніе составляла лишь эмиграція нѣмецкая и въ особенности глава ея, Карлъ Марксъ, къ которымъ Герценъ относился крайне враждебно. Мы уже упоминали, что Герценъ былъ, повидимому, совершенно незнакомъ съ сочиненіями Маркса. Неизвѣстна была ему, кажется, и вышедшая въ 1845 году замѣчательная книга Энгельса «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», неизвѣстно и многое другое въ этомъ же родѣ. Мы не хотимъ этимъ, конечно, сказать, что, ознакомься Герценъ съ ученіемъ Маркса и Энгельса, онъ сталъ бы подъ ихъ знамя, но можно положительно сказать, что въ этомъ случаѣ, при громадномъ умѣ Герцена, онъ навѣрное нашелъ

[1]) Т. IX, 304.
[2]) Ibid., 291.
[3]) Ibid., 6.

бы нѣкоторыя изъ тѣхъ «точекъ опоры», на отсутствіе которыхъ у Герцена указывалъ Страховъ. Ко всей нѣмецкой эмиграціи у Герцена не было другого отношенія, какъ къ «шайкѣ нѣмецкихъ государственныхъ людей, окружавшихъ неузнаннаго генія первой величины Маркса, «Schwefelbande», «марксовой шайкѣ» и т. д. Причиною такого отношенія Герцена къ Марксу были, по объясненію Герцена, пущенныя Марксомъ инсинуаціи и клеветы на Бакунина и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. «Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Жоржъ Зандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что, когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую-то компрометирующую Бакунина переписку. Навели справку у Ж. Зандъ и оказалось, что никогда ничего подобнаго она отъ Ледрю-Роллена не слыхала. Объ этомъ она прислала письмо, которое Марксъ и помѣстилъ въ своей газетѣ, добавивши лишь, что компрометирующая Бакунина статья «была помѣщена въ его отсутствіе». Потомъ, разсказываетъ Герценъ, «красный Марксъ избралъ самый черножелтый журналъ въ Германіи «Аугсбургскую Газету» и въ ней сталъ выдавать *анонимно* Карла Фогта за агента принца Наполеонѣ, Кошута съ Телеки, Пульскаго и проч., какъ продавшихся Наполеону.

Вслѣдъ затѣмъ Марксъ будто бы напечаталъ: «Герценъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона. Его близкія сношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной» [1]).

Само собою разумѣется, что такіе поступки, приписанные Марксу, не могли не раздражать противъ него Герцена до глубины души. Но такъ-ли все это было, какъ разсказываетъ Герценъ, былъ-ли писавшій въ «Аугсбургской Газетѣ» анонимъ, дѣйствительно, Марксъ или нѣтъ, мы не знаемъ, и приведемъ лишь то, что удалось намъ найти объ отношеніяхъ между Герценомъ и Марксомъ въ другихъ источникахъ. Въ 1864 году Бакунинъ видѣлся съ Марксомъ и объ этомъ свиданіи разсказывалъ самъ слѣдующее: «Гер-

[1]) Посмерт. стат., 59, 71 и др.

ценъ мнѣ говорилъ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня. Я этому не удивился очень, — такъ какъ я знаю его съ 1845 года. Поэтому, прибывъ въ 1862 году въ Лондонъ, я удержался отъ визита ему, мало желая возобновить свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 году, при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, которыя онъ самъ считалъ гнусными. Я долженъ былъ этому вѣрить» [1]).

Существуетъ также слѣдующее письмо Бакунина къ Герцену, помѣченное 28 октября 1869 года: «насчетъ Маркса вотъ мой отвѣтъ: я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что Марксъ виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ? Почему же я его пощадилъ и даже назвалъ великаномъ? Первая причина—справедливость. Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я, по крайней мѣрѣ, не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма, которому онъ служитъ умно, энергично и вѣрно, вотъ, уже скоро двадцать пять лѣтъ съ моего съ нимъ знакомства и въ которомъ онъ, несомнѣнно, *опередилъ всѣхъ насъ*. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, чуть-ли не главнымъ основателемъ Интернаціональнаго Общества, а это въ моихъ глазахъ заслуга огромная, которую я всегда признавать буду, что бы онъ противъ насъ ни надѣлалъ» [2]).

Въ письмѣ къ Огареву отъ 16 декабря 1869 года Бакунинъ писалъ: «мнѣ заказанъ переводъ страшной книги Маркса «Das Kapital»—784 страницы мелкой печати за 900 руб., изъ которыхъ я уже получилъ впередъ 300 руб. Переводъ страшно трудный. Сначала я не могъ перевести болѣе трехъ страницъ въ утро, теперь дошелъ до пяти, надѣюсь скоро дойти до десяти. Тогда дѣло будетъ въ шляпѣ» [3]).

[1]) Письма, 234.
[2]) Приведено во „введеніи" къ „письмамъ Бакунина къ Герцену и Огареву", XXXIX, изъ брошюры „La théologie politique de Mazzini et l'Internationale".
[3]) Письма, 249.

Изъ письма къ Огареву: «въ письмѣ, переданномъ тобою ему (Жуковскому), я его спрашивалъ, можетъ ли Адя на извѣстныхъ условіяхъ переписывать мой переводъ Маркса. Если можетъ, то я немедленно перешлю ей листовъ десять, а отъ меня уже требуютъ первыхъ листовъ, такъ что, не получая отвѣта отъ Жука, я самъ началъ ихъ переписывать» [1].

Обо всемъ этомъ до конца 1869 года, т. е. почти до самой смерти своей, Герценъ ничего не зналъ, что слѣдуетъ изъ такого, приводимаго Татьяной Пассекъ, его письма къ Огареву отъ 29 сентября 1869 года: «дай Богъ успѣху Бакунинскому переводу Маркса. Я одного не понимаю, почему же онъ держалъ подъ сурдинкой свои сношенія съ нимъ? Вся вражда моя къ марксидамъ изъ-за Бакунина» [2].

Почти передъ самой смертью стало складываться въ мысляхъ Герцена иное отношеніе къ Марксу и «марксидамъ» [3]. Но было уже поздно.

[1] Ibid., 249. Въ примѣчаніи издатели „писемъ" говорятъ: „Бакунинъ перевелъ лишь начало „Капитала".

[2] „Изъ дальнихъ лѣтъ", т. III, 221.

[3] Марксъ относился къ Герцену, въ свою очередь, далеко не дружелюбно. Извѣстенъ его отзывъ о нашемъ соотечественникѣ въ первомъ изданіи перваго тома „Капитала": „Если на европейскомъ континентѣ... все останется по старому... то все это можетъ, наконецъ, сдѣлать неизбѣжнымъ обновленіе Европы посредствомъ кнута и насильственнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой, о чемъ такъ ревностно пророчествуетъ полурусскій и вполнѣ „москвичъ" Герценъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что этотъ беллетристъ сдѣлалъ свое открытіе „русскаго" коммунизма не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена. („Капиталъ", Т. I, 643). Въ послѣдующихъ изданіяхъ „Капитала" это мѣсто было Марксомъ исключено.

Былъ-ли Марксъ знакомъ съ Герценомъ лично? На это у самого Герцена нѣтъ указаній, но въ статьѣ Н. Берга „Морская экспедиція повстанцевъ 1863 года", основаніемъ для котораго послужилъ помѣщенный въ №№ 180—227 за 1878 годъ польской газеты „Gazeta Narodova" самимъ начальникомъ экспедиціи полковникомъ Лапинскимъ разсказъ о ней, мы находимъ, между прочимъ, такія строки: „у Герцена собралось нѣсколько революціонныхъ тузовъ, бывшихъ тогда въ Лондонѣ — Маццини, Ледрю-Ролленъ, Марксъ,— повидимому съ тѣмъ, чтобы подѣйствовать на Лапинскаго, когда бъ онъ поколебался. Изъ поляковъ, сверхъ Лапинскаго, былъ только Цвѣрцяке-

[illegible] Герценъ [illegible] самостоя[illegible] увы. [illegible] міро[illegible] жизни [illegible] мнѣнія. [illegible] вреду. [illegible] вами. [illegible] [illegible] Мы [illegible] ду[illegible]

[illegible] Герценъ [illegible] глубокую [illegible] въ рус[illegible] жизни [illegible] воз[illegible] хотивши [illegible] лишенія [illegible] при[illegible] развитіе [illegible] именно [illegible] казать [illegible].

Съ такими-же мыслями Герценъ [illegible] разъ:

Мы не любимъ [illegible] природу [illegible] ча[illegible]

[illegible]

[illegible] Исторически Вѣстникъ", I. 1881 г., стр. 7[illegible].

Въ посвященномъ тому-же предмету разсказѣ Герцена „Пароходъ Ward Jackson" объ этомъ свиданіи совсѣмъ не упоминается, и потому разсказъ Бера принадлежитъ, вѣроятно, къ апокрифическимъ.

говариваніемъ и удивляемся, что больному не лучше; физика насъ оскорбляетъ своею независимою самобытностью; намъ хочется алхиміи, магіи, *а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ*, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается *дѣйствовать ихъ же средствами*» [1]).

«Занимался-ли кто-нибудь серьезно физіологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой? Никто: ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки» [2]).

«Доктора разсуждаютъ о трудно больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники; они могутъ въ душѣ плакать, но для борьбы съ болѣзнью надобно *пониманіе, а не слезы*» [3]).

Вотъ, по истинѣ, геніальныя мысли, развитіе которыхъ спасло бы Герцена отъ многихъ заблужденій. Въ особенности плодотворна была бы спинозовская мысль о необходимости «*пониманія, а не слезъ*». (У Спинозы эта мысль выражена въ видѣ извѣстнаго афоризма почти въ тѣхъ же словахъ: «не плакать, не смѣяться, а понимать»).

Характеризуя французскую эмиграцію, Герценъ писалъ: «въ ихъ рядахъ есть люди умные, острые, очень добрые, съ горячей религіей и съ готовностью ей пожертвовать всѣмъ, но понимающихъ людей, людей, которые бы изслѣдовали свое положеніе, свои вопросы такъ, *какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе или патологъ—болѣзнь*, почти вовсе нѣтъ» [4]).

Именно такихъ людей, которые изслѣдовали соціальные вопросы, «какъ естествоиспытатель изслѣдуетъ явленіе», Герценъ могъ найти тогда только въ нѣмецкой эмиграціи, но уже обстоятельства сложились такъ, что онъ прошелъ мимо этого выхода изъ соціальнаго пессимизма, который имъ завладѣлъ и потому сталъ склоняться все болѣе и болѣе къ славянофильству, запасая вмѣстѣ съ тѣмъ основы русскому народничеству. Весьма вѣроятно, что Марксъ былъ виноватъ передъ Герценомъ и Бакунинымъ, но отчего же первый не былъ также безпристрастенъ, какъ второй? Почему Герценъ разглядѣлъ многое хорошое въ эмиграціи французской, хотя и тамъ происходили иногда просто ужас-

[1]) Т. V, 22.
[2]) Ibid. 75.
[3]) Ibid. 81.
[4]) Сборн. посм. ст., 106—107.

ныя вещи (см., напр., разсказъ Герцена о дуэли между Бартеломи и Курне) или эмиграціи польской, несмотря на то, что отъ него не ускользнули и ея темныя стороны, имъ же разсказанныя въ статьѣ «Пароходъ Ward Jackson» и нѣкоторыхъ другихъ.

О томъ, что такое нѣмецкая эмиграція, Герценъ могъ бы узнать, напримѣръ, отъ Анненкова, описавшаго впослѣдствіи свое очень любопытное свиданіе съ Марксомъ[1]).

---

[1]) Вотъ этотъ разсказъ: „По дорогѣ въ Европу,—разсказываетъ Анненковъ, я получилъ рекомендательное письмо къ извѣстному Марксу отъ нашего степного помѣщика, также извѣстнаго въ своемъ кругу за отличнаго пѣвца цыганскихъ пѣсенъ, ловкаго игрока и опытнаго охотника. Онъ находился, какъ оказалось, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ учителемъ Лассаля и будущимъ головою Интернаціональнаго Общества. Онъ увѣрилъ Маркса, что, предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи. Далѣе этого увлеченіе идти не могло, но я убѣжденъ, что, когда лихой помѣщикъ далъ всѣ эти обѣщанія, онъ былъ въ ту минуту искрененъ. Возвратившись же на родину, сперва въ свое имѣніе, а затѣмъ въ Москву, онъ забылъ и думать о горячихъ словахъ, произнесенныхъ нѣкогда такъ эффектно передъ изумленнымъ Марксомъ и умеръ не такъ давно престарѣлымъ, но еще пылкимъ холостякомъ въ Москвѣ. Немудрено, однако, что послѣ подобныхъ продѣлокъ, какъ у самаго Маркса, такъ и у многихъ другихъ, сложилось и долгое время длилось убѣжденіе, что на всякаго русскаго, къ нимъ приходящаго, прежде всего должно смотрѣть, какъ на подосланнаго шпіона или какъ на безсовѣстнаго обманщика... Я воспользовался, однако, письмомъ моего пылкаго помѣщика, который, отдавая его мнѣ, находился еще въ энтузіастическомъ настроеніи и былъ принятъ Марксомъ въ Брюсселѣ очень дружелюбно... Съ перваго свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собою въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить по возможности общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться на приглашеніе... Отрекомендовавшись наскоро другъ другу и при томъ съ оттѣнкомъ изысканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ, какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по англійски важный и серьезный, Энгельсъ открылъ засѣданіе рѣчью...

Къ концу своей жизни Герценъ писалъ «письма къ старому товарищу» (Бакунину), которыя весьма замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Уже самый къ нимъ эпиграфъ, взятый изъ письма Іереміи Бентама къ Александру Первому — «одни мотивы, какъ бы они ни были достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ средствъ»,

Онъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „скажите же намъ, Вейтлингъ, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?“ Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія, продолжавшіяся, какъ сейчасъ окажется, очень не долго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разноглагольствованія. Съ какимъ-то серьезнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза. Онъ говорилъ долго, но къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво... Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ или читали его газету... Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы еще долѣе, если-бы Марксъ, съ гнѣвно-стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что въ цивилизованной землѣ, какъ Германія,—люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самого дѣла, за которое принялись. — Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества. При послѣднихъ словахъ взбѣшенный окончательно, Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, вскочилъ съ мѣста и проговорилъ: „никогда еще невѣжество никому не помогло!“ Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необыкновенномъ раздраженіи по комнатѣ, я наскоро распрощался съ нимъ и его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ“. (Замѣчательное Десятилѣтіе, Вѣстникъ Европы 1880 г., № 4, 496 — 499). Вездѣ и всюду вниманіе Герцена привлекало все сильное, мощное, энергичное, почему же въ данномъ случаѣ этого не случилось? Или Анненковъ не разсказывалъ ему поразившую его сцену? Не знаемъ...

указываетъ на точку зрѣнія, которой хотѣлъ держаться Герценъ въ этихъ «письмахъ». Онъ высказываетъ мысль, что скачки въ исторіи невозможны не только потому, что этому противодѣйствуютъ всякія «внѣшнія препятствія», но и потому, что «старое» имѣетъ слишкомъ глубокіе корни во всемъ прошломъ. «Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью, — городскихъ рабочихъ, — выйти изъ него, но удерживается старымъ традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части» (крестьянства) [1].

«Изъ міра нравственной неволи и подавторитетности мы и бьемся выйти *въ ширь пониманія*, въ міръ *свободы въ разумѣ*» [2].

«Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, неотъемлема всякому процессу разумѣнія. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы мысли о соціологіи могутъ прививаться, какъ оспа, или вливаться въ мозги, какъ вливаютъ лошадямъ сразу лѣкарство въ ротъ» [3].

«Ни ты, ни я не измѣнили нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему со страстью разрушенія, которую принимаешь за творческую страсть, ломая препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе пути и стараюсь понять *шагъ людской* (курсивъ Герцена) въ быломъ и настоящемъ, иду съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мною, не могутъ идти» [4].

«Каждый восходящій или воплощающійся принципъ въ исторической жизни представляетъ *высшую правду* (курсивъ Герцена) своего времени и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны. потомъ онъ дѣлается *ложью* (курсивъ его же) и, наконецъ, *воспоминаніемъ*» [5].

---

[1]) Сборн. посм. стат., 289.
[2]) Ibid. 298.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. 302.
[5]) Ibid. 308.

«Между мнѣніемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемомъ распущеніи государства въ федерально-коммунальную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія» [1]).

Читатель видитъ, что Герценъ подходилъ нерѣдко къ «марксистскимъ», а частью, если угодно «беренштеніанскимъ» идеямъ, но также нерѣдко вдругъ запутывалъ ихъ воззрѣніями совсѣмъ «изъ другой оперы».

«Проповѣдь нужна людямъ, — писалъ онъ сейчасъ же послѣ вышеприведенныхъ строкъ, — проповѣдь неустанная, ежели путная, проповѣдь *равно обращенная къ работнику и хозяину*, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардовъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушеніемъ. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и чужимъ» [2]).

Смерть застала Герцена такъ и не примирившимъ роившіяся въ его головѣ противорѣчія...

Помимо сочиненій Герцена въ высшей степени интересна его переписка съ разными лицами, знакомство съ которой безусловно необходимо для пониманія духовной физіономіи знаменитаго писателя. Въ числѣ его многочисленныхъ поклонниковъ находился и К. Д. Кавелинъ, писавшій ему между прочимъ такія письма:

«Я не могу любить тебя, какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь предъ тобою и вижу въ тебѣ великаго человѣка... Тебѣ лавровый вѣнокъ, представителю русской мысли, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность... Я выбиралъ эти бисеринки изъ твоихъ статей, которыя казались мнѣ программами цѣлыхъ будущихъ трактатовъ и благоговѣлъ передъ этими проблесками геніальности, закладывавшими мысль за столѣтіе впередъ» [3]).

«Когда ты обличалъ все съ неслыханной и невиданной смѣлостью, когда ты бросалъ въ геніальныхъ своихъ статьяхъ и памфлетахъ мысли, которые забѣгали на вѣка впередъ, а для текущаго дня ставили требованія самыя умѣренныя, самыя ближайшія, стоявшія на очереди, ты мнѣ предста-

---

[1]) Ibid. 309.
[2]) Ibid. 311.
[3]) Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ, 55.

влялся тѣмъ великимъ человѣкомъ, которымъ должна начаться новая русская исторія. Я плакалъ надъ твоими статьями, зналъ ихъ наизустъ, выбиралъ изъ нихъ эпиграфы для будущихъ историческихъ трудовъ, изслѣдованій политическихъ и философскихъ» [1]).

«Повторяю, мысли, которыя ты бросаешь мимоходомъ, какъ будто невзначай, кажутся мнѣ программами на вѣка» [2]) и т. д.

Преклоненіе Кавелина передъ Герценомъ, конечно, вполнѣ естественно и заслуженно, но иногда оно было такъ велико, что Константинъ Дмитріевичъ не имѣлъ ничего противъ и даже одобрялъ самыя рискованныя идеи знаменитаго писателя.

«Идите бодро своей дорогой, — писалъ онъ Герцену и Огареву, — сѣмена, которыя вы сѣете (дѣло шло объ изданіяхъ на русскомъ языкѣ), падутъ на добрую почву, т. е. на подпочву русскую, свѣжую, *неразвращенную излишнимъ книжнымъ ученіемъ*. Тамъ здраваго смысла больше, чѣмъ въ нашихъ слояхъ и тамъ все это будетъ понятно» [3]).

Рѣдкія свиданія съ Герценомъ казались Кавелину изъ праздниковъ праздниками, о которыхъ онъ съ восторгомъ упоминалъ потомъ въ своихъ письмахъ. Герценъ платилъ за это Кавелину теплою дружбою и даже посвятилъ ему своего «Роберта Оуэна». Но вотъ тотъ же Кавелинъ написалъ за границей брошюру, находившуюся въ большомъ, по нашему мнѣнію, согласіи съ славянофильско-народнически-демократическими взглядами Герцена, *противъ* дворянско-конституціонныхъ замысловъ нѣкоторыхъ лицъ въ 60-хъ годахъ («Дворянство и освобожденіе крестьянъ»). Герценъ страшно на это разсердился и тономъ властнаго человѣка писалъ Кавелину: «буду ждать твоего отвѣта или не буду ждать и тебя!»... По существу дѣла Герценъ былъ, конечно, правъ въ такой отповѣди Кавелину, но упрекнуть Кавелина въ томъ, что онъ отступилъ отъ проповѣдованныхъ Герценомъ же взглядовъ или сдѣлалъ изъ нихъ неправильные выводы, будетъ едва-ли справедливо. Письменные и печатные споры

[1]) Ibid. 60.
[2]) Ibid. 47.
[3]) Ibid. 13.

Герцена съ Тургеневымъ служатъ тому доказательствомъ. Какъ послѣдовательный западникъ, Тургеневъ, конечно, не могъ согласиться во многомъ съ Герценомъ, воззрѣнія котораго на Россію онъ мѣтко называлъ «неперебродившей соціально-славянофильской брагой».

«Главное наше несогласіе съ Огаревымъ и Герценомъ, — писалъ онъ къ одному пріятелю, — состоитъ въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ реформаторское начало въ *народѣ*. На дѣлѣ это совсѣмъ наоборотъ» [1].

«Роль образованнаго класса въ Россіи, — писалъ онъ же Герцену и Огареву, — быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему принимать или отвергать; это, въ сущности, скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводитъ въ дѣйствіе революція; эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ, и что всего важнѣе, въ сущности, отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, *консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи* въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, и съ отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрные черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить, — посмотри на нашихъ купцовъ. Я не даромъ употребилъ слово абстрагировать. Земство, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши, — это пресловутое земство оказалось на дѣлѣ такой же вымученной штучкой, какъ родовой бытъ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ [2]) (истинно потрудился!) и ничто не измѣнитъ моего убѣжденія. Земство либо значитъ то же, что значитъ любое, односильное

[1]) Ibid. 153.
[2]) Т. е. надъ книгой Щапова—„Земство и расколъ“.

западное слово, либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно *ровно ста мужикамъ изъ ста*» [1]).

«Россія — не Венера Милосская въ черномъ тѣлѣ и узахъ. Это такая же дѣвица, какъ и старшія ея сестры, и она уже... и также будетъ таскаться, какъ и тѣ» [2]).

«Отъ общины Россія не знаетъ какъ отчураться, а что до артели, я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: «кто артели не знавалъ, не знаетъ петли». Не дай Богъ, чтобы безчеловѣчно-эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ» [3]).

Герценъ отвѣчалъ на все это не только письмами, но и цѣлыми статьями («Концы и начала», «Еще варіаціи на старую тему» и др.).

«На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что *сельская община*, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить» [4]).

«Государство и крѣпостное право по своему сохранило родовую общину; постоянное, *зиждующее* (курсивъ Герцена) начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось: общинное владѣніе землей, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ вырасти новая общественная жизнь, почву, которой, какъ нашего чернозема, почти нѣтъ въ Европѣ. Вотъ почему, любезный другъ, я, середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, среди темной ночи, которая надаетъ на усталый, больной Западъ, отворачиваюсь отъ *предсмертнаго* стона великаго борца, котораго уважаю, но которому *помочь нельзя*, и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій» [5]).

Начавши еще съ письма къ Мишле страстную проповѣдь объ особыхъ, самобытныхъ путяхъ, которыми предстоитъ развиваться Россіи, объ общинѣ, артели и прочихъ «стихіяхъ русской жизни» [6]), на коихъ должно созиждиться

[1]) Переписка 160 – 161.
[2]) Ibid. 170.
[3]) Ibid. 198.
[4]) Еще варіація на старую тему, 285.
[5]) Ibid. 292.
[6]) Подлинное выраженіе Герцена, т. IV, 267.

зданіе будущаго, Герценъ такъ и умеръ съ убѣжденіемъ въ истинности своихъ объ этомъ предметѣ воззрѣній.

Эта иллюзія Герцена проникла позже глубоко въ сознаніе писателей народническаго направленія, *котораго Герценъ и явился первымъ родоначальникомъ и основоположникомъ.*

Намъ слѣдовало бы сказать еще объ издательской дѣятельности Герцена за границей, но въ настоящей статьѣ мы этого предмета касаться не будемъ.

9 января 1870 года Герцена не стало, и могила въ Ниццѣ приняла въ себя бренные останки одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей и отмѣченнаго несомнѣнною печатью геніальности писателя.



Скажемъ еще нѣсколько словъ.

Мы отнеслись критически къ тѣмъ изъ воззрѣній Герцена, которыя слегка скрашены славянофильствомъ, но намъ, разумѣется, не могла придти и въ голову дерзновенная идея развѣнчать на этомъ основаніи великаго человѣка. Нѣтъ, лавровый вѣнокъ уже надѣла на голову Герцена исторія, и никакія силы въ мірѣ не лишатъ его этого заслуженнаго вѣнка.

Пусть Герценъ ошибался въ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ, но выше его теоретическихъ ошибокъ стоитъ тотъ душевный неугомонъ, тотъ священный огонь, который неугасимо горѣлъ въ его груди до гробовой доски.

Да и помимо этого, въ самихъ воззрѣніяхъ Герцена существуютъ такія стороны, которыя составляютъ непреложную истину сами по себѣ, и въ нихъ лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ нетлѣнной славы его жизни и дѣятельности.

Страстная отзывчивость на явленія жизни, глубокая вѣра въ мощь науки и чисто рыцарское служеніе ея истинамъ составляютъ существеннѣйшія черты духовной физіономіи Герцена. Прибавьте сюда изъ ряда вонъ выходящій литературный талантъ и вы получите ту ослѣпительно яркую личность, имя которой—Александръ Ивановичъ Герценъ. И имя это будетъ славно на Руси въ роды и роды!

Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли[1]).

(*Памяти Н. А. Добролюбова*).

Пятидесятые годы близились къ концу. То была эпоха знаменитаго «пролога къ прологу», время, когда надъ русской тундрой повѣяло живительнымъ дыханіемъ наступавшей весны, когда стала «качаться цѣпь великая», когда все юное, свѣжее и неиспорченное свинцовой атмосферою предшествовавшаго періода съ энтузіазмомъ привѣтствовало наступленіе новой эры.

«Лучше освободить крестьянъ сверху, нежели дождаться пока они освободятъ себя снизу» — такова была категорическая форма, въ которой доводила до всеобщаго свѣдѣнія свои намѣренія относительно крестьянскаго вопроса высшая власть въ странѣ. Всѣ знали, что недолго уже оставалось ждать до момента осуществленія завѣтнаго желанія «людей сороковыхъ годовъ»; что однимъ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостного права реформа ограничиться не можетъ; что подняты вопросы о капитальномъ ремонтѣ всего, столѣтіями выросшаго на крѣпостномъ фундаментѣ зданія; что цѣлая полоса русской исторіи отходитъ въ область прошлаго; что на горизонтѣ вырисовываются контуры чего-то новаго, большого, еще не бывалаго на Руси...

Одни привѣтствовали наступленіе близкаго будущаго съ восторгомъ, видя въ немъ зарю той жизни, о которой они мечтали съ юныхъ лѣтъ; другіе встрѣчали ежедневно приходившія въ самые глухіе углы Россіи вѣсти о «новомъ курсѣ» со страхомъ передъ мерещившейся имъ бурей, которая, де, развѣетъ по вѣтру вѣковыя «дворянскія гнѣзда». Бодро, свѣтло и радостно было настроеніе людей прогрессивнаго лагеря. Противники существующаго строя еще въ

[1]) Напечатано въ ноябрьской книжкѣ „Міра Божьяго“ за 1901 г.



Н. Чернышевскій

(Съ фотографіи).

недалекомъ прошломъ, они готовы были восклицать вмѣстѣ со своимъ передовымъ борцомъ: «Ты побѣдилъ, галилеянинъ!...» Мрачно, угрюмо и злобно будировали противъ «новшествъ» противники реформъ. Два существующіе во всякое время, но обостряющіеся съ особою силою въ критическіе моменты исторіи, враждебные одинъ другому потока общественной мысли сталкивались на каждомъ шагу. Прогрессивное начало жизни ликовало и торжествовало свою побѣду. Безсильное защитить себя при дневномъ свѣтѣ силою аргументовъ, начало обратное изощряло всѣ свои способности въ привычной ему сферѣ инсинуацій и интригъ противъ всего добраго и живого. И чѣмъ неизбѣжнѣе казался восходъ солнца новой жизни, тѣмъ безпокойнѣе становилась дѣятельность не переносящихъ свѣта совъ и нетопырей нашихъ канцелярій и университетовъ, казармъ и редакцій журналовъ.

Но не этими только двумя теченіями общественной мысли и ихъ столкновеніемъ опредѣлялся вполнѣ характеръ приснопамятной эпохи русской жизни. Рядомъ съ прогрессивнымъ и реакціоннымъ теченіемъ ясно обозначился и третій потокъ. Прогрессисты вышли сами почти поголовно изъ барской среды. Расходившіеся нерѣдко между собою, казалось, чрезвычайно глубоко, люди эти носили на себѣ, тѣмъ не менѣе, ясную печать взрастившей ихъ среды и имѣли не мало родственныхъ чертъ во всемъ складѣ ихъ психической природы. Была такая общая скобка, за которою безъ труда помѣщались вмѣстѣ и западники, и славянофилы. Не одно только «общее дѣло», не исключительно лишь борьба съ крѣпостниками, ради достиженія одинаковой дорогой и западникамъ, и славянофиламъ ближайшей цѣли (само собою разумѣется, что мы говоримъ о славянофилахъ типа Хомякова, Самарина, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, а отнюдь не о людяхъ, только по недоразумѣнію называющихъ себя ихъ единомышленниками) сближали между собою этихъ людей; нѣтъ, тутъ была извѣстная доля психическаго родства, безотчетной симпатіи, взаимнаго тяготѣнія. Хомяковъ и Тургеневъ, Самаринъ и Кавелинъ, Аксаковъ и Панаевъ, Кирѣевскій и Анненковъ принадлежали одинаково къ поколѣнію «людей сороковыхъ годовъ»; у всѣхъ у нихъ было много общихъ дорогихъ воспоминаній,

позади каждаго изъ нихъ стояла барская усадьба, съ царившемъ въ ней, правда, «чудовищемъ», бороться съ которымъ они давали «аннибаловы клятвы», но и съ очаровательными, тѣнистыми парками, съ поэтическими бесѣдками, съ широкимъ привольемъ, съ чудными женскими головками... Радость, непритворная, глубокая радость наполняла сердца Тургенева и его близкихъ по духу людей при видѣ паденія крѣпостного права, но къ радости этой не могла не примѣшиваться черточка и нѣкоторой грусти... Вѣдь, какъ ни какъ, а съ исчезновеніемъ фундамента — не перестаемъ повторять это — искренно ненавидимаго, обрекалось на исчезновеніе и многое другое, близкое, многое такое, съ чѣмъ съ дѣтства сроднилась душа и что теперь при косыхъ лучахъ уже склонившагося далеко къ западу солнца личной жизни, представлялось окруженнымъ особо поэтическимъ ореоломъ... Да и могло-ли быть это иначе, могли-ли люди сороковыхъ годовъ усиліями разума и воли, въ особенности воли, на отсутствіе которой у своего поколѣнія они сами не разъ горько сѣтовали, освободиться отъ всего того, что наслоилось вѣками, развилось подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства, закрѣпилось дальнѣйшимъ обращеніемъ въ опредѣленной общественной средѣ? Неужели Тургеневъ, этотъ «Гомеръ дворянскаго сословія», могъ бы когда-нибудь подарить намъ такую чудную, такую высоко-поэтическую вещь, какъ «Дворянское гнѣздо», если бы онъ не былъ самъ кость отъ кости и плоть отъ плоти одного изъ такихъ «гнѣздъ»? Неужели та тихая грусть, которой проникнуто это чарующее произведеніе, могла бы имѣть мѣсто и, что особенно важно, сообщаться такъ сильно читателю, если бы на такую же тему caeteris paribus вздумалъ написать романъ, напр., Чернышевскій? Каждому свое. Безъ извѣстнаго элемента барства въ натурѣ, Тургеневъ не былъ бы Тургеневымъ. Тэнъ говоритъ, а Мельхіоръ де-Вогюэ повторяетъ, вполнѣ съ нимъ соглашаясь, что «Тургеневъ былъ однимъ изъ самыхъ совершенныхъ художниковъ, какими только обладалъ міръ послѣ художниковъ Греціи». Невѣдомо откуда посылаетъ судьба своимъ избранникамъ то, что называется дарованіемъ, талантомъ, геніемъ, но дѣло совершенно ясное, что для *развитія* этихъ даровъ необходимы благопріятныя условія жизни. Барство и было важнѣйшимъ

условіемъ для развитія талантовъ людей сороковыхъ годовъ. Но сослуживъ имъ такую службу, оно же не могло не коснуться ихъ и своими отрицательными сторонами. Оно надѣлило ихъ такими чертами характера, въ силу которыхъ люди сороковыхъ годовъ не шли дальше «благихъ порывовъ», а «свершить имъ ничего не было дано». Между тѣмъ, пришло время, когда, выражаясь въ экономическихъ терминахъ, на рынкѣ русской жизни появился спросъ на людей иного закала, на людей съ твердой волей, непреклонными характерами, умѣньемъ бороться за свои идеалы. Сороковые же годы могли выработать все, что угодно, но только не это.

Пробилъ часъ появленія на исторической аренѣ Чернышевскихъ и Добролюбовыхъ.

Въ своей извѣстной книгѣ—«Русскіе писатели и артисты», А. Я. Головачева-Панаева разсказываетъ, между прочимъ, о причинахъ столкновенія, происшедшаго между Тургеневымъ и Добролюбовымъ, которое окончилось разрывомъ Тургенева съ редакціей «Современника» [1]). Нисколько не сомнѣваясь въ искренности почтенной дамы-писательницы, мы въ то же время совершенно убѣждены, что изъ ея книги читатель не получитъ ни малѣйшаго представленія объ описываемыхъ ею событіяхъ. Наблюдая все происходившее вокругъ и вспоминая всевозможныя мелочи, г-жа Головачева, подобно крыловскому «Любопытному», «слона-то и не примѣтила». Упоенный литературною славою, — повѣствуетъ намъ г-жа Головачева, — Тургеневъ, приглашая какъ-то къ себѣ обѣдать Некрасова, Панаева и другихъ, повернулъ небрежно голову къ Добролюбову и сказалъ: «приходите и вы, молодой человѣкъ.» Добролюбовъ на это обидѣлся и не пошелъ. Тургеневъ увидѣлъ въ такомъ поступкѣ Добролюбова непочтеніе къ своей особѣ и пр., и пр., и пр. Дѣло кончилось присылкою Тургеневымъ Некрасову ультиматума, который гласилъ: «выбирай: я или Добролюбовъ.» Все это, можетъ быть, и такъ, все это даже похоже на правду, но эта «правда» такого сорта, которая, вмѣсто разъясненія дѣла, затемняетъ его хуже всякихъ красныхъ вымысловъ. Г-жа Головачева напоминаетъ, повто-

[1]) См. книгу *Головачевой*, 303, 319 и др.

ряемъ, именно «Любопытнаго», который «все видѣлъ, высмотрѣлъ» до «бабочекъ, букашекъ и мушекъ» включительно, а не замѣтилъ бездѣлицы: слона.

Она становится на сторону Добролюбова, описываетъ его очень симпатичными штрихами, но, прочтя до конца всѣ посвященныя ею Добролюбову страницы, Добролюбова то вы въ нихъ не найдете.

«Въ противоположность вѣчно занятому сплетнями и пересудами кругу Тургенева, — повѣствуетъ Головачева, — Добролюбовъ, Чернышевскій и ихъ друзья вели постянно серьезныя бесѣды». *О чемъ* же бесѣдовали они, спроситъ заинтересовавшійся такими строками читатель, *что* служило главною темою ихъ разговоровъ между собою въ то лихорадочное время, *какъ* откликались они въ своемъ тѣсномъ кругу на происходившія тогда крупныя событія? Но тщетно будетъ задавать онъ подобные вопросы, ибо тутъ-то находится слонъ, котораго не замѣтила г-жа Головачева. Ничего новаго по *этому* поводу читатель изъ ея книги не узнаетъ...

Но, если г-жа Головачева не замѣтила ровно ничего изъ характернѣйшихъ чертъ того общества, среди котораго она такъ долго вращалась, то существуетъ, къ счастью, свидѣтельства другихъ лицъ, обрисовывающихъ дѣло съ наиболѣе интересной стороны.

Вотъ слова одного изъ современниковъ и единомышленниковъ Добролюбова, напечатанныя вскорѣ послѣ смерти знаменитаго писателя:

«При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ жило русское общество въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, — говоритъ П. А. Бибиковъ, — увлечься было легко, но много надо было смѣлости и здраваго смысла, чтобы усумниться во всеобщемъ увлеченіи и еще болѣе того, чтобы громко высказать свое мнѣніе. Горе было человѣку, у котораго доставало яснаго пониманія и твердой рѣшимости сказать обществу, что оно топчется на одномъ мѣстѣ и ни на шагъ не ступаетъ изъ болота, въ которое втянула его судьба, когда оно было въ полной увѣренности, что корабль тронулся да еще и пошелъ полнымъ ходомъ. За это и поднялись противъ него люди всѣхъ партій и оттѣнковъ. *Этого* они не могли простить ему»[1])...

---

[1]) *Бибиковъ*, „О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова" СПб. 1862, 58.



Н. А. Добролюбовъ.

(Съ фототипіи В. Классена).

Эти нѣсколько словъ говорятъ куда громче всего многословія Головачевой. Не останавливаясь ни на какихъ «бабочкахъ и букашкахъ» въ жизни и міросозерцаніи Добролюбова, Бибиковъ указалъ прямо на «слона», которымъ Добролюбовъ и его друзья отличались отъ другихъ людей «всѣхъ партій и оттѣнковъ».

Что партія реакціонеровъ должна была ненавидѣть «Современникъ», это понятно само собою; что немногимъ лучше относились къ нему люди въ родѣ редактора газеты «Наше Время» Павлова [1]), это тоже вполнѣ естественно, но на причинахъ далеко недружественнаго отношенія къ Чернышевскому и Добролюбову людей, дѣйствительно, прогрессивныхъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что прогрессисты типа Тургенева, привѣтствуя отъ всей души паденіе крѣпостного права и мечтая о широкихъ реформахъ, не могли, однако, смотрѣть на массу иначе, какъ нѣсколько, а многіе даже и не нѣсколько, сверху внизъ. Они могли признать девизомъ своей дѣятельности формулу — «tout *pour* le peuple», но всѣмъ складомъ своей психики были чужды формулы «tout *par* le peuple». На этомъ-то центральномъ пунктѣ и столкнулось міросозерцаніе старыхъ баръ и новыхъ разночинцевъ. «Посмотрите, какой подъемъ въ общественномъ настроеніи, какъ искренно увлеченіе передовыхъ слоевъ общества, какъ много вышло изъ помѣщичьихъ усадьбъ силъ, которыя готовы посвятить себя дѣлу обновленія отечества; на нихъ, на этихъ силахъ, и должны покоиться наши упованія. Эти силы сдѣлаютъ «tout pour le peuple». Въ такой приблизительно формѣ раздавались рѣчи прогрессистовъ. Но недовѣрчиво внимали имъ Добролюбовы, Чернышевскіе, Бибиковы, Серно-Соловьевичи и только временами произносили сквозь зубы:

А глядишь, нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

Или:

А нашъ новый Мирабо
Стараго Гаврилу

---

[1]) См., напримѣръ, статью *Павлова*, „Г. Чернышевскій и его время“, въ № 28 „Наше Время“, 467—476.

За измятое жабо
Хлещетъ въ грудь и въ рыло...

Немного найдется въ нашей литературѣ болѣе злыхъ характеристикъ русскаго общества, чѣмъ въ статьѣ Чернышевскаго «Русскій человѣкъ на rendez-vous». Поводомъ для нея послужило появленіе въ 1858 году въ «Современникѣ» тургеневской повѣсти «Ася». Статья Чернышевскаго напечатана въ іюньской книжкѣ журнала «Атеней» за тотъ же годъ и носитъ, кромѣ указаннаго названія, еще подзаголовокъ: «Размышленія по прочтеніи повѣсти Тургенева «Ася». Показавъ, что герой этой повѣсти (русскій Ромео, какъ называлъ его Чернышевскій) находится въ близкомъ родствѣ съ героемъ некрасовской поэмы «Саша», герценовскаго романа «Кто виноватъ» (Бельтовымъ) и многими другими, Чернышевскій писалъ:

«Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми порядочными людьми, подобно ему выведенными другими у другихъ поэтовъ; пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія, и большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Немногіе, самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе объ ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія и сказать: «вы хотите того-то и того-то. Мы очень рады. Начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ». При такой репликѣ, одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что «какъ же можно такъ скоро» и «при томъ же они честные люди» и не только честные, но очень смирные и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ и что, вообще, развѣ можно, въ самомъ дѣлѣ, хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ

нечего дѣлать и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами и неудобствами и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они «никакъ не желали и не ожидали» и проч. [1]).

Обращаясь собственно къ «Асѣ» и указавъ на поразительную недогадливость Ромео, авторъ продолжаетъ: «При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, вамъ можетъ показаться, что предъ вами или дитя, или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій подъ тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что сводятся къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе,—онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки серебромъ; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ которой выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей, и вы увидите, что онъ совершенно переконфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство: онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ, не сумѣетъ и картъ держать въ рукахъ. Онъ похожъ на моряка, который всю жизнь дѣлалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію вѣхъ между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ. Что, если этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя въ океанѣ?» [2]).

Теперь спрашивается, какъ должны были относиться всѣ игроки въ ералашъ «по маленькой» да моряки, плавающіе въ полупрѣсной водѣ, къ автору подобныхъ строкъ

[1]) „Атеней“, май—іюнь, 1858, 71.
[2]) Ibid., 81—82.

и его школѣ? Не ясно-ли, какъ правъ былъ Бибиковъ, утверждавшій, что *этого* они не могли простить ему?..» Правда, Бибиковъ говорилъ это про Добролюбова, но сущность дѣла отъ того не мѣняется. Люди сороковыхъ годовъ чувствовали, что отъ новоявленныхъ разночинцевъ ихъ раздѣляетъ бездонная пропасть. Съ Чернышевскимъ они еще коекакъ мирились: съ Добролюбовымъ же чувствовали себя окончательно не въ своей тарелкѣ. Самъ Чернышевскій видѣлъ это и приписывалъ такую разницу большей цѣльности натуры и убѣжденій Добролюбова. Въ открытомъ письмѣ къ Зарину онъ писалъ уже послѣ смерти Добролюбова такія строки:

«Мы не были, милостивый государь, такъ тупы и глупы, чтобы не считать его (Добролюбова) первымъ человѣкомъ въ своемъ кругу. Но вы можете не повѣрить моему свидѣтельству. Сообщу же вамъ два изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною. Первый изъ нихъ относится къ концу 1858 года. Я сидѣлъ у г. Кавелина, въ домѣ котораго Добролюбовъ сталъ близкимъ человѣкомъ съ начала того года. «Странное дѣло,—сказалъ мнѣ, между прочимъ, г. Кавелинъ,—я не могу чувствовать къ Добролюбову того мирнаго расположенія, какъ, напримѣръ, къ вамъ. Отчего это? Образъ мыслей у насъ, повидимому, одинаковъ; а какъ человѣкъ онъ—превосходнѣйшій человѣкъ: мое мнѣніе о его сердцѣ и характерѣ доказывается тѣмъ, что я допустилъ его совершенно овладѣть мыслями моего сына, чего не сдѣлалъ бы, если бы могъ считать что нибудь дурнымъ въ Добролюбовѣ. Но отчего же я чувствую, что онъ *совершенно чуждъ мнѣ*, между тѣмъ, какъ, напримѣръ, вы *не вовсе чужды.*» Я сказалъ тогда: «Это оттого, что въ Добролюбовѣ нѣтъ тѣхъ слабостей и шаткостей въ мысляхъ и въ характерѣ, которыя даютъ намъ нѣкоторыя точки опоры, чтобы притягивать мой образъ мыслей и поступковъ къ вашему. Взглядъ его тверже и яснѣе, чѣмъ у меня, потому не остается для васъ возможности понимать его въ вашемъ смыслѣ, какъ можете вы въ значительной степени дѣлать съ моимъ взглядомъ»... Другой подобный же разговоръ, былъ у Чернышевскаго съ Тургеневымъ. «Онъ (Тургеневъ) былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «Васъ я еще могу переносить, но Добролюбова не могу.» «Это оттого, сказалъ я, что Добролю-

бовъ умнѣе и взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже.» — «Да,—отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ,—да, вы — простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя.» Вотъ вамъ, милостивый государь, два случая, показывающіе, какъ понимались отношенія мои къ Добролюбову. Вы можете видѣть изъ нихъ, что онъ давно уже считался самымъ полнымъ представителемъ того направленія, которое далеко не съ такою опредѣленностью и силой выражалось во мнѣ» [1]).

Едва-ли правъ былъ Чернышевскій, ставя себя во всѣхъ отношеніяхъ ниже Добролюбова, хотя онъ и утверждалъ это всю свою жизнь, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія. Въ разсказанныхъ Чернышевскимъ случаяхъ ясно выступила та непримѣримость взглядовъ, которая болѣе и болѣе обнаруживалась между людьми сороковыхъ годовъ и новою школою. На этой-то почвѣ и долженъ былъ рано или поздно произойти расколъ въ редакціи «Современника», въ которой нѣкоторое время уживались представители, въ сущности, глубоко различныхъ между собою міросозерцаній.

По поводу повѣсти «Ася» Чернышевскій написалъ статью, въ которой прямо бросилъ въ лицо разнымъ «героямъ» свое «не вѣрю», «ничего не сдѣлаете» и пр. Для возможности претворенія идеала въ дѣйствительность онъ указывалъ на совсѣмъ другіе общественные слои. А Добролюбовъ? Что такое его знаменитая статья объ «Обломовщинѣ», какъ не доведенное до крайняго предѣла отрицаніе возможности возлагать на вскормленныхъ крѣпостными хлѣбами культурныхъ русскихъ людей какихъ бы то ни было надеждъ и упованій?

По чрезвычайно вѣрному замѣчанію одного русскаго писателя, «Добролюбовъ былъ геніальный публицистъ, по нуждѣ сдѣлавшійся критикомъ». Кто будетъ упускать изъ вида это обстоятельство, тотъ никогда не пойметъ роли Добролюбова въ нашей литературѣ. Съ публицистическимъ перомъ въ рукѣ и написалъ онъ свою статью «Что такое обломовщина»? Правильно или нѣтъ, но въ ней рѣшилъ онъ

[1]) „Въ изъявленіе признательности“, Письмо къ г. З—ну, „Современникъ“. II. 1862 г., 393—394. Эта же статья была напечатана въ изданныхъ М. Н. Чернышевскимъ „Замѣткахъ о современной литературѣ“, 440—441.

безповоротно, что вѣрить въ то, во что вѣрила въ концѣ пятидесятыхъ годовъ масса образованнаго общества, нельзя, что, «Обломовъ» глубоко сидитъ во всякомъ культурномъ русскомъ человѣкѣ и что надо, поэтому, искать другихъ путей.

«Если я вижу теперь помѣщика, тоскующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности,—я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства,—онъ Обломовъ».

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что все это пишутъ изъ «Обломовки».

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ не уменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую «Обломовку».

«Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «Вы говорите, что не хорошо то-то и то-то; что же нужно дѣлать?» Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «Да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: «Что же вы намѣрены дѣлать?» Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать? Я слишкомъ хорошо знаю какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами»... и пр. Больше *отъ нихъ вы ничего не дождетесь*, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины» [1]).

[1] „Сочиненія Н. А. Добролюбова", т. II. 520—521.

Ясно, что на культурныхъ классахъ русскаго общества Добролюбовъ ставилъ, что называется, полный крестъ. Но отчаявался-ли онъ, вслѣдствіе этого, въ осуществленіи въ русской жизни дорогихъ ему началъ? Нисколько, ибо культурные классы далеко еще не составляютъ всей Россіи. Кромѣ нихъ, есть еще народъ или, какъ называлъ его нерѣдко Добролюбовъ, «простонародье». Этотъ-то народъ и его интересы занимали центральный пунктъ всѣхъ думъ Добролюбова, всѣхъ его помысловъ, всей его литературной дѣятельности. Не народъ-абстрактъ въ родѣ того, какимъ онъ представлялся фантазіи славянофиловъ, а народъ реальный, состоящій изъ мыслящихъ и чувствующихъ живыхъ людей,— вотъ кто призванъ, по мнѣнію Добролюбова, осуществить въ жизни начала добра и справедливости. «Любовь къ народу и сочувствіе къ нему,—справедливо говоритъ Зайцевъ,—были у Добролюбова не пустымъ звукомъ, какъ у поклонниковъ принципа и не мистическимъ отвлеченіемъ, какъ у платоническихъ любовниковъ народа, а живымъ и дѣятельнымъ чувствомъ» [1]). Культурные классы находятся передъ народомъ въ неоплатномъ долгу, и тѣ отдѣльныя личности изъ интеллигенціи, которыя дошли до пониманія этой истины, должны подумать прежде всего объ уплатѣ народу долга. «Кто серьезно проникается этой мыслью,—говорилъ Добролюбовъ—тотъ почувствуетъ болѣе довѣрія къ народу, болѣе охоты сблизиться съ нимъ... Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызывать на живое дѣло крѣпкія живыя силы.» Отсюда, по мнѣнію Добролюбова, совершенно ясна и задача литературы. Къ ней призывалъ онъ въ слѣдующихъ страстныхъ словахъ: «Неужели же такъ и суждено нашей литературѣ навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества, волнуемаго карточными страстишками, любовью къ звѣздамъ и боязнью пожелать что-нибудь страстно и твердо? Неужели только эта грошевая «образованность», дѣлающая изъ человѣка ученаго попугая и подставляющая ему, вмѣсто живыхъ требованій при-

[1]) *Зайцевъ*, „Бѣлинскій и Добролюбовъ“, „Русское Слово“, II, 1864 г. 66.



роды, рутинныя сентенціи отжившихъ авторитетовъ всякаго рода,—неужели она только будетъ красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы, занимать собою нашихъ талантливыхъ публицистовъ, критиковъ, поэтовъ? Не пора-ли уже намъ отъ этихъ тощихъ и чахлыхъ выводковъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъросткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды? Событія зовутъ насъ къ этому, говоръ народной жизни доходитъ до насъ, и мы не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушиваться къ этому говору» [1]).

Къ этой цѣли и были направлены всѣ усилія Добролюбова. Отсюда всѣ его насмѣшки надъ культурными слоями общества, его, приводящій и понынѣ въ смущеніе не одного только г. Волынскаго, ироническій хохотъ надъ вопросами, ничего смѣшного, повидимому, въ себѣ не заключающими, отсюда и знаменитый «Свистокъ».

Приведемъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ добролюбовскаго отношенія къ волновавшимъ интеллигенцію событіямъ. Извѣстный писатель-этнографъ Павелъ Якушкинъ, странствуя по градамъ и весямъ Россіи, съ цѣлью собиранія народныхъ пѣсенъ, былъ арестованъ псковскою полиціею и продержанъ нѣсколько дней въ «холодной». На такой произволъ полиціи Якушкинъ принесъ жалобу обществу (тогда это было еще возможно) въ статьѣ «Проницательность и усердіе губернской полиціи», напечатанной въ журналѣ «Русская Бесѣда» за 1859 годъ. Случай этотъ сильно взволновалъ интеллигенцію и много было наговорено теплыхъ словъ по адресу полиціи. Иначе отнесся къ этому дѣлу Добролюбовъ.

«Мы не могли безъ особеннаго восхищенія, – иронизировалъ онъ,—читать мастерского очерка г. Якушкина. Какая смѣлость!.. Какое благородство выраженій!.. Какое достоинство тона!.. Простому полицейскому случаю придана форма вполнѣ литературная, и притомъ чисто-народная. Отрадно читать подобное описаніе. Сердце каждаго русскаго, истинно

[2]) „Черты для характеристики русскаго простонародья“, „Сочиненія“, т. III, 442—443.

любящаго литературу своего отечества, должно ощущать радостный трепетъ при чтеніи статьи г. Якушкина. Она служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ велики прогрессы, до которыхъ дошли мы въ жизни и литературѣ, вслѣдствіе широкаго развитія гласности.»

Приведя эту цитату изъ Добролюбова, г. Волынскій недоумѣвающе спрашивалъ: «Надъ чѣмъ хохоталъ Добролюбовъ? Надъ принципами гласности? Надъ Якушкинымъ?» [1]).

Нѣтъ, не надъ Якушкинымъ, отвѣтимъ мы, и тѣмъ болѣе не надъ принципами гласности. Добролюбовъ «хохоталъ» надъ той чертою современныхъ ему культурныхъ классовъ въ Россіи, въ силу которой они готовы были расточать «смѣлыя слова и благородныя выраженія»—да и то, конечно, въ весьма и весьма узкихъ предѣлахъ дѣйствительности, — по поводу того или другого непріятнаго приключенія съ человѣкомъ «бѣлой кости», рѣшительно забывая, что вся жизнь милліоновъ крестьянъ состоитъ изъ сплошной массы такихъ «приключеній». «Если вамъ, дѣйствительно, не нравится существованіе подобныхъ явленій на Руси,—подразумѣвалъ въ своемъ «хохотѣ» Добролюбовъ,—то сдѣлайте такъ, чтобы ихъ *вовсе* не было ни съ бѣлой, ни съ черной костью, а не можете, такъ стоитъ-ли и толковать о вашихъ крошечныхъ обидахъ, составляющихъ каплю среди океана горя народнаго. Наконецъ, къ кому вы апеллируете? Къ обществу? Да, вѣдь, это общество и санкціонируетъ своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ милліонамъ аналогичныхъ фактовъ изъ народной жизни тотъ строй, на почвѣ котораго выростаютъ подобные цвѣточки. Нѣтъ, вы дѣлаете совсѣмъ не то. Апеллировать, конечно, слѣдуетъ, да только не въ ту инстанцію». Къ этому еще надо прибавить рѣшительно противный Добролюбову тонъ *ликованія*, которымъ отличались многіе органы нашей печати. Таковъ, по нашему мнѣнію, смыслъ «хохота» Добролюбова въ эпизодѣ съ Якушкинымъ. Тутъ чрезвычайно ярко выразилась точка зрѣнія «отца русскаго народничества». Она оставила послѣ себя глубокій слѣдъ. Стоя именно на этой точкѣ зрѣнія, послѣдующее поколѣніе интеллигентовъ-народниковъ считало стремленіе къ завоеванію для себя болѣе сносныхъ условій гражданской

[1]) „Русскіе критики“, 248.

жизни дѣломъ не только безполезнымъ, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ вреднымъ. Характеризуя это движеніе, г. Михайловскій говорилъ, что настроеніе народнической интеллигенціи того времени можно выразить словами: «ну, и пусть сѣкутъ: вѣдь, мужика сѣкутъ же». Это значило, безъ сомнѣнія, вотъ что: или полное обновленіе условій жизни для *всего народа*, или, если этого достигнуть невозможно, то лучше подвергаться до поры до времени и самимъ всѣмъ, безъ исключенія, условіямъ, въ которыхъ живетъ народъ, чѣмъ занимать по отношенію къ нему какое бы то не было привилегированное положеніе. Бо́льшія права, бо́льшая свобода отдѣльныхъ классовъ лягутъ лишь еще бо́льшею тяжестью на плечи народа.

Мы знаемъ теперь всю несостоятельность подобныхъ разсужденій; отъ нихъ принуждены были отказаться и многіе изъ сторонниковъ этого ученія, но ничего не пойметъ ни въ литературной дѣятельности Добролюбова, ни во многомъ другомъ, съ нею связанномъ, тотъ, кто увидитъ здѣсь, подобно г. Волынскому, лишь плодъ недомыслія и не вникнетъ въ *духъ* проповѣди знаменитаго писателя. Онъ-то и наложилъ свою печать на цѣлыя полосы русской жизни. Въ немъ лежитъ нетлѣнная заслуга литературной дѣятельности Добролюбова. Его ошибка состояла во взглядѣ на народную массу, какъ на нѣкое сплошное цѣлое, которое можетъ быть противопоставлено въ литературѣ и жизни культурнымъ классамъ, тогда какъ на дѣлѣ и самъ «народъ» дробился на весьма различныя классы, но «поправка», внесенная жизнью въ ученіе Добролюбова, не коснулась и не должна касаться *духа* произведеній знаменитаго писателя.

Говорятъ, что Добролюбовъ не понималъ ничего въ сферѣ художественной и эстетической. Это неправда. Если онъ относился подчасъ иронически къ тому или другому, заслуживавшему иного къ себѣ отношенія, произведенію, то это опять таки не вслѣдствіе непониманія имъ художественной цѣнности такого произведенія, а въ силу того взгляда на литературную критику, который онъ считалъ *временно* необходимымъ.

Н. Островская, у отца которой часто бывалъ Добролюбовъ, разсказываетъ, что однажды ея отецъ спросилъ его, какъ ему нравится «Наканунѣ», т.-е. то самое произведеніе

изъ за котораго вышелъ разрывъ Тургенева съ «Современникомъ».

— Прелесть, — отвѣчалъ Добролюбовъ, съ непривычнымъ ему восторгомъ.

— Хорошо-то хорошо, только герой не совсѣмъ ясенъ.

— Не было у него передъ глазами молодежи для такихъ людей. Но зато новая, свѣжая мысль! И дѣвушка эта, — какъ хороша. И какъ умно, что онъ не воротилъ ее въ Россію послѣ смерти мужа...

«Никогда не видала я Добролюбова такимъ: у него лицо стало добрѣе и точно моложе, и голосъ звучалъ иначе...

«Когда же въ другой разъ зашла рѣчь о повѣсти Тургенева «Первая любовь», то Добролюбовъ, признавая всѣ ея художественныя красоты, настаивалъ на томъ, что теперь *не время* ими заниматься»... [1]).

Требуя настоящаго дѣла и задѣвая нерѣдко за живое дряблое русское общество, Добролюбовъ становился, разумѣется, мишенью для самыхъ ожесточенныхъ нападокъ и крайне одностороннихъ статей. Дѣло дошло до того, что по адресу Добролюбова и Чернышевскаго появилась статья Герцена «Very Dangerous!!!» (Очень опасно). Эта, воспроизводившаяся неоднократно въ выдержкахъ въ нашей литературѣ [2]) статья служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій того «столкновенія двухъ теченій общественной мысли», о которомъ у насъ идетъ рѣчь. Не надо забывать, что литературная дѣятельность Герцена конца пятидесятыхъ годовъ весьма отличалась отъ его же дѣятельности болѣе поздняго времени, что «Колоколъ» находилъ въ то время самый сочувственный откликъ въ той именно средѣ, къ которой весьма скептически относились Чернышевскій и Добролюбовъ, что въ газетѣ Герцена того времени сотрудничали Тургеневъ, Кавелинъ и многіе другіе, впослѣдствіи рѣзко съ нимъ разошедшіеся во взглядахъ. Герценъ конца пятидесятыхъ годовъ отнесся, поэтому, къ «Современнику» и въ особенности «Свистку» крайне отрицательно.

---

[1]) *Н. Островская*, „Мои воспоминанія о Н. А. Добролюбовѣ“, „Волжскій Вѣстникъ“, 17 ноября 1893 г., № 296.

[2]) См. напр., статью *В. Б.* „Герценъ и Тургеневъ“, въ февральской книжкѣ „Вѣстника Всемірной Исторіи“ за 1901 г., 136–138.

«Въ послѣднее время,—писалъ Герценъ, въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ мысли* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника).

«Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими, катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными попытками *гласности*. И это не то, чтобы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, точно она недавно сидѣла въ острогѣ...

«Время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ, *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй.

«Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ, потому что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

«Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, доказывая, что *у насъ гласность не нужна*, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ, потому что нѣтъ *буржуазіи*!

«У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во времена общаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», отъ разсказовъ «Охотника», отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывается на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора. Самъ Пушкинъ испыталъ, что значитъ взять неправильный аккордъ...

«Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкою памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала — ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу; посмотрѣли, посмотрѣли, по-

хохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на Святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

«Чего ему недоставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго, того вѣчнаго, тревожащаго демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему недоставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой*, на которую все поставлено, страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работалъ говорившій: оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями.

«Но мы далеки отъ того, чтобы Сенковскаго осуждать безусловно: онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasé, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя, сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ... Это было все бѣгство... Какъ же тогда было не бѣжать?

«Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса, — съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать... Теперь все вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ... Виновата будетъ ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя вымороченнымъ поколѣніемъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такою страшной истиной.

«Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно. Но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваютъ свои ослиные бубенчики... къ той тройкѣ, которая въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ, можетъ иной разъ оступившись, нашу телѣгу изъ грязи!...

«Не лучше-ли во сто кратъ, господа, вмѣсто освистыванія неловкихъ опытовъ вывести на торную дорогу, —

самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью.

«Мало-ли на что вамъ есть точить желчь... Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорожкѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но и...

«Можетъ, они объ этомъ и не думали, — пусть подумаютъ теперь!»

Трудно даже повѣрить, чтобы такую несправедливую, опрометчивую и безтактную статью могъ написать умный и проницательный Герценъ. Но слишкомъ ужъ велика была разница между его барской натурой и натурой новоявленныхъ разночинцевъ. Она-то и сбила его съ толку. Если «Современникъ» хваталъ своимъ смѣхомъ черезъ край, если онъ и былъ вообще правъ далеко не во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, то приравниваніе его руководителей къ Булгаринымъ и т. п. господамъ являлось уже прямо непростительнымъ. Герценъ не замѣтилъ, что Добролюбовъ и Чернышевскій дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно той же «карты, страсти, боли», подъ вліяніемъ которой работалъ и Бѣлинскій. «Оттого рѣчи (такихъ людей, какъ Бѣлинскій) становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями», писалъ Герценъ. Не то-ли самое случилось и съ людьми, которыхъ онъ называлъ «милыми паяцами»?..

Головачева разсказываетъ, что статья Герцена не произвела особеннаго впечатлѣнія, потому что интересъ къ «Колоколу» въ это время уже ослабѣлъ. Это показаніе не выдерживаетъ критики уже по одному тому, что статья «Very Dangerous» напечатана въ 1859 году, т.-е. въ эпоху зенита славы и вліянія Герцена. Да и въ самой редакціи «Современника» къ ней отнеслись вовсе не безучастно. Сама Головачева говоритъ по этому поводу, что «одинъ изъ сотрудниковъ «Современника» нарочно поѣхалъ въ Лондонъ, чтобы поговорить съ редакторомъ объ этой статьѣ. Поѣздка его продолжалась недолго. Никто не подозрѣвалъ объ его отсутствіи, и только четыре лица въ редакціи знали объ этой поѣздкѣ» [1]).

[1]) *Головачева*, 325.

Головачева не называетъ по имени лица, которое ѣздило объясняться съ Герценомъ по поводу его статьи, но теперь извѣстно, что лицомъ этимъ былъ Н. Г. Чернышевскій.

Почти черезъ годъ (15-го октября 1860 года) Герценъ написалъ вторую статью подъ названіемъ: «Лишніе люди и желчевики», въ которой, хотя сильно сбавилъ тонъ по отношенію къ «желчевикамъ» въ сравненіи съ первой статьей, но зато разразился самыми страшными обвиненіями противъ редактора «Современника», Н. А. Некрасова. Объ этомъ обстоятельствѣ, какъ не имѣющемъ прямого отношенія къ предмету нашей статьи, мы упоминаемъ лишь вскользь и изъ «Лишнихъ людей» возьмемъ только строки, относящіяся къ высоко-интересному спору, происшедшему въ это время между Герценомъ и Чернышевскимъ.

«Типъ желчныхъ людей, — писалъ Герценъ, — мы изучили не на мѣстѣ и не по книгамъ; мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ, съ 1850 года.»

Герцена особенно поражала въ этомъ типѣ прямолинейность, «безконечная нетерпимость директора департамента» и тонъ разговоровъ.

«Этотъ fion директорско-распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго сиплаго крика, напоминающаго густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

«Тонъ -- не бездѣлица.

Das was innen — das ist draussen!

«Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т.-е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же, они съ такимъ aplomb преувеличиваютъ все на свѣтѣ, — и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое «бутылками, и пребольшими» у нихъ готово мрачное: «нѣтъ-съ, бочками сороковыми».

«— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ, — говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ sehr ausgezeichnet in seinem Fache, — дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneghine? Извольте видѣть, они образовались иначе, имъ міръ, ихъ окружающій, слишкомъ грязенъ, не

довольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги... То-ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи, а потомъ спокойно ѣсть да пить...

«Мы было ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, но Даніилъ и слушать не хотѣлъ... Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

«— Позвольте же мнѣ, хоть на этомъ основаніи и въ качествѣ homo Benkendorfii testes, защитить нашихъ соучастниковъ. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали или дѣлали вздоръ.

«— Безъ всякаго сомнѣнія; они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того, правда, они не умѣли.

«— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: напр., Чаадаевъ. Онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете... Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ. Издалъ двѣ книжки, — запретили журналъ. Онъ помѣстилъ статью въ «Денницѣ». Цензора Глинку посадили на гауптвахту. Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Николая Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни, а все-таки крылья «Телеграфа» подрѣзали и, признаюсь въ своей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

«— А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грановскій читать лекціи, они не сложили рукъ.

«— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи... то не ясно-ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этимъ.

«—Зачѣмъ же они, въ самомъ дѣлѣ, не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы?

«—Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобы не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

«—Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы все еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

«—Какъ на вовсе невеселую необходимость.

«—Почему же имъ не дѣлить общей необходимости?

«—Безъ сомнѣнія. Да, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и, къ несчастью, не были такъ воспитаны.

«—Зачѣмъ не такъ воспитаны?

«—Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской, можетъ это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи церкаріевъ, они за свои поступки отвѣчать не могутъ. А ужъ разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да, кстати, на какомъ это правѣ требуете вы отъ людей, чтобы они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ соціализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

«—Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ, что это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ?

«—Заслуживаютъ-ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе и нѣтъ ни одного страданія, которому нельзя было бы отказать въ немъ...

«Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ, въ спорѣ не сдавался».

Вотъ описаніе происходившаго сорокъ лѣтъ тому назадъ между двумя замѣчательными представителями русской литературы спора, въ которомъ съ чрезвычайною силою отразилось столкновеніе стараго и новаго поколѣнія. Читая

эти строки, видишь совершенно ясно, что Чернышевскій былъ по существу дѣла неправъ, но не надо забывать, что мы имѣемъ показаніе по этому поводу толко одной стороны и что, какъ бы ни старался Герценъ быть объективнымъ въ изложеніи спора, едва-ли могъ этого достигнуть въ необходимой для составленія третьими лицами безпристрастнаго о немъ сужденія степени. Можно думать также, что Чернышевскій *умышленно* доводилъ свои положенія до крайней степени. Вѣдь, онъ пріѣхалъ объясняться по поводу статьи «Very Dangerous», авторъ которой также отнесся и къ нему и его друзьямъ, — да еще печатно, — съ неумолимымъ осужденіемъ. Отчего же было не отвѣтить тѣмъ же въ частномъ разговорѣ? Изъ другихъ свѣдѣній извѣстно, что послѣ спора Чернышевскій вывелъ заключеніе о Герценѣ, какъ о замѣчательной «умницѣ», но вполнѣ «отсталомъ» человѣкѣ, у котораго «въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ», а у Чернышевскаго была слабость въ спорахъ съ «барами» умышленно утрировать ту или другую идею. Кавелинъ писалъ Герцену о Чернышевскомъ такія строки: «Чернышевскаго я очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никода еще не видалъ». «Безтактность», о которой писалъ Кавелинъ, и состояла въ той маленькой слабости Чернышевскаго, о которой мы говоримъ. Онъ любилъ, такъ сказать, «подразнить» баръ. Развѣ въ вышеприведенномъ нами спорѣ Чернышевскаго съ Кавелинымъ и Тургеневымъ о Добролюбовѣ не замѣтно той же черточки? Но и за всѣмъ тѣмъ, мысль Чернышевскаго ясна: онъ отрицалъ у поколѣнія сороковыхъ годовъ наличность сильныхъ характеровъ, умѣнье бороться за свои идеалы, работать для нихъ, не взирая на всѣ неблагопріятныя условія. И развѣ это не фактъ? Герценъ объяснилъ Чернышевскому, почему Кирѣевскій или Чаадаевъ стали «лишними людьми». Эти объясненія очень хороши, но неужели для Кирѣевскаго такъ-таки ничего болѣе и не оставалось, кромѣ философіи Оптиной пустыни, а для Чаадаева того, написаннаго имъ *абсолютно безъ всякой необходимости*, письма къ графу А. Ф. Орлову, о которомъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Жихаревъ?[1]). Наконецъ, эту самую мысль

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1871 года, IX, 49.

развивалъ впослѣдствіи не разъ и самъ Герценъ. Онъ упрекалъ *свое* поколѣніе въ отсутствіи энергіи и противопоставлялъ ему въ этомъ отношеніи поколѣніе новое. Въ напечатанномъ имъ въ 1865 году второмъ «Письмѣ къ противнику» (теперь извѣстно, что этимъ «противникомъ» былъ Ю. Ф. Самаринъ) находятся такія строки:

«И вы, и мы (т. е славянофилы и западники. *В. В.*) по положенію, по необходимости, были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, *тайнобрачными* (здѣсь и далѣе курсивъ подлинника) супругами нашихъ идей. Все это было умѣстно, необходимо послѣ перелома русской жизни въ 1825 году; надобно было сойти поглубже въ себя, добраться до какого-нибудь свѣта, — все это такъ, — но *энергіей*, но *дѣломъ*, но *мужествомъ* мы мало отличались...

«Мы, кромѣ книги, ни за что не брались, мы удалялись отъ дѣла, оно было или такъ черно или такъ невозможно, что не было выбора. Люди, какъ Чаадаевъ или Хомяковъ, исходили болтовней, ѣздили изъ гостиной въ гостиную спорить о богословскихъ предметахъ и славныхъ древностяхъ. Мы всѣ были отважны и смѣлы только въ области мысли. Въ практическихъ сферахъ, въ столкновеніяхъ съ властью являлась большею частью несостоятельность, шаткость, уступчивость: Хомякову было за сорокъ лѣтъ, когда ему Закревскій велѣлъ обриться и онъ обрился. Бывъ подъ слѣдствіемъ въ 1834 году, я скрывалъ свои мнѣнія, товарищи тоже... Не то теперь»...

Роли въ 1865 году уже перемѣнились. Герценъ стоялъ въ сравненіи съ другими представителями поколѣнія сороковыхъ годовъ на лѣвомъ флангѣ и высказывалъ, какъ видите, много такого, противъ чего за шесть лѣтъ до того страстно спорилъ съ Чернышевскимъ. Тогда онъ отзывался о Чаадаевѣ, какъ о жертвѣ своей эпохи, теперь онъ отзывается о немъ, на-ряду съ Хомяковымъ, весьма непочтительно, какъ о людяхъ «исходившихъ болтовней».

Въ воспоминаніяхъ о М. С. Щепкинѣ Герценъ разсказываетъ, какъ осенью 1853 года Щепкинъ пріѣзжалъ къ нему въ Лондонъ и убѣждалъ его прекратить начатое Герценомъ дѣло. «Я видѣлъ ясно, — говоритъ Герценъ, — что это было *не только* (курсивъ подлинника) личное мнѣніе Щепкина». Знаменитый актеръ совѣтовалъ Герцену уѣхать въ Америку, дать себя

забыть, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, можно было начать хлопоты о возвращеніи въ Россію. Герценъ рѣшительно въ этомъ Щепкину отказалъ. «Если то, что я печатаю, дурно, скажите друзьямъ, чтобы они присылали свои рукописи». — «Никто ничего не пришлетъ», говорилъ уже раздраженнымъ голосомъ старикъ. Мои слова его сильно огорчали»... А между тѣмъ, «лицо Щепкина, — говоритъ Герценъ, — было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга»...

Статья о Щепкинѣ напечатана въ 1863 году, т.-е. опять-таки черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свиданія Герцена съ Чернышевскимъ, и слѣдовательно, ни на нее, ни на статью «Письма къ противнику» Чернышевскій ссылаться не могъ, но общій смыслъ его мнѣній о людяхъ сороковыхъ годовъ сводился именно къ тому, о чемъ самъ Герценъ повѣтствовалъ въ этихъ статьяхъ.

Не остался равнодушнымъ къ статьямъ Герцена о «Современникѣ» и Добролюбовъ. Мы, къ сожалѣнію, рѣшительно не знаемъ никакихъ подробностей относительно его личнаго и письменнаго объясненія по этому поводу съ Герценомъ, но что таковыя были, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Въ изданномъ въ 1867 году открытомъ письмѣ А. Серно-Соловьевича къ Герцену находятся, между прочимъ, такія строки:

«Позвольте посовѣтовать вамъ перечесть письмо Добролюбова къ вамъ по этому поводу (т.-е. по поводу статьи «Very Dangerous»). Оно лучше, чѣмъ что-нибудь, должно освѣжить въ вашей памяти давно забытыя воспоминанія и показать вамъ»... и т. д.

Припоминая разныя другія вещи, Серно-Соловьевичъ употребилъ между прочимъ, и такую фразу:

«А поѣздка Добролюбова за границу и ваши взаимныя отношенія во время пребыванія его за границей?»

Если письмо Добролюбова къ Герцену было извѣстно другимъ лицамъ, значитъ, оно не носило частнаго характера, вѣроятно, циркулировало въ литературныхъ кружкахъ и, быть можетъ, сохранилось у кого-нибудь въ копіи и до настоящаго времени. Сколько намъ извѣстно, — а мы старались узнать это, — оно *нигдѣ* ни разу напечатано не было. Не пришло-ли время, въ виду исполняющагося сорокалѣтія со

дня смерти Добролюбова, опубликовать этотъ документъ [1], и не пора ли бы лицамъ, имѣющимъ свѣдѣнія о тѣхъ «взаимныхъ отношеніяхъ Добролюбова и Герцена», о которыхъ упоминаетъ вскользь Серно-Соловьевичъ, подѣлиться ими съ читающей публикой? Вѣдь дѣло идетъ объ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ русской исторіи, о столкновеніи такихъ двухъ теченій общественной мысли, изъ которыхъ каждое требуетъ самого внимательнаго къ себѣ отношенія.

---

[1]) Одно лицо, близкое въ свое время Добролюбову и Чернышевскому, сообщило намъ, что документъ этотъ несомнѣнно существовалъ и что, по содержанію своему, онъ имѣетъ очень большое общественное значеніе. Тѣмъ настоятельнѣе, конечно, необходимость розыскать и опубликовать письмо Добролюбова къ Герцену, если на это сохранилась хоть какая-нибудь возможность.

Гоголь, какъ „учитель жизни“ [1]).

„Передо мною была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ и перечитывалъ ее сто разъ и всетаки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу“.

Бѣлинскій. Изъ письма къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“.

„Это книга оклеветанная, это великая книга... Это оклеветанная, замѣчательная книга, которою Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ“.

Волынскій. „Русскіе критики“.

Приближается пятидесятилѣтіе со дня смерти Н. В. Гоголя, воздвигшаго себѣ своими геніальными художественными произведеніями именно «тотъ памятникъ нерукотворный», къ которому уже никогда «не заростетъ народная тропа». Было время, когда въ русской журналистикѣ звучали голоса Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ, когда одинъ изъ этихъ пресловутыхъ дѣятелей нашей литературы, говоря о только что появившихся тогда «Мертвыхъ душахъ», такъ неудачно пытался, по мѣткой характеристикѣ этой статьи Бѣлинскимъ, «втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество», когда изъ Гоголя эти господа хотѣли сдѣлать въ лучшемъ случаѣ веселаго балагура, а въ худшемъ— циничнаго Поль-де-Кока. Это время прошло, и прошло, разумѣется, настолько безвозвратно, что нынѣ дѣйствующіе

[1]) Напечатано въ февральской книжкѣ „Міра Божьяго“ за 1902 г.



Н. В. Гоголь сжигаетъ рукопись „Мертвыхъ душъ“.

(Съ карт. Бар. М. П. Клодта).

въ нашей журналистикѣ прямые литературные потомки Булгариныхъ уже не осмѣливаются слѣдовать по стопамъ своихъ предковъ и, скрывая гримасу, принуждены пѣть вмѣстѣ съ искренними поклонниками Гоголя гимны великому писателю.

Но если истина взяла свое, несмотря ни на какія препятствія, то тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стараются тѣ, кто принужденъ, по французскому выраженію «faire bonne mine au mauvais jeu», превознести до небесъ плевелы гоголевскаго творчества и, забывая, что Гоголь сдѣлалъ великое дѣло именно своими художественными, а не какими-либо другими произведеніями, напрягаютъ всѣ силы для отысканія какого-то глубочайшаго смысла въ такой безусловно подлежащей забвенію вещи, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Мы говоримъ такъ, не взирая на то, что подъ «Перепиской» стоитъ имя Гоголя, ибо неужели слабое, не выдерживающее самой снисходительной критики, произведеніе должно жить только потому, что принадлежитъ человѣку, создавшему нѣсколько другихъ, истинно великихъ вещей? Но тогда, почему бы сторонникамъ подобной мысли не продѣлать того же хотя бы, напримѣръ, съ читанными Гоголемъ въ петербургскомъ университетѣ лекціями по исторіи и не провозгласить его великимъ историкомъ? Эти лекція читаны Гоголемъ, значитъ, каждое ихъ слово должно быть въ высокой степени цѣнно и въ области средневѣковой исторіи!... Но до такой логики не дошли еще ни «критики» изъ числа поклонниковъ всякаго рода бѣснованій и волхвованій въ родѣ покойнаго Говорухи-Отрока, ни восхвалители «Переписки», провозглашающіе ее «великой книгой», à la г. Волынскій.

Правда, и самъ Гоголь видѣлъ въ своей «Перепискѣ» нѣчто необыкновенно большое, но на подобный же аргументъ можетъ ссылаться и тотъ, кто сталъ бы называть «Ревизора» и «Мертвыя души» произведеніями «необдуманными» и «незрѣлыми», ибо «предисловіе» къ «Выбраннымъ мѣстамъ изъ переписки съ друзьями» пестритъ такими фразами:

«Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя (т.-е. «Переписка») нужна и что она можетъ быть полезна.»

«Мнѣ хотѣлось хотя симъ *искупить* безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго»...

«Знаю, что моими *необдуманными* и *незрѣлыми* сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ»... [1])

Въ первомъ же письмѣ, носящемъ названіе «Завѣщаніе», мы находимъ, между прочимъ, и такую фразу:

«Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, написанное *въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи*».

Намъ кажется, что не мѣшало бы сопоставить это мѣсто изъ «Переписки» съ слѣдующимъ категорическимъ увѣреніемъ Панаева:

«На одномъ изъ вечеровъ у А. А. Комарова Гоголь говорилъ въ присутствіи Гончарова, Григоровича, Некрасова, Дружинина, Панаева и другихъ, что его знаменитыя «Письма» («Переписка съ друзьями») писаны имъ были *въ болѣзненномъ состояніи*, что ихъ не слѣдовало издавать, что онъ очень сожалѣетъ, что онѣ изданы. Онъ самъ будто оправдывался передъ присутствующими» [2]).

Сколько намъ извѣстно, слова Панаева далеко не обратили на себя того вниманія, котораго они заслуживаютъ.

Но оставляя этотъ вопросъ открытымъ и слѣдуя, какъ просьбѣ Гоголя «прочитать его «Переписку» нѣсколько разъ», такъ и совѣту г. Волынскаго читать ту же книгу «съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая на поляхъ все характерное, принципіальное», мы примемъ на себя столь неблагодарный трудъ, примемъ потому, что хотя «Переписку» у насъ очень мало читаютъ, считая совершенно справедливо такое занятіе лишь непроизводительною тратою времени, но въ виду пятидесятилѣтія со дня смерти великаго писателя и не прекращающихся попытокъ найти «истиннаго Гоголя» тамъ, гдѣ его нѣтъ и слѣда, попытокъ усмотрѣть въ «Перепискѣ» нѣчто необычайно возвышенное, а въ ея авторѣ не геніальнаго художника, а именно «учителя жизни», мы считаемъ необходимымъ остановиться не на «десницѣ» Гоголя.

[1]) Эти и всѣ послѣдующія цитаты заимствованы нами изъ „Сочиненій Н. В. Гоголя", редакція *Н. С. Тихонравова* и *В. И. Шенрока*, изданіе Маркса, 1901 года.

[2]) *И. И. Панаевъ*, „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ". Спб. 1876 г., 400.

а на его «шуйцѣ», не на собранной имъ въ житницы русской литературы превосходной пшеницѣ, а на примѣшавшихся къ ней «плевелахъ».

Суммируя въ памяти все то, что намъ пришлось перечитать у поклонниковъ «Переписки съ друзьями», мы, кажется, не упустимъ ничего изъ вида, если передадимъ мнѣнія этихъ писателей о «Перепискѣ» такими словами:

Въ «Перепискѣ съ друзьями» Гоголь вперилъ свой просвѣтленный высшими истинами взоръ въ сокровеннѣйшія глубины жизни; онъ, какъ бы одаренный шестымъ, а можетъ быть, и седьмымъ чувствомъ, прозрѣвалъ многое такое, что недоступно простымъ смертнымъ; онъ провидѣлъ далекія судьбы людей; онъ постигъ значеніе человѣка вообще и человѣка русскаго въ частности; онъ ставилъ величайшія и глубочайшія міровыя проблемы; онъ изрекалъ великія правды касательно настоящаго и будущаго Россіи; онъ нашелъ ключъ къ пониманію русской души; онъ далъ русскимъ людямъ совѣты, слѣдуя которымъ наше отечество станетъ счастливо, такъ счастливо, какъ никакая другая страна въ мірѣ; онъ указалъ пути, ведущіе къ этому несказанному счастью, неизглаголанному блаженству...

Приводя, повторяемъ, мысли разныхъ поклонниковъ «Переписки» въ нашей собственной передачѣ, мы старались сохранить, однако, возможно точнѣе ихъ смыслъ. Повѣривъ этимъ поклонникамъ, можно подумать, что Гоголя занимали, кромѣ вопросовъ, спеціально относящихся къ Россіи и русской жизни, еще двоякаго рода вопросы болѣе общаго характера: вопросы о происхожденіи зла на землѣ, тѣ «проклятые вопросы», которые задавалъ геніальный поэтъ въ геніальной строфѣ:

Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

и вопросы порядка еще болѣе высокаго, вложенные тѣмъ же разностороннимъ Гейне въ уста его «безумца» (Narr):

О, разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ!,
Сколько головъ безпокойныхъ томилъ онъ,
Сколько имъ муки принесъ!

17



Кто же рѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка:
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

Прочитайте же всю «великую книгу», прочитайте ее «съ карандашомъ въ рукахъ» и скажите, найдете-ли вы въ ней хоть *намекъ* на какую-либо изъ подобныхъ проблемъ?!

Гоголь несомнѣнно былъ глубоко религіознымъ человѣкомъ. Онъ часто сосредоточивалъ свою мысль на могилѣ, безконечности, безсмертіи души и т. д. Въ той или другой формѣ всѣ эти вопросы близки душѣ каждаго человѣка, и могучее слово великаго писателя всегда можетъ найти въ этой области благопріятную для себя почву въ сердцахъ людей, но не желая пестрить нашу статью подлинными цитатами изъ «Переписки», тѣмъ болѣе, что намъ придется дѣлать ихъ по другимъ поводамъ еще не мало, мы спросимъ всякаго, читавшаго «великую книгу»: способно-ли возбужденіе подобныхъ вопросовъ *въ томъ видѣ*, въ какомъ возбуждалъ ихъ Гоголь, произвести могущественное впечатлѣніе на читателей, и не гораздо-ли болѣе правъ былъ Бѣлинскій, когда писалъ на это Гоголю такія строки: «нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены: вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненной боязнью смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги»[1]). Но мало этого. Увѣровавъ въ существованіе непреложной, хотя и таинственной, связи между теченіемъ обычной человѣческой личной и общественной жизни и иными, внѣ естественнаго порядка вещей въ природѣ находящимися, силами, многіе европейскіе писатели и общественные дѣятели обязаны были именно этой вѣрѣ могучимъ подъемомъ духа для критики обветшалыхъ общественныхъ отношеній и проповѣди необходи-

[1]) Наиболѣе полный (хотя все-таки съ пропусками) текстъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю напечатанъ въ VIII томѣ соч. Барсукова „Жизнь и труды Погодина". Значительными частями приведено это же письмо въ майской книжкѣ „Міра Божьяго" за 1897 годъ (стр. 87—91) въ статьѣ г. Ашевскаго „Осужденная книга", а также у Джаншіева (въ книгѣ „Изъ эпохи великихъ реформъ" и въ сборникѣ „Памяти Бѣлинскаго"), у г. Пыпина (въ книгѣ „Бѣлинскій, его жизнь и переписка") и у нѣкоторыхъ другихъ.

мости новыхъ, отличныхъ отъ современныхъ имъ, соціальныхъ и политическихъ установленій. Кому неизвѣстны въ этомъ смыслѣ имена француза Ламене, итальянца Мадзини и многихъ другихъ? А Генри Джорджъ въ Америкѣ? Развѣ коренная его идея устраненія страданій людей путемъ «lands nationalisation» не исходила изъ горячаго религіознаго чувства этого писателя? То были, дѣйствительно, «учителя жизни». Съ ними можно соглашаться или нѣтъ, но въ нихъ нельзя не видѣть того обстоятельства, что будучи преданы опредѣленнымъ религіознымъ идеямъ, они не только не выводили изъ нихъ доводовъ въ пользу рабства массы ближнихъ своихъ, но, напротивъ, напрягали всѣ силы къ тому, чтобы придти на помощь униженнымъ и угнетеннымъ. Если даже на жизнь и смотрѣть лишь, какъ на приготовленіе къ смерти, къ переходу въ тотъ міръ, изъ котораго, какъ выражался Гамлетъ,

No traveller returns.[1]

то, вѣдь, и тогда все же надо жизнь на землѣ *прожить*, и вопросъ о томъ, *какъ* ее прожить, всегда долженъ встать передъ глазами всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка. Пусть эта жизнь будетъ лишь моментомъ «въ сравненіи съ вѣчностью», но, вѣдь, если даже не цѣнить этотъ «моментъ» an und für sich, то и тогда, по ученію всѣхъ религій, состояніе, въ которомъ будетъ пребывать человѣкъ «въ вѣчности», тѣснѣйшимъ образомъ связано и даже прямо опредѣлено его поведеніемъ въ теченіе «момента» земной жизни. Исходя изъ такихъ-то воззрѣній на свои обязанности къ высшимъ началамъ всякой жизни во вселенной, и дѣлали вышеназванные европейскіе писатели свои религіозныя идеи фундаментомъ для возвеличенія личности *всякаго* человѣка, для улучшенія соціальной организаціи, стремленія къ достиженію наивозможнѣйшаго счастья *не только* на небесахъ, но *и на землѣ*, къ воплощенію въ жизни идей свободы и братства.

Какъ же смотрѣлъ съ высоты своего религіознаго «просвѣтленія» русскій «учитель жизни» на положеніе нашего крѣпостного мужика, на наше поголовное невѣжество, на нашу бѣдную общественную жизнь? Ему-ли, при его громадномъ литературномъ талантѣ, мало было пищи, чтобы

[1] Ни одинъ путникъ не возвращается.

разразиться по всѣмъ этимъ вопросамъ истинно огненнымъ словомъ? Но намъ, пожалуй, возразятъ, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя была поставлена во времена Гоголя наша литература, смѣшно было и мечтать объ «огненныхъ словахъ».

Это возраженіе вѣрно только отчасти, ибо, во-первыхъ, «Переписка» составилась изъ *частныхъ* писемъ Гоголя, къ «друзьямъ», слѣдовательно, изъ документовъ, въ которыхъ Гоголь могъ высказываться съ болѣе или менѣе полною откровенностью и, во-вторыхъ, самъ Гоголь смотрѣлъ на положеніе въ Россіи печати болѣе, чѣмъ оптимистически, а потому, менѣе всего задумывался надъ вопросомъ о препятствіяхъ, которыя могли встрѣтиться ему на пути къ опубликованію его писемъ. Въ письмѣ къ Языкову, носящемъ въ «Перепискѣ» заглавіе «Карамзинъ», Гоголь писалъ:

«Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя онѣ и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату, писателю! *И какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды и что она у насъ колетъ глаза*" [1]).

Сдѣлавъ это отступленіе, возвратимся къ вопросу объ отношеніи Гоголя къ самымъ жгучимъ общественнымъ вопросамъ его времени. Какіе же это были вопросы? Приведемъ въ свидѣтели того же Виссаріона Бѣлинскаго, который отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ своемъ письмѣ къ Гоголю такими словами:

«Самые живые, современные національные вопросы теперь: уничтоженіе крѣпостного права, *отмѣненіе* [2]) тѣлес-

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, 1415.

[2]) Пользуемся случаемъ, чтобы исправить существующую въ нѣкоторыхъ изданіяхъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю крупную ошибку. Бѣлинскій говоритъ, именно, объ „отмѣненіи", т. е. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Такъ значится это въ первоначальныхъ (полныхъ) изданіяхъ „письма", такъ процитировано это мѣсто и у г. Пыпина (Бѣлинскій, его жизнь и переписка, стр. 290). Поэтому Джаншіевъ (двоекратно: въ книгѣ „Изъ эпохи великихъ реформъ", изд. 7-е стр. XI, и въ статьѣ „Памяти Бѣлинскаго" въ сборникѣ того же названія) и г. Ашевскій (въ вышеупомянутой статьѣ „Осужденная книга", „Міръ Божій" 1897 г., май, 88) дѣлаютъ большую ошибку,

ныхъ наказаній, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство, — которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики съ своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ, — что доказывается его робкими, безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ *замѣненіемъ* однохвостнаго кнута трехвостною плетью».

«Переписка» составилась, какъ мы уже говорили, изъ *частныхъ* писемъ, писанныхъ Гоголемъ къ его друзьямъ. Мѣста, вычеркнутыя при печатаніи книги цензурою, въ настоящее время возстановлены полностью. Что же, — найдетъ-ли читатель во всей «Перепискѣ» нашего «учителя жизни» хотя бы одно слово въ осужденіе крѣпостного права? Даетъ-ли Гоголь хотя бы одинъ-единственный совѣтъ своимъ друзьямъ-помѣщикамъ,—а на совѣты въ своихъ письмахъ онъ очень щедръ, — не говоримъ уже освободить крестьянъ, а хотя бы заняться только предварительною работою для такого освобожденія? Считаетъ-ли онъ этотъ вопросъ достойнымъ вниманія? Приводитъ-ли онъ въ защиту крѣпостного права хотя бы извѣстный доводъ нашихъ плантаторовъ, что освобожденіе крестьянъ должно начаться съ «освобожденія душъ», т. е. съ просвѣщенія народа, доводъ, который, какъ извѣстно, при попыткахъ практическаго его примѣненія нѣсколько измѣнилъ свою физіономію и сталъ выражаться въ такой формѣ: «крестьянъ освободить нельзя, потому что они необразованы, а образовать нельзя, потому что они крѣпостные» [1]).

Пусть отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Гоголь.

Въ XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», онъ пишетъ слѣдующія строки:

«Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде

употребляя вмѣсто слова „отмѣненіе"—„ослабленіе". Помимо существованія выраженія „отмѣненія", а не „ослабленія" въ первоначальныхъ изданіяхъ „Письма", за правильность именно его говоритъ то обстоятельство, что нѣсколькими строками ниже Бѣлинскій употребляетъ выраженіе „замѣненіе" (въ смыслѣ замѣны) однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

[1]) См. „Записки сенатора А. Я. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ", „Русская Старина" 1881 г., III, 755.

всего мужиковъ и объясни имъ, что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ, но потому, что ты есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если бы ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно, какъ и они (крестьяне) также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи имъ это тутъ же на Евангеліи, чтобы они все это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи и сдѣлай такъ, чтобы они, дѣйствительно видѣли, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. *Скажи имъ всю правду*: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ и что поэтому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, залѣнившись, мужикъ на все способенъ — сдѣлается и воръ и пьяница, погубитъ свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что ты имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія: покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано: заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ—чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это пойметъ, ему не нужно много словъ. *Объяви имъ всю правду*: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку» и т. д., и т. д. [1]).

---

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя", 1466.

Такова, по Гоголю, «вся правда», которая должна существовать между рабовладѣльцемъ и рабомъ. Читая эти и многія подобныя же имъ строки «великой книги», чувствуешь какое-то удушье, забываешь, что имѣешь дѣло съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ слова и кажется, будто передъ тобою лежитъ статья «Гражданина» или составленный знающимъ свое дѣло помпадуромъ какой-нибудь «наказъ» своимъ чинамъ.

Но вооружимся терпѣніемъ и пойдемъ дальше по пути анализа «великой книги». Гоголь не говоритъ ни слова о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Но какъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ, объ «освобожденіи душъ», т.-е. о томъ предварительномъ «просвѣщеніи» мужика, на которое какъ на мѣру, долженствующую предшествовать паденію крѣпостного права, нерѣдко указывали даже сами крѣпостники? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ же XXII письмѣ, озаглавленномъ «Русскій помѣщикъ», изъ котораго мы заимствовали и предыдущую цитату:

«Замѣчанія твои о школахъ,— писалъ Гоголь,— совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть, дѣйствительно, вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги: онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, *ему не слѣдуетъ и знать*, есть-ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ» [1]).

Что же случится въ результатѣ такого «просвѣщенія»? А вотъ что:

«Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ» [2]).

Эти слова писаны въ 1844 году. Гоголь не ошибся. Ровно черезъ «десятокъ лѣтъ» Европа, дѣйствительно «прі-

---

1) Ibid., 1468—1469.

2) Ibid., 1487.

ѣхала къ намъ», но только не затѣмъ, зачѣмъ думалъ авторъ «Переписки», а съ другою цѣлью: началась крымская война, доказавшая всему міру ржавость крѣпостного режима, несостоятельность русской «мудрости», которой, дѣйствительно, «не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ», за ненадобностью, и смѣхотворность той «великой книги», которой, по словамъ г. Волынскаго, «Россія можетъ гордиться передъ всѣмъ свѣтомъ»...

Еще нѣсколько цитатъ изъ «оклеветанной книги»:

«Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ»... [1]).

«Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что имъ слѣдуетъ быть, *всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ*, съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ» [2]).

Гоголь, видимо, даже не задается вопросомъ, отчего же это у насъ «всякъ» такъ поступаетъ и не существуетъ-ли противъ этого какихъ-либо другихъ, болѣе дѣйствительныхъ, нежели морализированіе на манеръ крыловскаго «повара», средствъ?

«Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другихъ государствахъ не совершается въ полвѣка» [3]).

«Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправой дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель *намъ неприличныхъ нововведеній*» [4]).

Этими цитатами, а ихъ мы могли бы увеличить въ десять разъ, въ достаточной степени характеризуются общественныя воззрѣнія автора «Переписки».

---

[1]) Ibid., 1377.
[2]) Ibid., 1419.
[3]) Ibid., 1447.
[4]) Ibid., 1483.

Былъ-ли искрененъ Гоголь, когда писалъ свою апологетику «русской мудрости»? Безъ сомнѣнія. Руководили-ли имъ въ этомъ случаѣ самыя лучшія намѣренія? Безъ сомнѣнія. Но оправдываетъ-ли это обстоятельство хоть сколько-нибудь «тяжкій грѣхъ» появленія въ печати «Переписки» по желанію и инициативѣ ея автора? Оправдываетъ нѣсколько автора, но не оправдываетъ содержанія книги и тѣмъ болѣе безсмысленныхъ восторговъ ея поклонниковъ. На этотъ вопросъ превосходно отвѣтилъ Бѣлинскій въ строкахъ, которыя мы взяли эпиграфомъ къ настоящей статьѣ: «Предо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что̀ въ ней есть, а то, что̀ въ ней есть, глубоко оскорбило и возмутило мою душу». На этотъ же вопросъ невольно отвѣтилъ, впрочемъ, и самъ Гоголь въ XXVIII письмѣ своей «Переписки». Письмо это носитъ названіе «Близорукому пріятелю» и въ немъ Гоголь, не замѣчая того, какое острое оружіе онъ даетъ противъ себя самого,— не менѣе въ данномъ случаѣ «близорукаго», чѣмъ его пріятель-корреспондентъ,—писалъ такія строки: «съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе сдѣлали его».

Въ другомъ мѣстѣ того же, сохранившаго, несмотря на истекшее свыше чѣмъ полустолѣтіе со дня его написанія, полную свѣжесть и жизненность, письма къ Гоголю Бѣлинскій говорилъ такъ:

«Но, можетъ быть, вы скажете: «Положимъ, что я заблуждался и всѣ мои мысли ложь, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?» Потому, отвѣчу я, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ больше ума и даже таланта (хотя и того, и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ, но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и большой послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ, тогда какъ вы, желая поставить по свѣчкѣ и тому, и другому, впали въ противорѣчіе: *оставили, напримѣръ, Пушкина,* литературу и

театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, *нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но могутъ служить къ ея погибели*».

Могъ-ли думать авторъ «Переписки», что послѣднюю, высказанную Бѣлинскимъ, мысль, т. е. упрекъ въ непослѣдовательности, онъ услышитъ черезъ четыре года послѣ того уже не изъ лагеря «крикуновъ», а отъ человѣка, служившаго для Гоголя живымъ воплощеніемъ той самой «мудрости», за проповѣдь которой онъ взялся въ своей «Перепискѣ», услышитъ при томъ на собственномъ смертномъ одрѣ, при самой удручающей обстановкѣ?..

Въ статьѣ «Небесное и земное» г. Розановъ разсказываетъ слѣдующую въ высшей степени замѣчательную подробность изъ предсмертныхъ часовъ Гоголя:

«Мы сидѣли разъ небольшимъ кружкомъ и разговаривали на разныя темы, частью философскаго, частью религіознаго значенія. Одинъ изъ собесѣдниковъ, занимающихся въ настоящее время детальнымъ изученіемъ біографіи Гоголя, разсказывалъ о слѣдующемъ фактѣ изъ его жизни, отъ котораго я тоже не могъ заснуть. Гоголь въ предсмертные мѣсяцы находился въ религіозномъ экстазѣ. Его окружали различныя аристократическія особы, кажется, ничтожнаго значенія. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нему человѣкъ, дѣйствительно, достопримѣчательный, отецъ Матвѣй изъ Ржева, его интимный близкій другъ, человѣкъ суровый, печальный, но, вѣроятно, высокой души и горѣвшій передъ Богомъ, какъ свѣча. Въ томъ-то все и дѣло, что этотъ о. Матѳей былъ для своего времени, можетъ быть, столь же замѣчательное и сильное и яркое явленіе, какъ умиравшій писатель, и только жизнь его проходила въ безвѣстности. Но вѣдь есть праведники и безъ біографіи. Гоголь весь встрепенулся, когда пріѣхалъ любимый и почитаемый другъ. Онъ его напутствовалъ. Гоголь уже отъ всего отрекся, отъ суеты, славы, литературы и, казалось, примирился съ Богомъ. «*Нѣтъ еще примиренія, — сказалъ ему о. Матвѣй, — отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ*».

«Гоголь затрепеталъ. Вотъ когда ножъ вошелъ подъ ребро и дошелъ до сердца и остановился съ вопросомъ. А

вопросъ былъ предсмертный, и мы не должны судить Гоголя съ нашихъ точекъ зрѣнія, сытыхъ и беззаботныхъ, а съ точки зрѣнія и въ положеніи Гоголя. Признаюсь, я тоже затрепеталъ, узнавъ объ этомъ вопросѣ, и вдругъ вспомнилъ, что, вѣдь, точно такой же былъ въ сущности предложенъ вопросъ ап. Павломъ и эллино-римскому міру: «Отрекись отъ Гомера, отрекись отъ Виргилія. Отрекитесь отъ маленькихъ своихъ республикъ и склоните выю подъ смиреннымъ: «рабы — повинуйтесь господамъ своимъ!» и вы не умрете. исторически и всячески, но воскреснете въ новую жизнь— духовныхъ восторговъ и возбужденій».

«Минута жизни Гоголя вдругъ освѣтила для меня громадныя перспективы исторіи вплоть до нашего мелкаго теперешняго спора о классическомъ образованіи; а эти перспективы исторіи вдругъ какъ-то сдѣлали понятною и почти интимную загадочную, стенающую кончину Гоголя. Въ самомъ дѣлѣ, ну, представимъ себѣ, что онъ. любитель Рима. да какой любитель. пѣвецъ Анунціаты — буквально вмѣстилъ въ себя всю эллино-христіанскую распрю и такъ конкретно, лично, по-именно и вдругъ: «отрекись отъ Пушкина». Конечно, грудь его разорвалась отъ отчаянія»[1]).

Комментаріи ко всему этому едва-ли нужны... Замѣтимъ только, что въ своей оцѣнкѣ значенія Пушкина Гоголь. видимо, разошелся не только съ о. Матвѣемъ (Константиновскимъ), но и съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ свѣтскихъ властей.

Послѣднія приняли, какъ извѣстно. съ восторгомъ появленіе «Переписки съ друзьями». Какъ же очерчена въ этой «Перепискѣ» личность Пушкина? Пусть опять отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ самъ Гоголь. Мы нарочно сдѣлаемъ изъ «Переписки» длинныя. не оставляющія никакихъ на этотъ счетъ сомнѣній, цитаты.

«Какъ умно опредѣлилъ Пушкинъ значеніе полномочнаго монарха! И какъ вообще онъ былъ уменъ во всемъ, что ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно,—говорилъ онъ,—чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ — дерево, въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жестокое и

---

[1]) „Новое Время“, 11 декабря 1901 г., № 9528.

небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушать же и не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха — автоматъ; много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что оркестръ безъ капельмейстера; какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ... При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ; блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! Это внутреннее существо — силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое, между прочимъ, ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ нихъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н*** [1]). Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ

[1]) Напомнимъ читателямъ это стихотвореніе. Вотъ оно:

„Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ:
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ“,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанію пчелъ надъ розой алой.

въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но Государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ «Иліаду» и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе и плодомъ ея была величественная ода:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали и т. д.

«Оставимъ личность императора Николая и разберемъ что такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремить ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и въ правѣ-ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностью за нихъ передъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности передъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ быть, незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій,—тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить листы своей скрижали, проклявши вѣтрено кружащееся племя, которое, вмѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило крикомъ не о правосудіи небесномъ, предъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла про-

стить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ, — все, что не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себѣ самого и отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы черезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

«Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ самому себѣ, что такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникшаго въ его душѣ отвѣта» [1]).

А вотъ какъ смотрѣлъ Гоголь на отношеніе Пушкина къ другому догмату русской жизни.

«Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно, какъ будто они побывали въ душѣ Пушкина; точно. какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготовя себя къ тому глубочайшей святостью своей жизни... Я не могу даже понять, какъ могло придти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взвалить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не былъ вполнѣ ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ!.. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ въ двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что ясно, что было имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что

[1]) „Сочиненія Н. В. Гоголя“, 1402—1404.

даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестью свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ и т. д. [1]).

«Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получитъ смыслъ и сдѣлаетъ добро... Но какой теперь смыслъ критики,—спрашиваю я? Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица—выставить наиумнѣйшаго человѣка своего времени не признающихъ христіанства,—человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового сравнительно съ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ пустить въ ходъ *подобную ложь* и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ» [2]).

Но «подобную же ложь» Гоголь услышалъ не отъ «безталантливаго критика», а отъ лица, предъ которымъ онъ

[1]) „Стансы“ (митр. моск. Филарету). Вотъ полный текстъ.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиры я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

[2]) Ibid., 1423—1424.

преклонялся, и не изъ книжки журнала, а на собственномъ смертномъ одрѣ... Было отъ чего разорваться сердцу несчастнаго человѣка и геніальнаго художника, такъ некстати взявшаго на себя роль «учителя жизни».

«Отрекись отъ Пушкина и любви къ нему: Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ!»—вотъ чего неумолимо потребовала отъ Гоголя та самая логика, въ отсутствіи которой въ «Перепискѣ съ друзьями» упрекалъ ея автора и Бѣлинскій...

Не надо упускать изъ вида, что Гоголь относился къ тому ученію, однимъ изъ наиболѣе совершенныхъ представителей котораго онъ считалъ отца Матвѣя, съ величайшимъ благоговѣніемъ. Минуя обширную статью Гоголя «Размышленія о божественной литургіи», достаточно привести его отзывъ объ этомъ предметѣ изъ VIII письма, озаглавленнаго «Нѣсколько словъ о нашей церкви и духовенствѣ» и помѣщеннаго въ той же «Перепискѣ съ друзьями»:

«Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Это церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной, первоначальной чистотѣ своей, это церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставить у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала,—и эта церковь намъ незнаема! И эту церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!» [1]).

Довольно-ли этого? Оказывается, нѣтъ. «Отрекись еще отъ Пушкина!» Бѣдный Гоголь не выдержалъ и скончался среди ужаснѣйшихъ потрясеній...

[1]) Ibid., 1396

По мнѣнію о. Матвѣя, «Пушкинъ былъ язычникъ и грѣшникъ». А мнѣніе по тому же поводу свѣтскихъ властей первой половины XIX вѣка? Мы не думаемъ, чтобы они относились враждебно къ Пушкину за его «язычество» и «грѣховность, но что они относились къ нему, тѣмъ не менѣе, не лучше о. Матвѣя, это не подлежитъ сомнѣнію. Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1881 годъ помѣщена любопытная статья неизвѣстнаго автора, озаглавленная «Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ А. С. Пушкина». Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ кончины Пушкина А. А. Краевскій основалъ (въ 1839 году) журналъ «Отечественныя Записки». Тамъ сталъ онъ помѣщать, между прочимъ, вновь открываемыя сочиненія умершаго поэта подъ рубрикой «Неизданныя сочиненія А. С. Пушкина». Немного времени спустя Краевскій получилъ приказаніе явиться въ третье отдѣленіе къ «хозяину русской литературы» Л. В. Дубельту.

«— Ну, что, любезнѣйшій, какъ поживаете, — съ обычною фамильярностью встрѣтилъ Краевскаго Дубельтъ. — Чай, веселы, что давненько не зову васъ къ себѣ? Вѣдь, веселы, — не правда ли? Ну, а теперь призвалъ васъ вотъ для чего: что это, голубчикъ, вы затѣяли? Къ чему у васъ потянулся рядъ неизданныхъ сочиненій Пушкина? Къ чему зачѣмъ, кому это нужно?

«Краевскій старался объяснить Дубельту, кому и чѣмъ дороги произведенія Пушкина, но Дубельтъ оборвалъ его на первыхъ же порахъ.

«— Э-эхъ, голубчикъ, — заговорилъ Леонтій Васильевичъ, — никому-то не нуженъ вашъ Пушкинъ, да, вотъ, и графъ Алексѣй Ѳедоровичъ (Орловъ, впослѣдствіи князь) сердится и приказалъ вамъ передать, что довольно *этой дряни* (курсивъ подлинника), сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать «неизданныя» его творенія да печатать ихъ! Не хорошо, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, очень не хорошо! Повторяю: графъ Алексѣй Ѳедоровичъ очень недоволенъ» [1]).

Но намъ, можетъ быть, скажутъ, что, вѣдь, такой разговоръ между Краевскимъ и Дубельтомъ происходилъ въ

[1]) „Русская Старина“ 1881 г., III, 714.

1839 году и что отношеніе Орловыхъ и Дубельтовъ къ памяти Пушкина, вѣроятно, измѣнилось послѣ того, какъ взгляды Пушкина на нѣкоторыя стороны русской жизни были разъяснены Гоголемъ въ его «Перепискѣ съ друзьями». Вѣдь самъ-то Гоголь ужъ, конечно, былъ выше всякихъ подозрѣній.

Это не совсѣмъ отвѣчаетъ исторической истинѣ: «Послѣ смерти Гоголя, — разсказываетъ князь Д. А. Оболенскій, — сначала цензорамъ было приказано строго цензуровать все, что касается Гоголя, и, наконецъ, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ» [1]).

Чѣмъ же объяснить такое отношеніе Орловыхъ, Дубельтовъ, Бенкендорфовъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ и другихъ къ памяти нашихъ величайшихъ писателей? Это вопросъ большой и на него намъ приходится дать лишь весьма бѣглый отвѣтъ. *Изслѣдуя* одинъ изъ коренныхъ принциповъ, на которыхъ покоится наше государственное бытіе, Пушкинъ, по свидѣтельству Гоголя, «упалъ въ прахъ передъ величіемъ возникшаго въ его умѣ отвѣта». Вотъ этотъ-то процессъ «изслѣдованія», «критики», независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ онъ приводитъ того или иного человѣка, и былъ совершенно недозволителенъ съ точки зрѣнія Орловыхъ и Бенкендорфовъ. Хорошо, что мысль Пушкина привела его къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ пришелъ, но, вѣдь, допусти разъ возможность критики, тогда, — чего на свѣтѣ не бываетъ! — другой можетъ найти какіе-либо изъяны въ разсужденіяхъ по этому вопросу самого Пушкина, и мы войдемъ въ полосу свободнаго изслѣдованія вещей, изслѣдованію не подлежащихъ... Отсюда простой и ясный принципъ «русской мудрости», гласящій: «не разсуждать!» Но съ этимъ-то именно «принципомъ» не могъ и не хотѣлъ примириться Пушкинъ ни въ одну изъ эпохъ своей жизни. Онъ могъ «падать въ прахъ» передъ тою или иною идеею, но только *послѣ* изслѣдованія предмета. Орловы же были враждебны всѣмъ своимъ существомъ именно такому направленію мысли.

Существовали и другія причины враждебности Орловыхъ къ Пушкину. Въ жизни Александра Сергѣевича были

[1]) „Воспоминанія князя Д. А. Оболенскаго". „Русская Старина" 1873 г., XII, 949.

обстоятельства, заставлявшія Орловыхъ относиться очень подозрительно къ музѣ поэта, хотя муза эта и стала временами издавать звуки, производившіе непріятное впечатлѣніе на передовые кружки русскаго общества тридцатыхъ годовъ [1]). Но бюрократическіе слои не вѣрили «искренности» поэта, и они были по своему правы, такъ какъ, не взирая ни на какія «примирительные» аккорды его лиры, между міросозерцаніемъ Пушкина и міросозерцаніемъ Орловыхъ лежала бездонная пропасть. Впечатлѣнія юныхъ лѣтъ, воспоминанія о прошломъ, огромный умъ и необыкновенный творческій геній Пушкина являлись болѣе чѣмъ достаточными условіями для того, чтобы психическое содержаніе поэта не имѣло и не могло имѣть ничего общаго съ психическимъ содержаніемъ окружавшаго его офиціальнаго міра. Пушкинъ могъ пойти далеко «вправо» сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда ему Петербургъ оказывался «вреденъ» [2]), когда ему приходилось то странствовать по югу Россіи, то сидѣть въ Михайловскомъ, но преклониться передъ всѣмъ строемъ русской жизни, который казался Бенкендорфу не только нормальнымъ, но и «plus que magnifique» [3]), растворить вполнѣ въ атмосферѣ этого строя собственную индивидуальность, проникнуться насквозь бюрократическими идеалами Пушкинъ не могъ. Все, отъ злой эпиграммы, всегда готовой слетѣть съ его пера на какого-нибудь посаженнаго въ академію наукъ «Дундука», до чернаго фрака, который онъ предпочиталъ дворянскому или камеръ-юнкерскому мундиру, являясь на рауты у иностранныхъ пословъ, отъ занятій такимъ опаснымъ для спокойствія отечества дѣломъ, какъ журналистика, до смѣлаго, открытаго взгляда и вѣчно играющей на устахъ насмѣшливой улыбки, обличало въ Пушкинѣ человѣка, совершенно чуж-

[1]) *Панаевъ.* „Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ“, 187.

[2]) Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы
Или блистали, мой читатель,
Гдѣ нѣкогда гулялъ и я.
Но *вреденъ* сѣверъ для меня...

[3]) *Жихаревъ*, „П. Я. Чаадаевъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1871 г. IX, 52.

даго тому міру, въ которомъ, какъ это не безъ основанія казалось Орловымъ, вращался онъ по какому-то недоразуменію. Не понимая ровно ничего въ творчествѣ геніальнаго поэта, люди эти совершенно искренно называли стихи Пушкина «дрянью» и глубоко были убѣждены, что стихи эти рѣшительно «никому не нужны»...

Могъ-ли себѣ представить Дубельтъ, что Россія, потомство, исторія не согласятся съ оцѣнкой, сдѣланной Пушкину, какъ поэту, самимъ его сіятельствомъ, «графомъ Алексѣемъ Ѳеодоровичемъ», и что этотъ цѣнитель пріобрѣтетъ современемъ такой «конфузъ»? «Ишь, вѣдь, какая штука-то вышла», доженъ былъ бы подумать въ самомъ гробѣ почтенный Леонтій Васильевичъ, если бы только мертвецы могли думать...

Но Гоголь? Какъ человѣкъ, онъ не имѣлъ въ своемъ прошломъ абсолютно ничего, что могло бы набросить на него хоть тѣнь неблагонадежности. Какъ авторъ «Ревизора»? Конечно, но, вѣдь, съ другой стороны, комедія была разрѣшена къ постановкѣ на сцену самимъ императоромъ. Какъ же тутъ быть? Какъ творецъ «Мертвыхъ душъ»? Это произведеніе, правду сказать, непозволительное, а по словамъ Булгарина, даже опасное, но, вѣдь, Гоголь же отрекся отъ обоихъ изъ этихъ произведеній, самъ назвалъ ихъ «необдуманными» и «незрѣлыми» и написалъ такую полезнѣйшую вещь, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», за которую на него такъ неистово набросились всѣ либеральные крикуны съ Бѣлинскимъ во главѣ... За что же, наконецъ, ставить Гоголя за одну скобку съ Бѣлинскимъ, запрещая печати говорить какъ о томъ, такъ и о другомъ?

«Фактовъ» противъ Гоголя не было рѣшительно никакихъ. Мало того: Гоголь былъ, дѣйствительно, абсолютно чуждъ всякихъ «превратныхъ идей». Все это такъ, все это не подлежитъ сомнѣнію и, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія Орловыхъ онъ былъ и долженъ былъ быть вреднымъ писателемъ. Вѣдь, что бы онъ тамъ ни говорилъ позже, а его художественныя произведенія продолжали оставаться обвинительнымъ актомъ противъ многаго изъ того, что было слишкомъ близко сердцу его судей, и способствовать развитію того именно общественнаго самосознанія, на которое

Орловы смотрѣли, какъ на величайшее изъ всѣхъ могущихъ постигнуть Россію бѣдствій. Гоголь этого не имѣлъ въ виду, Гоголь этого не хотѣлъ, но отъ этого дѣло нисколько не измѣняется.

Когда Достоевскій писалъ своихъ «Бѣдныхъ людей», то прочитавшій это произведеніе Бѣлинскій пришелъ, по разсказу самого Достоевскаго, въ восторгъ и, обращаясь къ нему, какъ къ автору, воскликнулъ: «Да понимаете-ли вы, *что* вы написали?» Восклицаніе глубоко законное по адресу истиннаго художника слова, который часто творитъ подъ вліяніемъ одного лишь вдохновенія. Гоголь принадлежалъ именно къ такимъ художникамъ. Онъ былъ менѣе всего мыслителемъ. Его интересовали не корни того или иного явленія, а самыя явленія, которыя, получая особенную переработку въ процессѣ его художественнаго творчества, выливались подъ его перомъ въ формѣ геніальныхъ, полныхъ глубочайшей жизненности картинъ. И какое дѣло тогда до того, *что* именно *хотѣлъ* сказать намъ авторъ своимъ произведеніемъ? Его дѣло было *показать* намъ предметъ, а *доказать*, что предметъ этотъ вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности и вывести всѣ надлежащія изъ него слѣдствія, является уже задачею не художественнаго творчества, а критики. Обѣ эти задачи, — каждый свою, — исполнили превосходно Гоголь и Бѣлинскій, и вотъ почему, не взирая на то, что они сильно расходились между собою во множествѣ воззрѣній на предметы первостепенной важности, оба они сослужили одинаково важную службу *одному и тому же дѣлу*, а усматривая въ Гоголѣ и Бѣлинскомъ нѣчто общее, уже не трудно, ставъ на точку зрѣнія Орловыхъ, усмотрѣть у нихъ обоихъ и нѣчто *вредное*, за что и того и другого и можно было подвергнуть остракизму. Такова логика крѣпостного режима...

Пусть жизнь быстро опрокинула затѣмъ всѣ сооруженныя для подвергнутыхъ остракизму великихъ писателей рогатки, пусть увѣнчана она лавровыми вѣнками бывшихъ опальныхъ, пусть принесла она ихъ судьямъ одинъ лишь стыдъ,—все это доказываетъ лишь несостоятельность точки зрѣнія, на которой стояли Орловы, безусловное осужденіе ея исторіей, но не нелогичность принимавшихся съ этой точки зрѣнія мѣръ. Онѣ присущи ей и неизбѣжно изъ нея

вытекаютъ. Что дѣлать, если огонь и вода вмѣстѣ уживаться не могутъ, если борьба составляетъ основной принципъ жизни, если исходъ ея зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ соотношенія общественныхъ силъ и если въ эпоху Гоголя соотношеніе это было не въ его пользу?..

Выдающееся положеніе, которое занялъ Гоголь въ русской исторіи, уже принадлежитъ ему навѣки. Но не Гоголь, разумѣется, какъ «учитель жизни», — объ этомъ смѣшно даже говорить—а Гоголь геніальный художникъ, вотъ кто останется навсегда для Россіи однимъ изъ ея наиболѣе чтимыхъ сыновъ.

Онъ умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и тогда же немногочисленные въ то время представители русской интеллигенціи прочли такія строки:

«Гоголь умеръ!.. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова? Онъ умеръ. Потеря наша такъ жестока, такъ внезапна, что намъ все еще не хочется ей вѣрить. Въ то самое время, когда мы могли надѣяться, что онъ нарушитъ, наконецъ, свое долгое молчаніе, что онъ обрадуетъ, превзойдетъ наши нетерпѣливыя ожиданія, — пришла эта роковая вѣсть! Да, онъ умеръ, этотъ человѣкъ, котораго мы теперь имѣемъ право, горькое право, данное намъ смертью, назвать великимъ, человѣкъ, который своимъ именемъ означитъ эпоху въ исторіи нашей литературы, человѣкъ, которымъ мы гордились, какъ одной изъ славъ нашихъ! Онъ умеръ, пораженный въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, въ разгарѣ силъ своихъ, не окончивъ начатаго дѣла, подобно благороднѣйшимъ его предшественникамъ. Его утрата возобновляетъ скорбь о тѣхъ незабвенныхъ утратахъ, какъ новая рана возбуждаетъ боль старинныхъ язвъ. Не время теперь и не мѣсто говорить о его заслугахъ; это дѣло будущей критики; должно надѣяться, что она пойметъ свою задачу и оцѣнитъ его тѣмъ безпристрастнымъ, но исполненнымъ уваженія и любви, судомъ, которымъ подобные ему люди судятся предъ лицомъ потомства; намъ теперь не до того; намъ только хочется быть однимъ изъ отголосковъ той великой скорби, которую мы теперь чувствуемъ разлитой повсюду вокругъ насъ; не оцѣнить намъ его хочется, но плакать; мы не въ силахъ говорить теперь спокойно о Гоголѣ, — самый любимый, самый знакомый образъ не ясенъ для глазъ, орошенныхъ слезами...

Въ день, когда его хоронитъ Москва, намъ хочется протянуть ей отсюда руку, соединиться съ ней въ одномъ чувствѣ общей печали: мы не могли взглянуть въ послѣдній разъ на его безжизненное лицо, но мы шлемъ ему издалека нашъ прощальный поклонъ и съ благоговѣйнымъ чувствомъ слагаемъ дань нашей скорби и нашей любви на его свѣжую могилу, въ которую намъ не удалось, подобно москвичамъ, бросить горсть родимой земли! Мысль, что его прахъ будетъ покоиться въ Москвѣ, наполняетъ насъ какимъ-то горестнымъ удовлетвореніемъ. Да, пусть онъ покоится тамъ, въ этомъ сердцѣ Россіи, которую онъ такъ глубоко зналъ и такъ любилъ, что одни легкомысленные или близорукіе не чувствуютъ присутствія этого любовнаго пламени въ каждомъ имъ сказанномъ словѣ. Но невыразимо тяжело было бы намъ подумать, что послѣдніе, самые зрѣлые плоды его генія погибли для насъ невозвратно, — и мы съ ужасомъ внимаемъ жестокимъ слухамъ объ ихъ истребленіи...

«Едва-ли нужно говорить о тѣхъ немногихъ людяхъ, которымъ слова наши покажутся преувеличенными или вовсе неумѣстными... Смерть имѣетъ очищающую и примиряющую силу; клевета и зависть, вражда и недоразумѣнія — все смолкаетъ передъ самою обыкновенною могилою: они не заговорятъ надъ могилою Гоголя. Какое бы ни было окончательное мѣсто, которое оставитъ за нимъ исторія, мы увѣрены, что никто не откажется повторить теперь же вслѣдъ за нами:

«Миръ его праху, вѣчная память его жизни, вѣчная слава его имени!» [1]).

Подъ этою статьею стояла подпись «Т—въ». Она принадлежала уже и тогда пріобрѣтшему почетную извѣстность въ русской литературѣ Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Да и кому же, какъ не ему, истинному представителю «гоголевской школы», и было послужить выразителемъ чувствъ всѣхъ лучшихъ русскихъ людей по поводу понесенной ими безконечно тяжелой и невознаградимой утраты? За эту статью, какъ извѣстно, по настоянію тогдашняго попечителя петербургскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина, Тургеневъ очутился на «съѣзжей», а затѣмъ былъ высланъ изъ Петер-

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 13 марта, 1852 г., № 32.

бурга въ село Спасское «безъ права выѣзда», гдѣ и прожилъ до конца 1854 года. Послѣдовавшее вскорѣ за тургеневской статьей распоряженіе, запрещавшее совершенно говорить о Гоголѣ, довершило дѣло замалчиванія непріятнаго писателя...

Но о комъ же такъ восторженно отзывался Тургеневъ: о Гоголѣ ли, какъ художникѣ, или Гоголѣ, какъ «учителѣ жизни»? Можетъ-ли быть сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ?

«Мы всѣ вышли изъ гоголевской «Шинели», — говорилъ, имѣя въ виду плеяду беллетристовъ сороковыхъ годовъ, одинъ изъ ея наиболѣе замѣчательныхъ представителей. Ну, а изъ «Переписки съ друзьями», кто же вышелъ? Кажется, никто.

Уже однимъ этимъ въ достаточной степени рѣшается вопросъ о Гоголѣ, какъ объ «учителѣ жизни».

Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка [1]).

(Къ двухсотлѣтію русской печати).

I.

Наступаетъ двухсотлѣтіе русской печати, фактора, который, при всѣхъ скорбныхъ его судьбахъ, имѣлъ, тѣмъ не менѣе, очень большое значеніе въ исторіи общественнаго развитія нашей родины. Это важное событіе привлечетъ, безъ сомнѣнія, вниманіе общества, а на насъ, журналистовъ, оно же налагаетъ обязанность бросить ретроспективный взглядъ на пройденный путь, остановиться на нѣкоторыхъ его этапахъ и подвести кое-какіе итоги въ области многолѣтней и многотрудной борьбы русской журналистики за свое существованіе и за воплощеніе въ жизни тѣхъ идеаловъ, которые она ставила на своемъ знамени. Мы останавливаемся лишь на послѣднемъ изъ двухъ столѣтій существованія русской журналистики. Но имѣя въ виду бесѣдовать съ читателями о судьбахъ русской журналистики лишь XIX вѣка, мы и тутъ далеки отъ мысли излагать ея исторію. Наша задача гораздо уже, спеціальнѣе. Мы хотѣли бы лишь прослѣдить по имѣющимся въ офиціальныхъ изданіяхъ и общей литерурѣ данным существовавшія за намѣченный промежутокъ времени отношенія къ русской журналистикѣ со стороны вѣдавшихъ ея судьбы учрежденій. Наша работа явится, поэтому, такъ сказать, историко-статистическою. Намъ кажется, что «немножко статистики» въ этой области явится дѣломъ небезполезнымъ.

---

[1]) Печаталось отдѣльными частями въ журналѣ „Міръ Божій", газетахъ „Бакинскія Извѣстія" и „Вѣстникъ Юга" и „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза и Ефрона.

Мы начнемъ съ замѣчанія, что съ вышенамѣченной точки зрѣнія разсматриваемую нами эпоху можно раздѣлить на два періода: на до-реформенный, такъ сказать «до-историческій», и болѣе или менѣе «историческій», послѣ реформы 60-хъ гг. Первый изъ нихъ оканчивается 1862-мъ годомъ, второй продолжается до нашихъ дней. Мы хотимъ сказать этимъ слѣдующее: всѣмъ извѣстно, какое количество репрессивныхъ мѣръ тяготѣло надъ русскою журналистикой въ первую половину XIX вѣка. Дѣло доходило до безусловнаго запрещенія выхода въ свѣтъ многихъ изданій («Духъ Журналовъ», «Европеецъ», «Московскій Телеграфъ», «Телескопъ» и др.), но тщетно стали бы вы искать какихъ бы то ни было слѣдовъ этихъ мѣръ въ офиціальныхъ изданіяхъ того времени. Мы даже не представляемъ себѣ ясно, какимъ образомъ далекіе отъ столицъ подписчики закрываемыхъ журналовъ узнавали причину внезапнаго неполученія ими этихъ журналовъ. Изданія, соотвѣтствовавшаго нынѣшнему «Правительственному Вѣстнику», тогда не существовало; «Русскій Инвалидъ» и «Сенатскія Вѣдомости» имѣли свои спеціальныя задачи, а булгаринская «Сѣверная Пчела» не смѣла, разумѣется, и помыслить сообщать публикѣ столь «сенсаціонныя» извѣстія: да ихъ и не пропустила бы никакая цензура [1]. Наконецъ, увѣдомленіе подписчиковъ о судьбѣ того или иного закрытаго журнала исходящими отъ редакціи его частными письмами грозило очень непріятными для авторовъ такихъ писемъ послѣдствіями. Дѣйствія правительства того времени считались совершенно до публики не касающимися. Представленный въ самомъ началѣ царствованія императора Александра I, т.-е. въ одинъ изъ лучшихъ для русской журналистики періодовъ ея жизни, бывшимъ адъюнктомъ московскаго университета Баккаревичемъ проектъ «Правительственнаго Журнала» [2], въ которомъ, по мысли автора проекта, помѣщались бы «всѣ государственные акты и бумаги, каковые

[1] Въ полуофиціальныхъ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" извѣстій объ этомъ предметѣ также не было.

[2] О проектѣ Баккаревича см. въ „Историческихъ свѣдѣніяхъ о цензурѣ въ Россіи", „Очеркахъ по исторіи русской цензуры" г. *Скабичевскаго* и въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка" *Н. Н. Булича*.

благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародовать, высочайшіе манифесты, рескрипты, новыя узаконенія, реляціи министровъ и полководцевъ» и т. д., былъ отвергнутъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Завадовскимъ. Правда, само министерство народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніе котораго поступила тогда цензура и всѣ касающіяся печати дѣла, стало издавать съ 1803 года собственный органъ («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»), но, просматривая мирно покоящіяся въ императорской публичной библіотекѣ страницы этого изданія, мы и здѣсь не нашли ничего, относящагося до мѣропріятій противъ печати, какъ не нашли въ еще болѣе спеціальной для этого министерства сферѣ и намека на такой, напр., выходящій даже для того времени изъ ряда фактъ, какъ происшествіе въ 1838 году со студентомъ медико-хирургической академіи Сочинскимъ [1]). Нынѣшній «Правительственный Вѣстникъ», изъ котораго исключительно мы и теперь узнаемъ касающіяся прессы извѣстія, сталъ издаваться только съ 1869 года. Изданіе это имѣло, однако, своего предшественника въ лицѣ «Сѣверной Почты», которая, въ качествѣ офиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ, стала правильно выходить съ перваго января 1862 года, а черезъ семь лѣтъ она-то и была преобразована въ «Правительственный Вѣстникъ», Въ виду же новыхъ «вѣяній», ознаменовавшихъ собою «шестидесятые годы», министерство внутреннихъ дѣлъ, куда вскорѣ (въ 1863 году) перешло завѣдываніе дѣлами печати, стало публиковать въ «Сѣверной Почтѣ» налагаемыя на печать взысканія правительства. Теперь читателю понятно, почему время до 1862 года мы назвали «до-историческимъ періодомъ» нашей прессы. Свѣдѣнія о немъ, а имъ-то мы и займемся въ первой главѣ этой статьи, изслѣдователямъ приходилось черпать почти всецѣло изъ литературы мемуаровъ, дневниковъ, напечатанной много

[1]) Объ этомъ см. статью №№ „Тяжелыя времена“ въ майской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1884 годъ, 307—322, „Русскіе уголовные процессы“, изд. Александра Любавскаго, т. II, 491—510, а также книгу профессора *А. Е. Боброва* „Литература и просвѣщеніе въ Россіи въ XIX вѣкѣ“ и замѣтку о ней г. *Морозова* „Дѣла давно минувшихъ дней“ въ журналѣ „Образованіе“. Май—Іюнь 1902 г., 146—148.

времени спустя частной переписки дѣятелей того времени и т. п. документовъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, примѣръ чему представляютъ извѣстныя изслѣдованія академика Сухомлинова, изслѣдователи пользовались хранящимися въ правительственныхъ архивахъ старыми подлинными дѣлами о печати.

I.

Эпоха Павла I почти не входитъ въ разсматриваемый нами періодъ времени, ибо кратковременное царствованіе этого государя протекло главнымъ образомъ въ XVIII вѣкѣ († въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года), и намъ приходится сказать объ этой эпохѣ лишь нѣсколько словъ. То было тяжелое для печати время. Императоръ Павелъ I къ писателямъ, совершенно независимо отъ того, какого именно, т.-е. охранительнаго или прогрессивнаго направленія держались они въ своихъ произведеніяхъ, испытывалъ родъ идіосинкразіи: начавшій печатать свои басни въ царствованіе Екатерины «дѣдушка Крыловъ» жилъ въ глуши, стараясь всѣми силами не попасться на глаза; убитый впослѣдствіи въ Германіи нѣмецкимъ студентомъ Карломъ Зандомъ извѣстный Коцебу испыталъ ссылку въ Сибирь [1]), а въ цензурѣ занимался со страстью мыслеубійствомъ пріобрѣтшій себѣ на этомъ поприщѣ безсмертные лавры цензоръ Туманскій [2]). Но напоминаній этихъ можетъ быть еще недостаточно и потому для полноты картины вспомнимъ тутъ же извѣстное распоряженіе Павла I касательно привозимыхъ изъ за границы книгъ: «Такъ какъ, гласило это распоряженіе, чрезъ ввозимыя изъ за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ, впредь до указа, повелѣваемъ запре-

[1]) *Августъ Коцебу*, „Достопамятный годъ моей жизни“, приложеніе къ „Древней и Новой Россіи“ 1879 года.

[2]) О немъ см. сообщеніе *Барышникова* „Ѳ. О. Туманскій и цензурная его дѣятельность въ 1800—1801 году“, „Русская Старина“ X, 1873 г. 590—593, а также сообщеніе въ ноябрской книжкѣ „Русской Старины“ за 1875 годъ *Г. К. Рѣпинскаго* „Цензура въ Россіи при императорѣ Павлѣ“.

тить впускъ изъ за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку» [1]).

Это распоряженіе сохраняло свою силу вплоть до восшествія на престолъ императора Александра I, когда, послѣ тяжелыхъ условій предшествовавшаго времени, въ воздухѣ повѣяло оттепелью. Настали лучшіе дни и для печати. Появилось много новыхъ журналовъ и уже въ 1804 году былъ изданъ цензурный уставъ, который отличался сравнительною мягкостью. Конечно, до свободы печати, о которой и тогда уже мечтали передовые русскіе люди, было очень далеко, но все же въ сравненіи не только къ эпохою Павла I, но и съ послѣдовавшей, въ началѣ царствованія императора Александра I печати жилось гораздо легче.

Очень характерную картинку положенія печати въ это время представляетъ собою діалогъ между «сочинителемъ» и «цензоромъ», помѣщенный въ «Журналѣ Россійской Словесности», который издавалъ извѣстный писатель александровской эпохи Пнинъ. Діалогъ напечатанъ въ формѣ «перевода съ манчжурскаго» и содержитъ въ себѣ любопытныя для того времени строки.

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Цензоръ. Его должно впередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?

Сочинитель. «Истина», государь мой.

Цензоръ. «Истина?» О! Ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

Сочинитель. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину? Что это значитъ? Я вамъ скажу, государь мой, что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный Кунъ (Конфуцій) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: «Смертные! Любите другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія». Вотъ содержаніе сего сочиненія.

[1]) Указъ императора Павла I отъ 18-го апрѣля 1800 года.

Цензоръ. «Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу!» Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно. (Съ живостью). Покажите мнѣ его скорѣе.

Сочинитель. Вотъ оно.

Цензоръ. (Развертывая тетрадь и пробѣгая глазами листы). Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого никакъ пропустить нельзя (указывая на мѣсто въ книгѣ).

Сочинитель. Для чего же, смѣю спросить.

Цензоръ. Для того, что я не позволяю, и слѣдовательно, это непозволительно.

Сочинитель. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить печатать мою «Истину», нежели я предлагать оную?

Цензоръ. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочинитель. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ самъ не могу отвѣчать за мою «Истину». Вы присвоиваете себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои. Я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Цензоръ. Но вы можете заблуждаться.

Сочинитель. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Цензоръ. Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочинитель. А намъ развѣ знать это запрещается? Развѣ это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Цензоръ. Если вы согласитесь (показывая на книгу) выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

Сочинитель. Вы, отнимая душу у моей «Истины», лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ-ли я, что истина моя вамъ не нравится и вы не понимаете ее?

Цензоръ. Не всякая истина должна быть напечатана.

Сочинитель. Почему же? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія, значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну, значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобы ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали.

Сценка заканчивается обращеніемъ «сочинителя» къ «великому Куну»:

«О, Кунъ, благодѣтельный Кунъ! Если бы ты услышалъ разговоръ сей, если бы видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; если бы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость; если бы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ, тогда бы... тогда бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ, я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте, однако же, что «Истина» моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти» [1].

Мы привели нарочно полностью эту характерную страницу изъ далекаго прошлаго нашей журналистики, дабы изъ нея читатель могъ видѣть, что, если «благодѣтельному Куну» было не мало причинъ и въ началѣ царствованія Александра I изливать «справедливый гнѣвъ свой» на лежавшія на пути развитія нашей печати тормозы, то, съ другой стороны, уже тотъ фактъ, что діалогъ Пнина появился въ печати съ разрѣшенія той же цензуры, могъ нѣсколько успокоить гнѣвъ божественнаго Куна. Какіе вулканы должны были бы иначе клокотать въ груди Куна, когда бы онъ узналъ, что черезъ много-много лѣтъ послѣ появленія въ печати статьи Пнина сидѣлъ надъ рукописями авторовъ, сдѣланный въ 1841 году, не взирая на все его поразительное невѣжество, почетнымъ членомъ отдѣленія

[1] *Пятковскій*, Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. II, 171–174.

русскаго языка и словесности при академіи наукъ. знаменитый цензоръ Красовскій и дѣлалъ на рукописяхъ свои замѣчанія въ родѣ слѣдующаго, пріобрѣтшаго историческую извѣстность:

> О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши
> Безвѣстный, близь тебя къ блаженству пріучаться, —

писалъ, между прочимъ, нѣкій Олинъ въ представленномъ на просмотръ Красовскому стихотвореніи.

Замѣчаніе Красовскаго: «Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать службы государю для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей; сверхъ того, къ блаженству можно только пріучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины» и т. д.

Что долженъ былъ бы сказать тутъ «благодѣтельный Кунъ», въ особенности, если бы онъ узналъ, что приведенный случай былъ не исключительнымъ, а самымъ обыкновеннымъ, что въ то время дѣло доходило до знаменитаго изгнанія «вольнаго духа» изъ... изъ поваренныхъ книгъ... Тогда, бросая взглядъ назадъ и возвращаясь ко времени напечатанія Пнинымъ его «перевода съ манчжурскаго», Кунъ долженъ былъ бы признать, что почти за сорокъ лѣтъ, отдѣлявшихъ Пнина отъ Олина, прогрессъ въ отношеніяхъ цензуры къ печати былъ не особенно великъ. Можно ли себѣ даже представить, чтобы статья, подобная статьѣ Пнина, поступила на разсмотрѣніе, напримѣръ, Красовскаго?..

Но не долго продолжались и въ александровскую эпоху сравнительно «золотые дни» русской журналистики. Скоро подулъ другой вѣтеръ и жертвами его пали одинъ за однимъ «Сіонскій Вѣстникъ» и «Духъ Журналовъ». Къ исторіи этихъ изданій мы теперь и обратимся.

«Сіонскому Вѣстнику» и его редактору, извѣстному А. Ф. Лабзину, въ нашей журналистикѣ что, называется, посчастливилось, ибо кромѣ разбросанныхъ тамъ и сямъ мелкихъ замѣтокъ, касающихся изданія и лица, о которыхъ идетъ рѣчь, мы имѣемъ по этому же поводу, печатавшееся въ цѣломъ рядѣ книжекъ «Русской Старины» за 1894 и 1895 годы, цѣнное изслѣдованіе Н. Ф. Дубровина, подъ заглавіемъ: «Наши мистики-сектанты». А. Ф. Лабзинъ и его журналъ «Сіонскій Вѣстникъ» По полнотѣ сообщаемыхъ

свѣдѣній фактическаго характера, статья г. Дубровина можетъ конкурировать лишь съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ М. И. Сухомлинова «П. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ». Другіе, закрытыя въ первой половинѣ XIX вѣка изданія не только не имѣютъ ничего подобнаго, но исторія крушенія ихъ отличается вообще большою скудостью даже сырыхъ матеріаловъ.

А. Ф. Лабзинъ родился въ 1766 году, въ бѣдной дворянской семьѣ, поступилъ десяти лѣтъ въ гимназію при московскомъ университетѣ, основательно изучилъ латинскій языкъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ самый университетъ. Какъ многіе другіе интеллигентные люди екатерининской эпохи, Лабзинъ одно время увлекался Вольтеромъ, но, говоритъ въ одной запискѣ къ Новосильцеву самъ Лабзинъ, «явился, какъ ангелъ-благовѣстникъ, покойный профессоръ Шварцъ и, какъ солнце, расточилъ туманъ вольнодумства и невѣрія» [1]). Занимаясь основательно изученіемъ классиковъ, Лабзинъ почувствовалъ наряду съ тѣмъ большую склонность къ чтенію священныхъ книгъ и въ 1773 году вступилъ въ общество мартинистовъ. По окончаніи курса въ университетѣ, Лабзинъ служилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, а въ 1789 году былъ переведенъ въ Петербургъ въ «секретную экспедицію с.-петербургскаго почтамта». Здѣсь прослужилъ онъ десять лѣтъ и затѣмъ получилъ мѣсто въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ и назначеніе вмѣстѣ съ тѣмъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Ему же было поручено вмѣстѣ съ Вахрушевымъ составленіе «Исторіи державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго», которая и появилась въ пяти частяхъ. Много занимаясь литературою и будучи борцомъ по природѣ («если бы не вѣра и не благодать Господа,—говорилъ о себѣ самъ Лабзинъ,—я былъ бы подобенъ сатанѣ»), Лабзинъ страстно жаждалъ широкой общественной дѣятельности. Онъ мечталъ начать борьбу съ овладѣвшимъ тогда, по его мнѣнію, обществомъ «антихристіанскимъ направленіемъ». Какими же средствами думалъ онъ вести подобную борьбу? На этотъ вопросъ самъ Лабзинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ:

[1]) *Дубровинъ.* „Наши сектанты-мистики", „Русская Старина", 1894 г., XI, 59.

«Всякій-ли желудокъ, — спрашиваетъ онъ, — въ состояніи переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій-ли разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? А между тѣмъ, литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ свое стряпье моднымъ снадобьемъ, чтобы лучше расщекотать вкусъ своихъ читателей. Но какія же мѣры употреблять противъ вредныхъ или опасныхъ книгъ, чтобы люди не заражались? Приведемъ здѣсь пословицу: клинъ клиномъ вышибать должно. Когда есть книги соблазнительныя или развратныя, пусть будутъ книги поучительныя и нравоучительныя; когда есть противонравственныя, пусть выходятъ и христіанскія, а свобода воли человѣческой, которую и Богъ не утѣсняетъ, пусть избираетъ себѣ любое, и не станемъ осуждать того, кто выберетъ не наше; не станемъ сердиться, если кто осудитъ наше» [1]).

Эти строки чрезвычайно характерны для Лабзина. Являясь противникомъ «вольнодумства», онъ не желаетъ зажимать рты «инакомыслящимъ»; вѣруя въ истину своихъ воззрѣній, онъ настаиваетъ на необходимости свободы устнаго и печатнаго выраженія мыслей противоположныхъ. Мысли онъ хочетъ противопоставить *только* мысль, убѣжденію — *только* убѣжденіе. Для проведенія своихъ идей въ жизнь Лабзинъ просилъ о разрѣшеніи ему издавать журналъ, который, несмотря на то, что въ немъ будутъ трактоваться нѣкоторые духовные вопросы, вѣдался бы только свѣтскою цензурою. Получивъ такое разрѣшеніе, Лабзинъ сталъ издавать журналъ подъ названіемъ «Сіонскій Вѣстникъ», первый нумеръ котораго и появился въ свѣтъ 1-го января 1806 года. Журналъ сразу обратилъ на себя вниманіе.

По выходѣ второй книжки, у Лабзина было уже *девяносто три* подписчика, цифра по тому времени, какъ свидѣтельствуютъ современники, весьма значительная. Начали поступать и добровольныя денежныя пожертвованія. Послѣ первой же книжки Лабзинъ получилъ четыреста рублей отъ «восхищающагося его изданіемъ» и выражавшаго желаніе поддержать журналъ «и перомъ, и добромъ своимъ». Но явились, конечно, и враги.

---

[1]) Ibid., 68.

«Бояринъ Лабзинъ,—писалъ въ своихъ запискахъ извѣстный Фотій,—съ ученіемъ и смѣлостью имѣя дерзкій характеръ, имѣлъ скопище по ночамъ у себя, подъ видомъ чистаго ученія о вѣрѣ христіанской, но въ самой вещи множилъ одно невѣріе и нечестіе. Заключалась въ семъ обществѣ премудрость земная, бѣсовская: онъ, дѣйствуя открыто, подъ видомъ изъясненія св. Писанія, дѣлалъ свои толкованія произвольно на оное, яко же отъ бѣса способенъ былъ принимать, изблевывалъ ядъ ученія отъ сердца своего и отравлялъ сердца многихъ, подъ видомъ ученія вѣры Христовой давалъ ученія лже-христіанскія и подъ видомъ умноженія духовныхъ книгъ для духовныхъ и мірскихъ людей на русскомъ нарѣчіи писалъ чисто, ясно. сочинялъ и переводилъ книги нечестиваго всякаго еретическаго ученія, разнаго съ нѣмецкаго языка, французскаго и съ прочихъ нарѣчій, и печатію все издавалъ: выдумывалъ разныя чудеса новыя ложныя, прославляя, какъ божественное дѣйствіе, магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ, а особенно людей просвѣщенныхъ. Всякими способами сей врагъ вѣры и благочестія пакости чинилъ церкви и вѣрѣ православной, ученію истины, благочестію вѣрныхъ, и духъ прелести, ереси и заблужденій всесильно вливалъ въ сердца неопытныхъ всѣхъ и отвращалъ въ путь нечестія и святотатства. Его многіе называли: апостолъ и пророкъ сатанинъ... Въ ересь его многіе были увлечены: книги, сочиненія его почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ семинаріи выписывали, хвалили и превозносили его, яко учителя вѣры. Изъ человѣкоугодія или по заблужденію архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, бояре, ученые потворствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него... Сему идолу-человѣку кланялось начальство с.-петербургской духовной академіи, и синодъ его чтилъ... Лабзинъ, врагъ вѣры Христовой, правительства всякаго, не всѣхъ въ свое общество принималъ, а богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ и имѣющихъ какое-либо вліяніе къ умноженію злого ученія новаго... Прелесть и лукавство общіе послѣдователей ученія Лабзина достигло до того, что министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, былъ ему способникъ, от-

личіе ему изъ рукъ царскихъ испрашивалъ, похвалы громкія, какъ нѣкоему апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ» и т. д. [1]).

Несмотря на такое огромное вліяніе Лабзина, „Сіонскій Вѣстникъ» не могъ долго существовать. По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, графа Завадовскаго, было издано приказаніе о подчиненіи этого изданія духовной цензурѣ. Тутъ начались всякія стѣсненія, придирки—и въ результатѣ Лабзинъ самъ принужденъ былъ закрыть свой журналъ. Но онъ не упалъ духомъ и вслѣдъ затѣмъ основалъ особую массонскую ложу, въ члены которой вступили графъ Разумовскій, князь Гагаринъ и нѣкоторыя другія вліятельныя лица. Затѣмъ Лабзинъ является уже однимъ изъ секретарей извѣстнаго библейскаго общества, во главѣ котораго стоялъ кн. А. Н. Голицынъ. Изъ врага Лабзина Голицынъ превратился въ его покровителя (слова Фотія объ отношеніяхъ къ Лабзину Голицына относятся къ этой эпохѣ), и въ 1816 г. Лабзину снова было разрѣшено издавать прекратившійся «Сіонскій Вѣстникъ». Ему даже была оказана, при посредствѣ Голицына, на это изданіе денежная помощь изъ кабинета государя. Возобновленіе журнала было встрѣчено весьма сочувственно: во главѣ подписчиковъ, имена которыхъ тогда въ журналахъ обыкновенно печатались, стояли имена императора Александра I, великаго князя Константина Павловича, министра духовныхъ дѣлъ, князя А. Н. Голицына, и многихъ другихъ. Въ 1818 году Лабзинъ назначенъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ.

Все предвѣщало ему на этотъ разъ особую прочность его литературнаго предпріятія, но на дѣлѣ вышло иначе. Первымъ явнымъ противникомъ возобновленнаго «Сіонскаго Вѣстника» явился ректоръ петербургской семинаріи, преосвященный Иннокентій. Въ письмѣ написанномъ имъ по поводу «Сіонскаго Вѣстника» къ кн. Голицыну, находилась, между прочимъ, и такая фраза: «Вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее!» Хотя походъ на Лабзина на этотъ разъ и не имѣлъ успѣха, но партія противниковъ «Сіонскаго Вѣстника» все росла и росла. Въ качествѣ особенно жаркаго

---

[1]) „Повѣствованіе священно-архимандрита отца Фотія“. „Русская Старина“, 1894 г., 215—217.

ревнителя чистоты православной вѣры выступилъ противъ Лабзина А. С. Стурдза, препроводившій кн. Голицыну цѣлый обвинительный актъ противъ «Сіонскаго Вѣстника» и требовавшій подчиненія его духовной цензурѣ. Голицынъ уступилъ, и противная Лабзину партія восторжествовала. «Врагамъ моимъ отдали меня, — писалъ по этому поводу огорченный Лабзинъ.— Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ двери царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда» [1]). Письма Лабзина къ кн. Голицыну и личныя объясненія съ нимъ не помогли дѣлу, и «Сіонскій Вѣстникъ» прекратился. Голицынъ позволилъ Лабзину лишь напечатать «объявленіе», въ которомъ было сказано, что журналъ прекращаетъ самъ издатель. «Здоровье его (т.-е. издателя, о которомъ въ «объявленіи» Лабзинъ говорилъ въ третьемъ лицѣ—*В. Б.*) неоднократно отъ того терпѣло,— гласило «объявленіе», — и нынѣ онъ принужденнымъ себя находитъ объявить почтеннымъ любителямъ его журнала; что онъ продолжать свой журналъ далѣе не можетъ». «Въ подлинникѣ,—говоритъ г. Дубровинъ,—послѣ словъ «продолжать свой журналъ» стояло: «какъ по состоянію своего здоровья, такъ и по встрѣтившейся ему нуждѣ отлучиться на нѣкоторое время изъ столицы», но уже и эти скромныя слова показались лично цензуровавшему «объявленіе» кн. Голицыну неудобными къ печати и онъ ихъ зачеркнулъ» [2]). Это было въ 1818 году.

Такимъ образомъ дважды возникавшій при сильной поддержкѣ свыше для борьбы съ «вольномысліемъ», но и съ широкою по принципу терпимостью къ мнѣніямъ обратнымъ, органъ печати принужденъ былъ дважды же и закрыться. Излагая по преимуществу, такъ сказать, внѣшнюю исторію нѣкоторыхъ органовъ печати, — мы предупредили читателя, что наша работа будетъ работою «историко-статистическою»,—мы не излагаемъ того положительнаго содержанія, которое влагалъ въ свой журналъ А. Ф. Лабзинъ. Помимо другихъ причинъ, это неудобно и въ томъ отношеніи, что завело бы насъ далеко въ сторону.

[1]) *Дубровинъ,* „Наши сектанты-мистики“, „Русская Старина“, 1895 г., I, 76.

[2]) Ibidem, 86.

Дальнѣйшая судьба Лабзина извѣстна; за «продерзости» въ академіи по отношенію къ сильнымъ міра сего (столкновеніе изъ-за гр. Аракчеева) онъ былъ высланъ изъ Петербурга въ уѣздный городъ Сенгилей (Симбирской губерніи), гдѣ и скончался 26-го января 1825 года.

Несравненно меньшею полнотою данныхъ отличается судьба другого журнала александровской эпохи, называвшагося „Духъ Журналовъ". Объ этомъ журналѣ имѣются свѣдѣнія лишь въ составленныхъ на основаніи изученія самаго журнала „Очеркахъ по исторіи русской журналистики" г. Пятковскаго. Въ „Очеркахъ по исторіи русской цензуры" г. Скабичевскаго къ собраннымъ г. Пятковскимъ по этому поводу даннымъ прибавленъ одинъ лишь, извлеченный авторомъ изъ „Русской Старины", документъ, касающійся, собственно, такъ называемаго „лицейскаго духа". (Онъ и приведенъ у г. Скабичевскаго не въ XXVIII главѣ его „Очерковъ", гдѣ идетъ рѣчь о «Духѣ Журналовъ» и другихъ журналахъ александровской эпохи, а въ главѣ XXXI, посвященной невзгодамъ, сыпавшимся на молодого Пушкина). Документъ этотъ проливаетъ, однако, и кой-какой свѣтъ на причины закрытія «Духа Журналовъ» и къ нему, поэтому, мы еще вернемся. Никакихъ изслѣдованій и даже мемуаровъ, касающихся спеціально «Духа Журналовъ», въ нашей литературѣ, сколько намъ извѣстно, не имѣется.

Внѣшнюю особенность «Духа Журналовъ» составлялъ фактъ изданія его Григоріемъ Максимовичемъ Яценковымъ, который самъ занималъ въ то же самое время должность цензора. Являясь, такимъ образомъ, издателемъ журнала, Яценковъ самъ же пропускалъ въ печать многія статьи. «Духъ Журналовъ» началъ выходить въ 1815 году еженедѣльными книжками и сразу сталъ на ту точку зрѣнія политическаго либерализма, которую усвоили себѣ многіе образованные русскіе люди александровской эпохи. Въ качествѣ образчика мнѣній «Духа Журналовъ» г. Пятковскій приводитъ помѣщенное въ № 31 журнала «Письмо одного нѣмца изъ Филадельфіи», проникнутое насквозь горячею симпатіей автора къ свободнымъ американскимъ учрежденіямъ, и дѣйствительно, провѣривъ его по подлиннику, мы находимъ, что оно очень характерно. «Подлинно,— пишетъ авторъ письма, какое-то особенное чувство проникаетъ тебя, когда

помыслишь, что ступилъ на землю свободы, гдѣ, какъ свободный человѣкъ между свободными людьми, жить будешь. Какъ будто здѣсь свободнѣе дышешь, нежели въ иной землѣ; всѣ наслажденія жизни кажутся болѣе пріятны, всѣ общественныя удовольствія болѣе благородны... (Мы опускаемъ нѣсколько чрезвычайно рѣзкихъ строкъ, хотя онѣ и видѣли у насъ впервые свѣтъ уже восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а затѣмъ были перепечатаны и въ книгѣ г. Пятковскаго. *В. Б.*). Здѣсь нѣтъ ни титловъ, ни чиновъ, ни орденовъ, и однако, все идетъ своимъ ходомъ въ величайшемъ порядкѣ и благоустройствѣ... Конституція американской республики соединенныхъ провинцій имѣетъ всѣ преимущества англійской конституціи, не имѣя, однако, ея недостатковъ. Къ симъ преимуществамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, неограниченная свобода мыслить, говорить и писать... Всякой, не боясь никого, говоритъ публично свое мнѣніе даже о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, хвалитъ или осуждаетъ все по своей волѣ, не щадя даже тѣхъ, кои сидятъ у кормила правленія... Журналы и газеты, коихъ здѣсь великое множество и въ которыхъ каждый можетъ свободно изъяснять свои мысли, много способствуютъ тому, чтобы знать общественное мнѣніе и голосъ народа» и т. д. въ томъ же родѣ[1]). Конечно, на такой журналъ было обращено строгое вниманіе, но запрещенію «Духъ Журналовъ» подвергся лишь въ 1820 году и притомъ, по словамъ г. Пятковскаго, за статью не либерально-политическаго, какихъ въ журналѣ было много, а соціально-экономическаго характера. Эта статья была написана на тему о «сохранныхъ кассахъ» и заключала въ себѣ, между прочимъ, такія строки: «Спрашивается: есть-ли возможность ремесленнику или работнику быть бережливымъ? Подлинно, когда подумаешь, что богатый, положивъ въ банкъ тысячи или сотни тысячъ, легкимъ трудомъ пріобрѣтенныя, получаетъ на оные безъ всякой заботы знатные проценты, а бѣднякъ не имѣетъ мѣста положить сохранно свою копейку, потомъ и кровью нажитую,—подлинно, говорю, нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріят-

[1]) „Духъ Журналовъ" 1815 года, № 31, стр. 185—186 и 190—191. См. также „Очерки по исторіи русской литературы" *Пятковскаго*, т. II, 306—307.

ствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы! У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, а у бѣднаго лепта пропадаетъ, какъ зерна, падшія на камень или на распутіи» [1]. Г. Пятковскій говоритъ. что «эти-то строки и возбудили негодованіе цензуры». Вѣроятно, возбудили, но эти строки появились въ свѣтъ въ 1819 году, а журналъ продолжалъ, все-таки, выходить до 1820 года, когда и былъ прекращенъ навсегда. Нельзя, поэтому, не поставить въ связь съ этимъ фактомъ напечатанный въ «Руской Старинѣ» одинъ документъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Этотъ документъ, озаглавленный «Нѣчто о царскосельскомъ лицеѣ и его духѣ», помѣщенъ въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ «Уничтоженіе массонскихъ ложъ въ Россіи въ 1822 году: секретныя донесенія сенатора А. Е. Кушелева и другихъ» въ числѣ другихъ шести документовъ, причемъ редакція «Русской Старины» добавляетъ отъ себя, что авторъ записокъ №№ V и VI (а цитируемая записка и состоитъ подъ № VI) ей «неизвѣстенъ». Записка эта гласитъ слѣдующее (приводимъ ея извлеченіе):

«1) *Что значитъ лицейскій духъ?* Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда, для фанфоронады, надобно показаться любителемъ *равенства*. (Курсивъ вездѣ въ подлинникѣ. *В. Б.*). Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и *русскимъ патріотомъ*. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово *шагистика*. Проро-

[1] *Пятковскій*, 316—317.

чества перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что-нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. *Вѣрноподданный* значитъ укоризну на ихъ языкѣ; *европеецъ* и *либералъ*—почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости.

«Вотъ образчикъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтѣ *лицейскій духъ*. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: mépris souverain pour le genre humain; для третьяго разряда, т. е. сильныхъ крикуновъ — просто *либералъ*.

«2) *Откуда и какъ онъ произошелъ?* Первое начало либерализма и всѣхъ вольныхъ идей имѣетъ зародышъ въ религіозномъ мистицизмѣ секты мартинистовъ, которая въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II существовала въ Москвѣ подъ начальствомъ Новикова и даже имѣла свои ложи и тайныя засѣданія. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Тургеневъ (отецъ осужденнаго въ Сибирь), Муравьевъ (отецъ Никиты, осужденнаго) и многія другія лица, которыя здѣсь не упоминаются, сильно содѣйствовали Новикову къ распространенію либеральныхъ идей, посредствомъ произвольнаго толкованія священнаго писанія, массонства, мистицизма, размноженія книгъ иностраннаго вреднаго содержанія и изданія книгъ чрезвычайно либеральныхъ (!) на русскомъ языкѣ.

«Когда Новиковъ былъ сосланъ въ Сибирь (доносчику, очевидно, неизвѣстенъ былъ даже тотъ фактъ, что Новиковъ въ Сибирь никогда ссылаемъ не былъ. *В. Б.*) и его секта разрушилась, разсѣянные адепты стали по разнымъ мѣстамъ отдѣльно преподавать его ученіе. Тургеневъ былъ попечителемъ московскаго университета, находился въ дружбѣ съ Мих. Ник. Муравьевымъ и рекомендовалъ ему многихъ молодыхъ людей своего образованія, которыхъ сей послѣдній пускалъ въ ходъ по своимъ связямъ. Другіе дѣлали то же, и вскорѣ люди, приготовленные непримѣтно, бо́льшая часть сами не зная того, взяли перевѣсъ въ свѣтѣ и, по службѣ и по отличному своему положенію стоя, такъ ска-

зать, на первыхъ мѣстахъ картины, сдѣлались образцами для подражанія. Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ «Союза благоденствія», съ тою разницею, что новиковцы думали основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая, и по ней преобразовать всю Россію.

«Французская революція была благотворною росою для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣряли воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пепломъ. Настало царствованіе императора Александра, и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей».

Указавъ затѣмъ на то, какъ «вольномысліе» александровской эпохи отразилось на нашихъ университетахъ, неизвѣстный авторъ тайнаго донесенія переходитъ къ воспитанникамъ царскосельскаго лицея.

«Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ живало лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ помѣщать молодыхъ людей въ лицеѣ; они даже потихоньку, т. е. безъ дозволенія, но *явно*, ходили на вечеринки въ домы, уѣзжали въ Петербургъ, куликали съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ называть. Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ и, наконецъ, пришло къ тому, что, если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились въ лицей.

«Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ) образовалось общество подъ названіемъ «Арзамасскаго». Оно было ни литературное, ни политическое въ полномъ значеніи этихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собой и къ той и къ другой цѣли. Оно сперва

имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были неизвѣстны или хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было *явное*. Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы, нежели вреда, еслибъ было направляемо кѣмъ-нибудь къ своей настоящей цѣли. Но какъ никто о семъ не заботился, то арзамасское общество принесло вредъ, особенно лицею. Сіе общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтъ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членовъ, или товарищи, друзья и родственники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ! Вскорѣ это общество сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла искры и превратило ихъ въ пожаръ.

«3) *Какія послѣдствія и вліяніе его на общество?* Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противъ правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствованы арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ *вѣрноподданными* и почитали себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетными. Они почитали себя выше всѣхъ. «*Духъ журналовъ былъ отголоскомъ ихъ мнѣнія — можетъ быть, и неумышленно*». (Послѣдній курсивъ нашъ) [1]).

[1]) „Русская Старина“ 1877 г., IV, 657—660.

Вотъ какой страшный былъ «Духъ Журналовъ». Умышленно или неумышленно, но онъ, по словамъ доносителя, «былъ отголоскомъ» распространившихся въ нашемъ обществѣ самыхъ непозволительныхъ мнѣній. Отсюда уже не трудно понять причины прекращенія такого органа печати.

Слѣдующимъ безвременно погибшимъ изданіемъ былъ альманахъ «Полярная Звѣзда». Какъ извѣстно, издатели этого альманаха, К. Ф. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ-Марлинскій, были вмѣстѣ съ тѣмъ и активными дѣятелями заговора, приведшаго къ катастрофѣ 14 декабря 1825 года. Съ гибелью издателей, само собою разумѣется, погибло и изданіе [1]).

Нерадостно жилось русской журналистикѣ и во вторую половину двадцатыхъ годовъ, но положеніе ея стало особенно тягостнымъ послѣ іюльской революціи 1830 года. Хотя революція эта къ намъ касательства совершенно никакого не имѣла, произошла не у насъ, а гдѣ-то тамъ, въ далекой Франціи, но европейскія бури отражались у насъ, какъ извѣстно, со временъ Екатерины всегда усиленіемъ реакціи. Гдѣ бы ни шелъ дождь, а у насъ всегда распускали зонтики. Повѣяло и на этотъ разъ тѣмъ особымъ духомъ, сквозь который «александровскіе дни» могли представляться чѣмъ-то такимъ, о чемъ можно было сказать: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Первою жертвой времени сдѣлалась «Литературная Газета» барона Дельвига. За что обрушилась на нее суровая кара? Мы сейчасъ объ этомъ поведемъ рѣчь, но, въ видѣ предисловія къ ней, заимствуемъ у А. И. Кошелева слѣдующій разсказъ, сообщенный ему самимъ Дельвигомъ: «Призываетъ какъ-то Дельвига Бенкендорфъ и грубо выговариваетъ ему за помѣщеніе одной «либеральной» статьи. Дельвигъ со свойственною ему невозмутимостью спокойно замѣчаетъ, что *на основаніи закона* (курсивъ подлинника) издатель не отвѣчаетъ, когда статья

---

[1]) Библіографическія свѣдѣнія, касающіяся „Полярной Звѣзды“ см. въ статьѣ М. И. Семевскаго „Александръ Александровичъ Бестужевъ“, помѣщенной въ майской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1860 годъ. См. также напечатанную выше статью „Семейство Бестужевыхъ“.

пропущена цензурою, и упрекъ его сіятельства долженъ быть обращенъ не къ нему, издателю, а къ цензору». На это Бенкендорфъ отвѣтилъ повышеннымъ голосомъ Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненныхъ, а не для начальствъ, и вы не имѣете права въ объясненіяхъ со мною на нихъ ссылаться или ими оправдываться» [1]). При такомъ взглядѣ на вещи, повода для наложенія кары на непріятное изданіе искать долго не приходилось. «Литературная Газета» издавалась, какъ извѣстно, Дельвигомъ; сотрудниками ея состояли Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій и другіе представители литературнаго «Олимпа», задачи изданія были строго литературныя, а направленіе, — если только можно употребить это выраженіе къ такому непорочному представителю нашей журналистики тридцатыхъ годовъ,—состояло именно въ борьбѣ съ «либеральнымъ» журналомъ Полевого «Московскій Телеграфъ». Всего этого оказалось недостаточно. Нашлись, разумѣется, услужливые люди, которые нашептывали кому слѣдуетъ объ опасности для отечества отъ существованія «Литературной Газеты», и когда въ ней появилось четверостишіе де-ла-Виня, то катастрофа разразилась. Мы нашли въ публичной библіотекѣ этотъ злосчастный нумеръ газеты и прочли въ немъ слѣдующее страшное мѣсто:

«Вотъ новые четыре стиха Казиміра де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funèbre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fur libre avant de les connaître [2]).

Вотъ и все: никакихъ коментаріевъ, ни даже перевода этого стихотворенія на русскій языкъ въ «Литературной Газетѣ» помѣщено не было. Просто былъ сообщенъ новый фактъ изъ парижской жизни, а гроза, тѣмъ не менѣе разразилась.

---

[1]) Записки *А. И. Кошелева*, 32.

[2]) „Литературная Газета" 28-го октября 1830 г., № 61, стр. 206. Переводъ: Франція, назови мнѣ ихъ имена! Я не вижу ихъ выступающими на этомъ мрачномъ памятникѣ. Они побѣдили такъ быстро, что ты стала свободною раньше, чѣмъ узнала ихъ имена.

Вѣрнѣе, однако, что это былъ лишь предлогъ. Въ своей статьѣ «*Сѣверная Пчела* 1825—1859 годъ» Петръ Каратыгинъ помѣстилъ между прочимъ такія строки:

«Смерти Дельвига предшествовало и отчасти способствовало неудовольствіе на него правительства и запрещеніе ему быть редакторомъ «Литературной Газеты». На памяти Булгарина донынѣ тяготѣетъ неосновательный упрекъ, будто бы своими извѣтами третьему отдѣленію онъ содѣйствовалъ несчастію, постигшему Дельвига.

«Не пришло еще время,—продолжаетъ Каратыгинъ,—но исторія укажетъ на ту гнусную личность, которая подъ личиною дружбы съ Пушкинымъ и Дельвигомъ, дѣйствительно, *по профессіи*, по любви къ искуству, по призванію, занималась доносами и извѣтами на обоихъ поэтовъ. Донынѣ имя этого лица почему-то нельзя произнести во всеуслышаніе, но, повторяемъ, оно будетъ произнесено и тогда, на ряду съ нимъ, даже имя Булгарина покажется синонимомъ благородства, чести и прямодушія!» [1]).

Эти строки появились въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1882 году. Названо-ли, наконецъ, уже имя, о которомъ говоритъ Каратыгинъ, сказать съ увѣренностью мы, къ сожалѣнію, не можемъ.

Какъ бы то ни было, а послѣ появленія четверостишія де-ла-Виня у Дельвига отнято было право издавать газету. Это подѣйствовало на него удручающимъ образомъ, и онъ быстро послѣ того скончался.

Въ дневникѣ Никитенко записаны подъ 28-е января 1831 года такія строки:

«Публика въ ранней кончинѣ барона Дельвига обвиняетъ Бенкендорфа, который, за помѣщеніе въ «Литературной Газетѣ» четверостишія Казиміра де-ла-Виня назвалъ Дельвига въ глаза почти якобинцемъ и далъ ему почувствовать, что правительство слѣдитъ за нимъ. Засимъ и «Литературную Газету» запрещено было ему издавать... Это поразило человѣка благороднаго и чувствительнаго и ускорило развитіе болѣзни, которая, можетъ быть, давно въ немъ зрѣла» [2]).

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1882 г., IV, 274. Эти же слова Каратыгина цитируетъ и г. *Скабичевскій* въ „Очеркахъ по исторіи русской цензуры", „Отечественныя Записки", т. CCLXII, 102.

[2]) „Записки и дневникъ А. В. Никитенко", I, 281.

Хотя «Литературная Газета» еще и тянула нѣкоторое время свое существованіе, но смерть Дельвига была, въ сущности, и смертью его газеты [1]). «Пушкинъ тотчасъ же охладѣлъ къ неудавшемуся литературному предпріятію, — говоритъ П. П. Полевой, — и возвратился къ своимъ мечтамъ о о собственномъ (критическомъ) журналѣ; князь Вяземскій не рѣшился принять на себя дальнѣйшее веденіе «Литературной Газеты", внутренно сознавая безуспѣшность борьбы маленькаго и незамѣтнаго органа съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ «Московскій Телеграфъ». Остальные сотрудники барона, выносившіе на своихъ плечахъ главную долю труда въ «Литературной Газетѣ», разбрелись кто куда [2]).

Вскорѣ разразилась литературная катастрофа надъ журналомъ «Европеецъ», однимъ изъ послѣдствій которой явилось, между прочимъ, распоряженіе, чтобы впредь на изданіе каждаго новаго журнала испрашивалось бы всякій разъ спеціальное разрѣшеніе государя императора. Издателемъ «Европейца» былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ впослѣдствіи основоположниковъ славянофильской доктрины, И. В. Кирѣевскій. Въ описываемое время раздѣленія на западниковъ и славянофиловъ еще не существовало. Въ «Воспоминаніяхъ объ А. И. Герценѣ» Д. Н. Свербеевъ говоритъ: «Въ то время (въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ) мы всѣ *безъ исключенія* были еще европейцами, и потому журналъ, который въ 1832 году сталъ издавать старшій Кирѣевскій, былъ названъ «Европейцемъ» [3]). Мы думаемъ, что Свербеевъ въ своемъ категорическомъ утвержденіи не совсѣмъ правъ. Были отдѣльные люди, которые уже и тогда морщились, какъ мы скоро увидимъ, отъ «европейскаго» духа журнала, но, пожалуй, ихъ, дѣйствительно, и считать не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, самъ Кирѣевскій былъ тогда совсѣмъ не тѣмъ Кирѣевскимъ, котораго изъ него сдѣлали впослѣдствіи своеобразныя условія его эпохи. «Названіе «Европеецъ», — совершенно справедливо говоритъ

[1]) Полное названіе газеты было такое: „Литературная Газета", издаваемая барономъ Дельвигомъ.

[2]) *П. Полевой* — „Листки изъ архива „Литературной Газеты", „Историческій Вѣстникъ" 1886 года, XI, 370.

[3]) „Русскій Архивъ", 1870 г., т. III, 675.

А. И. Кошелевъ, — достаточно указываетъ на тогдашній образъ мыслей Кирѣевскаго» [1]). Въ «Европейцѣ» приняли горячее участіе Жуковскій, Пушкинъ и другіе наиболѣе громкіе представители литературы того времени. Журналу открывалась блестящая будущность; недовольны имъ были лишь самые заскорузлые «патріоты своего отечества» въ родѣ Погодина или его петербургскаго пріятеля. нѣкоего Любимова, писавшаго Погодину 30-го января 1832 года такія строки: «У насъ теперь новый журналъ «Европеецъ». Въ немъ можетъ быть много хорошаго, но какъ жалко, что онъ дышетъ чѣмъ-то европейскимъ, а не русскимъ. Читали-ли вы въ немъ разборъ «Горя отъ ума»? Срамъ да и все тутъ. Не стыдятся явно проповѣдывать, чтобы мы благоговѣли передъ иностранцами и забывали все русское» [2]). Несмотря. однако, на блестящее начало или, можетъ быть. именно вслѣдствіе этого, жизнь «Европейца» была крайне непродолжительна. На второй же книжкѣ журналъ былъ запрещенъ навсегда. Главною причиною или главнымъ поводомъ къ запрещенію явилась статья самого издателя журнала подъ заглавіемъ «XIX-й вѣкъ», которую Хомяковъ, съ усвоенной имъ впослѣдствіи славянофильской точки зрѣнія все же называлъ «замѣчательнымъ, но незрѣлымъ произведеніемъ молодости Кирѣевскаго» [3]). Въ сущности, статья эта была вполнѣ безобиднаго характера. Авторъ доказывалъ въ ней необходимость для Россіи усвоить западное просвѣщеніе, ибо наше отечество занимаетъ по отношенію къ Европѣ то же положеніе, которое занимала нѣкогда послѣдняя по отношенію къ классическому міру. Въ этой-то мысли и усмотрѣли одну лишь маску, прикрывающую самыя крамольныя намѣренія Кирѣевскаго и характеризующую все направленіе журнала. Кирѣевскій тогда же получилъ изъ надлежащаго учрежденія «извѣщеніе», которое самъ справедливо называлъ «исторической бумагой». Эта давно уже сдѣлавшаяся достояніемъ нашей литературы «историческая бумага» гласила: «хотя сочинитель и говоритъ, что онъ го-

[1]) „Полное собраніе сочиненій Кирѣевскаго“, 1861 г. Предисловіе. 79.

[2]) *Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, IV, 7.

[3]) „Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій“. полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, изд. 2-е, 587.

воритъ, не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное; подъ словомъ *просвѣщенiе* онъ разумѣетъ свободу; *дѣятельность разума* означаетъ у него революцiю, а *искусно отысканная середина* — не что иное, какъ конституцiя; статья сiя не долженствовала быть дозволенною въ журналѣ литературномъ, въ которомъ запрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и вся статья, не взирая на всю ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ» [1]). За эту-то провинность журналъ и былъ запрещенъ, а самъ Кирѣевскiй признанъ человѣкомъ «неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ», почему и былъ отданъ подъ надзоръ полицiи.

Это происшествiе произвело въ интеллигентныхъ кругахъ Петербурга сильное впечатлѣнiе. А. В. Никитенко занесъ тогда же въ свой дневникъ такiя строки:

«Вечеръ провелъ у Плетнева. Тамъ засталъ Пушкина. «Европейца» запретили. Тьфу! Да что же мы, наконецъ, будемъ дѣлать на Руси? Пить и буянить? И тяжко, и стыдно, и грустно!» [2]).

По поводу этого же событiя князь П. А. Вяземскiй писалъ И. И. Дмитрiеву:

«Извѣстно, что въ числѣ коренныхъ государственныхъ узаконенiй нашихъ есть и то, хотя необъявленное правительствующимъ сенатомъ, что никто не можетъ издавать въ Россiи политическую газету, кромѣ Греча и Булгарина. Они одни люди надежные и достойные довѣренности правительства; всѣ прочiе, кромѣ одного Полевого (?!!), — злоумышленники. Вы, вѣрно, пожалѣли о прекращенiи «Европейца», послѣдовавшемъ, вѣроятно, также въ силу вышеупомянутыхъ узаконенiй. Всѣ усилiя благонамѣренныхъ и здравомыслящихъ людей, желавшихъ доказать, что въ книжкѣ «Европейца» нѣтъ ничего революцiоннаго, остались безуспѣшны. Въ напечатанномъ, конечно, нѣтъ ничего возмутительнаго, говорятъ въ отвѣтъ, но тутъ надобно читать то, что не напечатано, и вы тогда ясно увидите злые умыслы

[1]) См. Полное собранiе сочиненiй Кирѣевскаго, 80; статью „Ив. Вас. Кирѣевскiй“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894 г., VII, 337; *Барсуковъ* „Жизнь и труды М. П. Погодина“. IV, 8.

[2]) *А. В. Никитенко.* — „Записки и дневникъ“, т. I, 297.

и революцію, какъ на ладони. Противъ такой логики сказать нечего»[1]).

А. С. Пушкинъ писалъ тому же И. И. Дмитріеву:

«Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ, вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ. Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и клеветники или, по крайней мѣрѣ, клевета устыдится и будетъ изобличена»[2]).

«Но болѣе всѣхъ, — говоритъ, приведши эти письма г. Барсуковъ, — оскорбленъ былъ Жуковскій. Онъ по свидѣтельству А. П. Елагиной, позволилъ себѣ выразиться передъ императоромъ Николаемъ I, что за Кирѣевскаго онъ ручается. «А за тебя кто поручится?»—возразилъ государь. Жуковскій послѣ этого сказался больнымъ. Императрица Александра Θеодоровна употребила свое посредство. «Ну, пора мириться»,– сказалъ государь, встрѣтивъ Жуковскаго, и обнялъ его»[3]). Послѣднее обстоятельство не измѣнило, однако, нисколько участи ни Кирѣевскаго, ни «Европейца».

Настала очередь и «Московскаго Телеграфа». Журналъ этотъ представлялъ, какъ извѣстно, замѣчательное явленіе среди органовъ нашей періодической печати XIX вѣка. Всегда строгій, но и всегда искренній Бѣлинскій характеризовалъ его такими словами:

«Московскій Телеграфъ» былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти неизвѣстный литературѣ, нигдѣ не учившійся, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, и его журналъ съ первой же книжки изумляетъ всѣхъ живостью, свѣжестью, новостью, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностью въ каждой строкѣ однажды принятому и рѣзко выраженному направленію. Такой журналъ не могъ не быть замѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ. Но среди вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки

---

1) *Барсуковъ*, IV, 10.
2) Ibidem.
3) Ibid., 10—11.

издавался онъ въ теченіе почти десяти лѣтъ съ тою постоянною заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главныхъ причинъ гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиною. И это совершилъ Полевой! Боже мой! Какъ взъѣлись на него за эту мысль ученые невѣжды, бездаланные латераторы, плохіе журналисты, закоснѣвшіе въ предразсудкахъ старики!.. Полевой показалъ *первый* (курсивъ Бѣлинскаго), что литература не игра въ фанты, не дѣтская забава, что исканіе истины есть ея главный предметъ и что истина — не такая бездѣлица, которою можно жертвовать условнымъ приличіямъ и пріязненнымъ отношеніямъ. Изъявить публично такой образъ мыслей въ то время значило сдѣлать страшную дерзость и выставить себя человѣкомъ «безпокойнымъ», т. е. хуже чѣмъ безнравственнымъ [1]).

«Чтобы понять всю справедливость словъ Бѣлинскаго, надо вспомнить характеръ того времени, въ теченіе котораго дѣйствовалъ въ нашей журналистикѣ «Московскій Телеграфъ». Время это было тяжелое, страшно тяжелое. А. В. Никитенко,—академикъ и самъ цензоръ, — человѣкъ отнюдь не крайнихъ взглядовъ, рисуетъ его въ своемъ дневникѣ такими чертами: «причина нынѣшняго (начала тридцатыхъ годовъ) нравственнаго паденія у насъ, по моему наблюденію, въ политическомъ ходѣ вещей. Настоящее поколѣніе людей мыслящихъ не было таково, когда исполненное свѣжей, юношеской силы, оно впервые выступило на

---

[1]) *Бѣлинскій*, „Николай Алексѣевичъ Полевой". Цитируемъ по изданію соч. Бѣлинскаго О. Н. Поповой, II, 182 и 184.

поприще умственной дѣятельности. Оно не было проникнуто такимъ глубокимъ довѣріемъ, не относилось такъ цинично ко всему благому и прекрасному. Но власти объявили себя врагами всякаго умственнаго развитія, всякой свободной дѣятельности духа. Не уничтожая ни наукъ, ни ученой администраціи, они, однако, до того затруднили насъ цензурою, частными преслѣдованіями и общимъ направленіемъ къ жизни, чуждой всякаго нравственнаго самопознанія, что мы вдругъ увидали себя въ глубинѣ души какъ бы запертыми со всѣхъ сторонъ, отторженными отъ той почвы, гдѣ духовныя силы развиваются и совершенствуются. Сначала мы судорожно рвались на свѣтъ. Но, когда увидѣли, что съ нами не шутятъ, что отъ насъ требуютъ безмолвія и бездѣйствія, что талантъ и умъ осуждены въ насъ цѣпенѣть и гноиться на днѣ души, обратившейся для нихъ въ тюрьму, что всякая свѣтлая мысль является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, когда, однимъ словомъ, намъ объявили, что люди образованные считаются въ нашемъ обществѣ паріями, что оно пріемлетъ въ свои нѣдра одну бездушную покорность, а солдатская дисциплина признается единственнымъ началомъ, на основаніи котораго позволено дѣйствовать, — тогда все юное поколѣніе вдругъ нравственно оскудѣло. Всѣ его высшія чувства, всѣ идеи, согрѣвавшія его сердце, воодушевлявшія его къ добру, къ истинѣ сдѣлались мечтой безъ всякаго практическаго значенія, — а мечтать людямъ умнымъ смѣшно. Все было приготовлено, настроено и устроено къ нравственному преуспѣянію и вдругъ этотъ складъ жизни и дѣятельности оказался несвоевременнымъ; его пришлось ломать и на развалинахъ строить канцелярскія камеры и солдатскія будки» [1]).

[1]) *А. В. Никитенко.* Записки и дневникъ, т. I, стр. 327—328. Въ замѣчательныхъ мемуарахъ этихъ, охватывающихъ обширный періодъ времени вплоть до 1877 года, можно найти массу драгоцѣнныхъ фактовъ, характеристикъ лицъ и событій. Приведемъ пару примѣровъ, иллюстрирующихъ ту эпоху, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь, т. е. тридцатые годы. Въ дневникѣ отъ 2 октября 1827 г. говорится: „Сочиненіе мое о „политической экономіи“ во многихъ мѣстахъ урѣзано цензурою. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ у меня сказано: „Адамъ Смитъ полагалъ свободу промышленности краеугольнымъ камнемъ обогащенія народовъ“ и пр. Слово *краеугольный* вычеркнуто, потому, какъ глубокомысленно замѣчаетъ цензоръ,

Вотъ условія, при которыхъ пришлось дѣйствовать Полевому, но онъ шелъ все впередъ и впередъ, не останавливаясь передъ неимовѣрными трудностями и преодолѣвая, казалось бы, непреодолимыя препятствія. Успѣхъ «Московскаго Телеграфа» былъ громадный: журналъ имѣлъ до 1,500 подписчиковъ, цифра, по тому времени, безпримѣрная [1]). Но не теряли времени и тѣ, съ точки зрѣнія которыхъ имѣть такой образъ мыслей, какой имѣлъ Полевой, значило, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, обнаружить «страшную дерзость». Положеніе журнала сдѣлалось особенно критическимъ, когда судьбы журналистики сталъ вѣдать Уваровъ, усвоившій себѣ взглядъ на Полевого, какъ на человѣка, задавшагося цѣлью продолжать дѣло декабристовъ. Въ дневникѣ Никитенка стоятъ такія, датированныя пятымъ апрѣля 1834 года, строки:

«Министръ долго говорилъ о Полевомъ, доказывая необходимость запрещенія его журнала. — Это проводникъ революціи, — говорилъ Уваровъ, — онъ уже нѣсколько лѣтъ систематически распространяетъ разрушительныя правила. Онъ не любитъ Россіи. Я давно уже наблюдаю за нимъ, но *мнѣ не хотѣлось вдругъ принять рѣшительныхъ мѣръ* (курсивъ нашъ; почему мы эти слова отмѣчаемъ курсивомъ, будетъ видно дальше. *В. Б.*). Я лично совѣтовалъ ему въ Москвѣ укротиться и доказывалъ ему, что наши аристократы не такъ глупы, какъ онъ думаетъ. Послѣ былъ сдѣланъ ему офиціальный выговоръ; это не помогло. Я сначала думалъ предать его суду; это погубило бы его. Надо было отнять у него право говорить публично. Это правительство всегда властно сдѣлать и притомъ на основаніяхъ вполнѣ юридическихъ, ибо въ правахъ русскаго гражданина нѣтъ права обращаться письменно къ публикѣ. Это привилегія, кото-

что краеугольный камень есть Христосъ, слѣдовательно, сего эпитета нельзя ни къ чему другому примѣнять" (Ib., стр. 239). 16 февраля 1831 года: „былъ въ театрѣ на представленіи комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума". Нѣкто остро и справедливо замѣчалъ, что въ этой пьесѣ осталось только *горе*: столь искажена она роковымъ ножомъ бенкендорфовской литературной управы". (Ib., стр. 284) и т. д. и т. д. въ томъ же родѣ.

[1]) *Весинъ*. „Очерки русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ", 98.

рую правительство можетъ дать и отнять когда хочетъ. Впрочемъ. — продолжалъ онъ, — извѣстно, что у насъ есть партія, жаждущая революціи. Декабристы не истреблены. Полевой хотѣлъ быть органомъ ихъ. Но, да знаютъ они, что найдутъ всегда противъ себя твердыя мѣры въ кабинетѣ государя и его министровъ. Съ Гречемъ и Сенковскимъ я поступилъ бы иначе: они трусы, имъ стоитъ погрозить гауптвахтой и они смирятся. Но Полевой, — я знаю его: это фанатикъ. Онъ готовъ претерпѣть все за идею. Для него нужны рѣшительныя мѣры. Московская цензура была непростительно слаба»[1]).

Не вдаваясь въ критику всего сказаннаго Уваровымъ, мы замѣтимъ только, что подчеркнутыя нами въ его рѣчи слова, въ которыхъ онъ приписываетъ себѣ и своему долготерпѣнію непринятіе правительствомъ и раньше противъ журнала Полевого «рѣшительныхъ мѣръ», не отвѣчаютъ исторической истинѣ. Мы имѣемъ нынѣ превосходное изслѣдованіе этого дѣла въ статьяхъ академика М. И. Сухомлинова «Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ» въ которыхъ авторъ, съ документами въ рукахъ[2]), доказалъ, что Уваровъ уже въ 1833 году дѣлалъ представленіе государю о закрытіи «Московскаго Телеграфа», но тогда попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ.

«Въ бытность мою въ прошедшемъ году въ Москвѣ. — писалъ Уваровъ въ этомъ представленіи, — какъ извѣстно Вашему Императорскому Величеству, я обращалъ особенное вниманіе на издаваемые тамъ журналы, въ коихъ появлялись иногда статьи, не только чуждыя вкуса и благопристойности, но и касавшіяся до предметовъ политическихъ съ сужденіями превратными и вредными. Поставивъ московскому цензурному комитету пространно на видъ обязанности его, я дѣлалъ самыя подробныя внушенія и самимъ издателямъ журналовъ и получилъ отъ нихъ торжественное обѣщаніе исправить ложную и дерзкую наклонность ихъ повременныхъ изданій. Сіе, повидимому, имѣло нѣкоторый успѣхъ, ибо съ того времени тонъ сихъ журналовъ смяг-

[1]) *Никитенко*, I, 325.

[2]) М. И. Сухомлиновъ прямо цитируетъ изъ архива министерства народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась также цензура. „Дѣла 1833 г. № 696 (147,358)“.

чился и доселѣ не замѣчалось вообще въ нихъ ничего явно предосудительнаго, какъ вдругъ съ удивленіемъ я прочелъ въ недавно вышедшей 9-й книжкѣ «Московскаго Телеграфа» статью, подъ заглавіемъ «Взглядъ на исторію Наполеона», въ коей о происшествіи столь важномъ и столь къ намъ близкомъ заключаются самые неосновательные и для чести русскихъ и нашего правительства оскорбительные толки и злонамѣренные ироническіе намеки, какъ ваше императорское величество изволите усмотрѣть изъ представляемой здѣсь въ подлинникѣ статьи съ моими отмѣтками.

«Цензоръ сей книжки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Двигубскій, за неосмотрительность свою долженствовалъ бы подвергнуться отрѣшенію, еслибы не былъ уже вовсе уволенъ отъ службы.

«Что касается до издателя «Телеграфа», то я осмѣливаюсь думать, что Полевой утратилъ, наконецъ, всякое право на дальнѣйшее довѣріе и снисхожденіе правительства, не сдержавъ даннаго слова и не повиновавшись неоднократному наставленію министерства, и, слѣдовательно, что, по всей справедливости, *журналъ „Телеграфъ" подлежитъ запрещенію.*

«Представляя Вашему Императорскому Величеству о мѣрѣ, которую я въ нынѣшнемъ положеніи умовъ осмѣливаюсь считать необходимою для нѣкотораго обузданія такъ называемаго духа времени, имѣю счастье всеподданнѣйше испрашивать Высочайшаго Вашего разрѣшенія».

«На докладѣ Уварова написано Государемъ: «Я нахожу статью сію болѣе глупою своими противорѣчіями, чѣмъ неблагонамѣренною. Виновенъ цензоръ, что пропустилъ, авторъ же въ томъ, что писалъ безъ настоящаго смысла, вѣроятно, самъ себя не разумѣя. Потому бывшему цензору строжайше замѣтить, а Полевому объявить, чтобы вздору не писалъ: иначе запретится журналъ его» [1]).

Такимъ образомъ избавленіе «Московскаго Телеграфа» отъ крушенія въ 1833 году произошло, во всякомъ случаѣ,

[1]) *М. И. Сухомлиновъ,* „Н. А. Полевой и его журналъ „Московскій Телеграфъ". „Историческій Вѣстникъ" 1886 г., IV, 17—18. Эта статья вошла также во второй томъ „Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію" М. И. Сухомлинова, 367—431.

не по причинѣ снисходительности Уварова, о которой онъ распространялся въ цензурномъ комитетѣ. Дни журнала, тѣмъ не менѣе, были сочтены. Уваровъ приказалъ дѣлать изъ каждой книжки «Телеграфа» выборки, долженствовавшіе доказать неблагонадежность Полевого. Выборки эти приведены въ изслѣдованіи М. И. Сухомлинова: тутъ были и цѣлыя страницы, и отдѣльныя строки для будущаго обвинительнаго акта противъ Полевого.

Скоро представился и благопріятный поводъ. Кукольникъ написалъ ту, приведшую въ восхищеніе Уваровыхъ, Бенкендорфовъ и К°, драму «Рука Всевышняго отечество спасла», о которой тогда же ходилъ шутливый стишокъ

„Рука Всевышняго три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ходъ дала
И Полевого погубила".

Эта драма была поставлена въ Петербургѣ на сцену съ особою торжественностью, сильные міра сего рукоплескали ей, словомъ, создалась обстановка, при которой отозваться неодобрительно о произведеніи Кукольника, значило рисковать многимъ. Полевому случилось быть именно въ это въ время Петербургѣ и лично присутствовать въ театрѣ при постановкѣ драмы Кукольника. Въ театрѣ подошелъ къ нему Бенкендорфъ, сообщилъ о восторгѣ отъ драмы въ высшихъ регіонахъ и тутъ же прибавилъ: «Это, пожалуй, не мѣшаетъ господамъ рецензентамъ разнести ее въ прахъ и пухъ». Полевой принялъ къ свѣдѣнію слова Бенкендорфа, немедленно же написалъ въ Москву, завѣдывавшему въ его отсутствіе дѣлами редакціи брату своему, К. А. Полевому, чтобы на драму Кукольника въ журналѣ не помѣщалось никакой рецензіи, но было уже поздно. Рецензія появилась въ февральской книжкѣ (журналъ выходилъ два раза въ мѣсяцъ) и въ ней были ужасныя слова: «Новая драма г. Кукольника весьма печалитъ насъ». Этимъ-то словамъ и было придано въ Петербургѣ чрезвычайно важное значеніе не успѣлъ Полевой возвратиться въ Москву, какъ уже былъ арестованъ и отправленъ съ жандармомъ въ Петербургъ: Объ этомъ путешествіи сохранилось любопытное письмо Полевого къ женѣ:

«Едва пріѣхалъ я, какъ спѣшу успокоить тебя, милый другъ Наташа, что я собрался до Петербурга хоть съ отколоченными ребрами отъ почтовыхъ телѣжекъ и отъ прегадкой дороги, но здоровъ совершенно и спокоенъ, какъ будто эти строчки пишу въ своемъ кабинетѣ и хочу для шутки переслать тебѣ съ Сергѣемъ (съ трехлѣтнимъ сыномъ).

«Не воображай себѣ ни дороги моей какимъ-нибудь волоченіемъ негодяя подъ стражею, ни теперешняго моего пребыванія чѣмъ-нибудь въ родѣ романической тюрьмы: мой голубой проводникъ былъ добрый хохолъ и усердно услуживалъ мнѣ. Сидѣли мы, правда, рядомъ; зато рабочіе инвалиды по московскому шоссе снимали передъ нашею телѣжкою шапки, что меня забавляло чрезвычайно.

«Теперь я пока живу въ свѣтлой, не очень красивой, но комнатѣ, и мнѣ дали бумаги и перьевъ — буду оканчивать «Аббаддонну» или напишу, можетъ быть, препоучительную книгу нравственныхъ размышленій о суетѣ міра etc., etc. Брату отдѣльно не пишу: покажи ему это письмо, почему я и прибавляю въ немъ, что гдѣ бы я ни былъ и что бы я ни былъ—въ душѣ моей вѣчно будетъ онъ мнѣ единственный другъ. О дѣлѣ я еще ничего не могу сказать, ибо графъ А. Х. (Бенкендорфъ) только сказалъ мнѣ, чтобъ я отдыхалъ съ дороги. Крѣпкій вѣрою, крѣпкій своею правотою и совѣстью, я не боюсь ничего и даже въ эту минуту не промѣняюсь со многими, которые сегодня спокойно встали съ постели и поскачутъ по Петербургу въ богатыхъ экипажахъ... Всѣмъ, кого не испугало и не отогнало отъ тебя и брата нечаянное мое путешествіе, поклонъ»[1]).

Изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова мы узнаемъ, что Бенкендорфъ потребовалъ отъ Полевого письменнаго объясненія причинъ той «печали», которую испыталъ рецензентъ при чтеніи драмы Кукольника. На это Полевой отвѣчалъ, что ему и въ голову никогда не приходило «что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора», что зрители въ театрѣ оцѣнили именно эту цѣль, но что по этому-то отношенію публики къ драмѣ и можно судить, «что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое

[1]) Запрещеніе журнала „Московскій Телеграфъ" (сообщеніе П. Н. Полевого). „Русская Старина", VI 1870 г., 552—553.

огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, предъ которыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою, не болѣе» [1]). Объясненіе это было найдено удовлетворительнымъ для освобожденія Полевого изъ заключенія, но «Московскій Телеграфъ» былъ, тѣмъ не менѣе, закрытъ навсегда.

Въ дневникѣ Никитенка говорится по этому поводу слѣдующее:

«Московскій Телеграфъ» запрещенъ по приказанію Уварова. Государь хотѣлъ сначала поступить очень строго съ Полевымъ, но сказалъ потомъ министру: «Мы сами виноваты, что такъ долго терпѣли этотъ безпорядокъ». Вездѣ сильные толки о «Телеграфѣ». Одни горько сѣтуютъ, что единственный хорошій журналъ у насъ уже не существуетъ». «Подѣломъ ему, — говорятъ другіе, — онъ осмѣлился бранить Карамзина, онъ даже не пощадилъ моего романа, онъ либералъ, якобинецъ, — извѣстное дѣло и т. д., и т. д.» [2]).

Вообще въ это время Полевой приходился, очевидно, что называется «не ко двору». Мы видѣли уже отзывъ о немъ кн. Вяземскаго въ его письмѣ къ Дмитріеву. Пушкинъ занесъ въ свой дневникъ по поводу запрещенія «Московскаго Телеграфа» такія строки: «Жуковскій говоритъ: «я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ,—пишетъ затѣмъ Пушкинъ уже отъ себя, — своей участи. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ самымъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска».

Что значитъ «я радъ, что «Телеграфъ» *запрещенъ*, хотя жалѣю, что его *запретили*»? Пустая-ли это игра словъ, или тутъ есть какой-нибудь смыслъ? Пожалуй, смыслъ есть. Пожалуй, фразу Жуковскаго можно истолковывать въ не окончательно неблагопріятномъ для нашего «піита» видѣ. Онъ не любилъ «Телеграфа», онъ былъ *радъ* тому, что статьи журнала Полевого и даже отголоски ихъ не будутъ

[1]) *Сухомлиновъ*, „Историческій Вѣстникъ", IV, 1896 г., 24.
[2]) *Никитенко*, т. I, 324.

болѣе смущать духъ небожителей литературнаго Олимпа, но онъ все же былъ настолько культурный человѣкъ, чтобы не только радоваться, но даже *сожалѣть о способѣ*, посредствомъ котораго доставлено ему подобное удовольствіе. Умри Полевой или, еще того лучше, прекрати онъ по какимъ-нибудь причинамъ *самъ*, безъ внѣшняго воздѣйствія, свой журналъ, и удовольствіе Жуковскаго отъ исчезновенія непріятнаго ему органа печати было бы полнымъ и ничѣмъ не смущаемымъ. Въ данномъ же случаѣ къ *радости* о фактѣ, какъ таковомъ, прибавлялось *сожалѣніе* о формѣ, въ которой этотъ фактъ явился на свѣтъ. Вотъ то, по нашему мнѣнію, единственное, сколько-нибудь благопріятное для Жуковскаго толкованіе, которое можно дать его фразѣ: «я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя и сожалѣю, что его запретили».

Но если еще можно что-нибудь сказать въ оправданіе Жуковскаго, то оправданій для Пушкина подыскать ужъ рѣшительно невозможно. Что за странное смѣшеніе «либерализма» и «якобинизма»? Что за дикое мнѣніе о Полевомъ, какъ о «баловнѣ полиціи»? Вообще, всю эту ни съ чѣмъ несообразную запись въ дневникѣ Пушкина можно объяснить лишь какимъ-нибудь особенно ненормальнымъ состояніемъ духа или плоти, въ которомъ, вѣроятно, находился въ моментъ занесенія такихъ строкъ въ свой дневникъ нашъ великій поэтъ.

Впечатлѣніе отъ ареста Полевого и закрытія «Московскаго Телеграфа» въ Петербургѣ власти, конечно, скоро узнали, но они поинтересовались узнать мнѣніе о томъ же предметѣ москвичей. На посланный въ Москву по этому поводу гр. Бенкендорфомъ запросъ, какъ узнаемъ мы изъ изслѣдованія М. И. Сухомлинова, былъ полученъ такой отвѣтъ:

«По отъѣздѣ Полевого многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнодумцевъ. Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Неожиданное, скорое возвращеніе Полевого удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разныя сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ

случаѣ говорятъ: «Если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?» и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. «Если же обнаружены уже преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать». И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему, соглашались, что Полевой только злой сатирикъ, но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ, ибо таковымъ сочиненіемъ внушается народу о силѣ соединенія. А посему заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше было бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства. Причемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру. И что издатель «Телескопа» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, но сего какъ будто бы не замѣчаютъ» [1].

«Замѣтили» и «Телескопъ». Не долго пришлось ждать и ему своей очереди. Но скажемъ еще нѣсколько словъ о Полевомъ.

Дальнѣйшая судьба его печальна. Выбитый изъ колеи, обремененный многочисленною семьею, не справившійся съ жестокою судьбою, Полевой опускался все ниже и ниже. Настало время, когда онъ уже умышленно избѣгалъ старыхъ друзей. Ему тяжело было уже глядѣть въ глаза такимъ людямъ, какъ, напр., Бѣлинскій.

И самое ужасное въ этой драмѣ состояло именно въ томъ, что Полевой понималъ свое положеніе со страшною ясностью...

Однажды при встрѣчѣ съ Полевымъ И. И. Панаевъ завелъ съ нимъ рѣчь о Бѣлинскомъ, и вотъ что изъ этого произошло:

«— Бѣлинскій прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, — сказалъ Полевой, — горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. Я здѣсь уже совсѣмъ не тотъ-съ. Я вотъ долженъ хвалить романы какого-нибудь Штевена, а вѣдь эти романы галиматься-съ.

«— Да кто же заставляетъ васъ хвалить ихъ, — спросилъ я съ удивленіемъ.

---

[1] *Сухомлиновъ*, „Историческій Вѣстникъ", IV 1886 г., 39.

«— Нельзя-съ, помилуйте, вѣдь онъ частный приставъ.

«— Что же такое? Что вамъ за дѣло до этого?

«— Какъ что за дѣло? Разбери я его какъ слѣдуетъ, онъ, пожалуй, и подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую-нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицѣ на веревочкѣ-съ, а вѣдь я отецъ семейства.

«У меня сжалось сердце при этомъ страшномъ признаніи. И это говоритъ тотъ человѣкъ, который нѣкогда энергически преслѣдовалъ всякую подлость, проповѣдывалъ о свободѣ духа, о человѣческомъ достоинствѣ!» [1])

Тяжела воспроизведенная въ этихъ строкахъ Панаевымъ сцена, но не для осужденія Полевого, этого нѣкогда передового борца русской жизни, мы ее здѣсь воспроизвели. Нѣтъ! Намъ невольно приходятъ на память слова Герцена, произнесенныя имъ въ разгарѣ спора съ Чернышевскимъ о людяхъ сороковыхъ годовъ: «Признаюсь вамъ въ слабости: когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ...» [2])

Теперь обратимся къ «Телескопу». Журналъ этотъ издавалъ, какъ извѣстно, Н. И. Надеждинъ, съ именемъ котораго связано очень многое въ исторіи нашего общественнаго и литературнаго развитія. Не имѣя въ виду касаться общеизвѣстной біографіи знаменитаго предшественника Бѣлинскаго, мы прямо перейдемъ къ описанію случившейся въ 1836 году съ «Телескопомъ» катастрофы. Причиною ея явилось, какъ извѣстно, помѣщеніе въ «Телескопѣ» перваго «философическаго письма» П. Я. Чаадаева. Роковое для журнала Надеждина «письмо» было написано Чаадаевымъ задолго до разразившейся надъ «Телескопомъ», его издателемъ и самимъ авторомъ письма катастрофы. Въ рукописи письмо было извѣстно въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ еще въ 1829 году, подъ видомъ писанныхъ на французскомъ языкѣ писемъ Чаадаева «къ г-жѣ ***. (По однимъ

[1]) *Панаевъ.* „Литературныя воспоминанія". Приложеніе второе: „Воспоминанія о Бѣлинскомъ", Изданіе третье, 300.

[2]) Споръ Герцена съ Чернышевскимъ приведенъ подробно выше въ статьѣ „Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли".

свѣдѣніямъ, Пановой, урожденной Улыбышевой, по другимъ—женѣ декабриста генерала М. Ф. Орлова, урожденной Раевской). О немъ упоминаетъ въ письмѣ къ Чаадаеву отъ шестого іюля 1831 года Пушкинъ [1]). Но кругъ, въ которомъ обращалось «философическое письмо» былъ очень тѣсенъ; о немъ вплоть до того времени, когда оно появилось въ 1836 году въ печати, ничего не зналъ, напр., Герценъ.

Появленіе «философическаго письма» въ «Телескопѣ» было цѣлымъ событіемъ въ русской жизни. «Какъ только появилось оно, — говоритъ Лонгиновъ, — поднялась грозная буря» [2]). Послѣ «Горя отъ ума»,—пишетъ о томъ же предметѣ Герценъ,—не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало бы такое сильное впечатлѣніе» [3]). «Журнальная стать Чаадаева, — вспоминаетъ Свербеевъ, — произвела страшное негодованіе публики и потому не могла не обратить на него преслѣдованіе правительства. На автора возстало все и вся съ небывалымъ ожесточеніемъ въ нашемъ апатическомъ обществѣ» [4]). Ожесточеніе, въ самомъ дѣлѣ, было безпримѣрное. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу, напр., Жихаревъ: «Никогда съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи стали читать и писать, съ тѣхъ поръ, какъ завелись въ ней книжная и грамотная дѣятельность, никакое литературное и ученое событіе, не исключая даже смерти Пушкина, не производило такого огромнаго вліянія и такого обширнаго дѣйствія, не разносилось съ такою скоростью и съ такимъ шумомъ. Около мѣсяца среди цѣлой Москвы почти не было дома, въ которомъ ни говорили бы про чаадаевскую статью и чаадаевскую исторію. Даже люди, никогда не занимавшіеся никакимъ литературнымъ дѣломъ, круглые неучи, барыни, по степени своего интеллектуальнаго развитія мало чѣмъ разнившіяся отъ своихъ кухарокъ и прихвостницъ, подъячіе и чиновники, потонувшіе въ казнокрадствѣ и взяточничествѣ, тупоумные, невѣжественные, полупомѣшанные святоши, изувѣры или ханжи, посѣ-

[1]) „Сочиненія А. С. Пушкина“, 4-е изд. Павленкова, 1625.

[2]) *Михаилъ Лонгиновъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1862 года, XI 144.

[3]) „Сочиненія“, IV, 274.

[4]) *Д. Свербеевъ*, „Воспоминанія о П. Я. Чаадаевѣ“. „Русскій Архивъ“ 1868 г., VI, 986.

дѣвшіе и одичавшіе въ пьянствѣ, распутствѣ и суевѣріи, молодые отчизнолюбцы и старые патріоты, — все соединилось въ одномъ общемъ воплѣ проклятія и презрѣнія къ человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію. Не было такого низкопоставленнаго осла, который не считалъ бы за священный долгъ и пріятную обязанность лягнуть копытомъ въ спину льва историко-философической критики. Врядъ-ли кому-нибудь и когда-нибудь выпадало на долю въ Россіи въ такой мѣрѣ и въ такой степени извѣдать волненія другой оборотной стороны славы, всегда и вездѣ, кажется, болѣ значительный, непогрѣшимѣе рѣшающей и вѣрнѣе цѣнящей, нежели лицевая сторона, блистательная, громозвучная и лучезарная. Сверхъ того, на чаадаевскую статью обратили вниманіе не одни только русскіе: въ силу уже означеннаго мною обстоятельства, что статья была писана по-французски, и вслѣдствіе большой извѣстности, которою Чаадаевъ пользовался въ московскомъ иностранномъ насе- селеніи, весьма многочисленномъ и состоявшемъ изъ людей всякаго рода, всѣхъ занятій и всякаго образованія, этимъ случаемъ занялись и иностранцы, живущіе у насъ, обыкновенно никогда никакого вниманія не обращающіе ни на какое ученое или литературное дѣло въ Россіи и только по слуху едва знающіе, что существуетъ русская письменность. Не говоря про нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, изъ-за чаадаевской статьи выходили изъ себя въ различныхъ горячихъ спорахъ невѣжественные преподаватели французской грамматики и нѣмецкихъ правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ, личный составъ московской французской труппы, иностранное торговое и мастеровое сословіе, разные практикующіе и непрактикующіе врачи, музыканты съ уроками и безъ уроковъ, даже нѣмецкіе аптекари»[1]. Въ выноскѣ Жихаревъ прибавляетъ еще и такой фактъ: «Въ это время я слышалъ, будто студенты московскаго университета приходили къ своему начальству съ изъявленіемъ желанія оружіемъ вступиться за оскорбленную Россію и переломить въ честь ея копье и что графъ, тогдашній попечитель, ихъ успокаивалъ».

[1]) *М. Жихаревъ*, „П. Я. Чаадаевъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., IX, 31—32.

Художественно описываетъ произведенное на него впечатлѣніе отъ чаадаевскаго письма, находившійся тогда въ ссылкѣ въ Вяткѣ, Герценъ: онъ сравниваетъ его съ выстрѣломъ, раздавшимся среди ночи: тонуло-ли что и возвѣщало свою гибель, былъ-ли это сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть отъ утра или о томъ, что его не будетъ, — все равно надо было проснуться». Но такихъ людей, какъ авторъ «Былого и думъ», были въ то время только единицы. Самъ Герценъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что «апплодировавшихъ» Чаадаеву было «человѣкъ десять»....

Негодованіе противъ Чаадаева въ Москвѣ было, дѣйствительно, сильное, но ограничься оно однимъ, такъ сказать, платоническимъ характеромъ, и катастрофа надъ «Телескопомъ», послѣдовавшая далеко не вслѣдъ за появленіемъ въ этомъ журналѣ чаадаевскаго письма, можетъ быть, и не разразилась бы надъ нимъ. Но дѣло именно въ томъ и состояло, что нашлись люди, отвѣтившіе на высказанныя Чаадаевымъ убѣжденія единственнымъ, доступнымъ имъ въ такихъ случаяхъ оружіемъ, — доносомъ.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь! — писалъ по поводу «философическаго письма» петербургскому митрополиту Серафиму извѣстный «доброволецъ» Вигель. «Проживъ болѣе полувѣка, я никогда ничьимъ не былъ обвинителемъ [1]). Но вчера чтеніе одного московскаго журнала возбудило во мнѣ негодованіе, которое, постепенно умножаясь, довело меня до отчаянія. Въ семъ положеніи не нахожу другого средства къ успокоенію своему, какъ прибѣгнуть къ вашему высокопреосвященству съ просьбою обратить пастырское вниманіе ваше на то, что меня такъ сильно встревожило. Иные скажутъ, можетъ быть, что я не въ правѣ сего дѣлать, но, какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, я считаю сіе обязанностію.

[1]) Много ли правды въ этихъ словахъ Вигеля, мы не знаемъ, но, если даже это и такъ, то, очевидно, что послѣ чаадаевскаго инцидента Вигель, видимо, вошелъ во вкусъ ремесла добровольца. Въ 1848 году онъ отличился тѣмъ же, выражаясь деликатно, „донесеніемъ" на извѣстнаго знатока русской словесности И. И. Введенскаго. „Русская Старина", въ которой напечатано и это произведеніе пера Вигеля, такъ и озаглавила свою замѣтку: „Доносъ Ф. Ф. Вигеля на И. И. Введенскаго". (См. „Рус. Стар." 1871 г., декабрь, стр. 697).

В. Б.

«Самая первая статья представляемаго у сего журнала, подъ названіемъ «Телескопъ», содержитъ въ себѣ такія изреченія, которыя одно только безумство себѣ позволить можетъ. Читая оныя, я сначала не довѣрялъ своимъ глазамъ. Многочисленный нашъ народъ въ мірѣ, въ теченіи вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности. Если вашему преосвященству угодно будетъ прочитать хоть половину сей богомерзкой статьи, то усмотрѣть изволите, что нѣтъ строки, которая не была бы ужаснѣйшею клеветою на Россію, нѣтъ слова, кое бы не было жесточайшимъ оскорбленіемъ нашей народной чести. Меня утѣшала еще мысль, что сіе, такъ называемое, философское письмо, писанное по французски, вѣроятно, составлено какимъ-нибудь иновѣрцемъ, иностранцемъ, который назвался русскимъ, чтобы удобнѣе насъ поносить. Увы! Къ глубочайшему прискорбію, узналъ я, что сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи отъ православныхъ родителей, и что имя его (впрочемъ, мало доселѣ извѣстное) есть Чаадаевъ. Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видано. Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволялъ.

«По безумной злобѣ сего несчастнаго противъ Россіи есть тайная причина, коей, впрочемъ, онъ скрывать не старается: отступничество отъ вѣры отцовъ своихъ и переходъ въ латинское исповѣданіе. Вотъ новое доказательство того, что неоднократно позволялъ я себѣ говорить и писать: безопасность, цѣлость, благосостояніе и величіе Россіи неразрывно связаны съ Восточною вѣрою, болѣе осьми вѣковъ ею исповѣдуемою. Сею вѣрою просвѣтилась она въ дни своего младенчества, ею была защищена и утѣшаема во дни уничиженія и страданій, ею спасена отъ татарскаго варварства и съ нею вмѣстѣ возстала во дни торжества надъ безчисленными врагами, ее окружавшими. Стóитъ только принять ее, чтобы содѣлаться совершенно русскимъ, стóитъ только покинуть ее, чтобы почувствовать не только охлажденіе, омерзѣніе къ Россіи, но даже остервенѣніе противъ нея, подобно сему злосчастному, слѣпотствующему, неистовому ея гонителю. Разъединенію съ западной цер-

ковью приписываетъ онъ совершенный недостатокъ нашъ въ умственныхъ способностяхъ, въ понятіяхъ о чести, о добродѣтели; отказываетъ намъ во всемъ, ставитъ насъ ниже дикарей Америки, говоритъ, что мы никогда не были христіанами, и въ изступленіи своемъ, наконецъ, нападаетъ даже на самую нашу наружность, въ коей видитъ безцвѣтность и нѣмоту.

«И всѣ сіи хулы на отечество и вѣру изрыгаются явно,—и гдѣ же? Въ Москвѣ, въ первопрестольномъ градѣ нашемъ, въ древней столицѣ православныхъ государей совершается сіе преступленіе! И есть издатель, который не довольствуется помѣстить статью сію въ журналѣ, но превозноситъ ее похвалами, какъ глубокомысленнѣйшее произведеніе высокого ума, и онъ грозитъ еще другими подобными письмами! [1]). И есть цензура, которая все это пропускаетъ! Кто знаетъ,—будутъ и люди, которые съ участіемъ и одобреніемъ будутъ читать оное. О, Боже! до чего мы дожили!

«Сама святая и соборная апостольская церковь вопіетъ къ вамъ о защитѣ: при ея священномъ гласѣ моленія мои ничто! Вамъ, вамъ предстоитъ обязанность объяснить правительству пагубныя послѣдствія, которыя проистекутъ отъ дальнѣйшей снисходительности, и указать на средства къ обузданію толикихъ дерзостей.

«Можетъ быть кто-нибудь и предупредитъ меня: дай Всевышній, чтобы прежде моего тысячи голосовъ воззвали къ вашему преосвященству о скорой помощи [2]).

[1]) Вигель, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующее заявленіе Надеждина, предпосланное имъ къ „философическимъ письмамъ къ г-жѣ ***“ Чаадаева: „письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Рядъ ихъ составляетъ одно цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими изъ этого рода писемъ“. Само собою разумѣется, что другія изъ этого рода писемъ уже не увидѣли свѣта.

[2]) Въ этомъ надежды Вигеля не сбылись: его голосъ остался, кажется, единственнымъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ честь имѣю быть, милостивѣйшій архипастырь, вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшій слуга *Филиппъ Вигель*» [1]).

По полученіи посланія Вигеля, Серафимъ обратился, въ свою очередь, къ Бенкендорфу съ такимъ письмомъ:

«Ваше сіятельство, милостивый государь! Въ январѣ мѣсяцѣ 1835 года, ваше сіятельство объявили мнѣ лично высочайшую его императорскаго величества волю, чтобъ въ такихъ случаяхъ, когда въ издаваемыхъ для всеобщаго употребленія сочиненіяхъ усматриваемы будутъ противныя вѣрѣ, нравственности и общественному устройству сужденія либо неблагонамѣренности, сообщалъ я замѣчанія свои на то вашему сіятельству для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія. Обращая на таковой предметъ вниманіе свое, усмотрѣлъ я, что въ пятнадцатой книжкѣ періодическаго изданія подъ названіемъ «Телескопъ», вышедшей въ Москвѣ изъ печати въ сентябрѣ сего 1836 года, помѣщены двѣ такія статьи, въ коихъ все, что для насъ россіянъ есть священнаго, поругано, уничижено, оклеветано съ невѣроятною продерзостію и съ жестокимъ оскорбленіемъ какъ для народной чести нашей, такъ для правительства и даже для исповѣдуемой нами православной вѣры. Первая изъ таковыхъ статей есть *философическое письмо*, сочиненное, какъ сказано въ примѣчаніи издателя, однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ на французскомъ языкѣ и предлагаемое въ русскомъ переводѣ съ обѣщаніемъ и дальнѣйшаго продолженія. Сужденія о Россіи, помѣщенныя въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что я не могу принудить себя даже къ тому, чтобы хотя одно изъ нихъ выписать здѣсь для примѣра. Они въ особенности заключаются на страницахъ 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298 и 299.

«Всего удивительнѣе, что издатель «Телескопа», отважившійся напечатать во всеобщее извѣстіе столь негодную, безразсудную и наполненную самою наглою ложью статью,

1) „Письмо Вигеля къ митрополиту Серафиму о статьѣ Чаадаева въ журналѣ „Телескопъ", „Рус. Старина", 1870 г., I, изд. 2, 574–576.

почитаетъ оную, какъ значится изъ собственнаго его на первомъ листѣ примѣчанія, украшеніемъ своего журнала, находитъ въ ней возвышенность предмета вмѣстѣ съ глубиною и обширностію взглядовъ и поставляетъ на особенное вниманіе читателей.

«Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ «*Мнѣніе иностранца о русскомъ правленіи*», на страницѣ 386 сказано: «у нихъ русскихъ, есть (что требуется въ политикѣ точно также, какъ и въ математикѣ) свой центръ и этотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей россійской имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это — и подобное тому, безумно и невозможно.

«Не могши представить себѣ, какъ возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтобъ распространять между соотечественниками столь преступныя хулы на отечество, вѣру и правительство свое, я долгомъ поставляю препроводить при семъ къ вашему сіятельству въ подлинникѣ вышеозначенную пятнадцатую книжку «Телескопа» и прошу покорнѣйше всѣ замѣченныя въ ней мѣста довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя....

№ 343. Октября 28 дня 1836» [1]).

Мы не будемъ здѣсь говорить о самомъ содержаніи вызвавшаго такую бурю «философическаго письма» Чаадаева [2]).

[1]) Письмо митрополита Серафима къ графу Бенкендорфу о статьѣ Чаадаева, напечатанной въ журналѣ „Телескопъ", „Русская Старина", 1870 г., I, изд. 2, 577—578.

[2]) Не касаясь содержанія чаадаевскаго „философическаго письма", считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что цитаты изъ него въ „Быломъ и думахъ" Герцена, вѣроятно, сдѣланы имъ по памяти и потому не отличаются точностью. Это мы утверждаемъ на основаніи свѣрки такихъ цитатъ, какъ съ французскимъ подлинникомъ письма (въ книгѣ Гагарина „Oeuvres choisies de Pierre Tchadaïeff"), такъ и съ переводомъ его, помѣщеннымъ въ „Телескопѣ". Между тѣмъ, именно цитаты Герцена и перешли въ произведенія нѣкоторыхъ нашихъ писателей. (Наше замѣчаніе безусловно не относится къ трудамъ гг. Пыпина—„Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ", „Вѣстникъ Европы", 1871 года, декабрь, 474—501, Милюкова—„Главныя теченія русской исторической

это завело бы насъ далеко въ сторону, а перейдемъ прямо къ послѣдствіямъ помѣщенія его въ «Телескопѣ». Результаты стараній Вигеля сказались въ очень крутой формѣ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ дневникѣ Никитенко:

«Ужасная суматоха въ цензурѣ и литературѣ. Въ пятнадцатомъ номерѣ «Телескопа» напечатана статья, подъ заглавіемъ «Философическія письма». Статья написана прекрасно. Авторъ ея Чаадаевъ. Но въ ней весь нашъ русскій бытъ выставленъ въ самомъ мрачномъ видѣ. Политика, нравственность, даже религія представлены, какъ дикое, уродливое исключеніе изъ общихъ законовъ человѣчества. Разумѣется, въ публикѣ подняла шумъ. Журналъ запрещенъ. Болдыревъ, который былъ одновременно профессоромъ и ректоромъ московскаго университета[1]), отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей. Теперь его, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, издателемъ «Телескопа», вызываютъ сюда для отвѣта».

Черезъ нѣсколько дней:

«Сегодня созваны были въ цензурный комитетъ всѣ издатели здѣшнихъ журналовъ. Тутъ были Смирдинъ, Гинце, издатель польскаго журнала и проч. Гречъ явился прежде. Они были созваны, чтобы выслушать высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Телескопа» и приказаніе беречься той же участи. Всѣ они вышли, согнувшись, со страхомъ на лицахъ, какъ школьники»[2]).

Сверхъ кары на журналъ, подверглись личному наказанію какъ его издатель, такъ и авторъ статьи: Надеждинъ былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а Чаадаевъ былъ объявленъ офиціально сумасшедшимъ. Жихаревъ приводитъ

мысли", 292—299, и нѣкоторымъ другимъ). Это порождаетъ недоразумѣнія.

Относительно тѣхъ страницъ, въ которыхъ говорится о данномъ предметѣ въ „Очеркахъ по исторіи русской цензуры" г. Скабичевскаго, слѣдуетъ еще замѣтить, что утвержденіе автора „Очерковъ", будто переводъ чаадаевскаго письма сдѣланъ Бѣлинскимъ, совершенно невѣрно. („Очерки", „Отеч. Записки", т. CCLXII, отд. I, 121). Переводъ этотъ сдѣланъ не Бѣлинскимъ, а Кетчеромъ. (См. „Воспоминанія объ Н. Х. Кетчерѣ", А. В. Станкевича въ „Русскомъ Архивѣ", 1887 г., III, 365, а также статью „Н. Х. Кетчеръ" въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза, т. XV, 32).

[1]) Онъ же былъ и цензоромъ, пропустившимъ статью. *В. Б.*

[2]) „Записки и дневникъ", I, 374—375.

буквальный текстъ очень интересной бумаги, которою приводилось въ исполненіе постановленіе о сумасшествіи Чаадаева. Эта бумага гласила слѣдующее: «Появившаяся (тогда-то и тогда-то такая-то статья) выраженными въ ней мыслями возбудила во всѣхъ безъ исключенія русскихъ чувства гнѣва, отвращенія и ужаса, въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившіяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, правительство, въ своей заботливой и отеческой попечительности, предписываетъ ему не выходить изъ дому и снабдить его даровымъ медицинскимъ пособіемъ, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особеннаго изъ подвѣдомственныхъ ему врача» [1]).

Это распоряженіе приводилось въ исполненіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ: каждый день въ квартиру Чаадаева являлись врачи и полицеймейстеръ, составляли свидѣтельства о состояніи его здоровья и отправляли ихъ по назначенію. По разсказу Герцена, ни докторъ, ни полицеймейстеръ никогда и не заикались Чаадаеву, зачѣмъ они пріѣзжали, а Чаадаевъ смотрѣлъ на всѣ эти сцены съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Разсказу о деликатности визитеровъ противорѣчитъ, однако, одно изъ писемъ Чаадаева къ его брату, въ которомъ находятся такія строки: «Что касается до моего положенія, то оно теперь состоитъ въ томъ, что я теперь долженъ довольствоваться одною прогулкою въ день и видѣть у себя *ежедневно* господъ медиковъ (Герценъ разсказываетъ, что медики являлись *разъ въ недѣлю*), ex-officio меня посѣщающихъ. Одинъ изъ нихъ, пьяный частный штабъ-лѣкарь, долго ругался надо мною самымъ наглымъ образомъ, но теперь прекратилъ свои посѣщенія, вѣроятно, по предписанію начальства» [2]).

Сущность преступленія Чаадаева великолѣпно выразилъ графъ Бенкендорфъ въ отвѣтъ на просьбу М. Ф. Орлова сдѣлать что-нибудь для опальнаго Петра Яковлевича, который, сказалъ Орловъ, «суровъ къ прошедшему Россіи, но

[1]) *Жихаревъ*, 34.

[2]) „Неизданныя рукописи П. Я. Чаадаева“, „Вѣстникъ Европы“, 1871 г., XI. 327.

чрезвычайно много ждетъ отъ ея будущности». «Le passé de la Russie a été admiralbe, — отвѣчалъ на это Бенкендорфъ, son présent est plus que magnifique, quant à son avenir il est au delà de tout que l'imagination le plus hardie se peut figurer; voilà, mon cher, le point de vue sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite»[1]). («Прошедшее Россіи было удивительно, настоящее болѣе чѣмъ провосходно, и что касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ себѣ представить наиболѣе смѣлое воображеніе: вотъ, любезнѣйшій, точка зрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема и изображаема исторія Россіи»).

Чаадаевъ позволилъ себѣ взглянуть на l'histoire russe съ нѣсколько иной точки зрѣнія, чѣмъ та, которую считалъ непогрѣшимою Бенкендорфъ, и въ этомъ состояло не только его преступленіе, но и очевидное доказательство «разстройства и помѣшательства его разсудка»...

Перечнемъ этихъ. закрытыхъ по высочайшему повелѣнію, журналовъ всегда и ограничивались историки русской журналистики первой половины XIX вѣка. Оказалось, однако, что это еще не все, что въ 1838 году ту же судьбу испытало и еще одно періодическое изданіе. Всплыло это обстоятельство на свѣтъ божій лишь въ 1903 году (это доказываетъ, до какой степени мы мало знакомы съ нашимъ прошлымъ!), благодаря появленію въ «Русской Старинѣ», составленныхъ неизвѣстнымъ авторомъ, видимо, по первоисточникамъ, ряда обширныхъ статей подъ общимъ названіемъ «Цензура въ царствованіе императора Николая I».

Итакъ въ 1903 году мы узнали, что въ лѣто отъ Рождества Христова 1838-е въ Ригѣ была закрыта по высочайшему повелѣнію газета «Provinzialblatt».

«Всю исторію ея запрещенія, — пишетъ авторъ вышеназванной статьи, мы находимъ въ слѣдующемъ докладѣ Уварова отъ 12 декабря 1838 года: «Въ бытность мою въ Ригѣ директоръ таможней гимназіи и отдѣльный цензоръ Напирскій словесно представилъ мнѣ о необходимости прекратить выходящую тамъ газету «Provinzialblatt» по причинѣ вреднаго духа, въ которомъ она составляется, изъясняя притомъ, что онъ неоднократно уже объявлялъ объ этомъ

[1]) *Жихаревъ*, 52.

тамошнему главному мѣстному начальству, въ вѣдѣніи коего, по § 22-му устава о цензурѣ, находится цензура періодическихъ изданій въ остзейскихъ губерніяхъ. Вслѣдствіе того, я обратилъ вниманіе главнаго управленія цензуры на дурное направленіе газеты «Provinzialblatt» и для окончательнаго заключенія о семъ предметѣ, по опредѣленію управленія, вытребовалъ отъ цензуры подробнѣйшее указаніе неблагонамѣренныхъ статей, которыя издатель старался помѣщать въ своей газетѣ или даже успѣлъ включить въ оную, также мнѣніе о ней попечителя Дерптскаго учебнаго округа. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, къ сему предмету относящихся, главное управленіе не могло не убѣдиться въ неблагонамѣренности того направленія, которое издатель старается дать своему періодическому сочиненію. Безпрерывное представленіе на одобреніе цензуры извѣстій неосновательныхъ и даже выдуманныхъ съ дурнымъ намѣреніемъ, обнаруживаетъ стремленіе издателя вводить читателей въ заблужденіе, разсѣявать ложныя понятія и поселять въ публикѣ сомнѣнія и недовѣрчивость. Подъ видомъ разсказовъ о случаяхъ, бывшихъ будто бы въ отдаленныя времена и въ чужихъ государствахъ или о дѣйствіяхъ чужеземныхъ правительствъ,—разсказовъ, излагаемыхъ такимъ образомъ, что читатели сами наводятся на желаемое издателемъ вредное примѣненіе и на настоящую его цѣль,—не только описываются съ невыгодной и смѣшной стороны поступки частныхъ людей, но даже дѣйствія начальственныхъ лицъ, и мѣры правительства выставляются въ такомъ искаженіи на судъ и насмѣшливость публики. Сими вымыслами издатель старается особенно посѣявать несогласія между религіозными партіями въ остзейскихъ губерніяхъ и вооружать университетское юношество противъ мѣръ, которыя принимаются къ водворенію между оными благочинія. Затрудненія цензуры увеличиваются еще тѣмъ, что газета «Provinzialblatt», начатая до изданія устава о цензурѣ, бывшимъ генералъ-суперинтендантомъ Зонтагомъ издается безъ предварительно одобреннаго правительствомъ плана: пользуясь тѣмъ, издатель старается включать въ нее все, что только можетъ. Мѣстное начальство не только не приняло въ уваженіе представленій цензора о необходимости прекратить сію газету, но даже въ началѣ нынѣшняго года

позволило издателю расширить кругъ его дѣйствій прибавленіемъ особыхъ листковъ, подъ названіемъ «Supplement zum Provinzialblatt», безъ всякаго предварительнаго сношенія съ высшимъ цензурнымъ вѣдомствомъ. Безпрерывное стремленіе издателя къ цѣли, явно несовмѣстной съ существующимъ порядкомъ, откровенное признаніе цензора, что, не взирая на всѣ старанія и мѣры предусмотрительности съ его стороны, издатель успѣваетъ помѣщать въ свои листки статьи, которыхъ злоумышленность незамѣтная, когда онѣ разсматриваются въ отдѣльности, обнаруживается только при ихъ сближеніи; опасенія цензора, уловками издателя быть увлеченнымъ въ неосмотрительность болѣе важную и вредную, мнѣніе попечителя Дерптскаго округа, признающаго, что изданіе «Provinzialblatt» надлежитъ прекратить, наконецъ, упорство въ дурныхъ намѣреніяхъ издателя, который, несмотря на всѣ замѣчанія и подтвержденія, нисколько не перемѣняетъ образа дѣйствій своихъ, — все это убѣдило главное управленіе цензуры, что къ обузданію злонамѣренности не остается никакого другого средства, какъ запрещеніе газеты «Provinzialblatt» съ наступающаго 1839 года»,

Государь утвердилъ мнѣніе главнаго управленія 12 декабря 1838 года [1]). Уже послѣ закрытія «Европейца» послѣдовало распоряженіе, чтобы разрѣшеніе новыхъ журналовъ могло быть допускаемо не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія. Это, конечно, чрезвычайно затруднило развитіе журналистики. Новыхъ изданій почти не разрѣшалось, не взирая на многочисленныя объ этомъ ходатайства различныхъ лицъ. Авторъ статей «Цензура въ царствованіе императора Николая I» приводитъ нѣсколько любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

Въ концѣ 1835 года, — пишетъ онъ, — кіевскій военный, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневный журналъ подъ названіемъ «Кіевская Газета». Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ отозвался, что онъ не встрѣчаетъ къ этому препятствій, но графъ Бенкендорфъ нашелъ это неудобнымъ, и газета не была разрѣшена [2]).

[1]) „Русская Старина“, 1903 г., III, 584—585.
[2]) Ibid., 586—587.

Въ февралѣ 1846 года министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, ходатайствовалъ о дозволеніи члену ученаго комитета его министерства, статскому совѣтнику Заблоцкому, издавать журналъ «Россія», съ цѣлью «споспѣшествовать развитію въ нашемъ отечествѣ сельскаго хозяйства, промышленности и торговли». Главное управленіе цензуры не нашло возможнымъ дать движеніе этому ходатайству министра, «имѣя въ виду уже неоднократно изъявленную высочайшую волю въ разсужденіи неразмноженія числа періодическихъ изданій» [1]).

«Девятаго сентября 1836 года Уваровъ представлялъ, что камергеръ князь Одоевскій, 8-го класса Враскій и титулярный совѣтникъ Краевскій просятъ о дозволеніи издавать съ 1837 года повременное сочиненіе подъ названіемъ «Русскій Сборникъ» съ принадлежащимъ къ нему «Литературнымъ Лѣтописцемъ» и что главное управленіе цензуры не нашло препятствія къ позволенію этого журнала, тѣмъ болѣе, что принимающіе на себя обязанность главныхъ редакторовъ, будучи извѣстны съ весьма хорошей стороны по образу мыслей и способностямъ, подаютъ надежду, что предпринимаемый ими журналъ будетъ имѣть хорошее направленіе. На этомъ представленіи государь (13 сентября) написалъ: «И безъ того много» [2]).

Получивъ такую резолюцію, главное управленіе цензуры, разослало попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ циркуляръ, которымъ предписывалось «не дѣлать на нѣкоторое время представленій о разрѣшеніи новыхъ періодическихъ изданій».

Въ 1844 году Уваровъ представлялъ докладъ о разрѣшеніи профессору Московскаго университета Грановскому издавать въ Москвѣ журналъ «Московское Обозрѣніе». На это послѣдовала резолюція: «И безъ новаго довольно» [3]).

Въ 1847 году предсѣдательствующая въ Совѣтѣ дѣтскихъ пріютовъ графиня Строганова просила графа Уварова исходатайствовать разрѣшеніе на изданіе коллежскимъ ассесоромъ Поповымъ еженедѣльнаго листка для дѣтскаго чтенія.

---

[1]) Ibid., 588.
[2]) Ibid., 589
[3]) Ibid.

подъ названіемъ «Отдохновеніе. Газета для юнаго возраста». На это послѣдовала резолюція: «Нахожу, что программа не дѣтскаго журнала, а и безъ того много вздору печатается» [1]).

Въ цитируемой статьѣ приведено и еще немало фактовъ такого же рода.

Въ нашей работѣ мы имѣемъ въ виду тѣ злоключенія, которыя переживала у насъ въ «доисторическое» время лишь періодическая печать, но будетъ не безполезно упомянуть здѣсь и о замѣнявшихъ ее до извѣстной степени суррогатахъ, каковыми являлись попытки издавать полуперіодическіе сборники или альманахи.

Минуя исторію съ альманахомъ Максимовича «Денница» (за статью Кирѣевскаго о Новиковѣ «Денница» была отобрана изъ книжныхъ лавокъ, а цензоръ С. Н. Глинка посаженъ на гауптвахту), мы перейдемъ прямо къ попыткѣ нашихъ славянофиловъ въ 1852 году издавать такъ называемый «Московскій Сборникъ». Первый томъ этого сборника благополучно увидѣлъ свѣтъ, но, какъ повѣствуетъ намъ превосходный изслѣдователь и этого дѣла, И. М. Сухомлиновъ, уже по выходѣ сборника обратило на себя вниманіе извѣстное стихотвореніе А. С. Хомякова:

«Мы родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину и т. д.

Обратило же оно вниманіе, говоритъ М. И. Сухомлиновъ, цитируя подлинные источники, «по своей двусмысленности, могущей подать поводъ къ вреднымъ толкованіямъ». Стали внимательно перечитывать другія статьи сборника и нашли, что почти все содержаніе его либо двусмысленно, либо явно предосудительно. Стихотвореніе И. С. Аксакова «Бродяга» предосудительно въ томъ отношеніи, что «разсказываемыя въ немъ похожденія бродягъ, взаимныя ихъ отношенія и совѣты другъ другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и ненаказанности могутъ неблагопріятно дѣйствовать на читателей низшаго класса». Статья «Нѣсколько словъ о Гоголѣ» показалась подозрительною и загадочною по отрывочнымъ намекамъ и недоконченнымъ мыслямъ, по чрезвычайнымъ похваламъ Гоголю, по громкимъ возгласамъ и рѣзкимъ

[1]) Ibid.

сужденіямъ о нашемъ обществѣ. Въ статьѣ Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи» заставляло призадуматься выраженіе: *цѣльность бытія.* «Неизвѣстно, — откровенно признавались судьи, что Кирѣевскій разумѣетъ подъ цѣльностью бытія, но явно, что тутъ есть что то такое неблагонамѣренное». Особенно предосудительною оказалась статья К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности». Въ этой статьѣ авторъ вдругъ вздумалъ доказывать, что наша земля была въ древней Руси, «земля общинная».

На бѣду въ это же время нашими славянофилами были представлены въ цензуру рукописи для второго тома «Московскаго Сборника». Эти рукописи были найдены совершенно невозможными для печати. Къ числу такихъ, подлежащихъ строгому запрещенію, были отнесены статьи: А. С. Хомякова «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ сборника»; К. С. Аксакова «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ»; князя В. А. Черкасскаго «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи»; И. С. Аксакова «Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ» и т. д. За представленіе подобныхъ статей печатаніе «Сборника» было совершенно запрещено, и онъ такъ и не увидѣлъ свѣта. Сверхъ того, И. С. Аксаковъ лишенъ былъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія и ему же, вмѣстѣ съ его братомъ К. С. Аксаковымъ, Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и княземъ Черкасскимъ, вмѣнено было въ обязанность представлять свои рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ онѣ разсматривались и откуда пересылались съ тою же цѣлью въ нѣкоторыя другія учрежденія. По поводу этой мѣры Хомяковъ писалъ А. С. Норову: «Съ нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Московскаго Сборника» и въ томъ числѣ съ меня взята подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять своихъ сочиненій въ мѣстныя цензуры, но будемъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ санскрито-славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Аксакова о русскихъ

глаголахъ прошла черезъ полуторагодовое мытарство» и т. д. [1]).

Такое положеніе нашихъ славянофиловъ оставалось неизмѣннымъ до начала новаго царствованія.

1855 годъ принесъ съ собою, какъ извѣстно, «новыя вѣянія». Это былъ моментъ проясненія общественнаго самосознанія: слишкомъ уже ясны были указанія самой жизни, и слишкомъ трудно было отрицать тотъ фактъ, что севастопольскій разгромъ явился логическимъ результатомъ всего строя, лежавшихъ въ основаніи всѣхъ сторонъ русской жизни крѣпостническихъ отношеній. Россія пришла къ Севастополю съ тою же фатальною неизбѣжностью, съ какою пришла много времени спустя къ Седану наполеоновская Франція. Оттого и повѣяло въ воздухѣ духомъ реформъ, но, вплоть до того времени, когда реформы эти облеклись въ законодательную оболочку, а это произошло лишь въ шестидесятыхъ годахъ, старыя условія жизни сталкивались на каждомъ шагу съ новыми и порождали настоящій хаосъ. Чувствовалось дуновеніе весенняго воздуха, а рядомъ же съ тѣмъ зима постоянно напоминала, что она вовсе не такъ-то легко уступаетъ свои права. Все это не могло не отражаться и на положеніи печати. Журналовъ стало возникать гораздо больше. но на изданіе ихъ требовалось попрежнему всякій разъ особое высочайшее разрѣшеніе. Цензорамъ давались «подъ рукою» указанія на согласіе правительства предоставить писателямъ большую свободу въ выраженіи ихъ мыслей, но цензурное законодательство и явившіяся въ дополненіе къ нему въ предшествовавшую эпоху безчисленныя распоряженія оставались неизмѣненными. Конечно, печати стало житься гораздо легче, конечно, отходили въ область прошлаго достойныя быть занесенными на скрижали исторіи факты, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ И. М. Снигиревъ [2]), но это не помѣшало лишиться мѣста за такую же

[1]) Все здѣсь изложенное о „Московскомъ Сборникѣ“ взято изъ второго тома „Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію“ *М. И. Сухомлинова*, 466—470.

[2]) Въ августѣ 1832 года былъ въ Москвѣ министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, который и явился на засѣданіе московскаго цензурнаго комитета. Заявивъ о неудовольствіи наверху

«слабость» цензору Н. Ф. Крузе [1]). Словомъ въ описываемое время въ печати, какъ и въ другихъ сферахъ русской жизни, царила полная неопредѣленность положенія. Жертвою такой неопредѣленности пала аксаковская газета «Парусъ». Кратковременная исторія этого изданія (запрещено на второмъ номерѣ) прекрасно изложена въ трудѣ г. Барсукова, къ которому мы теперь и обратились.

Въ 1857 году, по предложенію директора азіатскаго департамента, Ег. П. Ковалевскаго, И. С. Аксаковъ, бывшій до того времени фактическимъ редакторомъ, хотя и не имѣвшимъ права выставлять своего имени, славянофильскаго журнала «Русская Бесѣда», сталъ готовиться къ изданію ежедневной газеты «Парусъ». Разрѣшеніе было получено, но какого взгляда держались тогда въ Петербургѣ не только на Аксакова, но и на... М. П. Погодина, видно изъ слѣдующаго, приводимаго г. Барсуковымъ, письма Аксакова къ Погодину:

«Надобно вамъ сказать, что, предлагая намъ издавать газету, Ег. П. Ковалевскій убѣдительно просилъ, чтобы на первое время, разумѣется, самое короткое, не было ни вашего, ни моего имени,—двухъ именъ, раздражающихъ и покуда неудобоваримыхъ петербургскимъ желудкомъ» [2]).

Какъ бы то ни было, но въ августѣ 1858 года появилось объявленіе о томъ, что съ 1-го января 1859 года будетъ вы-

нѣкоторыми цензорами за слабость, Уваровъ прибавилъ, чтобы они не опасались никакихъ для себя послѣдствій за строгость. „Жалобы на нихъ будутъ не дѣйствительны, — прибавилъ Уваровъ и затѣмъ продолжалъ: - политическая религія имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи. У насъ они: самодержавіе и крѣпостное право; зачѣмъ же ихъ касаться, когда они, къ счастью Россіи, утверждены сильною и крѣпкою рукою". (*Пыпинъ*, „Изученіе русской народности", „Вѣстникъ Европы", 1882 г., XII, 770).

[1]) Объ этомъ замѣчательномъ въ исторіи нашей печати инцидентѣ см. у *Барсукова* „Жизнь и труды Погодина, XVI, 404 407. По поводу отставки Крузе, Катковъ писалъ: „Крузе не должны мы оставлять. Мнѣ кажется дѣло общества вознаградить его за ту честную службу, которую онъ несъ съ такимъ самоотверженіемъ. Слѣдуетъ открыть въ разныхъ городахъ и въ разныхъ кругахъ общества подписку въ его пользу. Это было бы важнымъ прецедентомъ и первымъ общественнымъ дѣломъ у насъ". Несмотря на послѣдовавшее запрещеніе такой подписки въ пользу Крузе было собрано пятьдесятъ тысячъ рублей. (*Барсуковъ*, 405—407).

[2]) *Барсуковъ*, XVI, 306—307.

ходить въ Москвѣ еженедѣльная газета «Парусъ». Газета обѣщала, прежде всего, служить интересамъ русской народности. «Наше знамя, — писалъ Аксаковъ, — русская народность. Народность вообще—какъ символъ самостоятельности и духовной свободы, свободы жизни и развитія, какъ символъ права, до сихъ поръ попираемаго тѣми же самыми, которые стоятъ и ратуютъ за право личности, не возводя своихъ понятій до сознанія личности народной. Народность русская, какъ залогъ новыхъ началъ, полнѣйшаго жизненнаго выраженія общечеловѣческой истины. Таково наше знамя». Далѣе слѣдовало извѣщеніе, что въ газетѣ будетъ, между прочимъ, отдѣлъ славянскій. «Выставляя нашимъ знаменемъ русскую народность, мы тѣмъ самымъ признаемъ народности всѣхъ племенъ славянскихъ», прибавлялъ Аксаковъ.

Невиннѣе такого объявленія трудно себѣ что нибудь и представить, а вышло, все-таки, нѣчто, ужъ очень напоминавшее предшествовавшую эпоху: уже 30-го ноября 1858 года, т.-е. еще до появленія газеты и лишь послѣ выхода въ свѣтъ одного только о ней объявленія, Аксаковъ писалъ Погодину:

«Парусу» плохо: за нимъ велѣно наблюдать строжайше, и сильно разъярены всѣ три вѣдомства: министерство народнаго просвѣщенія, министерство иностранныхъ дѣлъ и третье отдѣленіе».

Тѣмъ не менѣе, 3-го января 1859 года первый нумеръ «Паруса» увидѣлъ свѣтъ. «Неужели еще не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ?—писалъ, между прочимъ, въ передовой статьѣ Аксаковъ.—Неужели еще мы не избавились отъ печальной необходимости лгать или безмолвствовать? Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ образовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась офиціальная ложь владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводило общество къ безнрав-

ственности, къ безсилію и гибели? Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношенія къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношенія къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему совершить или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ «Парусѣ» съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель, то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія».

Тонъ этой статьи весьма и весьма не понравился именно его независимостью. Въ слѣдующемъ, т. е. второмъ и послѣднемъ, нумерѣ «Паруса» Аксаковъ писалъ:

«Найдутся, пожалуй, и такіе неблагонамѣренные люди, которые опрокинутся и на нѣкоторыя помѣщаемыя вслѣдъ за симъ статьи и стихотворенія, тогда какъ онѣ, по мысли и цѣли своей, самыя строгія, самыя миролюбивыя... Онѣ проникнуты уваженіемъ къ святости человѣческаго званія, онѣ указываютъ на путь свободнаго разумнаго развитія, какъ на единый мирный и способный отвратить опасности, вызываемыя грубою силой... Нападать на эти статьи, значитъ сочувствовать грубой силѣ, значитъ желать своему отечеству опасныхъ бурь и волненій, къ которымъ, напротивъ, мы питаемъ глубокое отвращеніе».

«Но, повидимому, тогдашняя цензура,—говоритъ вслѣдъ за приведеніемъ этихъ строкъ г. Барсуковъ,—не раздѣляла мнѣній И. С. Аксакова и признавала вредными не только его статьи, но и нѣкоторыя статьи его сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, статью ярославскаго мѣщанина Ѳ. Стратилатова, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ мѣщанина о мѣщанахъ» и статью Н. А. Елагина: «Законъ 1848 года 3-го марта». Но особенное вниманіе цензуры обратила на себя во второмъ номерѣ «Паруса» статья Погодина, которая,

выражаясь языкомъ цензуры того времени, «своимъ вмѣшательствомъ въ виды и соображенія правительства, своими несообразными съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства сужденіями, не могла быть признана умѣстною въ печати»[1]).

Мы не будемъ останавливаться на этой статьѣ. Погодинъ—фигура достаточно опредѣленная по своимъ взглядамъ, чтобы требовала доказательствъ невѣрность мысли, будто его мнѣнія могли быть несовмѣстимы «съ началами нашего государственнаго и общественнаго устройства», но вышло такъ, и корабль русскаго житейскаго моря остался безъ «Паруса»[2]).

3-го января 1859 года, какъ мы сказали, вышелъ первый нумеръ «Паруса», а 14-го января того же года Погодина посѣтилъ цензоръ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и сообщилъ ему о кончинѣ «Паруса». До какой степени таинственность по отношенію къ печати продолжала еще царить въ этотъ «доисторическій періодъ» нашей прессы, видно изъ того, что даже имѣвшій обширныя связи въ цензурномъ мірѣ Никитенко не зналъ ничего навѣрно о судьбѣ «Паруса» и въ разное время заносилъ въ свой дневникъ и различные слухи.

«*16-е января* (1859 года). *Говорятъ*, «Парусъ» запрещенъ. Его вышло всего два номера.

«*17-е января*. «Парусъ» не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, т. е. третій, номеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

---

[1]) *Барсуковъ*, XVI, 314—315.

[2]) Въ этомъ дѣлѣ довольно ярко проявились нравственныя качества Погодина. Въ качествѣ редактора, Аксаковъ сдѣлалъ въ статьѣ Погодина два-три крайне неважныя измѣненія, увидѣвъ которыя, Погодинъ, считавшій Аксакова своимъ „другомъ", хотѣлъ жаловаться на него... московскому генералъ-губернатору Закревскому, о чемъ и поставилъ въ извѣстность письмомъ самого Аксакова. Въ отвѣтъ на это неизмѣримо болѣе благородный Аксаковъ писалъ Погодину: „Возвращаю вамъ ваше письмо ко мнѣ. Я не привыкъ у себя держать такія письма. Хотя это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи служитъ документомъ того, къ чему вы *способны* (курсивъ Аксакова), однако я и безъ него буду помнить, что вы готовы были жаловаться Закревскому и вообще не прочь были бы прибѣгнуть къ полиціи... Такія вещи не забываются и не должны быть забываемы; онѣ даютъ возможность цѣнить степень искренности и прочности вашей дружбы". (*Барсуковъ*, 319).

«*23-е января.* Говорятъ, ***[1]) изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель «Паруса», И. С. Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы Государь на это согласился. Это была бы большая ошибка».

«*26-е января.* Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ»[2]).

Итакъ, то, что зналъ въ Москвѣ и сообщилъ Погодину еще 14 января Гиляровъ-Платоновъ, то, наконецъ, узналъ 26-го въ Петербургѣ Никитенко. А когда и какъ узнала публика, особенно въ провинціи, объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Вскорѣ послѣ запрещенія «Паруса» возникла мысль, что славянофильскій органъ, тѣмъ не менѣе, необходимъ по соображеніямъ внѣшней политики. 13-го февраля 1859 года, П. А. Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Парусъ» Аксаковыхъ подвергли запрещенію. Между тѣмъ, дошла до высшей инстанціи пущенная въ ходъ идея, что западные славяне примутъ это запрещеніе, какъ соучастіе нашего правительства въ преслѣдованіи славянской національности правительствомъ австрійскимъ. И это обратило мысли на воспрещеніе славянофильскаго журнала. Онъ будетъ вновь выходить подъ редакціей Чижова и подъ названіемъ «Пароходъ»[3]).

Плетневъ немного поспѣшилъ сообщить въ качествѣ факта одни лишь къ нему приготовленія. Переписка о «Пароходѣ» (на названіе это, какъ напоминающее «Парусъ», не соглашались въ высшихъ сферахъ и рекомендовали назвать новый журналъ «Славянскій Вѣстникъ»), дѣйствительно, велась довольно дѣятельно, но условія его изданія были таковы, что 27-го марта 1859 года московскій цензурный комитетъ послалъ министру народнаго просвѣщенія донесеніе, въ которомъ значилось: «Чижовъ на предложенныхъ

[1]) Подъ тремя звѣздочками значится А. Е. Тимашевъ.

[2]) *Никитенко,* II, 125—126.

[3]) *Барсуковъ,* 418.

ему условіяхъ издавать газету не соглашается». Тѣмъ и кончилась эта затѣя. Вмѣсто «Славянскаго Вѣстника» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появился новый отдѣлъ, озаглавленный «Славянскія Земли»; славянофилы же типа Аксаковыхъ продолжали находиться «на подозрѣніи...»

Еще одно послѣднее сказаніе и «доисторическій періодъ» нашего повѣствованія оконченъ. Это «сказаніе» относится къ начавшей издаваться въ 1859 году въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газетѣ «Слово», редакторомъ которой былъ очень извѣстный въ свое время польскій дѣятель — Іосафатъ Огрызко. Газета эта была очень недолговѣчна и скоро подверглась тяжкой карѣ за помѣщеніе письма знаменитаго польскаго историка, Іоахима Лелевеля. Вотъ что̀ читаемъ мы по этому поводу въ трудѣ г. Барсукова.

«23-го февраля 1859 года намѣстникъ Царства Польскаго сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что при всеподданнѣйшемъ докладѣ представлена была имъ государю выписка изъ фельетона № 15 польскаго журнала «Слово», заключающая въ себѣ письмо Лелевеля къ издателю газеты Огрызко. Государю благоугодно было повелѣть: изданіе этого журнала воспретить и подвергнуть взысканію какъ Огрызко, такъ и профессора петербургскаго университета Чайковскаго, о которомъ упоминается въ письмѣ Лелевеля.

«Изъ собранныхъ министромъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній оказалось, что упомянутый фельетонъ обратилъ на себя вниманіе цензора, затруднявшагося разрѣшить статьи съ подписью эмигранта Іоахима Лелевеля, но, получивъ разрѣшеніе попечителя петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делянова, онъ не счелъ себя въ правѣ отказать въ напечатаніи. Деляновъ же, въ своемъ письмѣ къ князю В. А. Долгорукову, показалъ, что редакторъ «Слова» прежде напечатанія статьи, предъявилъ ему оную, и Деляновъ, имѣя въ виду, что въ ней говорится о Лелевелѣ вовсе не какъ о политическомъ въ свое время дѣятелѣ, а единственно какъ о писателѣ извѣстномъ въ ученомъ мірѣ своими историческими, географическими и этнографическими изысканіями, что у насъ не запрещено писать объ эмигрантахъ по отношенію ихъ къ наукѣ, и что даже его величеству благоугодно было дозволить изданіе сочиненія эмигранта Миц-

кевича, то онъ, съ своей стороны, не призналъ эту статью подлежащею запрещенію». Въ заключеніе Деляновъ присовокупилъ: «изъ вышеизложеннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, если въ настоящемъ случаѣ есть какая-либо вина, то послѣдствія оной должны падать на меня».

«Письмо Делянова было представлено Государю, и князь Долгоруковъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь «изволилъ найти оправданіе тайнаго совѣтника Делянова совершенно неосновательнымъ». За Делянова вступился министръ народнаго просвѣщенія и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ писалъ: «Смѣло можно ручаться за чистоту направленія и преданность Вашему Величеству попечителя Делянова. Все это, по крайнему моему убѣжденію, много уменьшаетъ его вину и даетъ мнѣ право ходатайствовать за него предъ Вашимъ Величествомъ».

«Въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго доклада министръ писалъ: «Что касается до редактора газеты «Слово» Огрызко и профессора польскихъ законовъ въ петербургскомъ университетѣ Чайковскаго, то они виновны въ томъ, что первый изъ нихъ рѣшился писать и просить сотрудничества въ своей газетѣ человѣка, опозорившаго себя преступными своими дѣйствіями противъ Россіи, а второй состоялъ въ сношеніи съ Лелевелемъ. Но переписка съ нимъ обоихъ сихъ лицъ не представляетъ никакой злонамѣренности, потому что они сами же ее огласили. Впрочемъ, эти проступки, по существу своему, относятся болѣе къ полицейской власти и выходятъ изъ предѣловъ министерства народнаго просвѣщенія, а потому я и не считаю себя въ правѣ дѣлать объ нихъ рѣшительное заключеніе. Осмѣливаюсь, однакожъ, всеподданнѣйше доложить, что Чайковскій около пятнадцати лѣтъ преподаетъ польскіе законы въ университетѣ и не замѣченъ ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ».

«Какъ бы то ни было, 26-го февраля 1859 года воспослѣдовала слѣдующая резолюція Государя: «Слово» воспретить издавать, редактора Огрызко посадить въ петропавловскую крѣпость, попечителю петербургскаго округа Делянову сдѣлать строгое замѣчаніе, а профессору Чайковскому выговоръ» [1]). Вся эта исторія произвела сильное впечатлѣніе и

---

[1]) *Барсуковъ*, XVI, 363—365.

породила множество толковъ. Въ дневникѣ Никитенко существуетъ цѣлый рядъ по этому поводу интересныхъ записей, которыя мы и воспроизведемъ.

«*27-е февраля* (1859 г.). Правда ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты Огрызко посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ кн. М. Д. Горчакова, намѣстника царства польскаго, который и теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля — письмо само по себѣ, можетъ быть, и невинное, но преступное потому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе. Это первая, жестокая мѣра по отношенію къ печати въ нынѣшнее царствованіе» [1]).

«*2-е марта.* По утру былъ у Д. [2]). Онъ разсказалъ мнѣ процедуру запрещенія «Слова» и заключенія Огрызко въ крѣпость. Эта кара постигла послѣдняго за его сношеніе съ государственнымъ преступникомъ. Д. сильно ходатайствовалъ за него у князя В. А. Долгорукова, считая себя единственнымъ виновникомъ появленія статьи въ печати» [3]).

«*7-е марта.* Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ. Заключеніе его въ крѣпость и запрещеніе журнала вызвали въ публикѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Говорятъ, Государь согласился на эту мѣру только потому, что Горчаковъ (Варшавскій) объявилъ, что не поѣдетъ обратно въ Варшаву, если Огрызко не будетъ посаженъ въ крѣпость. Въ совѣтѣ министровъ за Огрызко сильно стояли: Ковалевскій, Ростовцевъ и князь В. А. Долгоруковъ» [4]).

«*12-е марта.* (Дѣло идетъ о свиданіи Никитенко съ Ковалевскимъ). «Я въ совѣтѣ министровъ — сказалъ Ковалевскій, — сильно возставалъ противъ мѣры, которая надѣлала столько непріятнаго шума. Меня поддерживалъ одинъ Ростовцевъ. Но оба Горчаковы съ такою яростью нападали

---

1) *Никитенко*, II, 137.

2) Деляновъ.

3) *Никитенко*, 138.

4) Ibid., 139.

на Огрызко и его газету, и всѣ прочіе тамъ были съ ними согласны, что моя защита не помогла. Мнѣ даже не дали прочитать приготовленной мною записки». И далѣе:

«Въ дѣлѣ Огрызко М. [1]) игралъ неблаговидную роль. Онъ былъ подстрекателемъ Горчаковыхъ, а когда увидѣлъ, какое впечатлѣніе это произвело на общественное мнѣніе, онъ началъ осуждать самъ крутую мѣру» [2]).

Въ началѣ марта 1859 года В. Д. Спасовичъ и двое другихъ членовъ редакціи «Слова», при содѣйствіи К. Д. Кавелина, составили и подали на Высочайшее имя прошеніе объ освобожденіи Огрызко изъ крѣпости. Это дѣло увѣнчалось успѣхомъ, и 13-го марта министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ князя Долгорукова, что «Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ заключеннаго въ с.-петербургскую крѣпость коллежскаго ассесора Огрызко освободить отъ ареста» [3]).

Таковы достовѣрныя объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія, и если мы коснемся еще воспоминаній о томъ же предметѣ нѣкоего Пржецлавскаго, то единственно ради полноты картины. Пржецлавскій самъ былъ цензоромъ и долженъ былъ бы знать всѣ касающіяся печати дѣла, но разсказъ его, тѣмъ не менѣе, ничѣмъ не подтверждается. А разсказываетъ онъ слѣдующее:

«Слово» Огрызко просуществовало бы спокойно неопредѣленное время, если бы пылкіе сотрудники не оказали ему медвѣжьей услуги и если бы сама газета не вызвала тѣхъ мѣръ, которыя были приняты. Письмо Лелевеля само по себѣ не только ничтожно, но и рѣшительно непонятно, да и имя его не обратило бы вниманія. Время было уже не то, и когда имя Мицкевича печаталось свободно, то не было причины, чтобы тою же свободой не пользовалось и имя престарѣлаго, доживавшаго свой вѣкъ въ Брюсселѣ, выходца. Но обратили вниманіе, и справедливо, на помѣщенное вслѣдъ за письмомъ воззваніе отъ редакціи къ Лелевелю, «образовавшему цѣлыя поколѣнія польской молодежи», и просьба, чтобы онъ благословилъ начинанія новаго изданія. Однако-жъ

---

1) Мухановъ.

2) *Никитенко*, 143.

3) *Барсуковъ*, 367.

и это обстоятельство благополучно сошло съ рукъ: дѣло кончилось выговоромъ». Настоящій же поводъ къ ожесточенію противъ «Слова» князя Горчакова былъ, по словамъ Пржецлавскаго, слѣдующій: еще до отъѣзда Горчакова изъ Варшавы между «Варшавскою Газетою» и мѣстными евреями завязалась горячая полемика по поводу концерта дѣвицы Неруды, неудавшагося, по мнѣнію газеты, потому, что противъ артистки образовалась «умдовская кабала» (?). Полемика разгорѣлась, и дѣло дошло до суда. Тогда вмѣшался Горчаковъ, запретившій эту полемику. Въ отсутствіе Горчакова въ «Варшавской Газетѣ» была заготовлена рѣзкая статья противъ нѣкоторыхъ евреевъ, а такъ какъ, въ силу запрещенія Горчакова, цензура ее не пропустила въ Варшавѣ, то статья появилась въ Петербургѣ въ газетѣ Огрызко, «Слово». Находившіеся при Горчаковѣ евреи Энохъ и Кронебергъ будто бы инспирировали князя противъ Огрызко, и тотъ вошелъ съ представленіемъ о запрещеніи газеты. «На другой день княземъ Горчаковымъ объявлено было министру народнаго просвѣщенія Высочайшее повелѣніе о запрещеніи польской газеты «Слово» и о заключеніи редактора ея въ крѣпость на шесть мѣсяцевъ» [1]).

Такимъ образомъ, если вѣрить Пржецлавскому, то катастрофа надъ «Словомъ» разразилась потому, что въ Варшавѣ не всѣ сошлись въ оцѣнкѣ музыкальныхъ талантовъ дѣвицы Неруды. Но надо полагать, что Пржецлавскій, желая все свалить на евреевъ, хватилъ въ данномъ случаѣ черезъ край. Исторія русской журналистики слишкомъ богата дѣйствительными невзгодами, чтобы нуждаться въ фантастическихъ украшеніяхъ. По крайней мѣрѣ, въ такомъ серьезномъ изслѣдованіи, какъ трудъ г. Барсукова, цитировавшаго, какъ мы видѣли, дословно высочайшее повелѣніе о запрещеніи «Слова», имя дѣвицы Неруды вовсе не упоминается.

Какъ бы то ни было, но закрытіемъ «Слова» и оканчивается тотъ періодъ русской журналистики, который мы назвали въ самомъ началѣ нашей работы «доисторическимъ». Наступили шестидесятые годы, а съ ними пришли и суще-

[1]) *Пржецлавскій*, „Іосафатъ Огрызко и его польская газета „Слово“, „Русскій Архивъ“ 1872 г., 1031.

ственныя перемѣны въ условіяхъ жизни русской журналистики. Къ этому «историческому періоду» мы теперь и перейдемъ.

II.

«Историческій періодъ» русской журналистики начинается съ 1862 года и имѣетъ, слѣдовательно, отъ роду съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Внѣшнимъ признакомъ наступленія новаго періода въ жизни журналистики явилось, во первыхъ, возникновеніе съ перваго января 1862 года офиціальной ежедневной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», въ которой правительство стало, между прочимъ, *публиковать* и налагаемыя имъ на печать кары и, во вторыхъ, отмѣна, по крайней мѣрѣ de jure, накопившихся надъ цензурнымъ уставомъ 1828 года безконечныхъ наслоеній въ послѣдовавшее за изданіемъ устава время, и замѣна ихъ Высочайше утвержденными 12 мая 1862 года «временными правилами по цензурѣ». «Сѣверная Почта» имѣла уже, впрочемъ, и свою исторію: она выходила въ свѣтъ въ видѣ ежедневной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ съ 1809 по 1820 годъ, а затѣмъ была преобразована въ ежемѣсячный журналъ того же министерства. Съ 1862 года журналъ снова сдѣлался газетою. «Въ настоящее время,—гласило объявленіе о такомъ новомъ превращеніи,—при быстромъ развитіи общественной дѣятельности во всѣхъ ея отношеніяхъ, и при вниманіи, обращенномъ всѣми образованными людьми на разнообразныя явленія нашего общественнаго и государственнаго быта, обнаруживается потребность въ усиленіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ могутъ быть почерпаемы вѣрныя данныя. Министерство внутреннихъ дѣлъ, находя нынѣ издаваемый имъ ежемѣсячный журналъ неудобнымъ для удовлетворенія этой потребности, рѣшилось замѣнить его газетою, которая будетъ выходить въ свѣтъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ. Оно предполагаетъ издавать эту газету съ 1-го января будущаго 1862 года подъ тѣмъ самымъ названіемъ, какое было усвоено первоначальному періодическому изданію министерства, а именно: подъ названіемъ «Сѣверная Почта. Газета министерства внутреннихъ дѣлъ». И вотъ явилось нѣчто небывалое: въ министерской газетѣ, кромѣ «офиціальной части»

предполагались и осуществились разные другіе отдѣлы, какъ то: «лѣтопись внутренняго современнаго состоянія Россіи», «лѣтопись внѣшней современной политики», «часть учено-литературная», куда должны были входить «статьи по разнымъ отраслямъ знанія», а также «произведенія литературы, повѣсти, разсказы, критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ книгъ, обозрѣніе статей, помѣщенныхъ въ другихъ журналахъ» и т. д. [1]) Словомъ, газета, судя по объявленію, должна была носить совсѣмъ европейскій обликъ. Но какъ же быть, однако, съ цензурою? Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ вдругъ подчиняться всецѣло цензурѣ, находящейся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Наряду съ другими причинами, это соображеніе сыграло, вѣроятно, не послѣднюю роль въ мотивахъ изданія высочайшаго указа 14-го января 1863 года о полной передачѣ цензуры изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ [2]).

Но еще и до того времени параграфомъ VI «временныхъ правилъ по цензурѣ», высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 г., министру внутреннихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ въ области наложенія на печать каръ, предоставлялась одинаковая власть съ министромъ народнаго просвѣщенія.

Для большей ясности дѣла приведемъ, впрочемъ, полностью эти «временныя правила по цензурѣ».

I. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность верховной власти и ея атрибутовъ, уваженіе къ особамъ царствующаго дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.

II. Не допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.

---

[1]) „Сѣверная Почта", 1-го января 1862 г., № 1.

[2]) Указъ о передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ обнародованъ въ № 20 „Сѣверной Почты" за 1863 годъ.

III. При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволять къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ.

IV. Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій.

V. Разсужденія, указанныя въ предыдущихъ двухъ пунктахъ, дозволять только въ книгахъ, заключающихъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою не менѣе семи рублей.

VI. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого либо періодическаго изданія, причислять оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пун. III и IV и прекратить каждое періодическое изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ.

VII. Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

VIII. Не дозволять распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ будто бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

IX. Статьи за подписью правительственныхъ лицъ дозволять къ печатанію не иначе, какъ по положительномъ удостовѣреніи въ дѣйствительной присылкѣ ихъ отъ этихъ лицъ.

X. Въ отношеніи къ статьямъ и извѣстіямъ политическимъ наблюдать общее правило объ охраненіи чести и домашней жизни царствующихъ иностранныхъ государей и членовъ ихъ семействъ отъ оскорбленія печатнымъ словомъ и о соблюденіи приличія при изложеніи дѣйствій иностранныхъ правительствъ.

XI. Редакція каждаго періодическаго изданія, представляя въ цензуру какую-либо статью, обязана знать, кто

именно авторъ оной, для сообщенія по востребованію судебныхъ мѣстъ и министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]).

Таковы сами по себѣ въ достаточной степени суровыя правила, которымъ должна была подчиняться печать, но къ нимъ приложенъ былъ еще § XII, гласившій, что «цензоры обязаны руководствоваться особыми наставленіями при цензурованіи статей, касающихся военной части, судебной, финансовой и предметовъ министерства внутреннихъ дѣлъ». Это «особое наставленіе» занимало почти вдвое мѣста противъ самихъ «временныхъ правилъ» [2]) и при буквальномъ его выполненіи поставило бы печать въ положеніе, мало отличающееся отъ того, въ которомъ она находилась въ «доисторическій періодъ». Но много значило то время, въ которое «правила были изданы: его отдѣлялъ только годовой промежутокъ времени отъ того момента, когда пали цѣпи крѣпостного права, и жизнь стремилась совлечь съ себя и многія другія ветхозавѣтныя облаченія. Громко и настойчиво раздавался голосъ издававшаго въ это время газету «День» Ивана Аксакова въ защиту свободы печати. Судьба «Паруса» не остановила этого глубоко убѣжденнаго въ истинѣ своихъ воззрѣній журнальнаго бойца и, не взирая ни на какія цензурныя плотины, русское общество часто читало на страницахъ аксаковской газеты такія, напримѣръ, рѣчи ея издателя:

«Распространяться о пользѣ свободы слова и о вредѣ цензуры мы считаемъ излишнимъ. Благодареніе Богу — наше общество убѣждать въ этомъ нечего! Нѣтъ ни одного *разумнаго* (курсивъ Аксакова) человѣка изъ публики неправительственной, изъ міра неофиціальнаго, который бы заявилъ себя врагомъ этой свободы и защитникомъ цензуры».

Развивъ извѣстную истину о томъ, что «стѣсненіе печатнаго слова *есть умерщвленіе жизни общества* и, слѣдовательно, есть дѣло *опасное для самого государства*» (курсивъ подлинника), Аксаковъ продолжаетъ:

---

[1]) „Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ“, 469—470.

[2]) Ibid., 471—474.

«Слѣдовательно, стѣсненіе печати *гибельно для самого государства* (здѣсь и дальше вездѣ курсивъ Аксакова); въ видахъ собственнаго сохраненія оно должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ. Однимъ словомъ, если государство желаетъ *жить*, то должно соблюдать непремѣнныя *условія жизни*, внѣ которыхъ *смерть* и *разрушеніе*; условіе жизни государства есть жизнь общества; *условіе жизни* общества — *есть свобода слова*, какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія словъ, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія. Мы хотимъ думать, что эти очевидныя истины признаются и офиціальнымъ міромъ»[1]).

Какъ на резюме этой и многихъ другихъ статей Аксакова на ту же тему, можно смотрѣть на замѣчательную статью, помѣщенную Аксаковымъ 19 мая 1862 года въ той же газетѣ «День»:

«Прежде всего необходимымъ кажется намъ,—писалъ онъ въ этой статьѣ,—постановить твердое правило, которое и внести въ I томъ св. зак. разд. 1, главу 1-ю — слѣдующаго содержанія: *Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго россійской имперіи, безъ различія званія и состоянія*» (курсивъ Аксакова[2]).

Исходя изъ этого общаго положенія или, вѣрнѣе приходя къ нему въ концѣ своей статьи, Аксаковъ высказалъ тогда же основные принципы, на признаніи которыхъ должна утвердиться реализація въ жизни «неотъемлемаго права каждаго подданнаго россійской имперіи» на свободу печати

Эти принципы суть слѣдующіе:

«Во-первыхъ, признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое

---

1) „День“ 1862 г. № 31. Передовая статья.

2) „День“, 1862 года. Передовая статья.

слово такъ же, какъ онъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе».

«Во-вторыхъ, преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать *единственно* (курсивъ подлинника) вѣдѣнію (юрисдикціи) тѣхъ же судебныхъ учрежденій, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія».

«Въ третьихъ, по самому свойству этихъ преступленій, принадлежащихъ преимущественно къ сферѣ нравственной и духовной, по невозможности съ точностью опредѣлить положительными законами все разнообразіе неправды и вреда, допускаемое дѣятельностью слова, — судъ надъ преступными дѣяніями въ предѣлахъ свободы слова немыслимъ безъ суда присяжныхъ» [1]).

Такъ смотрѣлъ на свободу печати И. С. Аксаковъ, такъ смотрѣли на нее всѣ истинные славянофилы — К. С. Аксаковъ, В. Хомяковъ, Самаринъ. Такъ же смотрѣлъ на нее и Ѳ. М. Достоевскій, воззрѣнія котораго имѣли сильную славянофильскую окраску. Забѣгая далеко впередъ, приведемъ разсказъ одного лица, напечатанный имъ, можно сказать, у самаго гроба Достоевскаго. «Пишущему эти строки,— пишетъ авторъ цитируемой статьи, — Достоевскій говорилъ за нѣсколько дней до своей смерти: «Я высказывалъ все это (т. е. свои воззрѣнія на существо верховной власти въ Россіи, земскій соборъ и т. д. *В. Б.*) нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Они во многомъ соглашаются со мною, но *безграничной свободы печати* не могутъ понять. *А не понимая этого, ничего понять нельзя*» [2]).

Да, такъ именно смотрѣли на свободу печати всѣ старые славянофилы и всѣ близкіе имъ по духу люди, но tempora mutantur и современные quasi-славянофилы состоятъ на этотъ счетъ при «особомъ мнѣніи»...

19-го іюня 1862 года появилось слѣдующее официальное сообщеніе:

«Вслѣдствіе донесеній московскаго цензурнаго комитета о неисполненіи редакторомъ газеты «День», отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ Аксаковымъ цензурныхъ

[1]) Ibid.

[2]) „Историческій Вѣстникъ“ 1881 года мартъ (т. е. немедленно послѣ смерти Достоевскаго). Редакціонная статья журнала, называющаяся: „Къ портрету Ѳ. М. Достоевскаго“. Стр. 487.

правилъ, состоялось, по докладу г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія Высочайшее Государя Императора повелѣніе о лишеніи г. Аксакова права на изданіе газеты. Во исполненіе сей Высочайшей воли, г. военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о воспрещеніи г. Аксакову продолжать помянутое изданіе» [1]).

Обстоятельство это вызвало перерывъ въ выходѣ газеты въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, но съ 1 сентября она снова возобновилась уже безъ подписи Аксакова въ качествѣ редактора-издателя (да и безъ чьей бы то ни было подписи). Такъ дѣло шло до 1 января 1863 года, когда «День» снова сталъ выходить подъ отвѣтственнымъ редакторствомъ И. С. Аксакова.

Распоряженіе о лишеніи Аксакова права на изданіе газеты появилось въ «Сѣверной Почтѣ» подъ знакомъ римской цифры I. Въ томъ же нумерѣ той же газеты подъ знакомъ II была опубликована и *первая* кара, наложенная на печать, на основаніи новыхъ цензурныхъ правилъ:

«На основаніи § 6 Высочайше утвержденныхъ 12 мая сего года временныхъ правилъ по цензурѣ, г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово», о чемъ сообщить предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета» [2]).

Надо вспомнить, чѣмъ были въ глазахъ передовыхъ слоевъ русскаго общества оба названные журнала, чтобы представить себѣ произведенное этою карою впечатлѣніе. Нѣкоторые писатели считаютъ 1862 годъ уже началомъ реакціи, но съ этой точки зрѣнія трудно рѣшить вопросъ, когда же была у насъ *не* реакція? Конецъ пятидесятыхъ годовъ? Едва ли, ибо это было, въ сущности очень странное время. Оно замѣчательно главнымъ образомъ тѣмъ, что тогда, дѣйствительно, не было ни одного въ современномъ смыслѣ слова «охранительнаго» органа печати. Славянофильская «Русская Бесѣда» никоимъ образомъ не можетъ быть причислена къ органамъ печати этого рода. Безко-

---

[1]) „Сѣверная Почта". 1862 г., № 132.
[2]) Ibid.

нечно далекъ былъ отъ «охранительнаго» направленія и начавшій издаваться съ 1856 года «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Самъ Катковъ былъ въ эту эпоху англоманомъ и конституціоналистомъ на англійскій манеръ. О «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ» и говорить, разумѣется, нечего. Въ «Современникѣ» протекла въ концѣ пятидесятыхъ годовъ почти вся журнальная дѣятельность Добролюбова, въ «Русскомъ Словѣ» зазвучалъ въ 1860 году рѣзкій голосъ Писарева. Все это такъ, и въ этомъ смыслѣ *не* реакціей, пожалуй, и можно было бы считать вторую половину пятидесятыхъ и самое начало шестидесятыхъ годовъ. Но развѣ, съ другой стороны, не въ это именно время произошло крушеніе изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ газетъ «Парусъ» и «Слово»? Мало того: развѣ не дошло дѣло въ это время до того, что 24 января 1859 года даже снова былъ учрежденъ, существовавшій на этотъ разъ, правда, не долго, новый «негласный комитетъ» (Мухановъ, графъ Адлербергъ 2-й и Тимашевъ) для «неофиціальнаго надзора за направленіемъ литературы соотвѣтственно видамъ правительства», обстоятельство, конечно, напоминавшее обществу, что время 1849 года, съ его знаменитымъ «бутурлиновскимъ комитетомъ» вовсе еще не было совсѣмъ сдано въ архивъ? Реформаторскіе планы на верху, и рядомъ съ тѣмъ «негласные комитеты» à la бутурлиновскій, признаніе самимъ правительствомъ полнаго банкротства всего крѣпостническаго режима и систематическое лишеніе возможности свободно высказывать свои мнѣнія даже такому, безусловно враждебно относившемуся ко всѣмъ «крайнимъ ученіямъ», человѣку, какъ И. С. Аксаковъ, — развѣ такими явленіями характеризуются *не* реакціонныя эпохи? Трудно было поэтому, но только поэтому, ожидать продолжительнаго безмятежнаго и мирнаго житія «Современнику» и «Русскому Слову». Чѣмъ былъ въ исторіи нашей журналистики «Современникъ»? Органъ этотъ хранилъ, прежде всего, завѣты Бѣлинскаго послѣдняго періода его жизни, того Бѣлинскаго, который, по яркой характеристикѣ его Герценомъ, «былъ человѣкомъ необыкновенно свободнымъ: его ничто не стѣсняло—ни предразсудки схоластики, ни предразсудки среды; онъ является полный вопросовъ, ищетъ ихъ разрѣшенія, не подтасовываетъ выводовъ и не пугается ихъ. Онъ

откровенно ошибается и искренно ищетъ другого разрѣшенія; у него была въ виду одна истина, и ничего развѣ ея. Бѣлинскій вышелъ на сцену безъ герба, безъ знамени, безъ диплома; онъ не принадлежалъ ни къ какой церкви и ни къ какому сословію; онъ ничѣмъ не былъ связанъ и никому не присягалъ. Ему нечего было щадить, но зато онъ могъ всему сочувствовать»... Руководители «Современника» конца пятидесятыхъ годовъ, «поповичи» и «разночинцы», были также мало связаны «предразсудками схоластики и среды», какъ и Бѣлинскій. Какъ нѣкогда Бѣлинскій, не убоявшійся сдѣлать послѣдніе выводы изъ философіи Гегеля вообще и изъ воспринятаго и глубоко продуманнаго имъ знаменитаго положенія этой философіи: «Was wirklich ist das ist vernünftig»—въ частности, такъ Чернышевскій и Добролюбовъ съ тою же безтрепетностью мысли сдѣлали надлежащіе выводы изъ философіи лѣваго гегеліанства вообще и Фейербаха въ частности. Оба руководителя «Современника» восприняли также въ весьма значительной мѣрѣ ученіе Прудона. Кто хочетъ понять судьбы русскихъ «направленій», тотъ долженъ тщательно изучить вліяніе, которое имѣлъ прямо или косвенно (черезъ Герцена) на русскихъ передовыхъ людей конца пятидесятыхъ годовъ французскій мыслитель [1]). Если прибавить сюда вліяніе экономическихъ элементовъ славянофильской доктрины (тутъ опять проводникомъ такихъ вліяній былъ въ значительной степени Герценъ) и явившуюся результатомъ этого глубокую, хотя, разумѣется, уже не въ славянофильскомъ видѣ, вѣру нѣкоторыхъ передовыхъ слоевъ русскаго общества въ «народъ», то направленіе «Современника» и его выдающійся успѣхъ среди всей юной и свѣжей Россіи станетъ вполнѣ понятнымъ. Направленіе этого журнала отличалось чрезвычайною цѣльностью, законченностью, опредѣленностью выдержанностью и въ то же время тою широтою, которая сулила радостныя, увлекательныя, заманчивыя перспективы...

[1]) „Яркій боецъ", „великій иконоборецъ", „неукротимый гладіаторъ", „геній", „одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка", человѣкъ, „сочиненія котораго составляютъ переворотъ не только въ исторіи соціализма, но и въ исторіи французской логики" и т. д. и т. д.—вотъ отзывы, которые постоянно дѣлалъ въ своихъ сочиненіяхъ Герценъ, какъ только ему приходилось говорить о Прудонѣ.

Въ иномъ родѣ было «Русское Слово», центральною фигурою котораго надо считать, разумѣется, Писарева. Этотъ блестящій, но страшно прямолинейный публицистъ прямо писалъ, что, если бы онъ и Добролюбовъ поговорили полчаса наединѣ, то они навѣрно не сошлись бы *ни на одномъ пунктѣ*; что, проанализировавъ глубину глубинъ русской жизни, — читай: укладъ народнаго быта, его общину и т. д.—онъ не нашелъ тамъ *ничего*, достойнаго уваженія; въ глазахъ Чернышевскаго и Добролюбова славянофилы были отсталые, заблуждающіеся люди, но въ тоже время писатели, въ ученіи которыхъ существовали черты «*съ избыткомъ*» (курсивъ подлинника) вознаграждающіяся убѣжденіемъ ихъ (славянофиловъ), что общинное устройство нашихъ селъ должно остаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ въ экономическихъ отношеніяхъ». «Читатель, зная нашъ образъ мыслей, писалъ въ той же статьѣ Чернышевскій, не можетъ, конечно, предполагать въ насъ особеннаго расположенія къ тѣмъ примѣсямъ славянофильской системы, которыя находятся въ противорѣчіи съ идеями, выработанными современною наукою и характеромъ нашего времени. Но мы повторяемъ, что *выше этихъ заблужденій* есть въ славянофильствѣ элементы *здоровые, вѣрные, заслуживающіе сочувствія*» [1]). Въ глазахъ Писарева славянофилы были только сплошными «Донъ-Кихотами». «Современникъ» вѣрилъ въ глубокія творческія силы народа, «Русское Слово» рѣшительно въ нихъ не вѣрило, и всѣ свои упованія возлагало на накопленіе въ обществѣ, воспитанныхъ на естествознаніи, критически-мыслящихъ личностей, которыя своимъ вліяніемъ и примѣромъ пересоздадутъ мало по малу всю общественную среду. И невольно задаешь себѣ вопросъ: да чѣмъ же такъ «опасны» были оба эти журнала? Вѣра «Современника» въ «народъ» въ томъ видѣ, въ какомъ она у него существовала, не имѣла за собою въ дѣйствительности никакихъ объективныхъ основаній,—свидѣтельствомъ тому могутъ служить всѣ семидесятые годы,—а что касается дѣятельности «мыслящихъ реалистовъ», то скажите же, пожалуйста, что могло быть «опаснаго» въ слѣдующей ихъ программѣ, начер-

[1]) „Замѣтки о современной литературѣ“, изд. М. Н. Чернышевскаго, Спб. 1894 г., 245—246.

тайной прямо и опредѣленно перомъ идейнаго руководителя «Русскаго Слова». «*Всѣ* стремленія нашихъ реалистовъ, — писалъ Писаревъ, — *всѣ* ихъ радости и надежды, *весь* смыслъ и *все* содержаніе ихъ жизни пока исчерпываются тремя словами: *любовь, знаніе,* и *трудъ*». Въ статьѣ «Мотивы русской драмы» Писаревъ прямо указываетъ и способы, какимъ образомъ мыслящій реалистъ долженъ воздѣйствовать на общественную среду и созидать новыхъ работниковъ. Извѣстно, что Добролюбовъ отнесся съ глубокой симпатіей къ Катеринѣ, выведенной Островскимъ въ его «Грозѣ». Онъ усмотрѣлъ въ ней протестующій противъ рабскаго положенія женщины въ нашемъ обществѣ типъ и назвалъ ее «лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ», давши это же названіе и самой своей о ней статьѣ. Писаревъ съ этимъ радикально несогласенъ и чертитъ тутъ же для мыслящей и протестующей противъ гнетущихъ условій жизни личности свой рецептъ: «умная и развитая личность, сама того не замѣчая, — пишетъ онъ, — дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается: ея *мысли*, ея *занятія*, ея *гуманное обращеніе*, ея *спокойная твердость* — все что шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины. Если эта личность дастъ обществу *двухъ-трехъ работниковъ*, если она внушитъ *двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе* къ тому, что они прежде осмѣивали и проклинали, то неужели эта личность ничего не сдѣлала для перехода къ лучшимъ днямъ. *Такъ вотъ какіе бываютъ „лучи свѣта“ — не Катеринѣ чета*“. Вотъ эта программа.

Ясно, что и мистическая вѣра «Современника» въ «народъ» и чуждая всякой мистики молодая, свѣжая, жизнерадостная, но односторонняя проповѣдь Писарева ровно ничего «опаснаго» въ нѣдрахъ своихъ не заключали. Оба журнала приносили обществу неисчислимую пользу возбужденіемъ огромнаго количества животрепещущихъ вопросовъ, пріучали его къ работѣ мысли, самодѣятельности, къ умѣнью ходить безъ помочей, но это-то именно и противорѣчило всѣмъ закоренѣлымъ привычкамъ нашего быта, выражавшимся, прежде всего, въ мыслебоязни, видѣвшимъ всегда въ литературѣ не отголосокъ накопившихся въ обществѣ и требующихъ себѣ исхода живыхъ силъ, а какого-то удивительнаго любителя смуты ради самой смуты и не ради чего бы то ни было другого...

Съ этой то точки зрѣнія и оказались совершенно нетерпимыми и «Современникъ» и «Русское Слово».

Къ тому же 1862 годъ принесъ, дѣйствительно, и нѣкоторую перемѣну къ худшему. Въ этомъ году Катковъ открылъ уже свой походъ на Герцена, а нѣкоторыя осложненія въ русской жизни (петербургскіе пожары, польское возстаніе), за которыя ужъ, конечно, могла бы быть всего менѣе отвѣтственна литература, дали поводъ Каткову не только въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но и въ перешедшихъ вскорѣ къ нему же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» играть роль «спасителя отечества. Въ Россіи стала нарождаться «охранительная» печать.

Обратимся, однако, къ судьбамъ печати по возможности въ хронологическомъ порядкѣ.

Кромѣ лишенія Аксакова права издавать газету «День» и пріостановки на восемь мѣсяцевъ журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово», никакими другими репрессіями по отношенію къ печати 1862 годъ не ознаменовался. Въ слѣдующемъ 1863 году такихъ репрессій хотя было числомъ всего три, но двѣ изъ нихъ имѣли за то самый суровый характеръ. Вотъ правительственныя сообщенія объ этихъ репрессіяхъ:

1) «На основаніи §§ VI Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 года временныхъ правилъ по цензурѣ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нужнымъ прекратить на четыре мѣсяца изданіе газеты на латышскомъ языкѣ «Peterburgas Awises». О семъ сообщено рижскому военному, эстляндскому, лифляндскому и курляндскому генералъ-губернатору» [1]).

2) «По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о помѣщеніи въ № IV журнала «Время» статьи подъ заглавіемъ «Роковой вопросъ», направленной прямо наперекоръ всѣмъ патріотическимъ чувствамъ и заявленіямъ, вызваннымъ нынѣшними обстоятельствами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣмъ дѣйствіямъ правительства, до нихъ относящимся, Высочайше повелѣно 24 мая: *прекратить* изданіе журнала «Время» [2]).

---

[1]) „Сѣверная Почта", 1863 г., № 106.
[2]) Ibid., № 119.

3) «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о вредномъ направленіи газеты «Современное Слово» и о неоднократномъ напечатаніи въ той же газетѣ статей съ нарушеніемъ постановленій о цензурѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: *прекратить* дальнѣйшее изданіе газеты «Современное Слово» [1]).

Кара надъ журналомъ «Время», какъ это вскорѣ и было положительно выяснено, явилась плодомъ очень крупнаго недоразумѣнія. Фактическимъ редакторомъ, руководителемъ и вдохновителемъ этого, начавшаго выходить съ 1861 года, журнала былъ Ѳ. М. Достоевскій, а юридически отвѣтственнымъ за журналъ лицомъ являлся его родной братъ, М. М. Достоевскій. Самъ Ѳ. М. Достоевскій находился еще тогда подъ надзоромъ полиціи, и это обстоятельство лишало его возможности явиться самому и отвѣтственнымъ редакторомъ своего журнала. Впрочемъ, по причинѣ извѣстной тѣсной дружбы, связывавшей обоихъ братьевъ, это обстоятельство не вредило въ данномъ случаѣ ходу дѣла. Направленіе и характеръ журнала вполнѣ опредѣляются слѣдующими, появившимися въ объявленіи объ изданіи «Времени», написанными самимъ Ѳ. М. Достоевскимъ, строками (приводимъ съ большими сокращеніями):

«Мы живемъ въ эпоху въ высшей степени замѣчательную и критическую. Не станемъ исключительно указывать, для доказательства нашего мнѣнія, на тѣ новыя идеи и потребности русскаго общества, такъ единодушно заявленныя всею мыслящею его частью въ послѣдніе годы. Не станемъ указывать и на великій крестьянскій вопросъ, начавшійся въ наше время. Все это только явленія и признаки того огромнаго переворота, которому предстоитъ совершаться мирно и согласно во всемъ нашемъ отечествѣ, хотя онъ и равносиленъ по значенію своему всѣмъ важнѣйшимъ событіямъ нашей исторіи и даже самой реформѣ Петра. *Этотъ переворотъ есть слитіе образованности и ея представителей съ началомъ народнымъ* и пріобщеніе всего великаго русскаго народа ко всѣмъ элементамъ нашей текущей жизни, народа, отшатнувшагося отъ петровской реформы еще 170 лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ разъединеннаго съ сословіемъ образо-

---

[1]) Ibid., № 122.

ваннымъ, жившаго отдѣльно, своей собственной особенной и самостоятельной жизнью...

«Но теперь это разъединеніе оканчивается. Петровская реформа, продержавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконецъ, до послѣднихъ своихъ предѣловъ. Дальше нельзя итти, да и некуда; нѣтъ дороги; она вся пройдена... Мы убѣдились, наконецъ, что мы то же отдѣльная національность, въ высшей степени самобытная, и что наша задача создать себѣ новую форму, *нашу собственную, родную, взятую изъ почвы нашей, взятую изъ народнаго духа и изъ народныхъ началъ...*

«Мы знаемъ, что не оградимся уже теперь китайскими стѣнами отъ человѣчества. Мы предугадываемъ, и предугадываемъ съ благоговѣніемъ, что характеръ нашей будущей дѣятельности долженъ быть въ высшей степени общечеловѣческій, что русская идея, можетъ быть, будетъ *синтезомъ всѣхъ тѣхъ идей*, которыя съ такимъ упорствомъ, съ такимъ мужествомъ развиваетъ Европа, въ отдѣльныхъ своихъ національностяхъ, что, можетъ быть все враждебное въ этихъ идеяхъ *найдетъ свое примиреніе и дальнѣйшее развитіе въ русской народности.*

«Но гдѣ же точки соприкосновенія съ народомъ? Какъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ нимъ,—вотъ вопросъ, вотъ забота, которая должна быть раздѣляема всѣми кому дорого русское имя, всѣми, кто любитъ народъ и дорожитъ его счастьемъ. А счастье его — счастье наше. Разумѣется, что первый шагъ къ достиженію всякаго согласія есть грамотность и образованіе. *Народъ никогда не пойметъ насъ, если не будетъ къ тому предварительно приготовленъ.* Другого нѣтъ пути, и мы знаемъ, что, высказывая это, мы не говоримъ ничего новаго. Но пока за образованнымъ сословіемъ остается еще первый шагъ, оно должно воспользоваться своимъ положеніемъ и воспользоваться усиленно. *Распространеніе образованія усиленное, скорѣйшее, во что бы то ни стало, — вотъ главная задача нашего времени, первый шагъ ко всякой дѣятельности»* [1]).

Журналъ Достоевскаго выступалъ такимъ образомъ на

[1]) Полный текстъ объявленія объ изданіи „Времени" приведенъ въ извѣстной біографіи Достоевскаго, составленной Ор. Миллеромъ (въ частности въ воспоминаніяхъ Страхова), откуда мы и сдѣлали наши извлеченія 177—183).

общественную арену съ въ высшей степени мирной и въ то же время патріотической физіономіей. Мистическая вѣра въ то, что русскій народъ таитъ въ своихъ нѣдрахъ великую идею, которая станетъ «синтезомъ» всѣхъ идей, выработанныхъ народами Европы, и призывъ интеллигенціи работать на нивѣ народнаго образованія, ибо «народъ никогда не пойметъ насъ, если не будетъ къ тому предварительно приготовленъ» — вотъ въ сущности, и вся, если и не вполнѣ славянофильская, то все же сильно окрашенная славянофильскимъ цвѣтомъ, программа журнала. Самъ Ѳ. М. Достоевскій и литературный критикъ «Времени» — Григорьевъ стали во главѣ той, ничего не имѣвшій общаго съ «разрушительными идеями», группы писателей, которая получила въ исторіи нашей литературы имя «почвенниковъ». Мало того, дѣятельный сотрудникъ «Времени», Н. Н. Страховъ открылъ на страницахъ этого журнала первый походъ на «нигилистовъ», вызвавшій рѣзкую отповѣдь «Современника». «Вообще, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ Страховъ, никакого слѣда революціоннаго направленія не было въ кружкѣ «Времени», то есть не только какихъ-нибудь замысловъ, но и сношеній съ людьми, замышлявшими не доброе, или какого-нибудь имъ потворства и одобренія. Всѣ мы, и Ѳедоръ Михайловичъ во главѣ, въ самый разгаръ сумятицы, желали и думали ограничиться только литературною ролью, то есть трудиться для того нравственнаго и умственнаго поворота въ обществѣ, какой считали наилучшимъ» [1]). Словомъ казалось бы, что именно съ внѣшней стороны журналу не могла угрожать рѣшительно никакая опасность. Случилось иное. Въ апрѣльской книжкѣ «Времени» появилась статья Страхова, за подписью «Русскій». Статья эта, называвшаяся «Роковой вопросъ», касалась польскаго возстанія, и хотя она была написана въ совершенно патріотическомъ духѣ, но какая то болѣзненная чувствительность ультра-патріотовъ типа Каткова ко всему тому, что несогласовалось съ ихъ собственными воззрѣніями, вызвала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» немедленные громы на голову автора злосчастной статьи. Какой-то Петерсонъ стремительно налетѣлъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» на «Рус-

[1]) Ibid., 229.

скаго», сталъ изобличать его въ полонофильскихъ тенденціяхъ и даже назвалъ его «бандитомъ». Но предоставимъ разсказать объ этомъ эпизодѣ съ «Временемъ» самому Страхову:

«Разумѣется, — пишетъ онъ, ни у братьевъ Достоевскихъ, ни у меня не было и тѣни полонофильства или желанія сказать что-нибудь непріятное правительству. Мысль статьи была та, что намъ слѣдуетъ бороться съ поляками не одними вещественными, но и духовными орудіями и что окончательное разрѣшеніе дѣла наступитъ лишь тогда, когда мы одержимъ надъ поляками духовную побѣду. Польскій вопросъ, больше чѣмъ всякій другой, требуетъ участія и всѣхъ нашихъ внутреннихъ силъ, напоминаетъ намъ наше различіе отъ Европы, требуетъ уясненія и развитія нашихъ самобытныхъ началъ...»

«Когда разнеслись слухи, что журналу угрожаетъ опасность, мы не вдругъ могли этому повѣрить,—совѣсть у насъ была совершенно чиста. Когда слухи стали настойчивѣе, мы только задумывали писать объясненія и возраженія въ слѣдующей книжкѣ «Времени». Но, наконецъ, оказалось, что нельзя терять ни одного дня, и тогда Ѳедоръ Михайловичъ составилъ небольшую замѣтку объ этомъ дѣлѣ, чтобы тотчасъ же напечатать ее въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Замѣтка была принята, набрана, но цензоръ уже не рѣшился ее пропустить».

Приведя полностью предполагавшуюся къ помѣщенію въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью Достоевскаго, Страховъ продолжаетъ:

«Цензура не пропустила этой статьи, потому что было уже извѣстно, что дѣло доведено до государя, и что журналъ положено закрыть. Мы были признаны виновными и намъ не позволялось оправдываться. Журналъ былъ закрытъ безъ всякихъ условій. Понятно (?!), что чѣмъ грубѣе была ошибка, тѣмъ неудобнѣе было, послѣ строгой мѣры, раскрывать, что мѣра была принята по недоразумѣнію».

Понялъ сдѣланную имъ ошибку Катковъ, старался ее поправить, но уже было поздно.

«Съ своей стороны я дѣлалъ все, что можно и что мнѣ совѣтовали. Я тотчасъ написалъ М. Н. Каткову и И. С. Аксакову, составилъ объяснительную записку для министра внутреннихъ дѣлъ и предполагалъ подать просьбу государю.

Ничего не удавалось, ничего не дѣйствовало. И М. Н. Катковъ, и И. С. Аксаковъ отозвались сейчасъ же и принялись дѣйствовать съ великимъ усердіемъ. Нужно было печатно объяснить недоразумѣніе. Ни тому, ни другому цензура не пропустила ни строчки по этому дѣлу. Приходилось обращаться къ министру и настаивать у него. Я написалъ большую статью для «Дня», — она не была пропущена.

«О просьбѣ государю я совѣтовался съ покойнымъ А. В. Никитенко и предполагалъ подать ее черезъ него. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній онъ далъ мнѣ рѣшительный совѣтъ отказаться отъ этого намѣренія.

«Положеніе наше было не только въ высшей степени досадно, но отчасти и тяжело. Нѣсколько времени я предполагалъ, что меня вышлютъ куда-нибудь изъ Петербурга. Всѣ, работавшіе въ журналѣ, потеряли мѣсто для своихъ работъ, а редакторъ имѣлъ предъ собою прекращеніе дѣла, на которое имъ возлагались большіе разсчеты.

«Редакція «Московскихъ Вѣдомостей», чувствуя себя въ нѣкоторой мѣрѣ (?!) виноватою, усиленно хлопотала о томъ, чтобы помочь бѣдѣ, и послѣ всяческихъ настояній у министра П. А. Валуева, добилась, наконецъ, того, что ей, *но только ей*, дана была возможность объяснить возникшую путаницу. Это объясненіе явилось въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника», но такъ какъ хлопоты долго тянулись, а редакція не хотѣла выпускать книжки безъ своего объясненія, то эта майская книжка была подписана цензоромъ лишь 28-го іюня, слѣдовательно, явилась въ свѣтъ въ началѣ іюля. Замѣтка называлась: по поводу статьи «Роковой вопросъ», и отличалась обыкновеннымъ мастерствомъ. Въ ней я былъ осыпанъ упреками очень рѣзкими по формѣ, но мало обидными по содержанію; рѣшительно отвергались и опровергались всѣ положенія моей статьи, но вмѣстѣ столь же рѣшительно утверждалась и доказывалась ея невинность. Такимъ образомъ было сдѣлано полное удовлетвореніе всѣмъ нападавшимъ на статью и доведшимъ дѣло до запрещенія журнала и въ то же время редакція «Времени» и я были ограждены отъ всякихъ дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій. Только настояніямъ «Русскаго Вѣстника» и его замѣткѣ слѣдуетъ, кажется, приписывать и то, что никого изъ насъ больше не трогали и то, что черезъ восемь мѣся-

цевъ Михаилу Михайловичу Достоевскому дозволено было начать новый журналъ» [1]).

Этотъ журналъ назывался «Эпоха», но «Времени» онъ уже по многимъ причинамъ замѣнить не могъ и въ слѣдующемъ году прекратился самъ собою.

О газетѣ «Современное Слово», которую постигла въ 1863 году одинаковая съ журналомъ «Время» участь, въ нашей литературѣ не существуетъ почти никакихъ свѣдѣній [2]). При «Русскомъ Инвалидѣ» издавались и въ «доисторическій періодъ» нашей журналистики «Приложенія» подъ различными названіями: «Новости литературы», «Литературныя прибавленія» и т. д. «Современное Слово» и явилось въ 1862 году однимъ изъ такихъ приложеній или, вѣрнѣе частей газеты, ибо издатель ея, Писаревскій, раздѣлилъ въ это время прежнюю военную газету на двѣ части: собственно «Русскій Инвалидъ» — органъ военнаго министерства и «Современное Слово» — газета литературная и политическая. Съ 1383 года «Современное Слово» окончательно отдѣлилось отъ «Русскаго Инвалида» и стало выходить въ изданіи Писаревскаго въ качествѣ совершенно самостоятельной газеты. Въ объявленіи объ ея изданіи было, между прочимъ, сказано:

«Мы не будемъ распространяться здѣсь относительно нашихъ тенденцій, но повторимъ въ короткихъ словахъ то, что было нами заявлено, когда мы выступали на поприще нашей журнальной дѣятельности. Полное свобсдное развитіе личности до предѣловъ разумнаго проявленія ея, безъ ущерба какъ для цѣлаго общества, такъ и другихъ отдѣльныхъ личностей; уваженіе собственности во всѣхъ ея видахъ; *административная* (курсивъ подлинника) община и свободная ассоціація труда и имуществъ; расширеніе правъ женщины; свобода народнаго образованія, равенство предъ закономъ, развитіе выборнаго начала, но безъ поголовной подачи голосовъ, въ самомъ широкомъ его примѣненіи; децентрализація въ формѣ развитія провинціальныхъ элементовъ и

[1]) Ibid., 247—256.

[2]) Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза ей посвящено въ буквальномъ смыслѣ двѣ строки; о ней совсѣмъ не упоминается въ качествѣ самостоятельнаго изданія даже въ наиболѣе полномъ перечнѣ русскихъ періодическихъ изданій, составленномъ г. Лисовскимъ.

административной и экономической автономіи провинціи, безъ ущерба для общегосударственныхъ интересовъ; возможно широкое примѣненіе началъ самоуправленія для городовъ и сельскихъ общинъ; законы, вытекающіе не изъ римскаго или германскаго, чуждыхъ намъ, права, а изъ нашихъ народныхъ потребностей и обычаевъ; свободное развитіе нашей промышленности; справедливые и просвѣщенные законы для прессы и, какъ вѣнецъ и укрѣпленіе всего предыдущаго, гарантія личности и собственности отъ административнаго произвола, при посредствѣ суда независимаго, просвѣщеннаго. Вотъ тѣ принципы, развитіе и примѣненіе которыхъ мы желали бы въ недалекомъ будущемъ для нашего отечества и которые будутъ руководить нами неизмѣнно въ нашей дѣятельности. При этомъ мы считаемъ долгомъ предупредить, что какъ бы ни были либеральны законы для прессы, мы не выйдемъ изъ нашей программы, не измѣнимъ ни тона, ни направленія нашего. Большая свобода прессы дастъ для насъ только возможность съ большею опредѣленностью заявить наши тенденціи. Не къ переворотамъ, не къ революціоннымъ порывамъ стремимся мы, но мы не вѣримъ, чтобы послѣ продолжительнаго застоя въ нашемъ обществѣ, могли совершаться реформы безъ неизбѣжныхъ потрясеній той или другой общественной среды. Мы не боимся толчковъ, мы знаемъ что они неизбѣжны при коренномъ преобразованіи. Толчки и скачки опасны тогда, когда реформа вызывается не насущною потребностью общества, а навязывается ему извнѣ непризванною и непризнанною силою, чуждою интересовъ народа. Правительство наше, само предпринявъ громадную реформу въ нашемъ сельскомъ сословіи, не остановилось предъ временными затрудненіями поземельныхъ владѣльцевъ. Эта реформа вызываетъ другія. Правительство не останавливается. Разъ сказавъ впередъ, оно сознало необходимость удовлетворить накопившимся потребностямъ. Мы не видимъ, чтобы всѣмъ извѣстныя уклоненія небольшой горсти людей могли послужить причиною для реакціи и потому не пойдемъ за тѣми, которые мечтаютъ о какомъ то мирномъ, безмятежномъ плаваніи, полагая все счастье общества въ томъ, чтобы въ немъ совершались реформы нечувствительно, безъ перерывовъ сладкой его дремоты».

Изъ этого объявленія видно, что «Современное Слово» обѣщало быть только газетою либеральною и лойяльною и ничемъ болѣе. Либеральною въ сферѣ не только политической, но и экономической («свободное развитіе нашей промышленности», «уваженіе собственности во всѣхъ ея видахъ» и т. д.), лойяльною въ смыслѣ ожиданія продолженія реформъ только сверху внизъ и невѣрія въ то, чтобы «всѣмъ извѣстныя уклоненія небольшой горсти людей могли послужить причиною для реакціи». И газета оправдывала свою программу на дѣлѣ. Просмотрѣвъ всѣ номера, которыя успѣла она выпустить въ свѣтъ до своей скоропостижной кончины, мы не нашли тамъ ничего, что бы выходило за предѣлы изложеннаго газетой въ ея «объявленіи» profession de foi. Это была вполнѣ «западническая» газета, умѣренная по направленію и тону, и почему ее постигла внезапная смерть, мы не знаемъ. Едва ли такой развязки ожидала и сама редакція «Современнаго Слова». По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ ея, увидѣвшемъ свѣтъ, номерѣ, озаглавленная «Наша пресса» и помѣщенная на первомъ мѣстѣ статья гласила слѣдующее:

«Подъ этимъ заглавіемъ мы постараемся представлять нашимъ читателямъ краткій обзоръ важнѣйшихъ явленій нашей повременной литературы, преимущественно въ политическомъ отношеніи. *Намъ придется по большей части* излагать эти явленія чисто объективно, но мы не отказываемся совершенно отъ надежды высказать иногда и нѣсколько нашихъ замѣчаній. *Предупреждаемъ читателей*, что замѣчанія эти не будутъ имѣть полемическаго характера» и т. д. [1]).

Отсюда видно, какъ далека была газета еще 2 іюня отъ предвидѣнія своей участи. На другой день она, видимо, объ этомъ уже узнала, ибо еще день, и вышеприведенное роковое для «Современнаго Слова» сообщеніе «Сѣверной Почты» прочелъ весь Петербургъ, а затѣмъ и вся Россія.

1864-й годъ былъ годомъ для прессы необыкновенно счастливымъ. Чего никогда уже потомъ не бывало вплоть до нашего времени, то произошло въ 1864 году: за цѣлый годъ на прессу была наложена всего-на-всего *одна* кара.

———

[1]) „Современное Слово", 2 іюня 1863 г. № 119.

«На основаніи § 6 Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 года временныхъ правилъ по цензурѣ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе газеты «Воронежскій Листокъ». О семъ сообщено начальнику Воронежской губерніи» [1]).

Другихъ каръ на печать въ этомъ году не налагалось.

Въ январѣ 1865 года пострадала извѣстная газета «Вѣсть».

«Г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ,—гласило правительственное сообщеніе, — призналъ нужнымъ на основаніи VI пункта Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1862 года временныхъ правилъ по цензурѣ, пріостановить изданіе газеты «Вѣсть» на восемь мѣсяцевъ» [2]).

Эта кара постигла газету за помѣщеніе надѣлавшаго въ свое время много шума адреса московскаго дворянства и рѣчи графа Орлова-Давыдова.

Кара, наложенная на «Вѣсть», и была заключительнымъ актомъ жизни «временныхъ правилъ». 6-го апрѣля того же 1865 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ «облегченіяхъ» и «удобствахъ» печати. Въ силу этого повелѣнія, всѣ выходившія въ моментъ изданія его въ столицахъ періодическія изданія, если они того желали сами, освобождались отъ предварительной цензуры; отъ нея же освобождались и печатаемыя въ столицахъ книги, — оригинальныя, объемомъ не менѣе десяти и переводныя — двадцати печатныхъ листовъ. Разрѣшеніе каждаго новаго періодическаго изданія зависѣло отъ министра внутреннихъ дѣлъ, но полное прекращеніе его могло состояться лишь въ силу рѣшенія перваго департамента Правительствующаго Сената. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлялось право дѣлать газетамъ и журналамъ предостереженія и послѣ третьяго такого предостереженія пріостанавливать изданія на срокъ до шести мѣсяцевъ. Уничтоженіе вышедшей въ свѣтъ безъ предварительной цензуры книги могло имѣть мѣсто лишь по рѣшенію суда. Надзоръ за печатью и карательная по отношенію къ ней дѣятельность сосредоточивались въ новомъ учрежденіи, главномъ управленіи по дѣламъ печати.

[1]) „Сѣверная Почта“ 1864 г. № 92.

[2]) Ibid., 1865 г., № 14.

(Это учрежденіе давало министру свои «заключенія» касательно наложенія на издателя той или другой кары). Оно было открыто министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ 1-го сентября 1865 года; 3-го сентября въ «Сѣверной Почтѣ» появилась статья, разъясняющая значеніе новаго режима для печати, а 5-го сентября «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Голосъ», воспользовавшіяся первыми среди петербургскихъ изданій новымъ режимомъ, вышли въ свѣтъ безъ предварительной цензуры. Разумѣется, много было выражено радостныхъ надеждъ на то, что теперь «крѣпостная зависимость печати отъ цензуры, отъ личной воли и личнаго усмотрѣнія посторонняго лица *кончилась*», что «*отошла* отъ насъ попечительная опека» и т. д. Блестящую статью написалъ по поводу этого событія И. С. Аксаковъ.

«*Наконецъ-то!*—писалъ онъ.—Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться со вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ «господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ» (какъ писалось въ старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошмаръ, въ образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо и мы получимъ неслыханное и невиданное право: *не лгать, не кривить словомъ*, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ... Не благоразумнѣе ли, не тактичнѣе ли было бы вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно, не поминая стараго? Но такое поведеніе грѣшило бы противъ искренности: русскому печатному слову стыдно бы не радоваться своему освобожденію, хотя бы еще далеко не полному, изъ долгаго, долгаго тягостнаго плѣна... Но не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое? Мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ, мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное; напротивъ *оно живетъ*, обнаруживаетъ и

обнаружитъ и еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами... Мало было кривды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія; мы добились того, что самое *слово искривилось*, авторъ думалъ не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свою мысль, а только о томъ, чтобы протащить свою мысль контрабандою сквозь цензурную стражу: отсюда условный языкъ, чтеніе между строкъ... Нравственныя пытки, которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткою художника кисти, когда непрошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку... Писатель зависѣлъ не отъ твердо установленныхъ правилъ, а отъ чужого ума и чужого вкуса. Слово изъ-подъ цензорскихъ рукъ выходило изъерошенное, искалѣченное»... Теперь же намъ нуженъ свѣтъ «не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы. нужно, чтобы даруемая свобода печати была (курсивы вездѣ Аксакова) *дѣйствительною правдою, а не подобіемъ»*... и т. д.[1]).

Аксакову не пришлось долго ждать, чтобы на дѣлѣ убѣдиться въ справедливости своихъ опасеній о живучести стараго «принципа». Уже черезъ три недѣли послѣ выхода въ свѣтъ перваго безцензурнаго номера «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилось длинное, на рѣдкость мотивированное и, тѣмъ не менѣе, оглушительнымъ образомъ подѣйствовавшее на печать, слѣдующее офиціальное сообщеніе:

«Принимая въ соображеніе, что въ статьѣ, напечатанной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» отъ 18 сего сентября, № 243, по поводу предположеній о залогѣ въ частномъ кредитномъ учрежденіи нѣкоторыхъ частей государственныхъ имуществъ, въ особенности въ мѣстахъ статьи: отъ словъ «но здѣсь», до словъ «вопросъ юридическій»; отъ словъ: «что главнымъ обезпеченіемъ», до словъ: «на поддержаніе нашего государственнаго кредита» и отъ словъ: «очевидно, что, если бы государственному достоянію» до словъ: «такого взгляда на практикѣ» — заключаются несогласныя съ интересами государственнаго кредита сужденія о такихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о которыхъ не было

[1]) „День“, 1865 г., № 31.

доселѣ объявлено никакихъ положительныхъ свѣдѣній; что въ означенной статьѣ не только подвергается сомнѣнію, но и отрицается право, которое, несомнѣнно, принадлежитъ правительству и которымъ оно постоянно пользовалось при каждомъ, какимъ бы то ни было способомъ совершаемомъ, отчужденіи казенныхъ статей и земель, и что въ ней неправильно приписывается государственнымъ имуществамъ свойство спеціальнаго обезпеченія 5% банковыхъ билетовъ, указывается на мнимое уменьшеніе этого обезпеченія въ случаѣ залога или отчужденія какихъ-либо частей государственныхъ имуществъ, и такимъ образомъ возбуждаются сомнѣнія или опасенія, могущія имѣть вліяніе на довѣріе, которымъ пользуются означенные билеты,—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 Высочайше утвержденнаго 6 апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить *первое* предостереженіе газетѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ лицѣ издателя-редактора коллежскаго ассесора Корша» [1]).

Такое начало «новой эры» произвело сильное впечатлѣніе въ журналистикѣ и обществѣ. Измѣнилась, очевидно, лишь форма, существо же дѣла осталось старое-престарое. Нести кары за высказываніе «несогласныхъ съ интересами государственнаго кредита сужденій», другими словами, «сужденій», которыя расходятся съ «сужденіями» лицъ, считающихъ собственныя «сужденія» за единственно правильныя, авторитетныя и безошибочныя, не значило ли это возвращаться въ то самое «крѣпостное состояніе» печати, которое нѣкоторые журналисты и въ числѣ ихъ Коршъ, считали окончательно сданными въ архивъ исторіи? Въ защиту своихъ правъ раздалось не мало голосовъ не только изъ либеральной, но даже изъ консервативной печати съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ. Это повлекло за собою появленіе такого офиціальнаго сообщенія:

«Въ нѣкоторыхъ столичныхъ повременныхъ изданіяхъ появились статьи, заключающія въ себѣ рѣзкое порицаніе предоставленаго административной власти, на основаніи законоположеній 6-го апрѣля сего года, права объявлять пре-

[1]) „Сѣверная Почта", 1865 г., № 203.

достереженія журналамъ и газетамъ, не подлежащимъ предварительной цензурѣ. Это порицаніе выражалось иногда прямо, иногда косвенно, въ формѣ критики того же права, предоставленнаго административной власти въ иностранныхъ государствахъ. Смыслъ, значеніе и цѣль подобныхъ статей осязательны. Онѣ клонятся къ возбужденію недовѣрія и неуваженія къ установленному въ имперіи новому закону и обнаруживаютъ неправильное пониманіе права, предоставленнаго нашей печати ст. 16 отд. IV Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія государственнаго совѣта» [1].

Черезъ недѣлю послѣ этого появилось другое сообщеніе уже наставительнаго характера. Оно гласило:

«Нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ въ статьяхъ, относящихся до вопросовъ иностранной политики или до заграничныхъ событій, не обращаютъ вниманія на необходимость отзываться въ выраженіяхъ, соотвѣтствующихъ достоинству предмета и общепринятымъ формамъ обсужденія подобныхъ вопросовъ, о дѣйствіяхъ иностранныхъ правительствъ, съ которыми Россія находится въ мирныхъ и дружелюбныхъ отношеніяхъ. Одна изъ *упомянутыхъ нами газетъ* [2]) недавно вышла на этомъ пути изъ всѣхъ предѣловъ приличій. Такое нарушеніе этихъ приличій допускаемо быть не можетъ» [3]).

Вслѣдъ затѣмъ кары на печать посыпались уже щедрою рукою. Не забудемъ, что новый цензурный режимъ сталъ дѣйствовать только въ сентябрѣ 1865 года, а между тѣмъ до истеченія этого же года успѣли получить, кромѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», два предостереженія «Современникъ» и по одному «Русское Слово» и «Голосъ» [4]). «Современникъ» получилъ первое предостереженіе за статьи: «Новыя времена», въ которой «оскорбляются начала брачнаго союза», «Записки современника», въ которой заключаются «косвенныя порицанія началъ собственности въ примѣненіи къ капиталистамъ, будто бы присвоившимъ себѣ сбереженія рабочихъ классовъ», и «Какъ измѣрить примѣрно

[1]) „Сѣверная Почта“, 1865 г., № 221.

[2]) Ни одна изъ газетъ въ этомъ сообщеніи „упомянута“ не была

[3]) „Сѣверная Почта“, 1865 г., № 227.

[4]) „Сѣверная Почта“, 1865 г., №№ 245, 263, 266 и 278.

долгъ народу цивилизованныхъ классовъ», въ которой «начала собственности подвергаются прямому оспариванію и отрицанію». Второе предостереженіе «Современникъ» получилъ, во-первыхъ, за статью «Суемудріе *Дня*», въ которой «заключаются неприличныя сужденія о значеніи православія вообще, и въ особенности въ отношеніи къ событіямъ отечественной исторіи, сочувственные отзывы о ниспроверженіи алтарей и троновъ и глумленіе надъ нашимъ государственнымъ устройствомъ, равно надъ отношеніемъ народа къ правительственной власти», и во-вторыхъ, за стихотвореніе Некрасова «Желѣзная дорога», въ которомъ «сооруженіе Николаевской желѣзной дороги изображено, какъ результатъ притѣсненія народа, и построеніе желѣзныхъ дорогъ вообще выставляется какъ бы сопровождаемымъ тяжкими для рабочихъ послѣдствіями». «Русское Слово» получило предостереженіе за статьи: «Новый типъ», въ которой «отвергается понятіе о бракѣ и проводятся теоріи соціализма и коммунизма», «О капиталѣ», гдѣ «враждебно сопоставляется классъ собственниковъ съ неимущими рабочими классами», и повѣсти «Три семьи» и «Годъ жизни», гдѣ «высказываются, проникнутые крайнимъ цинизмомъ, отзывы объ основныхъ понятіяхъ чести и о нравственности вообще». Наконецъ, «Голосъ» получилъ предостереженіе за цѣлый рядъ статей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ («Русскіе въ Россіи», «По поводу принятія Ташкента подъ покровительство Россіи», «Отношеніе нашего общества къ совершившимся реформамъ», «Какія сословія могутъ больше способствовать къ водворенію русскаго элемента въ западномъ краѣ», «Система закрытаго воспитанія въ Россіи», «Вседневная жизнь», «Радищевъ и Екатерина» и «Библіографія»). Во всѣхъ этихъ статьяхъ «заключаются рѣзкія порицанія и неприличныя сужденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, взводятся оскорбленія на все дворянское сословіе, на служащихъ правительству лицъ и, наконецъ, представляется превратное изложеніе историческихъ событій съ очевидною цѣлью возбудить безусловное сочувствіе къ лицамъ, противодѣйствовавшимъ правительству, чѣмъ въ совокупности вполнѣ послѣдовательно обнаруживается вредное направленіе газеты» [1].

---

[1] „Сѣверная Почта“, 1865 г., № 263.

1866 годъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ суровыми карами на печать: уже 9-го января «Русское Слово» получило второе предостереженіе за статьи: Писарева—«Историческія идеи Огюста Конта», въ которой «заключается стремленіе колебать авторитетъ христіанской религіи» и Шелгунова—«Рабочія ассоціаціи», гдѣ «предлагается оправданіе и даже дальнѣйшее развитіе коммунистическихъ теорій, причемъ усматривается косвенное возбужденіе къ осуществленію этихъ теорій на практикѣ» [1]). Черезъ полтора мѣсяца «Русское Слово» получило уже третье предостереженіе, съ пріостановкою на пять мѣсяцевъ. Причиною кары явилось напечатаніе въ журналѣ романа «Воспоминанія пролетарія», въ которомъ заключается разсказъ о переворотѣ, происшедшемъ въ 1848 г. въ Парижѣ, направленный къ оправданію революціонныхъ движеній народныхъ массъ», статей «Производительныя силы въ Европѣ», «Засоренныя дороги» (Михайлова), «Передъ разсвѣтомъ» (Благовѣщенскаго) и «Библіографическій листокъ», которыя «заключаютъ въ себѣ враждебное сопоставленіе неимущественныхъ классовъ общества съ собственниками и распространеніе соціалистическихъ понятій», а также статью Шелгунова «Честные мошенники», которая «придаетъ воровству значеніе «труда» и свойства неизбѣжныхъ послѣдствій нынѣшнихъ условій гражданскаго общества» [2]).

3-го іюня того же года появилось такое правительственное сообщеніе:

«По Высочайшему повелѣнію, объявленному министру внутреннихъ дѣлъ предсѣдателемъ комитета министровъ 28-го минувшаго мая, журналы «Современникъ» и «Русское Слово», вслѣдствіе доказаннаго съ давняго времени вреднаго ихъ направленія, прекращены» [3]).

О впечатлѣніи, произведенномъ на общество, наложенною на «Современникъ» и «Русское Слово» карою, мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство А. В. Никитенко:

«Я не помню, чтобы какая-либо мѣра производила такое единодушное и всеобщее недовольство, какъ запрещеніе

[1]) Ibid., 1866 г., № 6.
[2]) Ibid., № 36.
[3]) Ibid., № 118.

журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово»—послѣднее, впрочемъ, потому, что сдѣлано помимо правилъ» [1]).

Чѣмъ именно вызвана такая кара? Обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ не существуетъ до нашихъ дней. Единственный намекъ на него мы нашли, просмотрѣвъ всю «Сѣверную Почту», въ слѣдующихъ строкахъ правительственнаго сообщенія о ходѣ слѣдствія по такъ называемому дѣлу «каракозовцевъ»:

«Означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи, которыя поддерживались, съ одной стороны, направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой *большею частью журналистики*, которая явно распространяла идеи соціализма и такъ называемаго нигилизма съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія» [2]).

Просимъ читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя нами слова, т. е. на то мѣсто сообщенія «Сѣверной Почты», гдѣ сказано, что «*большая часть журналистики* явно распространяла идеи соціализма» и пр. Такой порядокъ вещей, конечно, рѣшено было пресѣчь. Какія же именно изданія, кромѣ «Современника» и «Русскаго Слова», были въ этомъ повинны? Не знаемъ, но думаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ явиться изъ перечня тѣхъ изданій, которыя понесли въ томъ же году кары. Какія же это изданія? Это были исключительно газеты и именно: умѣренно-либеральный «Голосъ» [3]), такія же «С.-Петербургскія Вѣдомости» (два раза) [4]), называвшаяся не иначе, какъ «крѣпостническою», газета «Вѣсть» (два раза) [5]) и безусловно консервативныя «Московскія Вѣдомости» (три раза) [6]). Такимъ образомъ, сообщеніе о «большей части журналистики» и пр. не согласуется со свѣдѣніями о карахъ, наложенныхъ на эту журналистику и опубликованныхъ въ той же «Сѣверной Почтѣ».

---

[1]) *А. В. Никитенко*, „Записки и дневникъ“, III. 106.
[2]) „Сѣверная Почта“, № 166.
[3]) Ibid., № 98.
[4]) Ibid., №№ 78 и 189.
[5]) Ibid., №№ 11 и 218.
[6]) Ibid., №№ 66, 98 и 99.

Въ ряду самыхъ разнообразныхъ мотивовъ наложенія на печать въ 1866 году каръ, обращаетъ на себя особенное вниманіе мотивъ второго предостереженія газеты «Вѣсть»:

«Принимая въ соображеніе, что въ газетѣ «Вѣсть» (№ 79), въ статьѣ по поводу назначенія новаго генералъ-губернатора сѣверо-западныхъ губерній, заключаются неумѣстныя сужденія о личныхъ свойствахъ и распоряженіяхъ его предмѣстника, *и что означенная статья могла бы послужить поводомъ къ появленію въ другихъ газетахъ статей, не соотвѣтствующихъ чувству приличій, достоинству государственной службы и обязанностямъ періодической печати*, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 отд. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля минувшаго года мнѣнія государственнаго совѣта и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить второе предостереженіе газетѣ «Вѣсть», въ лицѣ издателей-редакторовъ, титулярныхъ совѣтниковъ Владиміра Скарятина и Николая Юматова» [1]).

Характерна въ иномъ родѣ, имѣвшая мѣсто также въ 1866 году, борьба «Московскихъ Вѣдомостей» Каткова, съ оказавшимися даже на ихъ пути препятствіями.

Первое предостереженіе «Московскія Вѣдомости» получили за передовую статью № 61, въ которой, гласитъ сообщеніе, «правительственнымъ лицамъ приписываются стремленія, свойственныя врагамъ Россіи, и мысль о государственномъ единствѣ имперіи выставляется какъ бы мыслью новою, будто бы встрѣчающею въ средѣ самого правительства предосудительное противодѣйствіе» [2]). Тутъ случилось нѣчто небывалое: Катковъ отказался напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» данное ему предостереженіе; послѣдствіемъ этого, въ «Сѣверной Почтѣ» появилось слѣдующее любопытное сообщеніе:

«Московскія Вѣдомости» не напечатали объявленнаго имъ предостереженія, но помѣстили въ № 69, отъ 3-го апрѣля, объяснительную, по поводу этого предостереженія, статью, Статья эта была разсмотрѣна въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, и въ немъ произошло разногласіе. По

---

[1]) Ibid., 12-го октября 1866 г., № 218.

[2]) Ibid., № 66.

мнѣнію однихъ членовъ, надлежало начать противъ «Московскихъ Вѣдомостей» судебное преслѣдованіе; по мнѣнію другихъ, слѣдовало объявить имъ второе предостереженіе. Журналъ совѣта представленъ 5-го апрѣля г. министру внутреннихъ дѣлъ, который не утвердилъ ни того, ни другого изъ выраженныхъ въ немъ мнѣній, но отозвался, что въ ту минуту, когда во всей Россіи должна преобладать одна мысль и должно господствовать одно единодушное чувство, онъ не желаетъ принимать мѣръ взысканія [1]).

«Это нисколько не измѣняетъ, однако-же, того положенія, въ которое «Московскія Вѣдомости» себя поставили, въ отношеніи къ главному управленію по дѣламъ печати.

«Въ статьѣ отъ 3-го апрѣля «Московскія Вѣдомости» невѣрно изъяснили законъ и неточно изложили обстоятельства дѣла. Повременнымъ изданіямъ не предоставлено права выбора между ст. 31 и ст. 33 закона 6-го апрѣля 1865 г. Ст. 31 содержитъ въ себѣ указаніе закона, требующаго напечатанія предостереженія *„во главѣ перваго, имѣющаго послѣ того выйти въ свѣтъ нумера, безъ всякихъ измѣненій или возраженій.“* Въ ст. 33 опредѣлено взысканіе за нарушеніе 31-й ст. Объявлять, что «Московскія Вѣдомости» *подчиняютъ* себя платежу штрафа, ст. 33 установляемаго, значитъ объявлять рѣшимость нарушить ст. 31, предпочитая соблюденію закона опредѣленное за несоблюденіе его взысканіе. Столько же невѣрно и другое предположеніе, будто отъ повременныхъ изданій зависитъ принимать или не принимать объявляемыя имъ предостереженія, и будто предостереженіе можетъ считаться *не совсѣмъ состоявшимся*, доколѣ оно не напечатано въ томъ повременномъ изданіи, которому оно объявлено. Предостереженіе состоялось въ ту минуту, когда текстъ его утвержденъ подписью министра внутреннихъ дѣлъ, а объявлено въ ту минуту, когда текстъ этотъ сообщенъ редакціи повременнаго изданія.

«Неточное изложеніе обстоятельствъ дѣла заключается въ ссылкахъ на извѣстную брошюру: «Que fera-t-on de la Pologne?» и на разсмотрѣніе въ комитетѣ министровъ, въ началѣ прошлаго года, ходатайства московскаго университета объ изъятіи «Московскихъ Вѣдомостей» отъ общей цензуры.

---

[1]) Покушеніе Каракозова произошло 4-го апрѣля 1866 года.

Въ предостереженіи указаны не только статья, которою оно вызвано, но и тѣ выраженія, которыя въ особенности приняты во вниманіе, при его объявленіи. Издателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» извѣстно, что между брошюрою: «Que fera-t-on de la Pologne?» и взглядомъ, которымъ въ настоящемъ случаѣ руководствовалось главное управленіе по дѣламъ печати, ничего нѣтъ общаго; и не менѣе положительно извѣстно, что комитетъ министровъ никогда не рѣшалъ вопроса о характерѣ ихъ дѣятельности, потому что онъ вовсе не былъ переданъ на обсужденіе комитета. Вопросъ заключался въ изъятіи отъ общей цензуры, и этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно, но при этомъ всѣ члены комитета свидѣтельствовали о заслугахъ издателей передъ Россіей, а г. министръ народнаго просвѣщенія, кромѣ того, и о заслугахъ ихъ по учебному вѣдомству. Комитетъ заключилъ: «предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и *впредь* оказывать всѣ, *по его усмотрѣнію*, возможныя облегченія въ примѣненіи цензурныхъ правилъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

«Цензурное управленіе отдавало, въ свое время, полную справедливость издателямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Ту же самую справедливость отдаетъ имъ и главное управленіе по дѣламъ печати въ тѣхъ случаяхъ, когда ее отдавать возможно. Главное управленіе по дѣламъ печати будетъ сожалѣть, если издатели «Московскихъ Вѣдомостей» прекратятъ свою дѣятельность въ этой газетѣ. Это зависитъ отъ нихъ и можетъ послѣдовать или, на основаніи ст. 33 закона 6-го апрѣля, черезъ три мѣсяца, или ранѣе, если «Московскія Вѣдомости» подвергнутся въ теченіе этого срока второму и третьему предостереженіямъ. Главное управленіе по дѣламъ печати обязано настоять на соблюденіи закона и оградить неприкосновенность закономъ ввѣренной ему власти. Эту обязанность оно исполнитъ» [1]).

Не прошло послѣ этого и мѣсяца, какъ «Московскія Вѣдомости» получили второе предостереженіе, за передовую статью № 81, въ которой «заключается превратное истолкованіе основаннаго на законѣ, правительственнаго распоряженія и возбужденіе недовѣрія къ правительственной власти,

---

1) „Сѣверная Почта“. 14-го апрѣля 1866 г., № 78.

которою сдѣлано распоряженіе» [1]). Катковъ опять стоялъ на своемъ, вслѣдствіе чего, 11-го мая «Московскимъ Вѣдомостямъ» было объявлено третье предостереженіе, съ пріостановкою на два мѣсяца. Кара мотивировалась появленіемъ въ № 95 «Московскихъ Вѣдомостей» передовой статьи, въ которой «заключается настойчивое порицаніе относящагося до этой газеты правительственнаго распоряженія и, въ прямомъ противорѣчіи закону, проводится мысль, будто отъ повременныхъ изданій зависитъ принимать или не принимать объявляемыя имъ на законномъ основаніи предостереженія» [2]).

Тогда Катковъ хотѣлъ вовсе оставлять газету, и лишь личное вмѣшательство въ это дѣло императора Александра II, положило конецъ «инциденту».

Изъ «историческаго періода» русской журналисти мы хотимъ взять для нѣкотораго историческо-статистическаго учета, который и является главнымъ предметомъ настоящей статьи, десятилѣтіе 1862—1872 года. Разобравъ съ относительною подробностью время 1862—1866 года, мы укажемъ лишь бѣгло на количество и качество каръ, которымъ подвергалась печать за вторую часть разсматриваемаго десятилѣтія. Карамъ подверглось двадцать восемь изданій, причемъ по одному предостереженію получили «Биржевыя Вѣдомости», «Знаніе», «Искра», «Русскій Міръ» «Вѣстникъ Европы», «Отечественныя Записки», «Петербургская Газета», «Лѣсной Журналъ» и «Nordische Presse»; по два предостереженія: «Петербургскій Листокъ», «Петербургскія Вѣдомости», «S.-Petersb. Zeitung», «Московскія Вѣдомости» и «Современныя Извѣстія». По три предостереженія: «Русско-Славянскіе Отголоски» (съ пріостановкою на четыре мѣсяца), «Народный Голосъ» (съ пріостановкою на четыре мѣсяца), «Всеобщая Газета» (съ пріостановкою на четыре мѣсяца) [3]), «Судебный Вѣстникъ» (съ пріостановкою на шесть мѣсяцевъ), «Русская Лѣтопись» (съ пріостановкою на три мѣсяца), «Всемірный Трудъ» (съ пріостановкою на шесть

---

[1]) Ibid., № 98.

[2]) Ibid., № 99.

[3]) Первыя два предостереженія получила „Всеобщая Газета“ и третье—она же, но уже тогда, когда была преобразована въ „Московскую Биржевую Газету“.

мѣсяцевъ). На основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1868 года положенія комитета министровъ, была воспрещена розничная продажа газетамъ: «Биржевыя Вѣдомости» (два раза), «Русскія Вѣдомости» (два раза), «Всеобщая Газета» (два раза), «S.-Petersb. Zeitung», «Новое Время» (два раза), «Искра», «Петербургскій Листокъ», «Голосъ», «Современныя Извѣстія» (два раза), «Петербургская Газета» и «Русскій Міръ». Кромѣ того, «Голосъ» получилъ четыре предостереженія и былъ пріостановленъ на четыре мѣсяца; «Новое Время»—пять предостереженій, съ пріостановкою на шесть мѣсяцевъ; «Дѣятельность»—шесть предостереженій, съ пріостановкою на двѣнадцать мѣсяцевъ (въ два раза); «Недѣля»—шесть предостереженій, съ пріостановкою на двѣнадцать мѣсяцевъ (въ два раза) и аксаковская «Москва» — девять предостереженій съ пріостановкою на тринадцать мѣсяцевъ и затѣмъ прекращеніемъ навсегда, по рѣшенію государственнаго совѣта. Совершенно была закрыта газета «Москвичъ», и особому наказанію подвергся «Архивъ Судебной Медицины». О послѣднемъ было напечатано слѣдующее официальное сообщеніе:

«Въ № 3 журнала «Архивъ Судебной Медицины», издаваемаго медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, напечатана была статья, подъ заглавіемъ: «О положеніи рабочихъ въ Западной Европѣ, въ гигіеническомъ отношеніи», въ которой настойчиво проводились крайнія соціалистическія идеи. Вслѣдствіе сего, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нужнымъ: 1) *означенную статью подвергнуть уничтоженію*; 2) редактора журнала уволить отъ должности и 3) цензору, не обнаружившему своевременно упомянутаго нарушенія закона, объявить строгій выговоръ»[1]).

Изъ вышеперечисленныхъ, подвергшихся карамъ, изданій, мы войдемъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе только по отношенію къ аксаковской газетѣ, «Москва». Сдѣлаемъ это мы потому, что «Москва» представляетъ собою единственный, за все врамя существованія русской журналистики, примѣръ изданія, закрытаго не по высочайшему повелѣнію

[1]) „Правительственный Вѣстникъ", 1870 г., № 243. (Съ 1-го января 1869 г. „Сѣверная Почта" была преобразована въ „Правительственный Вѣстникъ").

и не по постановленію особаго совѣщанія четырехъ министровъ (этотъ порядокъ введенъ лишь съ 1882 года), а совершенно исключительнымъ образомъ.

«Москва» стала издаваться съ 1867 года все тѣмъ же неутомимымъ журналистомъ, И. С. Аксаковымъ. Издавалъ онъ ее въ томъ же направленіи, въ которомъ издавалъ прежде «Парусъ» и «День», — основъ своего міровоззрѣнія онъ никогда не мѣнялъ,—но снова и снова встрѣтился уже съ давно знакомыми ему подводными камнями. Уже № 8 его газеты вызвалъ такое офиціальное сообщеніе:

«Принимая въ соображеніе, что въ № 8 газеты «Москва» помѣщена передовая статья, исполненная рѣзкихъ сужденій о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ, и что въ статьѣ этой, кромѣ того, допущены неумѣстные отзывы о такихъ распоряженіяхъ и сношеніяхъ высшихъ духовныхъ и гражданскихъ властей, о которыхъ редакціи означенной газеты могли быть сообщены только частныя, неполныя или невѣрныя извѣстія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29, 31 и 33 отд. II Высочайше утвержденнаго, 6-го апрѣля 1865 г., мнѣнія государственнаго совѣта, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить *первое* предостереженіе газетѣ «Москва», въ лицѣ издателя-редактора, надворнаго совѣтника Ивана Аксакова» [1]).

За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, касающихся «Москвы», офиціальныхъ сообщеній и распоряженій, которыя мы и перечислимъ съ нѣкоторою подробностью: второе предостереженіе «Москва» получила за то, что, «обсуждая распоряженіе мѣстной полиціи, основанное на предписаніи высшаго правительства, о мѣрахъ взысканія съ содержателей гостиницъ, за несоблюденіе ими полицейскихъ правилъ о пропискѣ паспортовъ, называетъ эти мѣры вредными и произвольными» [2]).

Третьему предостереженію, съ пріостановкой на три мѣсяца, «Москва» подверглась за помѣщеніе статьи, «порицающей правительственныя мѣры взысканія, которымъ

---

[1]) „Сѣверная Почта“, 1867 г., № 15.
[2]) Ibid., № 43.

подверглась лифляндская евангелическо-лютеранская консисторія и пасторъ-пробстъ, Дейбнеръ» [1]).

По истеченіи срока пріостановки, газета возобновилась, но получила первое предостереженіе за первую же свою статью, въ которой «оказано неуваженіе» къ мотивамъ, которыми объяснялось офиціально наложеніе на нее кары, и «къ закону, въ силу котораго оно послѣдовало» [2]).

Черезъ четыре мѣсяца послѣ этого, «Москва» получила второе предостереженіе, которое мотивировалось тѣмъ, что «предоставленное печати право обсужденія современныхъ вопросовъ и выраженія мнѣній о правительственныхъ распоряженіяхъ не можетъ быть правомъ систематическаго осужденія дѣйствій правительства и возбужденія къ нему недовѣрія», а такимъ, именно, характеромъ и отличается газета «Москва» [3]).

Прошло еще десять дней, и газета получила третье предостереженіе съ пріостановкой на четыре мѣсяца. На этотъ разъ мотивомъ послужила статья, обсуждавшая опять данное «Москвѣ» предостереженіе въ «неприличныхъ выраженіяхъ» [4]).

Прошли и эти четыре мѣсяца, наступилъ апрѣль 1868 года, и первая же статья снова ставшей выходить «Москвы» вызвала и первое предостереженіе за статью, въ которой доказывалась неправильность наложенія на газету предыдущей кары [5]).

30-го апрѣля «Москва» получила уже снова второе предостереженіе, за помѣщеніе статьи (въ № 18), заключающей въ себѣ «рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія» [6]).

Наконецъ, 24-го октября газета получила снова третье предостереженіе, съ пріостановкою на шесть мѣсяцевъ, за «прежнее рѣзкое и крайне неумѣренное направленіе» [7]).

Послѣ этого «Москва» перестала выходить. Министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ Тимашевъ, вошелъ

---

1) Ibid., № 69.
2) Ibid., № 148.
3) Ibid., № 258.
4) Ibid., № 264.
5) Ibid., 1868 г., № 77.
6) Ibid., № 90.
7) Ibid., № 228.

съ представленіемъ въ первый департаментъ правительствующаго сената о полномъ прекращеніи газеты. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ единственномъ на всемъ протяженіи существованія русской журналистики фактѣ, отмѣтимъ еще одно, касавшееся Аксакова, обстоятельство. Вынужденный такъ часто безмолвствовать въ своей «Москвѣ», Аксаковъ задумалъ было издавать въ это время другую пріобрѣтенную имъ газету, называвшуюся «Москвичъ», но существованіе послѣдней было очень кратковременно, ибо уже 15-го февраля 1868 года появилось слѣдующее, касающееся «Москвича», офиціальное сообщеніе:

«Комитетъ министровъ, по разсмотрѣніи представленія министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи газеты «Москвичъ», полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества разрѣшеніе на немедленное прекращеніе изданія газеты «Москвичъ». Государь Императоръ таковое положеніе комитета въ 13-й день февраля 1868 года Высочайше утвердить соизволилъ» [1]).

Итакъ, дѣло о запрещеніи газеты «Москва» поступило въ сенатъ. Много лѣтъ спустя, издавая уже газету «Русь», Аксаковъ напечаталъ въ ней подробный разсказъ объ этомъ дѣлѣ, въ рядѣ статей, носящихъ общее названіе „Судебный процессъ газеты «Москва». Узнавъ, по его собственнымъ словамъ, случайно о сдѣланномъ относительно газеты «Москва» представленіи генералъ-адъютанта Тимашева въ сенатъ, Аксаковъ подалъ туда же прошеніе, въ которомъ настаивалъ на своемъ правѣ быть допущеннымъ къ прочтенію составленнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ о «Москвѣ» своего рода обвинительнаго акта и приложить къ дѣлу свое объясненіе. Сенатъ уважилъ ходатайство Аксакова, который, по ознакомленіи съ представленіемъ министра и по снятіи съ него копіи, далъ съ своей стороны пространный на него отвѣтъ (то и другое напечатано въ «Руси»). При сужденіи объ этомъ дѣлѣ въ первомъ департаментѣ правительствующаго сената, требуемаго по закону для запрещенія газеты количества голосовъ собрано не было. То же самое произошло и въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департаментѣ герольдіи. Дѣло пе-

---

1) Ibid., 1868 г., № 34.

решло къ министру юстиціи, было разсмотрѣно въ особой консультаціи юристовъ и затѣмъ, съ «согласительнымъ заключеніемъ» послѣдней, снова вернулось въ сенатъ. Результатъ получился тотъ же. Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, но и тамъ (въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ) большинства голосовъ собрано не было. Нѣкоторые члены государственнаго совѣта высказались прямо противъ административнаго разсмотрѣнія даннаго дѣла и полагали необходимымъ направить его къ разсмотрѣнію въ порядкѣ судебномъ. Дѣло „Москвы“ перешло тогда въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ собралось наконецъ, большинство голосовъ, и газета была запрещена [1]).

Официальное сообщеніе о прекращеніи «Москвы» является также исключительнымъ, по своей относительной полнотѣ и мотивированности (изъ всѣхъ, когда-либо закрываемыхъ изданій, мотивированность, кромѣ даннаго случая, имѣла еще мѣсто лишь при закрытіи въ 1884 году «Отечественныхъ Записокъ»), и потому мы воспроизводимъ его.

«Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ внесенное, за разногласіемъ изъ общаго собранія первыхъ 3-хъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената, дѣло по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи газеты «Москва», принялъ во вниманіе, что въ общемъ собраніи сената большинство сенаторовъ соглашалось съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, нѣкоторые же другіе находили, что допущенные въ газетѣ «Москва» преступленія и проступки подлежатъ не административному, а судебному преслѣдованію. Въ виду сего, государственный совѣтъ призналъ необходимымъ прежде всего установить предѣлы и значеніе подлежащаго разрѣшенію вопроса. По существующимъ правиламъ, привлеченіе повременныхъ изданій къ отвѣтственности можетъ быть совершено двумя путями: или преслѣдованіемъ по суду, со всѣми его послѣдствіями, или же путемъ адми-

[1]) Обо всемъ этомъ см. „Русь“, 1881 г., №№ 54—58, „Судебный процессъ газеты „Москва“.

нистративнымъ, по которому, послѣ третьяго предостереженія, министръ внутреннихъ дѣлъ, если признаетъ нужнымъ, представляетъ 1-му департаменту правительствующаго сената о совершенномъ прекращеніи изданій. На основаніи п. 5-го, дополненія къ ст. 1000 уст. угол. суд. (по прод. 1868 г.), возбужденіе судебнаго преслѣдованія по преступленіямъ и проступкамъ, совершаемымъ посредствомъ печати, предоставлено главному управленію по дѣламъ печати, цензурнымъ комитетамъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, другимъ, означеннымъ въ семъ пунктѣ, властямъ или, наконецъ, частнымъ лицамъ. По точному смыслу этого правила, равно какъ и по общему духу дѣйствующихъ узаконеній о печати — въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное преслѣдованіе означенными учрежденіями или лицами не признано нужнымъ и умѣстнымъ, вопросъ о преданіи повременнаго изданія суду вовсе не можетъ имѣть мѣста. Посему, если министръ внутреннихъ дѣлъ, избравъ путь административныхъ взысканій, вошелъ съ представленіемъ въ правительствующій сенатъ о прекращеніи изданія, то предстоитъ разсуждать не о правильности избраннаго министромъ пути, а единственно о степени уважительности приводимыхъ къ принятію означенной мѣры причинъ. Законъ въ этомъ отношеніи столь ясенъ и положителенъ, что не представляетъ въ настоящемъ случаѣ никакого основанія входить въ сужденіе, подлежалъ ли бы редакторъ газеты «Москва» судебному преслѣдованію, и весь вопросъ, слѣдовательно, ограничивается тѣмъ: имѣются ли уважительныя причины къ запрещенію этой газеты въ административномъ порядкѣ? Обращаясь для разрѣшенія этого вопроса къ оцѣнкѣ какъ содержанія «Москвы», такъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея изданіе, Государственный Совѣтъ не находитъ нужнымъ входить, съ своей стороны, въ подробный разборъ мнѣній, которыя высказывались этою газетою по текущимъ вопросамъ экономическимъ, политическимъ и другимъ. Разработка въ печати подобныхъ вопросовъ положительно разрѣшается существующими постановленіями, которыя не воспрещаютъ даже обсужденія «какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій», но съ тѣмъ, чтобы притомъ не было возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривалась обяза-

тельная ихъ сила и не было выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей». Правдивое выраженіе мнѣній по предметамъ, на семъ основаніи дозволеннымъ къ обсужденію, даже когда эти мнѣнія не совпадаютъ со взглядами правительства, не можетъ быть поставлено въ предосужденіе періодическому изданію, если только въ изложеніи ихъ соблюдены требуемыя закономъ условія, и изданіе, какъ общимъ направленіемъ, такъ и частными своими сужденіями, не посягаетъ на основы религіи, нравственности и государственнаго порядка. Редакторъ газеты «Москва» въ объясненіяхъ своихъ заявляетъ, что газета его чуждалась разрушительныхъ ученій, и что основными ея началами были: преданность верховной власти, вѣрность православію, приверженность къ русской народности и полное сочувствіе къ совершоннымъ по Высочайшей волѣ преобразованіямъ. Государственный совѣтъ находитъ, что если бы направленіе «Москвы» дѣйствительно соотвѣтствовало во всемъ этимъ началамъ, то не только не было бы повода правительству къ порицанію ея, а напротивъ, она могла бы съ пользою занимать мѣсто въ ряду органовъ нашей періодической печати. Но въ развитіи и способѣ изложенія своихъ мыслей, въ построеніи рѣчи и въ политическихъ пріемахъ, она впадала въ многочисленныя нарушенія постановленій, ограждающихъ неприкосновенность сихъ самыхъ началъ. Рѣзкія и невоздержанныя нападки на дѣйствія установленныхъ властей, отъ низшихъ до высшихъ, неприличное по выраженіямъ обращеніе къ предметамъ общаго почитанія и страстныя, ведущія къ раздраженію умовъ, сужденія по вопросамъ, требующимъ обдуманнаго и спокойнаго разсмотрѣнія, были отличительными признаками многихъ статей ея. При такихъ крайностяхъ и увлеченіяхъ, газета не могла не подрывать во многихъ читателяхъ уваженія къ тѣмъ именно началамъ, представительницею и защитницею которыхъ она себя заявляла. Для удержанія «Москвы» отъ помянутыхъ увлеченій, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ 1-го января 1867 г. по 21-е октября 1868 г. девять разъ подвергало ее предостереженіямъ и три раза пріостанавливало ея изданіе. Несмотря на то, «Москва» не только ни въ чемъ не измѣняла своихъ пріемовъ, но вслѣдъ за каждою пріостановкою, въ рѣзкихъ и иногда грубыхъ выраженіяхъ, подвергала по-

рицанію постигшія ее распоряженія. Послѣ вторичнаго пріостановленія «Москвы» въ концѣ 1867 г., редакторъ ея, предпринявъ продолженіе той же газеты, подъ наименованіемъ «Москвичъ», впослѣдствіи открыто, съ глумленіемъ надъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, объявилъ, что цѣлью его было именно обойти наложенное на него взысканіе, причемъ дозволилъ себѣ даже оспаривать обязательное значеніе узаконеній, въ силу которыхъ Министерство дѣйствовало. Всѣмъ вышеизложеннымъ газета «Москва» обнаруживала направленіе, которое не можетъ быть терпимо. Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній и принимая на видъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, въ уваженіи къ основнымъ началамъ газеты «Москва», не входилъ съ представленіемъ о ея прекращеніи ни при первомъ, ни при второмъ пріостановленіи, но что признававшееся въ ней предосудительнымъ и послѣ сего ни въ чемъ не измѣнилось, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: изданіе газеты «Москва» прекратить.

«Государь Императоръ изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ, о чемъ указъ Правительствующаго Сената г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовалъ 18 апрѣля 1869 года» [1].

Изложенными фактами исчерпываются всѣ выдающіяся событія, имѣвшія мѣсто въ нашей журналистикѣ въ первое десятилѣтіе «историческаго періода» ея существованія.

III.

Тридцатилѣтіе, истекшее съ того момента существованія русской журналистики, на которомъ мы остановились въ предыдущей главѣ, и по настоящее время (1872—1903 г.), слѣдовало бы тоже разбить на десятилѣтія, и по нимъ уже отмѣтить выдающіяся въ каждомъ изъ этихъ десятилѣтій событія, но по нѣкоторымъ причинамъ дѣлать этого мы не будемъ и займемся въ этой главѣ лишь однимъ цифровымъ подсчетомъ каръ, которымъ подверглась за все тридцатилѣтіе періодическая печать. Такая работа уже напечатана нами въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза (статья

[1] „Правительственный Вѣстникъ", 1869 г., № 86.

«Цензурныя взысканія»), и здѣсь мы дадимъ лишь немногія къ ней дополненія.

Кромѣ перечисленныхъ во второй главѣ, подвергшихся репрессіямъ періодическихъ изданій, карамъ подвергались въ первое же десятилѣтіе «историческаго періода» существованія русской журналистики и многія другія періодическія изданія. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія изданія, понесшія репрессіи въ 1871 году: газета «Русская Лѣтопись» [1]) получила второе предостереженіе за статью «Жандармы и судъ» (№ 25): «Петербургскія Вѣдомости» [2]) также второе предостереженіе «за возбужденіе вопроса о созывѣ выборныхъ отъ земствъ, для обсужденія податной реформы» (№ 164), «Судебный Вѣстникъ» [3])—третье предостереженіе, съ пріостановкою на шесть мѣсяцевъ «за крайне неумѣстное сопоставленіе 66 ст. основныхъ законовъ съ Высочайшимъ повелѣніемъ о непечатаніи отчетовъ по Нечаевскому дѣлу прежде напечатанія оныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 193); «Вѣстникъ Европы» [4]) получилъ первое предостереженіе за статью К. К. Арсеньева «Политическій процессъ».

Еще съ 1870 года вошло въ практику воспрещеніе розничной продажи газетъ. Такой карѣ въ томъ же 1870 году подверглись «Биржевыя Вѣдомости» [5]), «Русскія Вѣдомости» [6]), «Всеобщая Газета» [7]), «S.-Petersb. Zeitung» [8]) и «Новое Время» [9]), а въ 1871 — «Искра» [10]), «Петербургскій Листокъ» [11]), «Московская Биржевая Газета» [12]) и «Голосъ» [13]).

Въ 1872 году на періодическую печать было наложено 18 каръ; въ 1873 — 15 каръ. Среди послѣднихъ находится

[1]) „Правительственный Вѣстникъ“, 1871 г., 26 іюня, № 151.
[2]) Ibid., 27 іюня, № 152.
[3]) Ibid., 8 сент., № 214.
[4]) Ibid., 28 ноября, № 284.
[5]) Ibid., 1870 г., 29 сент., № 202.
[6]) Ibid., 3 окт., № 210.
[7]) Ibid., 24 окт., № 227.
[8]) Ibid., 17 ноября, № 246.
[9]) Ibid., 22 дек., № 275.
[10]) Ibid., 1871 г., 26 янв., № 22.
[11]) Ibid., 12 янв., № 10.
[12]) Ibib., 4 мая, № 105.
[13]) Ibid., 19 ноября, № 276.

второе предостереженіе «Вѣстнику Европы» [1]) за статью А. Н. Пыпина «Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ» (кн. 7); въ 1874—18 каръ, въ томъ числѣ въ первый разъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 16 іюня 1873 года, «Московскія Вѣдомости» [2]) были пріостановлены на три дня, безъ опубликованія мотивовъ наложенной кары; въ 1875 — 16 каръ, въ томъ числѣ было объявлено третье предостереженіе, съ пріостановкой на шесть мѣсяцевъ, журналу «Знаніе» [3]) за статьи «Наука и метафизика», «Теорія развитія въ примѣненіи къ языку» и «Физіологическія объясненія нѣкоторыхъ явленій спиритизма» (№ 5); въ 1876 — 32 кары, въ томъ числѣ второе предостереженіе «Гражданину» [4]) за статью «Московская университетская исторія 1861 года» (№ 36); въ 1877 году—33 кары, въ томъ числѣ, по Высочайшему повелѣнію была совершенно прекращена безъ объясненія мотивовъ газета «Собесѣдникъ» [5]), но это было, повидимому, недоразумѣніе, ибо въ скоромъ времени она снова разрѣшена; въ 1878 — 36 каръ, въ томъ числѣ, по Высочайшему повелѣнію, былъ совсѣмъ прекращенъ «Сѣверный Вѣстникъ» [6]), въ 1879 году—28 каръ, въ томъ числѣ въ первый разъ была примѣнена новая кара (къ газетѣ «Молва»), [7]) въ формѣ воспрещенія печатать частныя объявленія (ст. 55 пр. къ ст. 4 уст. о ценз. и печ.), а по распоряженію не министра внутреннихъ дѣлъ, а московскаго генералъ-губернатора была пріостановлена на 2 мѣсяца газета «Востокъ» [8]), въ 1880 — 11 каръ, въ томъ числѣ, по распоряженію одесскаго генералъ-губернатора, была совершенно прекращена газета «Правда»; въ 1881 — 23 кары, въ томъ числѣ газета «Страна» [9]) получила второе, а газета «Голосъ» [10]) первое предостереженіе за то, что «Страна» (№ 27), «ссылаясь на чрез-

[1]) Ibid., 1873 г., 7 іюля, № 160.
[2]) Ibid., 1874 г., 25 іюля, № 174.
[3]) Ibid., 1875 г., 27 іюля, № 166.
[4]) Ibid., 1876 г., 3 ноября, № 245.
[5]) Ibid., 1877 г., 8 янв., № 5.
[6]) Ibid., 1878 г., 7 апрѣля, № 78.
[7]) Ibid., 1879 г., 23 ноября, № 262.
[8]) Ibid., 1881 г., 5 марта, № 49.
[9]) Idib., 1881 г., 5 марта, № 49.
[10]) Ibid., 1883 г., 6 янв., № 6.

вычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ «изъ намѣченныхъ граней», а «Голосъ» (№ 69), приводя и развивая высказанныя «Страною» мысли, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть вредное вліяніе»; газета «Земство» второе предостереженіе за отношеніе «съ непозволительною рѣзкостью къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства», а газета «Фаланга» была пріостановлена на восемь мѣсяцевъ, безъ объясненія мотивовъ, по распоряженію и. д. намѣстника кавказскаго; въ 1882—19 каръ; въ 1883—10 каръ, въ томъ числѣ третье предостереженіе, съ пріостановкою на четыре мѣсяца газетѣ «Страна» [1]), за то что она, несмотря на понесенныя ею кары, «продолжаетъ упорно держаться усвоеннаго ею вреднаго направленія, выражающагося въ систематическомъ стремленіи безусловно осуждать всѣ дѣйствія и распоряженія правительства и представлять общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ въ самомъ безотрадномъ видѣ». Еще 27 августа 1882 года состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ, по которому прекращеніе періодическаго изданія *послѣ 3-го предостереженія* предоставлялось особому совѣщанію изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода. На основаніи этого положенія, въ 1883 году была совершенно прекращена газета «Московскій Телеграфъ». Въ 1884 году — 17 каръ, въ томъ числѣ, на основаніи положенія комитета министровъ отъ 27 августа 1882 года, былъ совершенно закрытъ журналъ «Отечественныя Записки» [2]). Закрытіе это сопровождалось,—единственный разъ за все время существованія русской журналистики, — длинной мотивировкой, которую, въ виду ея исключительности и важнаго значенія въ исторіи періодической печати, мы и приведемъ здѣсь полностью. Вотъ, что гласило, по этому поводу, правительственное сообщеніе:

«Нѣкоторые органы нашей періодической печати несутъ на себѣ тяжкую отвѣтственность за удручающія общество событія послѣднихъ лѣтъ. Свободой, предоставленной печатному слову, пользовались они для того, чтобы проповѣ-

---

[1]) Ibid., 1883 г., 20 марта, № 63.
[2]) Ibid., 1884 г., 20 апрѣля, № 87.

дывать теоріи, находившіяся въ противорѣчіи съ основными началами государственнаго и общественнаго строя, и, какъ извѣстно, проповѣдь эта, обращенная къ незрѣлымъ умамъ, не оставалась безплодною. Такъ было прежде и, къ сожалѣнію, это не прекратилось еще и теперь. Страницы журналовъ и газетъ извѣстнаго оттѣнка все еще отмѣчены направленіемъ, которое породило неисчислимый вредъ и связь коего съ преступными ученіями, излагаемыми въ подпольныхъ изданіяхъ, не подлежитъ сомнѣнію.

«Въ послѣднее время, при изслѣдованіи дѣятельности тайнаго общества, существовавшаго въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1879 года, а также и нѣсколькихъ попытокъ возобновить его, соединеніемъ для этой цѣли преступныхъ кружковъ второстепеннаго значенія, были выяснены факты, подтверждающіе основательность вышеупомянутаго предположенія.

«Одинъ изъ важныхъ государственныхъ преступниковъ представляя объясненія о дѣятельности своей за время существованія помянутаго тайнаго общества, говоритъ: «Литература того времени сильно способствовала поддержанію въ насъ революціоннаго духа, статьи, появлявшіяся въ журналахъ съ радикальнымъ направленіемъ, пѣли прямо въ унисонъ нашей партіи. Одна изъ наиболѣе обратившихъ на себя вниманіе статей была написана однимъ изъ членовъ исполнительнаго комитета и даже подписана буквами И. К., соотвѣтствовавшими также и заглавнымъ буквамъ его литературнаго псевдонима. Вообще, лица, занимавшіяся пропагандою, употребляли обыкновенно для своихъ цѣлей журнальныя статьи.

«Сходство не только идей, но самаго тона и манеры изложенія въ произведеніяхъ тайной печати, со многими статьями дозволенныхъ періодическихъ изданій побуждало предполагать, что сотрудники сихъ изданій не ограничиваясь только враждебною существующему порядку дѣятельностью въ области литературы, принимаютъ прямое, непосредственное участіе въ революціонной организаціи. Предположеніе это подтверждается нынѣ вполнѣ убѣдительными данными.

«Производящимся слѣдствіемъ выяснено, что занимавшій мѣсто секретаря редакціи одного изъ періодическихъ

изданій служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ членовъ преступной партіи, существовавшей въ С.-Петербургѣ, съ ихъ единомышленниками въ провинціи и за границей; дознано также, что на имя постояннаго сотрудника другого изданія, по адресу редакціи, направляемы были статьи, предназначавшіяся къ помѣщенію въ подпольныхъ изданіяхъ.

«Далѣе, изъ того же источника имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія, что въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» группировались лица, состоявшія въ близкой связи съ революціонною организаціею. Еще въ прошломъ году одинъ изъ руководящихъ членовъ редакціи означеннаго журнала подвергся высылкѣ изъ столицы за крайне возмутительную рѣчь, съ которою онъ обратился къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, приглашая ихъ къ противодѣйствію законной власти. Слѣдствіемъ, кромѣ того, установлено, что завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ того же журнала, до времени его ареста, былъ участникомъ преступной организаціи. Еще на сихъ дняхъ полиція поставлена была въ необходимость арестовать двухъ сотрудниковъ этого журнала, за доказанное пособничество съ ихъ стороны дѣятельности злоумышленниковъ. Нѣтъ ничего страннаго, что, при такой обстановкѣ, статьи самого отвѣтственнаго редактора, которыя по цензурнымъ условіямъ не могли быть напечатаны въ журналѣ, появлялись въ подпольныхъ изданіяхъ у насъ и въ изданіяхъ, принадлежащихъ эмиграціи. Присутствіе значительнаго числа лицъ съ преступными намѣреніями въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» не покажется случайнымъ ни для кого, кто слѣдилъ за направленіемъ этого журнала, внесшаго немало смутъ въ сознаніе извѣстной части общества.

«Независимо отъ привлеченія къ законной отвѣтственности виновныхъ, Правительство не можетъ допустить дальнѣйшее существованіе органа печати, который не только открываетъ свои страницы распространенію вредныхъ идей, но и имѣетъ ближайшими своими сотрудниками лицъ, принадлежащихъ къ составу тайныхъ обществъ.

«По всѣмъ симъ соображеніямъ, Совѣщаніе Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, на основаніи пункта III Высочайше утвержденнаго въ 27-й день августа 1882 года

положенія Комитета Министровъ о временныхъ правилахъ для періодической печати, *постановило*: прекратить вовсе изданіе журнала „Отечественныя Записки“ [1]).

Въ 1885 году—15 каръ, въ томъ числѣ, на основаніи того же положенія комитета министровъ, но уже безъ опубликованія какихъ бы то ни было мотивовъ, особое совѣщаніе постановило совершенно прекратить три изданія: «Свѣтъ» [2]), «Здоровье» [3]) и грузинскую газету «Дроэба» [4]). Въ 1886 году на періодическую печать наложено было всего 6 каръ, но и въ этомъ числѣ одна изъ каръ состояла въ томъ, что, по постановленію особаго совѣщанія, была совершенно прекращена газета «Заря» [5]). Въ 1887 г.—10 каръ; въ 1888—13 каръ, въ томъ числѣ журналъ «Наблюдатель» [6]) получилъ третье предостереженіе, съ пріостановкою на 6 мѣсяцевъ, за стихотвореніе Фофанова «Таинство любви» (№ 3); въ 1889—10 каръ, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, была совершенно прекращена «Сибирская Газета» (издававшаяся въ Томскѣ) [7]), и получилъ предостереженіе «Вѣстникъ Европы» [8]) за статью В. С. Соловьева «Очерки по исторіи русскаго сознанія»; въ 1890 — 8 каръ; въ 1891 — 14 каръ; въ 1892 — 10 каръ; въ 1893 — 9 каръ, въ томъ числѣ одна необыкновенная: въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было объявлено, что за статьи «Новаго Времени» [9]) (№№ 6368 и 6370), содержащія «дерзкое и лишенное всякаго основанія порицаніе закона о морскомъ цензѣ», редакціи «Новаго Времени» «министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ строгое внушеніе, о чемъ другія газеты, въ предотвращеніе чего-либо подобнаго, поставляются въ извѣстность»; въ 1894 — 5 каръ; въ 1895 — 7 каръ, въ томъ числѣ, по рѣшенію особаго совѣщанія была совершенно прекращена газета «Русская Жизнь» [10]), въ 1896—6 каръ; въ 1897—27 каръ,

---

[1]) „Правительственный Вѣстникъ“, 20 апрѣля 1884 года, № 87.
[2]) Ibid. 1885 г. 10 января, № 8.
[3]) Ibid. } 1885 г. 17 сентября, № 203.
[4]) Ibid. }
[5]) Ibid. 1886 г. 30 ноября, № 263.
[6]) Ibid. 1888 г. 15 мая, № 104.
[7]) Ibid. 1889 г. 26 января, № 21.
[8]) Ibid. 1889 г. 16 декабря, № 276.
[9]) Ibid. 1893 г. 2 декабря, № 267.
[10]) Ibid. 1895 г. 21 января, № 17.

въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, былъ совершенно прекращенъ журналъ «Новое Слово» [1]); въ 1898—29 каръ, въ томъ числѣ было объявлено предостереженіе газетѣ «Міровые Отголоски» [2]) за «легкомысленное и вредное направленіе, выразившееся въ статьѣ «Дополнительные крестьянскіе надѣлы» (7 января) и, по постановленію особаго совѣщанія, прекращена совершенно армянская газета «Ардзагангъ» [3]); въ 1899 — 24 кары, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, были совершенно прекращены журналы «Начало» [4]) и «Русскій Трудъ» [5]); въ 1900—4 кары, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, была совершенно прекращена газета «Сѣверный Курьеръ» [6]); въ 1901 — 13 каръ, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, былъ совершенно прекращенъ журналъ «Жизнь» [7]); въ 1902—15 каръ, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, была совершенно прекращена газета «Россія» [8]); въ 1903—27 каръ, въ томъ числѣ, по распоряженію главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ, пріостановлены на 2 мѣсяца газеты «Мшакъ» и «Новое Обозрѣніе» и воспрещено на тотъ же срокъ печатаніе разсужденій, указанныхъ въ ст. 97 и 98 уст. о ценз. и печ. газетѣ «Тифлисскій Листокъ». Въ январѣ 1904 года, когда мы пишемъ эти строки, на періодическую печать наложено 3 кары, въ томъ числѣ, по постановленію особаго совѣщанія, совершенно прекращена газета «Русская Земля» [9]).

Дѣлая нѣкоторые подсчеты наложенныхъ на періодическую печать каръ, мы получимъ такіе результаты: въ теченіе XIX вѣка, до 1862 г. (по нашей терминологіи «доисторическій періодъ»), было совершенно прекращено 8 періодическихъ изданій, а затѣмъ, въ теченіе «историческаго періода» (1862—1904 г.), дѣло обстояло слѣдующимъ образомъ: всѣхъ каръ

---

[1]) Ibid. 1897 г. 17 декабря, № 274.
[2]) Ibid. 1898 г. 11 января, № 8.
[3]) Ibid. 1898 г. 27 мая, № 111.
[4]) Ibid. 1899 г. 29 іюня, № 138.
[5]) Ibid. 1899 г. 11 ноября, № 247.
[6]) Ibid. 1900 г. 23 декабря, № 286.
[7]) Ibid. 1901 г. 9 іюня, № 124.
[8]) Ibid. 1902 г. 22 февраля, № 44.
[9]) Ibid., 1903 г. 5 января, № 4

было за это время наложено 608, причемъ совершенно прекращено (по Высочайшему повелѣнію, по рѣшенію государственнаго совѣта, по постановленію особаго совѣщанія четырехъ министровъ и по распоряженію высшей администраціи въ провинціи)—26 періодическихъ изданій. Объявлено предостереженій: первыхъ—119; вторыхъ—89; третьихъ—57, съ пріостановкою всего въ суммѣ на 220 мѣсяцевъ 3 недѣли и 2 дня или 18 лѣтъ 4 мѣсяца 3 недѣли и 2 дня. Безъ обозначенія мотивовъ періодическія изданія были пріостанавливаемы 93 раза всего въ суммѣ на 412 мѣсяцевъ и 10 дней или на 34 года 4 мѣсяца и 2 дня. (Сюда не входятъ такіе случаи, какъ, напр., съ «Курской Газетой», пріостановленной въ 1903 году «впредь до пріисканія новаго отвѣтственнаго редактора»). Такимъ образомъ *всего* періодическія изданія за 41 годъ «историческаго періода» своего существованія были пріостановлены *на 52 года, 8 мѣсяцевъ и 4 дня*. Воспрещеніе розничной продажи налагалось 191 разъ, печатаніе частныхъ объявленій — 28 разъ. Сверхъ того, два раза на періодическія изданія налагались особыя кары: на «Архивъ Судебной Медицины» — уничтоженіе, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, напечатанной статьи и увольненіе отъ должности редактора (о томъ и другомъ было офиціальное объявленіе) и на «Новое Время»—«строгое внушеніе» газетѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, по Высочайшему повелѣнію или по рѣшенію комитета министровъ, изъ періодическихъ изданій вовсе не увидѣли свѣта выпуски VII и IX, издававшагося въ Москвѣ, журнала «Бесѣда», № 5 «Отечественныхъ Записокъ» за 1874 годъ (за статьи: «Рекрутскій наборъ» Кроткова, «Очень маленькій человѣкъ» Гл. Успенскаго и «Литературныя и журнальныя замѣтки» Н. К. Михайловскаго), сентябрьская книжка журнала «Слово» за 1878 годъ (ст. «Вольтеръ» и др.) и апрѣльская книжка журнала «Начало» за 1899 годъ (большая часть статей).

IV.

Заговоривши о не увидѣвшихъ вовсе свѣта отдѣльныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, остановимся въ заключеніе нашей статьи и на тѣхъ изъ непе, періодическихъ

изданіяхъ, которыя постигла такая же судьба. Мы уже говорили, что, согласно закону 6 апрѣля 1865 года, книги — оригинальныя не менѣе десяти листовъ и переводныя не менѣе двадцати листовъ,— могли печататься въ обѣихъ столицахъ безъ предварительной цензуры. За выпускъ въ свѣтъ сочиненій, признаваемыхъ вредными, авторы и издатели должны были подвергаться отвѣтственности исключительно по суду; за администраціей же было оставлено право, и то лишь «въ чрезвычайныхъ случаяхъ», наложенія предварительнаго ареста на такое сочиненіе. «Въ тѣхъ *чрезвычайныхъ случаяхъ*,— гласилъ законъ,—когда, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія, наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія *не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ тоже самое время судебное преслѣдованіе виновнаго*». На практикѣ, однако, судебныхъ дѣлъ этого рода даже и въ шестидесятыхъ годахъ было очень немного. Первымъ изъ нихъ явилось разсматривавшееся 19 ноября 1865 г. въ «особомъ присутствіи с.-петербургской уголовной палаты» дѣло П. А. Бибикова. Приводимъ въ сокращенномъ, конечно, видѣ любопытный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, помѣщенный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1865 годъ.

«19-го ноября въ часъ пополудни,— пишетъ газета,— небольшая пріемная комната с.-петербургской уголовной палаты была биткомъ набита публикою, почти исключительно высшаго класса, въ мундирахъ и безъ мундировъ, съ билетами и безъ билетовъ. Въ числѣ посѣтителей находились генералы, сенаторы, статсъ-секретари, духовныя лица, литераторы и дамы. Въ палатѣ въ этотъ день должно было судиться въ особомъ присутствіи нѣсколько дѣлъ о преступленіяхъ противъ законовъ о печати, въ томъ числѣ дѣло о бывшемъ офицерѣ генеральнаго штаба П. А. Бибиковѣ, привлеченномъ къ отвѣтственности за изданіе въ свѣтъ книги подъ заглавіемъ «Критическіе этюды. С.-Петербургъ. 1865 г. Въ типографіи Глазунова, 288 страницъ». Сначала производился въ присутствіи при закрытыхъ дверяхъ докладъ о преданномъ суду кандидатѣ московскаго университета Блюммерѣ, за изданіе заграницею журналовъ «Сво-

бодное Слово» и «Европеецъ». Блюммеръ являлся въ качествѣ арестанта и изъ палаты отправленъ обратно въ тюрьму. Затѣмъ открылись двери присутствія и дожидавшіеся въ пріемной наполнили собою небольшую комнату, въ которой происходятъ засѣданія». Самъ Бибиковъ не явился и разсмотрѣніе дѣла началось безъ него. «Главныя данныя дѣла состоятъ въ слѣдующемъ: книга Бибикова, изданная въ количествѣ 1,600 экземпляровъ, безъ цензуры, обращавшаяся долгое время свободно въ продажѣ, состоитъ изъ семи разнородныхъ статей: о логикѣ Милля, объ утопіи Фурье, о теоріи Дарвина, по поводу Ломоносовскаго юбилея и по поводу комедіи Островскаго: «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Несмотря на это разнообразіе содержанія, въ сочиненіи Бибикова можно подмѣтить двѣ сосьянтныя черты: во-первыхъ, онъ сочувствуетъ ученію Фурье, во-вторыхъ, написавъ на щитѣ своемъ «женская эмансипація», онъ вездѣ и при всякомъ случаѣ берется преломлять копья за совершенную и безусловную равноправность женщины съ мужчиной, причемъ, конечно, подвергается критикѣ и самый бракъ въ той его формѣ, въ которой онъ сложился исторически у современныхъ образованныхъ народовъ обоихъ полушарій. Всѣ симпатіи г. Бибикова въ драмѣ Островскаго не на сторонѣ мѣщанина Краснова, убивающаго невѣрную жену, но на сторонѣ убиваемой имъ жены, влюбившейся въ помѣщика Бабаева. Г. Бибиковъ считаетъ ревность недостойнѣйшимъ изъ чувствъ человѣка и думаетъ, что это чувство исчезнетъ, когда женщина сдѣлается равна мужчинѣ. Г. Бибиковъ преданъ суду не за свое сочувствіе Фурье, но за свои мысли и мнѣнія о супружеской нравственности, а именно: 1) за прямое оспариваніе и порицаніе семейнаго союза, съ цѣлью разрушить его основы и 2) за свои стремленія подорвать христіанскія понятія о брачномъ союзѣ и нравственности, въ особенности же поколебать форму брака моногамическаго. Страницы книги, на которыя особенно ссылалось обвиненіе, были 74—76, 165—167 и 177—180. При слѣдствіи Бибиковъ въ письменномъ отзывѣ показалъ, что онъ не только не имѣлъ намѣренія подорвать основы семейнаго союза, но и считаетъ безумнымъ всякаго, кто бы питалъ подобное намѣреніе и совѣтовалъ перемѣнить жизнь людей на жизнь животныхъ; что онъ не пере-

носилъ своихъ изслѣдованій на религіозную почву, если же и касался законодательной стороны брака, то пользовался только правомъ, дарованнымъ въ § 16-мъ ст. IV правилъ о судѣ въ дѣлахъ печати, гдѣ сказано: «Не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила, и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей». Г. Бибиковъ проситъ, чтобы судъ обратилъ вниманіе не на одни только отрывочныя его выраженія, но на духъ его книги и на вѣрность приводимыхъ въ нихъ фактовъ. При повальномъ обыскѣ, спрошенные подъ присягою, знакомые Бибикова князь Голицынъ и Пушкаревъ поведеніе его одобрили, отзываясь, что считаютъ его хорошимъ гражданиномъ. При обыскѣ въ квартирѣ Бибикова ничего подозрительнаго не найдено. Приставъ Казанской части наложилъ арестъ на оставшіеся нераспроданными экземпляры книги, на что Бибиковъ жаловался палатѣ. Въ заключеніе доклада прочитаны были статьи закона, которыя обвиняющая сторона требуетъ примѣнить къ Бибикову, а именно 3 п. § 9, ст. IV о судѣ по дѣламъ печати, гдѣ сказано: за прямое оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности или семейнаго союза, съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы при томъ не было возбужденія къ совершенію преступленія, виновный подвергается денежному взысканію не свыше 300 р. и аресту не свыше 6-ти недѣль или же, по усмотрѣнію суда, одному изъ этихъ наказаній, и 1356 ст. улож. о нак., въ которой сказано: если кто-либо будетъ тайно отъ цензуры печатать или инымъ образомъ издавать въ какомъ бы то ни было видѣ, или же распространять сочиненія, имѣющія цѣлью развращеніе нравовъ или явно противныя нравственности и благопристойности, тотъ подвергается за сіе денежному взысканію отъ 100 до 500 руб. или аресту на время отъ 3 до 7-ми мѣсяцевъ. Состоялось ли судебное рѣшеніе по этому дѣлу; или оно отложено до другого засѣданія палаты — неизвѣстно» [1]).

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 20 ноября 1865 г., № 306.

Въ дѣйствительности, приговоръ о Бибиковѣ состоялся и гласилъ въ резолютивной своей части слѣдующее:

«Особое присутствіе с.-петербургской уголовной палаты опредѣляетъ: 1) отставного штабсъ-капитана Петра Алексѣева Бибикова, за напечатаніес очиненія, заключающаго въ себѣ порицаніе и оспариваніе началъ семейнаго союза, съ цѣлью поколебать ихъ основы, подвергнуть аресту на гауптвахтѣ на семь дней; 2) незаконныя распоряженія слѣдователя по сему дѣлу передать на разсмотрѣніе 2-го департамента управы благочинія; 3) неправильно остановленную продажу экземпляровъ сочиненія Бибикова разрѣшить. Рѣшеніе это объявить Бибикову на правѣ апелляціи и затѣмъ привести въ исполненіе, а дѣло сдать въ архивъ» [1]).

Въ 1866 году въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось чрезвычайно интересное дѣло по обвиненію А. С. Суворина въ изданіи книги «Всякіе». Приговоръ по этому дѣлу былъ напечатанъ 10-го сентября того же года въ «Судебномъ Вѣстникѣ» (газетѣ министерства юстиціи) и затѣмъ перепечатанъ въ другихъ изданіяхъ. Мы заимствуемъ его цѣликомъ изъ «Судебнаго Вѣстника».

„Приговоръ с.-петербургскаго окружного суда по дѣлу автора книги „Всякіе. Очерки современной жизни“ Суворина. 1866 г., августа 18-го дня. По указу его Императорскаго Величества, с.-петербургскій окружной судъ, въ 3-мъ отдѣленіи, въ слѣдующемъ составѣ: г. товарищъ предсѣдателя В. С. Панафидинъ, гг. члены: П. И. Миловецкій, П. П. Веселовскій, при секретарѣ В. А. Желеховскомъ, при г. товарищѣ прокурора А. А. Стадольскомъ, слушалъ дѣло о губернскомъ секретарѣ Алексѣѣ Суворинѣ, авторѣ и издателѣ сочиненія «Всякіе. Очерки современной жизни».

«Изъ обвинительнаго акта видно, что губернскій секретарь Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, авторъ и издатель сочиненія «Всякіе», преданъ суду: 1) за напечатаніе оскорбительныхъ и направленныхъ къ поколебанію общественнаго довѣрія отзывовъ о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ установленій; 2) за одобреніе и оправданіе воспрещенныхъ закономъ дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ

---

[1]) „Журналъ Министерства Юстиціи“, 1866 г., т. XXVII, отд. V 205—207.

нимъ неуваженіе, и въ 3) за оскорбительные отзывы о высшемъ слоѣ общества, и что первыя 16 главъ, которыя были напечатаны съ разрѣшенія цензуры въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1865 годъ, подлежатъ разсмотрѣнію суда только въ отношеніи добавленныхъ мѣстъ и выраженій, не помѣщенныхъ въ первоначальной редакціи, а остальныя 15 главъ подлежатъ разсмотрѣнію всецѣло. По соображенію обвиненія, взведеннаго на губернскаго секретаря Суворина, съ содержаніемъ книги «Всякіе», окружной судъ нашелъ, что книга эта написана именно съ тою цѣлью, чтобы поколебать общественное довѣріе къ правительству, и заключаетъ въ себѣ рѣзкое порицаніе существующаго порядка вещей и сожалѣніе о неуспѣшности попытокъ ввести новый порядокъ, задуманный лицами, образъ мыслей и дѣйствій которыхъ признанъ правительствомъ вреднымъ, и которыя подвергнуты законному преслѣдованію. Книга эта заключаетъ въ себѣ: 1) оскорбительные и направленные къ поколебанію общественнаго довѣрія отзывы о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ установленій; одобреніе и оправданіе воспрещенныхъ законами дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе и 3) оскорбительные отзывы о дворянскомъ сословіи. Доказательствомъ сему служатъ слѣдующія мѣста и выраженія, помѣщенныя въ книгѣ «Всякіе», а именно, по 1-му пункту обвиненія, въ главахъ XI, XII и XIV: а) мѣсто, гдѣ у Излера Людмила Ивановна указываетъ князю Щебынину на редактора одной изъ газетъ, служившаго всѣмъ министерствамъ и получившаго потомъ теплое мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ (стр. 75); б) мѣсто, гдѣ агентъ секретнаго полицейскаго надзора хвастаетъ своими гнусными продѣлками и заявляетъ сожалѣніе о томъ времени, когда при розыскахъ допускались пытки (стр. 82) и в) мѣсто, гдѣ авторъ, выбирая одного изъ генераловъ, и по его выраженію, не изъ числа тѣхъ, которыхъ купцы нанимаютъ на свадьбы, а состоящаго при одномъ изъ важныхъ правительственныхъ лицъ, заставляетъ его дѣйствовать, какъ подлеца, потерявшаго всякое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ (стр. 106, 107 и 111). Упомянутыя мѣста, не помѣщенныя въ первоначальной редакціи, явно имѣютъ цѣлью самое рѣзкое порицаніе правительства, выставляя его подкупающимъ редакторовъ газетъ, ввѣряющимъ высокія и

важныя должности бездарнымъ и подлымъ людямъ и потворствующимъ всякаго рода гнусностямъ, выборомъ для секретнаго надзора столь низкихъ личностей. Въ главѣ XXIII мѣсто, гдѣ Ильменевъ говоритъ о редакторахъ: «Вамъ вѣдь позволь только, вы и на самомъ дѣлѣ напишете такую нелѣпость, что страна требуетъ себѣ правъ» (стр. 193), и въ главѣ XXIX мѣста на стр. 249, 250 и 251 даютъ понять, что въ новыхъ правилахъ о печати правительство, даруя будто свободу печатному слову, въ дѣйствительности сохранило прежнія стѣсненія, замѣнивъ бывшихъ цензоровъ редакторами, разсчитывая на то, что они, въ огражденіе своихъ интересовъ, будутъ строже цензоровъ. По второму пункту. Въ I главѣ мѣсто, гдѣ авторъ, послѣ отвѣта князя Щебынина на вопросъ Мери Приваловой, «зачѣмъ эти прокламаціи», восхваляетъ князя за то, что онъ защищалъ молодежь, въ средѣ которой онъ прежде имѣлъ знакомыхъ, которыхъ «вихрь и время разметало по разнымъ угламъ, въ Архангельскъ, Вологду, Пермь и другіе еще болѣе мирные пріюты всяческой плесени, гдѣ общество даже и до того не додумалось, что губернаторъ можетъ быть глупцомъ и взяточникомъ». Авторъ кончаетъ главу, выражая, что духъ демократизма, какъ капля воды, выдалбливающая камень, когда-нибудь восторжествуетъ. Упомянутое мѣсто ясно показываетъ, что похвала автора князю Щебынину выражаетъ сочувствіе къ лицамъ, подвергшимся преслѣдованіямъ со стороны правительства. Въ XXII главѣ авторъ, вспоминая о времени, «такъ недавно пропѣвшемъ хоромъ свою пѣсню», противопоставляетъ ему страшныя картины казни, плети, кнутъ (стр. 189). Описаніе процессіи на могилу Грановскаго, Тверской площади передъ домомъ губернатора, петербургской студенческой исторіи, времени прокламацій, въ которое Ильменевъ самъ пытался распространять листки (стр. 183), авторъ, въ видѣ контраста, сопоставляетъ описаніе исполненія приговора надъ политическимъ преступникомъ и негодуетъ на толпу, которая не отличаетъ его отъ другихъ преступниковъ и выражаетъ свое сожалѣніе: «Христа ради, скаля безжалостно зубы, какъ голодный звѣрь (стр. 188 и 189); слышится безотрадный плачъ и стонъ женъ и матерей, а надо всѣми виситъ Дамокловъ мечъ, разбивающій тѣло, но безсильный умертвить мысль» (стр. 189). Содержаніе этой

главы заканчивается словами Ильменева: «Облекаться въ мундиръ благонамѣренности — тошно, иронизировать, смѣяться, становыхъ отрицать—и такъ есть много охотниковъ» (стр. 189), не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ сочувствія, питаемаго авторомъ къ дѣлу агитаторовъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, которое выставляется безжалостнымъ и звѣрскимъ. — Въ XXVII главѣ, описывая земское собраніе, авторъ хотя косвенно, но выражаетъ сочувствіе къ мысли о центральномъ земскомъ собраніи (стр. 239), не одобренной правительствомъ, и, смѣясь надъ безуспѣшностью результатовъ въ преніи собранія, говоритъ: «Развѣ мы въ Турціи? У насъ, слава Богу, на такія вещи смотрятъ снисходительно; нашумите, полиберальничайте, милыя дѣти, это даетъ моціонъ легкимъ» (стр. 244). По 3-му пункту. Въ главѣ XIX авторъ позоритъ дворянство обстоятельствами (стр. 149), которыя обусловливались временемъ и низкимъ уровнемъ нравственнаго развитія общества, но которыя въ настоящее время лишены всякаго смысла, а потому оскорбительны для всего дворянства, тѣмъ болѣе, что, сопоставляя сему послѣднему земство, авторъ приписываетъ ему одному всю честь спасенія отечества; это доказывается тѣмъ, что, говоря о Мининѣ, авторъ не упоминаетъ о Пожарскомъ. Все вышеизложенное вполнѣ изобличаетъ губернскаго секретаря Суворина, автора сочиненія «Всякіе. Очерки современной жизни», въ преступныхъ дѣйствіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ статьяхъ 1035 и 1040 улож., за что онъ и подлежалъ бы по совокупности сихъ преступныхъ дѣяній, на основаніи 7 пункта 152 ст. улож., тюремному заключенію въ высшей мѣрѣ, опредѣленной ст. 1035 улож., но, имѣя въ виду, что прокурорскій надзоръ требовалъ лишь заключенія его въ тюрьмѣ на два мѣсяца, на томъ основаніи, что подсудимый понесъ уже убытокъ по случаю наложенія ареста на все изданіе его сочиненія, судъ нашелъ возможнымъ подвергнуть губернскаго секретаря Суворина заключенію въ тюрьмѣ въ низшей мѣрѣ, опредѣленной 1035 ст., т.-е. по 3 степени 38 ст. улож.; затѣмъ принимая въ соображеніе преступное и вредное направленіе книги «Всякіе. Очерки современной жизни», судъ, на основаніи 1045 ст. улож., призналъ необходимымъ подвергнуть ее уничтоженію, а потому постановилъ: губернскаго секретаря Алексѣя Сергѣевича Суворина, 31 года,

виновнаго въ напечатаніи книги «Всякіе. Очерки современной жизни», заключающей въ себѣ оскорбительные и направленные къ поколебанію общественнаго довѣрія отзывы о постановленіяхъ и распоряженіяхъ правительственныхъ установленій, одобреніе и оправданіе воспрещенныхъ законами дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ нимъ неуваженіе и оскорбительные отзывы о дворянскомъ сословіи, на основаніи ст. 1035, 1040, 7 пункта 152 и 3 степени 38 ст. улож., заключить въ тюрьму на два мѣсяца, а книгу «Всякіе. Очерки современной жизни», напечатанную въ количествѣ тысячи пятисотъ экземпляровъ, на основаніи ст. 1045 уложенія, уничтожить» [1].

Черезъ недѣлю послѣ приговора надъ г. Суворинымъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось литературное дѣло, обвиняемыми по которому явились А. Н. Пыпинъ и Ю. Г. Жуковскій. Мы заимствуемъ изъ «Судебнаго Вѣстника» вкратцѣ содержаніе этого дѣла и состоявшійся по нему приговоръ суда.

«1866 г. августа 25 дня. По указу Е. И. В., с.-петербургскій окружный судъ въ 1 отдѣленіи слушалъ дѣло о бывшемъ отвѣтственномъ редакторѣ журнала «Современникъ», состоящемъ въ VIII классѣ *Александрѣ Пыпинѣ* и авторѣ статьи «Вопросъ молодого поколѣнія», помѣщенной въ № 3 сего журнала за 1866 г., надворномъ совѣтникѣ *Юліи Жуковскомъ*, обвиняемыхъ въ нарушеніи постановленій закона, а именно, изображеннаго въ 1039 и 1040 ст. улож., о наказ., а именно; 1) въ разглашеніи о дворянскомъ сословіи такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить чести и достоинству сего сословія и 2) въ употребленіи противъ дворянскаго сословія такихъ оскорбительныхъ отзывовъ, которые заключаютъ въ себѣ злословіе и брань. Обвиненіе въ нарушеніяхъ этихъ раздѣлено на три категоріи, изъ которыхъ первая обнимаетъ разсужденіе автора о *прошломъ* дворянствѣ, вторая относится къ разсужденіямъ о *настоящемъ* положеніи дворянства и, наконецъ, третья заключаетъ въ себѣ разсужденія, относящіяся къ *будущему* положенію дворянъ.

По изслѣдованіи дѣла (подробно напечатаннаго въ «Судебномъ Вѣстникѣ»), судъ опредѣлилъ: «Бывшаго отвѣт-

---

[1] „Судебный Вѣстникъ“, 1866 г., № 36.

ственнаго редактора журнала «Современникъ» Александра Пыпина 33 лѣтъ и надворнаго совѣтника Юлія Жуковскаго 33 лѣтъ, по отсутствію въ статьѣ «Вопросъ молодого поколѣнія» обстоятельствъ, могущихъ повредить чести и достоинству дворянскаго сословія, а также оскорбительныхъ отзывовъ о дворянскомъ сословіи, выражающихъ злословіе или брань, на основаніи 1 пункта 771 ст. уст. угол. судопр., признать оправданными» [1].

Этотъ приговоръ былъ, однако, въ октябрѣ того же года отмѣненъ петербургскою судебною палатою, которая приговорила гг. Пыпина и Жуковскаго къ аресту на гауптвахтѣ.

12 декабря 1866 года былъ изданъ законъ, которымъ литературныя дѣла (кромѣ частныхъ) передавались изъ вѣдѣнія окружныхъ судовъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ. На основаніи этого закона, въ 1867 году былъ, между прочимъ, преданъ суду петербургской судебной палаты подполковникъ генеральнаго штаба Н. В. Соколовъ, за изданіе имъ книги «Отщепенцы». По рѣшеніи суда книга эта была уничтожена, а самъ Соколовъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на 16 мѣсяцевъ. Отчета объ этомъ процессѣ въ газетахъ не появлялось [2].

Таковы главные литературные процессы, имѣвшіе мѣсто во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ихъ было немного (сверхъ указанныхъ были еще дѣла Гайдебурова, Павленкова, Ткачева [3]) и др.), но вскорѣ они и совершенно прекратились.

Высочайше утвержденнымъ 7-го іюня 1872 года мнѣніемъ государственнаго совѣта право запрещать выходъ въ свѣтъ сочиненій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры

---

[1]) Тотъ же № „Судебнаго Вѣстника" за 1866 годъ.

[2]) Отчетъ объ этомъ дѣлѣ былъ напечатанъ лишь въ неофиціальномъ изданіи, носящемъ названіе „Матеріалы, собранные особой комиссіей 2 ноября 1869 года для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати". ч. III. СПБ. 1870 г.

[3]) Объ интересномъ дѣлѣ П. Н. Ткачева, обвинявшагося въ снабженіи предисловіемъ и примѣчаніями изданной подъ его редакціею книги Эрнеста Бекера „Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи и средства къ его разрѣшенію" см. отчетъ, помѣщенный въ №№ 193 и 194 „Правительственнаго Вѣстника" за 1871 годъ.

было передано изъ вѣдѣнія судебныхъ установленій въ вѣдѣніе комитета министровъ. Съ тѣхъ поръ ни одного «литературнаго дѣла» въ вышеизложенномъ смыслѣ въ Россіи больше не было.

Еще до изданія закона 7 іюня 1872 года бывали случаи уничтоженія книгъ и внѣ судебнымъ порядкомъ, по особымъ повелѣніямъ (переводъ книги Верморели «Жанъ Мара», второй томъ Лассаля и нѣкоторыя другія), но случаи эти были сравнительно рѣдки. Съ изданіемъ же упомянутаго закона количество уничтоженныхъ книгъ стало значительно возрастать. Въ помѣщенной, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза, моей статьѣ «Цензурныя взысканія», списокъ уничтоженныхъ съ 1872 года по настоящее время книгъ помѣщенъ мною съ возможною, хотя, вѣроятно, далеко не совершенною, полнотою. Свѣдѣнія объ этомъ же предметѣ появились затѣмъ и въ книгѣ К. К. Арсеньева, «Законодательство о печати», откуда перепечатаны разнообразными изданіями. Все это даетъ мнѣ основаніе привести и здѣсь списокъ уничтоженныхъ книгъ въ хронологическомъ порядкѣ: Гарридо—«Современная Испанія». Переводъ съ нѣмецкаго; Лассаль—Сочиненія. Переводъ Зайцева. Изданіе Н. Н. Полякова; Давидъ Штраусъ—«Вольтеръ, его жизнь и сочиненія». Лекціи, читанныя при Гессенъ-Дармштадскомъ дворѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. подъ редакціею Н. Н. Страхова: Вольтеръ—«Философія исторіи». Переводъ Зайцева; Шерръ «Историческія характеристики и этюды». Переводъ М. А. Антоновича, т. I, изд. Полякова: Томасъ Гоббзъ—«Левіаѳанъ или о сущности. формѣ и власти государства». Переводъ съ англійскаго Автократова и Зайцева. Изд. Полякова; Флеровскій «Положеніе рабочаго класса въ Россіи». Наблюденія и изслѣдованія; «Записки идеалистки между двумя революціями 1838—1848 г.г.». Мемуары женщины Германіи сороковыхъ годовъ. Перев. съ французскаго М. К. Цебриковой: Артуръ Бутъ — «Біографія и дѣятельность Роберта Овена. основателя соціализма въ Англіи автора книгъ «Образованіе человѣческаго характера» и «Новый нравственный міръ». Перев. съ англійскаго: Арманъ Каррель—томъ второй. Статьи историческія и политическія. Изд. Н. А. Тиблена: Вильгельмъ Мюллеръ (профессоръ Тюбингенскаго университета—«Политическая исторія новѣй-

шаго времени»; Луи Блanъ — «Исторія февральской революціи 1848 г.» т. I. изд. Гриднона и Рождественскаго; «Сборникъ на 1871 годъ». Изд. редакціи журнала «Библіотека». (Статьи: «Хорошее семейство» и «Подвинье и Поднѣпровье»; Евгеній Утинъ — «Франція 1871 года». Политическіе эскизы; Гербертъ Спенсеръ — «Соціальная статистика, изложеніе соціальныхъ законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества». Переводъ съ англійскаго. Изд. Полякова; Россель—«Посмертныя записки, сочиненія и письма, собранныя и приведенныя въ порядокъ Жюлямъ Амигомъ». Перев. съ французскаго подъ редакціей Н. Павловскаго; Бюхнеръ—«Откуда мы, кто мы, куда мы». Перев. съ нѣмецкаго. Изд. Деспотъ-Зеновича; Радищевъ — «Сочиненія». Томъ I и II. Съ портретомъ автора и статьею «о жизни и сочиненіяхъ Радищева» А. П. Пятковскаго. Редакція П. А. Ефремова. Изд. книжнаго магазина Черкесова; «Изслѣдованія по текущимъ вопросамъ». СПБ. Въ типографіи Нусвальдта 1872 года; «Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ». СПБ. Въ типографіи А. М. Котомина. 1871 года; М. Ф. Прянишниковъ—«Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное»; Эрнестъ Геккель (Профессоръ Іенскаго университета) — «Естественная исторія міровданія». Переводъ со второго нѣмецкаго изданія А. Я. Герда; Лекки — «Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ». Переводъ съ англійскаго А. Н. Пыпина. Изд. Полякова; Лекки — «Исторія нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго». Переводъ съ англійскаго. Томъ I, выпускъ I. Изд. А. С. Гіероглифова; А. Корневъ—«Безъ языка» (Внѣ колеи). Романъ въ 4 книгахъ. Томъ I—въ двухъ книгахъ; Дидро — «Романы и повѣсти». Переводъ съ французскаго В. Зайцева; Д. И. Писаревъ—«Сочиненія». ч. 4-я и 7-я. Изд. 2-е. СПБ. 1872; Швейцеръ—«Люцинда». Романъ, перев. съ нѣмецкаго; Ланжале и Карре — «Исторія революціи 18 марта». Перев. съ французскаго подъ редакціей А. Михайлова. СПБ. 1873 г. (Должно быть часть вторая, потому что часть первая этой книги вышла свободно въ свѣтъ въ 1872 году. *В. Б.*); Бибиковъ—«Отъ колыбели до могилы—мужчина и женщина». Картины и очерки публичной семейной жизни современнаго русскаго общества. Въ двухъ книгахъ; М. А. Филипповъ—«Скорбящіе». Романъ. Въ 2-хъ ча-

стяхъ: Нейманъ — «Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ». Т. II-й. Перев. съ нѣмецкаго: А. М. Скабичевскій— «Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ 1825—1860 г.»; Алферьевъ—«Женское движеніе въ Европѣ и Америкѣ, съ приложеніемъ библіографическаго указателя книгъ и статей по женскому вопросу»; В. Ю. Скалонъ—«Артели на Руси»; Лоренцъ Штейнъ—«Исторія соціальнаго движенія Франціи съ 1789 года». Томъ I-й. Основное понятіе общества и соціальная исторія французской революціи до 1830 года. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія: «Современные вопросы». Выпускъ первый. СПБ. 1873 г.: «Объ отношеніи господъ къ прислугѣ и о мировомъ институтѣ». Москва 1874 года; Библіотека переводовъ. Выпускъ 3-й. Эмиль Золя—«Подачка собакамъ». Изд. Карбасникова; «Лучъ». Учено-литературный сборникъ, т. II., Изд. Ткачева: Лобановъ—«Наука о любви». Въ 2-хъ частяхъ: Геттнеръ—«Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка». Томъ III-й, книга 2-я. Вѣкъ Фридриха Великаго. Переводъ съ нѣмецкаго Павла Борисова; Н. Александровъ—«Пропалъ». Романъ изъ быта сельскаго духовенства и раскольниковъ: Эдгаръ Кине — «Новый духъ». Перев. съ французскаго. Изд. А. А. Жемчужникова и А. П. Коломнина; С. С. Шашковъ—«Женское дѣло въ Америкѣ»; «Мысль и трудъ». Чтеніе для юношества. Томъ I. Спб. 1876 года; «Будивля свита». Метаморфозъ Овидія Назона. Перевивъ простомолвою К. Шейковскій. Бобруйске 1875 року; Іоганъ Шерръ —«Человѣческая трагикомедія». Очерки и картины. Переводъ съ нѣмецкаго; Мордовцевъ— «Славянскія драмы». СПБ. 1877 г.; «Дѣло капитана Лукина»; Н. П. Даниловъ — «Земля, рабочій трудъ и капиталъ въ русской сельско-хозяйственной промышленности»; «Вятская незабудка». Памятная книжка Вятской губерніи на 1878 г. Неофиціальное изданіе; Стенографическій отчетъ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи (такъ называемый процессъ 193-хъ. *В. Б.*); Шашковъ —«Общедоступный календарь на 1879 годъ»; Георгъ Финлей —«Исторія Византійской и Греческой Имперіи съ 716 по 1453 годъ»; Въ 2-хъ частяхъ. Часть первая; Густавъ Флоберъ «Искушеніе пустынника». Переводъ С. Якубовича; Геккель «Исторія племенного развитія организмовъ». Перев. съ нѣмецкаго О. Ф. Лаунацъ, подъ редак- Шопенгауэра съ приложеніемъ избранныхъ мѣстъ изъ сочи-

ціею профессора Э. К. Брандта; Александръ Соколовъ—«Возмутительницы или кто же тутъ соціалисты?»—юмористическій романъ изъ временъ непониманія другъ друга; П. И. Макѣевъ и С. И. Харитоновъ—«Женщины-грѣшницы»; А. С. Пругавинъ—«Расколъ внизу и расколъ вверху». Очерки современнаго сектантства. Изд. Суворина; Николай Минскій—«Стихотворенія 1877—1882 гг.». Изд. О. И. Бапста; «Документы и матеріалы по исторіи противоеврейскихъ безпорядковъ 1881—1883 г., вып. I-й; Гиляровъ-Платоновъ—«пятнадцать лѣтъ крамолы» (изъ фельетоновъ, печатавшихся авторомъ въ газетѣ «Современныя извѣстія» *В. Б.*); А. И. Чанцевъ—«Петербургъ». Бытовые этюды. СПБ. 1884 г.; С. А. Венгеровъ — «Исторія новѣйшей русской литературы» (отъ смерти Бѣлинскаго до нашихъ дней). ч. I-я. Конечные годы дореформенной эпохи (1848—1855 г.); Е. М. Ждановъ—«Всемірная Иліада». Опытъ исторической хрестоматіи въ стихотвореніяхъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ; Вл. Гиляровскій—«Трущобные люди». Этюды съ натуры; Мантегацца—«Гигіена любви», переводъ съ французскаго; I. Борткевичъ—«Продолженіе записки о гербовыхъ пошлинахъ и налогѣ на наслѣдственныя имущества»; «Психопаты благотворительности и дѣйствительные филантропы». СПБ. 1888 г.; К. О. де-Скроховскій—«Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія». СПБ. 1888 г.; Г. Брандесъ—«Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія». Лекціи, читанныя (Брандесомъ) въ Копенгагенскомъ университетѣ. ч. III. Реакція во Франціи. Изд. В. И. Невѣдомскаго; Рибо—«Философія неній Шопенгауэра». Переводъ подъ редакціей В. В. Чуйко. Изд. В. И. Губинскаго; Ш. Летурно—«Эволюція морали». Лекціи, читанныя (Летурно) въ Парижской антропологической школѣ въ зимній семестръ 1885—1886 г. Переводъ Б. Маркевича. Изд. К. Т. Солдатенкова; I. Борткевичъ—«Государственныя конверсіи 1888—1889 г.»; Феликсъ Веселовскій—«Русско-польскій союзъ съ историко-политической точки зрѣнія». СПБ. 1890 г.; Д. Л. Мордовцевъ—«Наканунѣ воли». Архивные силуэты; I. Борткевичъ—«Нѣсколько словъ по поводу статьи «Финансовые итоги нашихъ конверсій», помѣщенной въ газетѣ «Новое Время» 1 мая 1890 г.»; В. Бильбасовъ—«Исторія Екатерины Второй». т.; II; Лестеръ Уордъ—«Динамическая соціологія или прикладная соціальная наука,

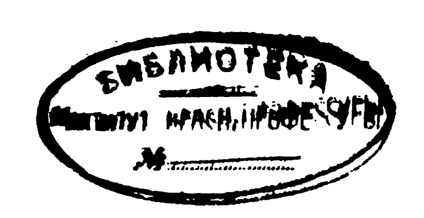
основанная на статистической соціологіи и менѣе сложныхъ наукахъ». 2 тома. Переводъ П. Николаева. т. І-й. Изд. Солдатенкова; «Слово подсудимому!» Съ письмами гр. Л. Н. Толстого, Б. Н. Чичерина, В. С. Соловьева и В. Т. Короленко; «Русскіе люди о евреяхъ». СПБ. 1891 г.; Ярошенко—«Рабочій вопросъ на Югѣ. Его прошедшее, настоящее и будущее»; Елисеевъ—«Сочиненія». т. І-й; Каценелленбогенъ—«Моисеево вѣроученіе для еврейскаго юношества». Часть II: Волховъ—«Максимъ Рокъ». Романъ; Навроцкій—«Волны жизни». Очерки и разсказы; «Армянскіе беллетристы, драматурги и поэты». Сборникъ подъ редакціей Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна. т. II; Паульсенъ—«Введеніе въ философію». Изданіе московскаго психологическаго общества: Блосъ—«Французская революція». Историческій обзоръ событій и общественнаго состоянія Франціи съ 1789 по 1804 г.: Фейгинъ (полевой хирургъ)—«Недостатки врачебной помощи въ нашей дѣйствующей арміи въ компаніи 1877—79 г.»; Юрьевъ—«Въ потемкахъ». Романъ; Омулевскій—«Шагъ за шагомъ. Свѣтловъ, его взгляды, характеръ и дѣятельность». Романъ. Изданіе 2-е О. Н. Поповой; Офнеръ и Зингеръ—«Очерки соціальной юриспруденціи»; Москаль—«Жертвы тотализатора». Повѣсть; Родбертусъ—«Выбранныя мѣста». (Выпускъ IX «Библіотеки Экономистовъ»); Норденъ—«Очеркъ политической экономіи по ученію новѣйшихъ экономистовъ»; «Древняя Русь. Историческій очеркъ древне-русской жизни до Петра Великаго». Изданіе 2-е; Гра—«За отечество». Повѣсть изъ исторіи Франціи; Д. Протопоповъ—«Исторія С.-Петербургскаго комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ»; «Національзація земли». Статьи Спенсера, Милля, Уоллеса, Уинстида и Флюрхейма; «Матеріалы къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія»; Трачевскій—«Учебникъ новой исторіи»; Трачевскій—«Новая исторія». Томъ II; Фохтъ—«XIX вѣкъ. Политическая и культурная исторія цивилизованныхъ странъ въ XIX вѣкѣ»; Крафтъ-Эбингъ—«Половая психопатія»; Гольдбергъ—«Любовныя страсти и нравственные недуги»; О. Н. Попова—«Викторъ Гюго, поэтъ и гражданинъ». Біографическій очеркъ. Къ столѣтію со дня рожденія В. Гюго (1902 г.); Бебель—«Женщина». Изд. М. Д. Орѣхова; Геккель—«Міровыя загадки». Популярные очерки монистической фило-

софіи; В. Я. Богучарскій—«Три западника сороковыхъ годовъ» (Чаадаевъ, Бѣлинскій и Герценъ). Историко-литературные очерки. Изд. О. Н. Поповой; Карлъ Марксъ — «Нищета философіи. Отвѣтъ на «философію нищеты» Прудона»; Щукинъ — «Такъ не говорилъ никто. Разсужденія и фантазіи»; Лазаревъ — «Наблюденія и впечатлѣнія оптимиста» (фельетоны изъ журнала «Восходъ» 1882 — 1902 г.); Луи Бланъ — «Исторія французской революціи». Томъ 1-й. Изд. Зыкова; Дю-Киръ—«Болотныя лиліи».

Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ впослѣдствіи въ разное время увидѣли, однако, свѣтъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

упоминаемыхъ въ книгѣ именъ, фамилій и названій произведеній печати.



Важнѣйшія опечатки.

		Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 59.	Выноска	К. О. и Н. О. Полевымъ	К. А. и Н. А. Полевымъ
„ 65.	2-я выноска	Л. А. Полевымъ	К. А. Полевымъ
„ 85.	Снизу 3-я стр.	амнистрированъ	амнистированъ
„ 138.	Сверху 4 „	Вяжскаго	Ряжскаго
„ 143.	„ 9 „	Іоласомъ	Іоллосомъ
„ 331.	„ 19 „	И. М. Сухомлиновъ	М. И. Сухомлиновъ
„ 349.	„ 16 „	В. Хомяковъ	А. С. Хомяковъ.

Послѣднюю строку на стр. 403 слѣдуетъ читать не на ея теперешнемъ мѣстѣ, а вслѣдъ за строкою 26-ю сверху на стр. 404.



